

ДЕНИ
ДИДРО

СОЧИНЕНИЯ

ACADEMIA

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЕНИ ДИДРО

(1713 — 1784)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в десяти томах

Под общей редакцией

И. К. ЛУППОЛА

А С А Д Е М И А

Москва — Ленинград

Д Е Н И Д И Д Р О

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ IV

Д И А Л О Г И Н О В Е С Т И, С Т И Х И

Перевод Г. И. Ярхо, А. С. Кочеткова
и Н. А. Соболевского

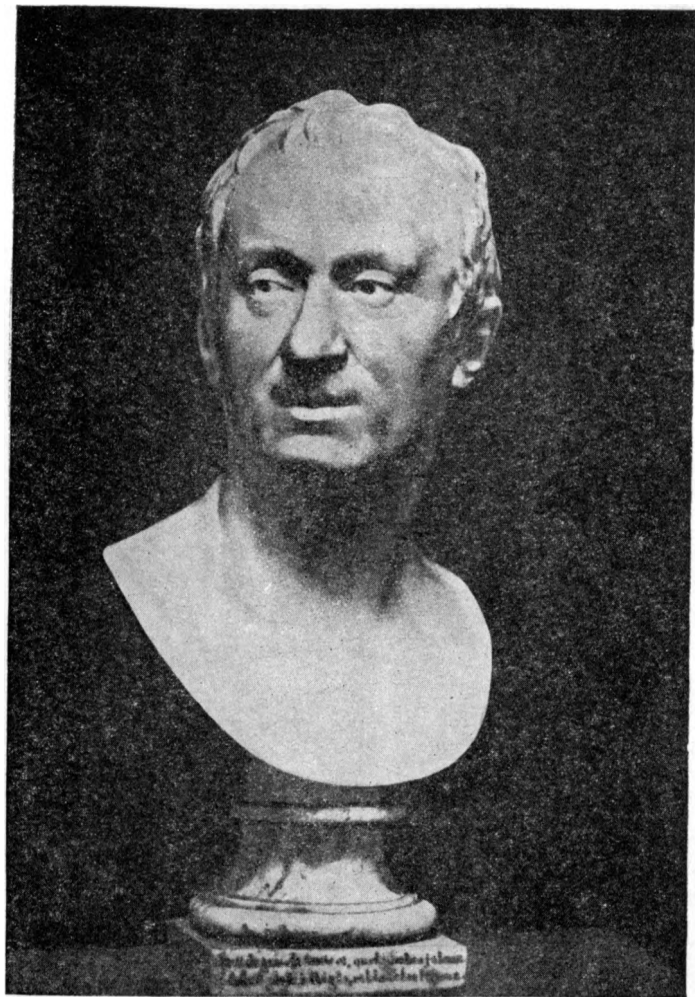
Примечания
Д. И. Гачева, **Н. К. Лунина**

А С А Д Е М І А

1937

DENIS DIDEROT
OEUVRES CHOISIES

Супер-обложка и переплет
Б. В. Шварца

Дени Дидро
Мраморный бюст Гудона 1773 года

МОЙ ОТЕЦ И Я

Диалог

Я потеряла мать в возрасте пятнадцати лет. Отец сам занялся моим воспитанием. Я любила его нежно и прилагала все усилия, чтобы пойти навстречу его заботам. Он был начальником провинции. Жил он в довольстве и слыл за очень богатого человека, так как ни в чем себе не отказывал и раздавал много милостыни. Нянюшки баюкали меня надеждами на большое состояние, а потому проповеди отца о бережливости нередко мне докучали. Однажды, когда он наскучил мне ими более обычного, между нами произошел разговор, которого я никогда не забуду. Давно уже собираюсь я изложить его на бумаге, так как он может быть полезен молодым людям, которые, подобно мне, составили себе ложное представление о богатстве. Вот примерно о чем мы говорили.

Я

Я не выношу презрительного отношения к богатству. Надо обладать дурными наклонностями, чтоб не ценить того добра, которое можно делать благодаря ему.

Отец

Скажи лучше, дитя мое, что надо быть очень надменным, чтоб не бояться связанных с ним опасностей.

Я

Уверяю вас, батюшка, что они меня нисколько не пугают. Какая беда в прихотях, когда есть чем их удовлетворить?

Отец

Желаю вам, дочь моя, никогда не узнать по личному опыту, что одна исполненная прихоть влечет за собой десятки других и что в конечном счете наименьший из недостатков богатства заключается в невозможности удовлетворить действительные пужды из-за того, что слишком предавался излишествам.

Я

Вы всегда, батюшка, указываете мне на одни только дурные стороны богатства; разрешите мне вступить за него.

Отец

Разрешаю.

Я

Не стану говорить о той его стороне, которую вы называете суетной. Я знаю, что если приводишь в пользу богатства только роскошь и великолепие, то оно покажется многим вовсе не таким желанным; между тем именно эта его суетная сторона нередко делает жизнь сладостной и приятной. Но даже не придавая ей значения, можно ли относиться равнодушно к удовольствию отделать свой дом, украсить и улучшить свое поместье, собрать капитал для своих детей — и не быть при этом обязанным ни ограничивать себя, ни лишать себя удобств, ни сдерживать свою природную щедрость? Сошлюсь на вас, батюшка: какое удовольствие испытываете вы сами, когда уступаете этой склонности и одновременно сознаете, что удовлетворили ее, не нанеся мне ущерба! Я видела, да, я часто видела, как вы радуетесь, глядя на свои лари, наполненные плодами урожая; если вы сами, батюшка, неравнодушны к этому преимуществу, то почему бы многим другим и не гордиться им? Не знаю, так ли это, но признаюсь, что самый богатый человек представляется мне и самым счастливым. Например, я не прочь украсить родной город зданием, которое бы про-

славило меня во всех четырех странах света не столько своей роскошью, сколько полезностью.

Отец

Софизм тщеславия, дитя мое.

Я

Ах, батюшка, скромный бедняк, спасенный вами от нищеты, какой-нибудь другой несчастный, которого вы освобождаете от кабалы, гнета и несправедливости... Любимые люди, которым вы не даете даже времени задумать желание... Кто больше вас в состоянии оценить такие преимущества! А это уже не софизмы.

Отец

Все это теоретически, действительно, выглядит очень красиво, но на самом деле обстоит совсем иначе. Указанные вами преимущества призрачны. Никто не предназначает нажитые богатства для раздела между теми, кто выставляет напоказ или скрывает свою бедность. Я иду дальше. Я готов признать эти великодушные намерения в сердцах богачей, но должен противопоставить им порочность характера, порождаемую богатством, например: жестокость в отношении немущих, надменность в отношении слуг, кичливость, руководящую щедростью, и т. п. Не будем упоминать о несправедливостях, вызываемых невниманием и ленью; но разве несправедливости, совершаемые богачами в связи с долгом и приличием, не вызывают, десять раз на день, слезы на глазах у тех, кто придерживается принципов великодушия и гуманности? Необходимость заводить огромный штат прислуги и бесполезные экипажи, двойное по сравнению с потребностями количество платья, в то время как толпа несчастных, быть может даже заимодавцев, нередко бывает рада каким-нибудь незначительным проявлениям сочувствия. Но приличие не позволяет богатому человеку рисковать своей репутацией ради того, чтобы приобре-

сти звание попечителя бедняков, единственное, к которому должно стремиться честолюбие богача.

Я

Но, батюшка, есть же расходы, связанные с рангом. Неужели богач должен всю жизнь смотреть на себя как на попечителя бедняков?

Отец

А почему бы нет? Разве под конец своей жизни вы будете почитать себя очень несчастной оттого, что приобрели и сохранили это звание? Такое честолюбие будет, по меньшей мере, столь же похвальным, как честолюбие, воздвигающее здание, от которого зачастую нет другой пользы, кроме той, что оно выставляет напоказ тщеславного основателя.

Я

Но можно же устроить такие заведения, которые принесут честь учредителю и пользу обществу.

Отец

Иначе говоря, можно воздать справедливость побуждениям основателя; но такого рода учреждения редко переживают два поколения без того, чтобы творящиеся там несправедливости не перевесили намного принесенную ими пользу. Получилось бы гораздо больше толку, если б учредитель употребил свои деньги на то, чтоб исполнить долг по отношению к бедным, которым, вероятнее всего, пренебрегли.

Я

Можно, кажется, исполнять свой долг и в то же время пользоваться честно приобретенным состоянием, не упрекая себя за это.

Отец

Очень немногие состояния добыты настолько достойным способом, что можно тратить их без угрызения со-

вести. Все же есть и такие. Но я не буду повторять общих мест, затасканных моралистами, а спрошу только, дитя мое, можно ли считать себя морально оправданным, когда не делаешь зла или хотя бы делаешь добро, но знаешь, что существует еще нечто лучшее? Если же принять во внимание это рассуждение, которым могут пренебречь разве только ограниченные люди, то посудите сами, скольким упрекам подвергает себя богач за одно только пользование своим богатством.

Я

Если оно делает нас виновными всякий раз, когда мы не применяем его наилучшим образом, то я не знаю ничего более неудобного и более тягостного, чем богатство.

Отец

Вот это, дочь моя, я и не перестаю вам повторять.

Я

Однако, батюшка, вы постоянно твердите мне про великодушные и гуманность, а между тем осмелюсь...

Отец

Говорите.

Я

Почему ежедневно, иногда только для нас одних, накрывают стол, уставленный множеством изысканных и бесполезных блюд? Почему мы занимаем огромный дом, в котором отведены апартаменты на все сезоны, тогда как сотни тысяч наших ближних не имеют крова и лишены хлеба?

Отец

Это и есть, дочь моя, те несправедливости, связанные со званием, о которых я вам говорил. Я стал выше предрассудков, насколько это было в моих силах; но все, что я смог сделать,—это поселить в здешнем доме

беднягу отставного офицера; да и то вы помните, какую окраску хотели придать моему поступку: даже дали знать двору, будто я извлекаю прибыль из помещения, предоставленного мне королем.

Я

Действительно, как поступить? Когда великодушный поступок получает огласку, он теряет свою цену; когда цель его неизвестна, его ложно истолковывают.

Отец

Пусть его ложно истолковывают; не все ли равно?

Я

Когда богач забирает свои богатства в сундук, он — скупец, которого все презирают; когда он их расточает, его называют безрассудным.

Отец

Обе эти крайности заслуживают порицания; но нередко их приписывают без достаточных оснований. Неужели вы думаете, что человек, пренебрегший роскошью и нашедший своим богатствам благородное применение, не приобретет доброй славы среди людей и не докажет им в конечном счете, как ложны и узки их представления о том, что надлежит уважать?

Я

Возможно; но один богач не в состоянии помочь всем неимущим.

Отец

Конечно.

Я

В таком случае мне представляется крайне трудным установить для своего долга такие границы, к которым нельзя было бы придраться. Кому следует давать и сколько следует давать?

Отец

Надо помогать бедному. Под бедным я имею в виду того, кто в силу каких-либо непреодолимых обстоятельств не может удовлетворить свои насущные потребности; ибо я вовсе не хочу поощрять распущенность и тунеядство. Что касается вашего вопроса, то не правда ли, что если бы был известен размер общественной нужды, то определился бы тем самым весь долг национального богатства?

Я

Понимаю вас.

Отец

Если бы была известна вся сумма национального богатства, каждый человек знал бы, какую долю этого долга он обязан погасить. Он сказал бы: все национальное богатство должно столько-то общественной нужде; следовательно, та доля национального богатства, которую я обладаю, должна столько-то общественной нужде, которую мне надлежит удовлетворить. Вы меня поняли?

Я

Отлично поняла, батюшка.

Отец

Вы, значит, согласитесь с тем, что недоданная богачом сумма будет кражей у бедняка. Он станет гунманым, щедрым, великодушным, только если даст сверх этой суммы.

Я

Пусть так, батюшка, но размер общественной нужды неизвестен.

Отец

Добавьте, что всякий, не зная суммы своего долга, вовсе его не платит или платит мало. Бросив грош в шапку нищего, он считает, что расквитался. Вот почему, дитя мое, лучше сделать лишнее, чем слишком мало.

Я

Но разве нам не следует больше считаться со своими наследниками, нежели с незнакомыми?

Отец

Без сомнения; но границы того, что мы должны наследникам, легче определить. Мы обязаны удовлетворить потребности, связанные с их званием. Это все; на большее они не вправе претендовать.

Я

Ваши принципы кажутся мне очень суровыми. Сколько богачей вы осуждаете этим!

Отец

Я сам, быть может, не исполнил своих обязанностей так строго, как это следовало; но я сделал что было в моих силах. Подобно другим лицам моего ранга, я мог бы завести охотничьи экипажи, множество бесполезных слуг и лошадей, но я предпочел кормить и одевать всякую зиму лишнюю дюжину бедняков. С тех пор, как вы выезжаете в свет, вы несколько раз просили меня, чтоб я заново оправил алмазы вашей покойной матери, позволил вам увеличить карманные расходы, дал вам еще одну горничную; я не считал ваши просьбы неуместными. Но по этой-то причине вы, вероятно, попрекали меня в излишней суровости, когда я вам отказывал; однако, дитя мое, должен ли я был уступить вашим прихотям в то время, как бедные люди, живущие на моей земле, стопали бы от тех ограничений, которым мне пришлось бы их подвергнуть?

Я

Ах, батюшка, я была бы недостойна получить необходимое, если б могла негодовать на употребление, сделанное вами из тех сумм, в которых вы мне отказали.

Отец

Бьюсь об заклад, дитя мое, что вы еще не помышляли об уплате своего долга... Вы задумались. Успокойтесь, я позаботился об этом. Помните только, что когда вы наследуете мое имущество, вы унаследуете и мои обязательства.

С того дня я дала себе обет носить с собой маленький кошелек, предназначенный для уплаты долга бедным. Долг, уплаченный моим прихотям, был продолжительное время гораздо значительнее, и я краснею за это. После нашей беседы, навевшей на меня грусть и задумчивость, так как она опрокидывала мои взгляды, мы пошли прогуляться вместе, размышляя каждый о своем. Мой добрый отец задумался; я спросила его о причине этого; он затруднился мне ответить, боясь, что занимавшие его мысли окажутся выше моего понимания. Действительно, в ту пору я не уразумела всего их значения.

— Неужели я умру, — сказал он, — не увидав исполнения одного проекта, который стоил бы королю не более двух слов, предотвращал бы ежегодно тысячи несправедливостей и создал бы много добра?

— Что это за проект?

— Он принадлежит не мне, — ответил отец: — его придумал один мой приятель. Я всегда жалел, что ему не удалось его осуществить. Заключается он в обнародовании всеобщего тарифа налогов и их распределения. Благодаря ему можно было бы установить количество народонаселения, рост его в одном месте и убыль в другом, достатки каждого гражданина, размеры бедности и, следовательно, долг богатства; неравенство в распределении было бы устранено, ибо кто осмелился бы тогда публично оказать кому-либо предпочтение из корысти или по трусости? Налог должен падать только на того, чьи возможности превышают реальные потребности. Тот, у кого состояния меньше, должен быть причислен к классу бедняков и освобожден от уплаты. Не стоит и говорить

о той узде, которую гласность наложила бы на жадность и на несправедливости тех, кого назначают для взимания налогов. По нашим провинциям, по нашим деревням можно судить, до каких пределов доходят злоупотребления...

Эта беседа длилась до вечера, и я пожалела, когда она кончилась.

Мой отец скончался спустя долгое время. Тогда-то объявилась целая толпа бедных пенсионеров, мне неизвестных. Эти обездоленные горемыки, толпой провожавшие его, были несомненно более почетным и более трогательным кортежем, чем шествие многочисленной челяди. Я старалась идти по стопам отца; но не смею хвалиться, что могу равняться с ним в совершенствах. Вести себя соответственно его убеждениям — вот все, что в моей власти.

ОН И Я

Никто кроме него не знал, до чего я глуп; хотя он был мне должен, он снова занимает у меня и на мои же деньги печатает на меня пасквиль. Перед тем как опубликовать его, он читает его мне. Я доказываю ему, что он плох, а он пользуется моими советами, чтоб его исправить. Когда он рассчитал, что извлек из меня всю пользу, какую негодяй может извлечь из дурака, он признает себя передо мной негодяем, дает понять, что я дурак, отвешивает мне поклон и удаляется*.

По прошествии пяти или шести месяцев я встретил его на углу улицы Массон. Он жался поближе к стенкам, и все, что было на нем, не стоило и двадцати су. Вид у него был худой, грязный и истощенный. Нужда и дурные болезни одолели его. Он останавливает меня, и мы вступаем в беседу.

* «Вы, который все знаете, скажите, знакомы ли вы с естественной историей?» — Все с нею так или иначе знакомы. — «Слыхали ли вы про муравьяного льва?» — Да. — «Это — маленькое, очень проворное насекомое. Оно селится там, где есть тонкий песок, и устраивает свою норку в форме опрокинутой воронки. Поверху оно насыпает ее очень легким и зыбким песком. Если какое-нибудь другое насекомое неосмотрительно забредет на эту поверхность, то оно проваливается и попадает на дно ямки, где муравьиный лев хватает его, пожирает и говорит: «Сударь, я ваш покорный слуга».
(Прим. Дидро.)

Я

Неважно выглядите.

Он

Действительно, мои дела плохи.

Я

Ах, чорт подери, это меня радует.

Он

Как! вас это радует?

Я

Разумеется. Вас постигла судьба, которую вы заслуживали, и я убеждаюсь, что рано или поздно справедливость торжествует.

Он

Ни веселость, ни фантазия вам никогда не изменяют. Но шутки в сторону; вы как-то сказали, что если мне нехватит каких-нибудь ста франков в год, чтоб я мог продержаться и попасть в судейские, вы охотно одолжите их мне.

Я

Помню, но я передумал.

Он

Почему же?

Я

Потому что вы разбойник, а в обществе найдется двадцать тысяч порядочных людей, испытывающих нужду.

Он

Вы очень дурного мнения обо мне.

Я

Да, очень дурного. Но вам-то не все ли равно?

Он

Пожалуй, что так.

Я

Вы жалеете только об одном: о деньгах, которых вы не можете больше у меня вытягивать.

Он

Вы сами не знаете, какой вы добряк.

Я

Зато я знаю, как мало к вам подходит такая кличка. На кой чорт вы рассказали мне эту басню о муравье и муравьином льве?

Он

Вы всё еще не забыли.

Я

Чтоб я забыл! Эта басня могла обойтись мне очень дорого: стоило только отложить ее хотя бы до сегодняшнего дня.

Он

Совет недурен, и я им воспользуюсь. Можете ли вы себе представить, что в том бедственном положении, в каком вы меня видите, я написал книгу?

Я

Пасквиль на какого-нибудь благодетеля?

Он

Помилуйте, какая мерзость!

Я

Значит, аполлогию гонителей и пьявок народа?

Он

Что вы! что вы!

Я

А разве вы не напечатали «Зеландцев»¹ в то самое время, когда я спас вас от голодной смерти на улице или на тюремной соломе?

Он

Что это за «Зеландцы»?

Я

Пасквиль на меня и моих друзей.

Он

Кто же его написал?

Я

Вы.

Он

Ни в коем случае!

Я

Вы наглец. Припомните, ведь вы сами читали мне ее в рукописи. Довольно, вернитесь к своей роли! Не за чем говорить мне: «Я не знаю, что такое «Зеландцы», а скажите лучше: «Действительно, я написал этот пасквиль. Но что вы хотите? У меня не было ни гроша, а этот мерзавец Эрисан, гоняющийся за всякими пасквилями на энциклопедистов, предложил мне четыре лундора». Такие доводы могут меня убедить. Если я сделал глупость, пригрев у себя змею, то не удивлюсь, если она меня укусит.

Он

Чертовский холод. Не зайти ли нам в кофейню?

Я

Слуга покорный.

Он

Честное слово, вы редкостный человек! Зайдемте на минуту. Мне доставляет несказанное удовольствие беседовать с вами.

Я

Терпеть не могу бесхарактерных людей. Коль скоро обладаешь пороком, надо уметь извлекать из него пользу.

Он

Зайдемте на минуту, и я вам все объясню.

Я

Слуга покорный.

Он

Какого бы мнения вы ни были о моем характере, я, однако, не пренебрегаю ничем, чтоб усовершенствовать его.

Я

Потерянное время. Но, быть может, если бы вы оказались чуть-чуть посмелее...

Он

То что бы я сделал?

Я

И у вас был бы престарелый отец, который зажил бы на свете...

Он

У меня нет отца.

При этом ответе меня обуял ужас. Я убежал, а он кричал мне вслед: «Философ, послушайте, послушайте! Вы смотрите на вещи слишком трагично». Но я продолжал бежать, и когда уже находился далеко от этого человека, мне все еще казалось, что я слишком близко. Господин Руа сказал мне, что таких людей много. Но, честное слово, я не могу этому поверить.

Разговор отца с детьми.

или

как опасно возомнить себя выше
законов

Мой отец, человек весьма рассудительный, но набожный, славился в своей провинции строгой честностью. Земляки нередко выбирали его в третейские судьи, а приезжие, которых он даже не знал, часто поручали ему исполнение своей последней воли. Бедняки оплакивали его утрату, когда он скончался. Во время его болезни все, от мала до велика, заботливо справлялись о его здоровье. Когда стало известно, что приближается его кончина, весь город погрузился в печаль. Образ его навсегда запечатлелся в моей памяти. Мне кажется, что я вижу его сидящим в кресле со спокойной осанкой и ясным лицом; мне кажется, что я все еще слышу его. Вот описание одного из наших вечеров в качестве образчика того, как мы проводили остальные.

Происходило это зимой. Мы сидели вокруг него перед каминном: аббат, моя сестра и я. Наша беседа касалась неприятностей, связанных с известностью, и отец сказал мне:

— Сын мой, мы оба на шумели в свете, с той лишь разницей, что шумиха, которую вы произвели с помощью вашего орудия, отнимала покой у вас, а шумиха, произведенная с помощью моего, отнимала его у других.

После этой удачной или неудачной шутки старого кузнеца он задумался, глядя на нас с особенным вниманием, и тогда аббат спросил его:

— О чем вы думаете, батюшка?

— Я думаю о том,— отвечал он,— что слава порядочного человека, самая желанная из всех, не лишена опасностей даже для того, кто ее заслужил.

Затем после короткой паузы он добавил:

— Я все еще дрожу, когда вспоминаю... Поверите ли, дети мои, однажды я чуть было не разорил вас; да, чуть было окончательно не разорил.

А б б а т

Как же это было?

О т е ц

Как? А вот как.

Прежде чем начать,— сказал он дочери,— поправь, сестричка, мою подушку, которая спустилась слишком низко. А ты,— обратился он ко мне,— запахни полу моего халата: огонь жжет мне ноги... Все вы знали тиветского священника?

М о я с е с т р а

Того доброго старичка, который, несмотря на свои сто лет, каждое утро делал четыре мили?

А б б а т

Который угас в возрасте ста одного года, узнав о смерти жившего с ним брата, которому было девяносто девять лет?

О т е ц

Он самый.

А б б а т

Итак?

О т е ц

Итак, наследники его, люди бедные, разбросанные по большим дорогам, по деревням, по церковным папертям, где просили подаяния, прислали мне доверенность, уполномочивавшую меня отправиться на место и позаботиться о целостности имущества покойного священника, их родича. Как отказать нуждающимся в услуге, которую я оказал нескольким богатым семействам? Я отправился в Тивет,

вызвал судебные власти, заставил положить печати и стал ждать прибытия наследников. Они не замедлили явиться; их оказалось человек десять-двенадцать. Это были женщины без чулок, без башмаков, почти без одежды, которые прижимали к груди детей, завернутых в дрянные фартуки; это были старцы в рубищах, которые дотрагивались туда, неся на плече палку, а на ней охапку тряпья, завернутого в другое тряпье; словом — зрелище самой отвратительной нищеты. Представьте себе поэтому радость наследников в ожидании тысяч десяти франков, придвинувшихся на долю каждого, так как наследство священника, судя по местным отзывам, составляло по меньшей мере сто тысяч франков. Снимают печати. Я весь день составляю опись имущества. Наступает ночь. Бедняки уходят; я остаюсь один. Мне хотелось поскорее ввести их во владение и отпустить, а самому вернуться к своим делам. Под одним бюро валялся старый сундук без крышки, набитый всякого рода бумагами; там были старые письма, черновики ответов, просроченные ассигновки, потерявшие ценность расписки и другой хлам в том же роде; но в таких случаях читают всё, не пренебрегают ничем. Я уже заканчивал этот скучный просмотр, когда мне попался под руку довольно объемистый документ, и знаете, что он собою представлял? Завещание! завещание, подписанное священником! Завещание настолько давнее, что лиц, назначенных в нем душеприказчиками, не было в живых уже лет двадцать! Завещание, обходившее спавших вокруг меня бедняков и назначавшее полными наследниками Фременов, богатых парижских издателей, которых ты, конечно, должен знать. Предоставляю вам судить о моем удивлении и огорчении, ибо как было поступить с этим документом? Сжечь его? Почему бы и нет? Разве оно не заслуживало всяческого осуждения? Да и место, где я его нашел, а также бумаги, к которым оно было присоединено и приравнено, не говорили ли в сильнейшей степени против него, уже не считая его возмутительной несправедливости? Вот о чем я думал и, рисуя себе в то же время отчаяние обманутых, обойденных

в своих надеждах наследников, медленно подносил завешанное к огню. Затем другие мысли скрещивались с первым, и меня охватывал какой-то страх: я боялся ошибиться в своем решении по поводу столь важного обстоятельства, сомневался в своих познаниях, опасался, что в ущерб справедливости подчинюсь голосу сожаления, кричавшему в моем сердце, колебался и остаток ночи провел в обсуждении этого несправедливого акта, который несколько раз держал над огнем, не зная, сожгу ли его или нет. Последнее решение одержало верх; минутой раньше или позже превозмогло бы противное. В своем недоумении я счел за лучшее прибегнуть к совету какого-нибудь просвещенного лица. С рассветом вскакиваю на лошадь, мчусь во весь опор в город; проезжаю мимо своего дома не заходя и спешиваюсь у семинарии, занятой тогда ораторианцами¹, среди которых был монах, отличавшийся солидностью познаний и святостью нравов: это тот самый брат Буэн, который сохранил в приходе славу величайшего казуиста.

Отец мой дошел до этого места своего рассказа, когда появился доктор Бисе, наш друг и домашний врач. Он осведомился о здоровье отца, пощупал ему пульс, кое-что прибавил к его режиму, кое-что убавил, взял стул и присоединился к нашей беседе.

Отец спросил его о некоторых больных, в том числе об одном старом жулике, управителе господина де-Ламезанжера, бывшего прежде мэром нашего города. Он расстроил дела своего хозяина, выдал подложные долговые расписки от его имени, утерял документы, присвоил деньги, совершил бесчисленное множество жульничеств, большинство которых было доказано, и подлежал позорной, а может быть, и высшей каре. Это дело занимало тогда всю провинцию. Доктор заявил, что человек этот тяжело болен, но что он не отчаивается спасти его.

Отец

Вы окажете ему прескверную услугу.

Я

И совершите дурной поступок.

Доктор Бисе

Дурной поступок! Разрешите узнать, почему?

Я

Потому что в мире так много злодеев, что незачем их удерживать, раз они собираются из него уйти.

Доктор Бисе

Мое дело их лечить, а не судить; я вылечу его, поскольку это — мое ремесло; затем судья прикажет его повесить, поскольку то — его ремесло.

Я

Но у всех достойных граждан, доктор, — у меня, у вас, есть одна общая обязанность, а именно: всеми силами способствовать благу государства, и мне кажется, что вовсе не ему послужит на пользу сохранение злодею жизни, от которой законы незамедлительно его избавят.

Доктор Бисе

А чья обязанность объявить его злодеем? Разве моя?

Я

Нет, но об этом свидетельствуют его поступки.

Доктор Бисе

А чья обязанность знать о его поступках? Разве моя?

Я

Нет; но позвольте мне, доктор, несколько изменить тезис, предположив, что мы имеем дело с больным, преступления которого общезвестны. Вас приглашают; вы прибегаете, отдергиваете полог и узнаете Картуша или Ниве². Разве вы станете лечить Картуша или Ниве?..

После некоторого колебания доктор Бисе твердо ответил, что он его вылечит, что забудет имя больного и займется определением болезни, что только это ему и надлежит исследовать, что, перейдя эти границы, он не знал бы, на чем ему остановиться, что если бы врачебному предписанию должна была предшествовать характеристика поведения и нравов больного, то это было бы равносильно оставлению человеческой жизни на произвол невежества, страстей и предрассудков.

— То, что вы мне говорите о Ниве, янсенист сказал бы о молинисте, католик — о протестанте. Если вы отстраните меня от постели Картуша, фанатик отстранит меня от постели атеиста. Достаточно того, что я дозирую лекарство, а вы хотите, чтоб я еще дозирова! злобу, которая позволит или не позволит его дать...

— Однако, доктор, — возразил я, — что вы скажете, если после вашего прекрасного лечения он начнет с того, что зарежет вашего друга? Положите руку на сердце, расскается ли вы, что вылечили его? Не воскликните ли вы с горечью: «Зачем я ему помог! Почему не дал ему умереть!» Разве этого недостаточно, чтоб отравить остаток вашей жизни?

Доктор Бисе

Безусловно, я пришел бы в отчаяние, но угрызений совести у меня бы не было.

Я

А какие бы могли быть у вас угрызения совести, если бы вы — не скажу: убили, ибо дело идет не об этом, а предоставили бы издохнуть бешеной собаке? Выслушайте меня, доктор. Я решительнее вас и не позволю, чтобы пустые рассуждения взяли надо мной верх. Предположим, что я врач, осматриваю больного и, осматривая его, убеждаюсь, что он негодяй. И вот что я ему говорю: «Несчастный, торопись умереть; это лучшее, что ты можешь сделать как для других, так и для себя. Я отлично знаю, чем утратить боль в боку, которая тебя мучит, но

остерегусь тебе это предписать; я не настолько ненавижу своих соотечественников, чтобы вернуть тебя в их среду и уготовать себе вечное отчаяние из-за новых злодеяний, которые ты совершил. Я не стану твоим соучастником. Того, кто укроет тебя в своем доме, накажут, а я должен считать безвинным того, кто тебя спасет! Этому не бывать. Если я буду о чем-либо жалеть, то лишь о том, что, предоставляя смерти расправиться с тобой, я освобождаю тебя от казни. Я не намерен сохранять жизнь человеку, на которого естественная справедливость, благо общества, спасение ближних обязывают меня донести. Умри; пусть не говорят, что благодаря моему искусству и моим стараниям на свете существует одним чудовищем больше».

Доктор Бисе

Прощайте, палаша. Поменьше кофе после обеда, не так ли?

Отец

Ах, доктор, кофе такой вкусный напиток!

Доктор Бисе

Во всяком случае много, много сахару.

Сестра

А от сахара мы не вспотеем, доктор?

Доктор Бисе

Пустяки! Прощайте, философ!

Я

Еще минутку, доктор! Гален, живший при Марке Аврелии, был безусловно необыкновенный человек, хотя верил в сны, в колдовство и в порчу; он говорит в своих предписаниях о способах спасти новорожденных: «Обращаясь к грекам и римлянам, ко всем, кто идет по их стопам в области наук. Что касается германцев и прочих

варваров, то они достойны этого не больше, чем медведи, вепри, львы и прочие дикие звери».

Доктор Бисе

Я знаю это место. Вы оба неправы: Гален — в том, что изрек свою абсурдную сентенцию, вы — в том, что придаете ей значение. Ни вы, ни ваша похвала или критика Галена не существовали бы на свете, если бы природа не знала других способов, кроме галеновского, сохранить детей германцев.

Я

Во время последней чумы в Марселе...

Доктор Бисе

Поторопитесь, так как мне некогда.

Я

...были разбойники, которые врывались в дома, грабили, убивали, пользуясь всеобщим смятением, чтоб обогатиться при помощи всевозможных преступлений. Один из разбойников заболел чумой; его узнал могильщик, нанятый полицией, чтоб убирать мертвецов. Эти могильщики ходили по городу и выбрасывали трупы на улицу. Могильщик глядит на разбойника и говорит ему: «Ах, негодяй, это ты!» и тут же хватает его за ноги и тащит к окну. Преступник кричит: «Я не умер». Тот отвечает: «Ты точно мертв» и тотчас же швыряет его с третьего этажа. Знаете, доктор, могильщик, так легко отправивший на тот свет этого зачумленного мерзавца, менее виновен в моих глазах, нежели врач, который, подобно вам, исцелил бы его. А теперь прощайте.

Доктор Бисе

Дорогой философ, я согласен восхищаться вашим умом и горячностью сколько вам угодно, но не сочувствую вашей морали и готов поспорить, что и аббат ей не сочувствует.

А б б а т

Вы спорите наверняка...

Я было собрался приняться за аббата, но мой отец улыбнулся и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ты выступаешь против самого себя.

Я

Каким образом?

О т е ц

Ты хочешь смерти этого негодая, управителя господина де-Ламезанжера, не правда ли? Так предоставь действовать доктору. Что ты там шепчешь?

Я

Я говорю, что доктор Бисе никогда не удостоится надписи: «Освободителю родины», которую римляне поместили над дверью врача Адриана VI после смерти последнего.

С е с т р а

И не заставит сказать того, что Гено сказал возничкам на похоронах Мазарини по поводу его врача: «Товарищи, пропустите господина доктора: это он оказал нам любовь и убил кардинала».

Мой отец улыбнулся и спросил:

— На чем я остановился в своем рассказе?

С е с т р а

На встрече с братом Буэном.

О т е ц

Я изложил ему свое дело. Брат Буэн сказал: «Ничего не может быть похвальнее, сударь, того сожаления, которое вы испытываете к несчастным наследникам. Уничтожьте завещание, помогите им; на это я согласен, но при условии, что вы вернете наследнику по завещанию все, чего вы его лишили, ни больше ни меньше»... Но я чув-

ствую холод в спине. Должно быть, доктор оставил дверь открытой. Прихлопните ее, сестричка.

Сестра

Иду; но надеюсь, вы не будете продолжать до моего возвращения.

Отец

Само собой понятно.

Сестра моя, заставив нас прождать некоторое время, вернулась несколько раздосадованная.

— Этот сумасшедший повесил на своих дверях два объявления: первое — «Продается дом за двадцать тысяч франков или сдается за тысячу двести франков в год, без контракта», а второе — «Предлагаю двадцать тысяч на год из шести процентов».

Я

Сумасшедший, сестрица? А может быть, там, где вы видите два объявления, их только одно, и предложение ссуды лишь объясняет предложение о найме. Но оставим это и вернемся к брату Буэну.

Отец

Брат Буэн добавил: «Кто уполномочил вас давать санкцию документам или лишать их этой санкции? Кто уполномочил вас толковать волю покойников?»

— А сундук, брат Буэн?

— Кто уполномочил вас решать, отвергнуто ли это завещание сознательно или затеряно по небрежности? Разве вам не приходилось совершать подобные оплошности и находить в мусорной корзине ценный документ, брошенный вами туда по недосмотру?

— А дата, брат Буэн? А несправедливость этого акта?

— Кто уполномочил вас устанавливать его справедливость или несправедливость и считать это завещание недозволенным даром, тогда как оно, может быть, является возмещением взятого или любым другим законным поступком, какой вам угодно будет вообразить?

— А эти прямые и бедные наследники, брат Буэн? А этот далекий и богатый родственник?

— Кто уполномочил вас разбирать, насколько покойный был обязан своим близким, которых вы вовсе не знаете?

— Но куча писем наследника, которые священник даже не потрудился распечатать?.. — забыл сообщить вам эту подробность, — добавил мой отец: — среди кучи бумаг, между которыми я нашел это роковое завещание, было двадцать, тридцать, не помню — сколько, писем от Фременов, и все нераспечатанные...

— Ни сундук, — возразил брат Буэн, — ни дата, ни письма, ни «брат Буэн», ни «но», ни «если» не имеют значения; никто не вправе нарушать закон, угадывать мысли покойников, располагать чужим имуществом. Если провидению угодно было сохранением этого документа покарать родных, или наследника по завещанию, или наследодателя (кого — мы не знаем), то этот документ надо сохранить.

После такого ясного и определенного решения самого умного человека нашего клира я пребывал в смущении и дрожал, думая о том, что случилось бы со мной, что случилось бы с вами, дети мои, если б я сжег завещание, на что покушался раз десять; мне мерещилось раскаяние, которое бы меня охватило, и беседа, которая была бы после этого у меня с братом Буэном. Я вернул бы деньги, да, вернул бы, без всякого сомнения, и вы были бы разорены.

Сестра

После этого, батюшка, следовало возвратиться в дом священника и объявить этой кучке бедняков, что им ничего тут не принадлежит и что они могут уходить так же, как пришли. Но хватило ли бы у вас на это мужества при вашей сердобольной душе?

Отец

Право, не знаю. В первую минуту я решил отказаться от своих полномочий и передать их юристу, но юрист по-

ступил бы с наследниками по всей строгости, взял бы за плечи и выставил этих бедняков, несчастье которых я мог бы, может быть, облегчить. А потому я в тот же день вернулся в Тивет. Мое внезапное исчезновение и предосторожности, принятые мною при отъезде, вызвали тревогу; мой грустный вид по возвращении еще усилил беспокойство; однако я взял себя в руки и притворился, насколько мог.

Я

То есть довольно плохо.

Отец

Прежде всего я спрятал наиболее ценные предметы. Я призвал в дом нескольких местных жителей, которые, в случае надобности, должны были оказать мне физическую помощь. Затем я открыл погреб и амбары, которые предоставил несчастным беднякам, предложив им пить и есть и поделить между собой вино, зерно и прочие съестные припасы.

Аббат

Однако, батюшка...

Отец

Я знаю, что они принадлежали им не больше, чем все остальное.

Я

Не прерывай нас, аббат.

Отец

Бледный, как мертвец, с дрожащими ногами, я открывал рот и, не находя слов, садился; вставал, начинал фразу и не мог докончить, плакал; а эти люди испуганно окружили меня и восклицали: «Ах, дорогой сударь, что случилось?» — «Что случилось? — повторил я. — Нашлось завещание, завещание, которое отнимает у вас наследство». Эти несколько слов стоили мне таких усилий, что я чуть было не упал в обморок.

Сестра

Я вас отлично понимаю.

Отец

Какая сцена, дети мои, какая последовала затем сцена! Мне кажется, что я все еще слышу крики отчаяния, бешенства, ярости, рев проклятий...

Тут отец закрыл руками глаза, заткнул уши.

— Эти женщины, эти женщины, — продолжал он, — я вижу их: одни катались по земле, рвали на себе волосы, царапали щеки и грудь; другие с пеной у рта ловили своих детей за ноги, собираясь размоzzжить им череп об пол, и исполнили бы это, если бы им не помешали; мужчины хватали, опрокидывали, ломали все, что попадалось под руку; грозили поджечь дом; некоторые с ревом царапали землю ногтями, словно искали труп священника, чтоб его растерзать; и среди всей этой суматохи пронзительно вопили дети, разделявшие, сами не зная почему, горе родителей, цеплялись за их одежды и отлетали, отталкиваемые самым бесчеловечным образом. Не думаю, чтобы мне когда-либо в жизни пришлось пережить больше страданий.

Тем временем я написал парижскому наследнику, уведомил его обо всем и просил поторопиться, ибо это был единственный способ предотвратить какое-нибудь несчастье, с которым я был бы не в силах справиться.

Я несколько успокоил несчастных надеждой на то, что мне, как я и сам думал, удастся уговорить наследника отказаться от своих прав или пойти на какое-нибудь благоприятное для них соглашение. А пока что я расселил их по самым отдаленным дворам селения.

Парижский Фремен приехал; я взглянул на него и увидел его суровое лицо, не предвещавшее ничего хорошего.

Я

Крупные черты, густые брови, зажмуренные маленькие глаза, широкий, несколько скошенный рот, смуглая, изъеденная оспой кожа.

Отец

Да, да. Он потратил не более тридцати часов, чтоб проехать шестьдесят миль. Я начал с того, что показал ему бедняков, за которых хлопотал. Они молча стояли перед ним; женщины плакали; мужчины с обнаженной головой опирались на палки и прятали руки в шапках. Фремен сидел, закрыв глаза, опустив голову и прижав подбородок к груди; он не глядел на них. Я приводил в их пользу всякие аргументы. Не знаю, откуда что берется в таких случаях. Я ясно изложил ему, насколько сомнительна справедливость такого наследования; молил его, ссылаясь на его богатство и на нищету, которая была у него перед глазами; какжется, даже бросился к его ногам, но не смог вытянуть у него ни одного гроша. Он отвечал, что ему нет дела до всех этих соображений, что имеется завещание, что история этого завещания ему безразлична и что он предпочитает считаться больше с моим поступком, нежели с моими речами. Я с негодованием швырнул ему ключи; он подобрал их, захватил всё, а я вернулся домой таким расстроенным, таким печальным, таким изменившимся, что ваша мать, которая тогда еще была жива, подумала, не случилось ли со мной какого-нибудь большого несчастья... Ах, дети мои, что за человек этот Фремен!

После этого рассказа наступило молчание, и каждый из нас по-своему размышлял над странным происшествием. Пришло несколько посетителей: один толстый приор, имя которого я забыл, больше смысливший в винах, нежели в морали, и чаще заглядывавший в «Средство преуспеть»³, чем в «Гренобльские проповеди», затем судейский, он же нотариус и начальник полиции, по имени Дюбуа, а несколько спустя ремесленник, желавший поговорить с моим отцом. Его попросили войти, и с ним вошел бывший инженер нашей провинции, ведший уединенный образ жизни и занимавшийся математикой, которую прежде преподавал; он жил по соседству с ремесленником, который был шапочником.

Шапочник с первого слова дал понять отцу, что аудитория слишком велика для того сообщения, которое он намеревался сделать. Все поднялись, и остались только прпир, судейский, математик и я, которых шапочник удержал.

— Господин Дидро, — сказал шапочник моему отцу, оглядев помещение, чтоб убедиться, не могут ли его подслушать, — меня привели к вам ваша честность и ваши познания, и я рад встретить здесь этих господ, которым, быть может, я незнаком, но которых я всех отлично знаю. Священник, юрист, ученый, философ и добродетельный человек! Было бы чистой случайностью, если б от стольких лиц разного звания, но одинаково справедливых и просвещенных, я не получил бы нужного мне совета.

Затем шапочник добавил:

— Прежде всего обещайте хранить мое дело в тайне, какие бы меры я ни счел нужным предпринять.

Ему обещали, и он продолжал:

— У меня нет детей; у меня не было их от моей последней жены, которую я потерял недели две тому назад. С тех пор я не живу: я не могу ни пить, ни есть, ни работать, ни спать. Встаю, одеваюсь, выхожу и брожу по городу, терзаемый сильной тревогой. Я ухаживал за своей больной женой в течение восемнадцати лет; все услуги, какие были в моих силах и какие требовало ее печальное состояние, я ей оказал. Произведенные на нее издержки съели весь наш маленький доход и все результаты моих трудов, так что я погряз в долгах. После ее смерти я остался истощенным и измученным, потеряв зря плоды годов юности; словом, я оказался бы в таком положении, в каком был, когда только начал устраиваться, если б тогда соблюл закон и отдал родственникам по боковой линии долю, причитающуюся им из приданого, которое жена мне принесла. Приданое было хорошее, ибо отец и мать очень любили свою дочь и сделали для нее все, что могли, и даже больше, чем могли: множество красной и добротной одежды, оставшейся новехонь-

кой, так как бедная женщина не успела ею попользоваться, и двадцать тысяч франков серебром, полученных в уплату по договору с господином Мишленом, заместителем главного прокурора. Не успела покойница закрыть глаза, как я припрятал и вещи и деньги. Теперь, господа, вы знаете мои обстоятельства. Хорошо или дурно я поступил? Совесть беспокоит меня. Мне кажется, что что-то во мне говорит: «Ты украл, ты украл; отдай, отдай!» Что вы об этом думаете? Вспомните, господа, что жена, покинув мир, забрала все мои заработки за двадцать лет, что я почти не в состоянии больше работать, что я весь в долгах и что если я верну приданое, то не сегодня-завтра окажусь в богадельне. Говорите, господа, я жду вашего решения. Следует ли вернуть все и идти в богадельню?

— По званию почет, — сказал мой отец, кивнув в сторону священника. — Говорите, господин приор.

— Не люблю сомнений, дитя мое, — обратился священник к шапочнику: — они туманят голову и не служат ни к чему; но раз ты взял, то, по-моему, оставь себе.

Отец

Но это не последнее ваше слово, господин приор, не правда ли?

Приор

Пожалуй, что последнее. Больше мне нечего сказать.

Отец

Вы недалеко уехали. А ваше мнение, господин нотариус?

Нотариус

Друг мой, положеніе твое тяжелое. Другой посоветовал бы тебе передать капитал наследникам жены, дабы в случае твоей смерти он не достался твоим родственникам, а за собой оставить пожизненное пользование доходами. Но существуют законы, и эти законы не предоставляют тебе ни пользования доходами, ни права на ка-

питал. Поверь мне, подчинись законам и останься честным человеком; пусть богадельня, раз это неизбежно.

Я

Существуют законы! Какие законы?

Отец

А вы, господин математик, как вы разрешите эту задачу?

Математик

Друг мой, не сказал ли ты, что взял около двадцати тысяч?

Шапочник

Да, сударь.

Математик

А сколько, приблизительно, стоила тебе болезнь жены?

Шапочник

Примерно столько же.

Математик

Итак, если из двадцати тысяч франков заплатить двадцать тысяч, то останется нуль.

Отец (*обращаясь ко мне*)

Что скажет философия?

Я

Философия молчит там, где законы лишены здравого смысла.

Отец, чувствуя, что не следует принуждать меня, тотчас же сам обратился к шапочнику.

— Мастер имярек, — сказал он, — вы признались нам, что с тех пор, как присвоили наследство жены, вы потеряли покой. Какая же вам польза от этих денег, отнявших у вас величайшее из благ? Отделайтесь от них поскорее и пейте, ешьте, спите, работайте, будьте счаст-

ливы в своем доме, если можете там оставаться, или в другом месте, если не можете...

На это шапочник резко ответил:

— Нет, сударь, я уеду в Женеву.

— И ты думаешь, что оставишь здесь совесть?

— Не знаю, но я уеду в Женеву.

— Поезжай, куда хочешь, от своей совести не уедешь.

Шапочник удалился; его странный ответ стал предметом нашего разговора. Пришли к соглашению, что, быть может, расстояние и время обладают способностью ослаблять всякие чувства, всякое раскаяние, даже вызванное преступлением. Убийца, перенесясь на побережье Китая, находится слишком далеко, чтобы видеть окровавленный труп, оставленный им на берегу Сены. Угрызения совести, может статься, возникают не столько от отвращения к себе, сколько от страха перед людьми, не столько от стыда за поступок, сколько в связи с позором и наказанием, которые воспоследуют, если преступление раскроется. А какой скрывающийся преступник настолько спокоен в своем убежище, что не боится попасться благодаря случайному обстоятельству или нескромности необдуманного слова? Какая у него уверенность, что он не проговорится в бреду лихорадки или во сне? Его поймут в том месте, где совершено преступление, и он погиб. Те же, кто будет окружать его в Китае, не поймут его. Дети мои, дни злодея полны тревог. Только порядочный человек знает покой. Он один живет и умирает безмятежно.

Когда эта тема была исчерпана, гости разошлись; брат и сестра вернулись; прерванный разговор возобновился, и отец сказал:

— Слава богу, вот мы опять все вместе. Я чувствую себя хорошо с чужими, но с вами лучше.

Затем, обратившись ко мне, он спросил:

— Почему ты не сказал своего мнения шапочнику?

— Вы мне помешали.

— Разве я поступил дурно?

— Ист, потому что дураку умный совет не впрок. Как, разве этот человек не ближайший родственник своей жене? Разве то, что он удержал, не было ему дано в приданое? Разве оно не принадлежало ему на законнейшем основании? В чем заключается право наследников по боковой линии?

Отец

Ты думаешь только о законе, но не о его духе.

Я

Так же, как и вы, батюшка, я вижу, какие опасности угрожали бы женам, презираемым, ненавидимым без всякой причины своими мужьями, если б эти мужья после смерти жен наследовали их имущество. Но какое мне до этого дело, мне, порядочному человеку, всегда хорошо исполнявшему свои обязанности по отношению к жене? Разве я недостаточно несчастлив тем, что ее потерял? Неужели нужно еще отнимать у меня ее пожитки?

Отец

Но если ты признаешь разумность существующего закона, то, мне кажется, тебе следует ему подчиниться.

Сестра

Не будь закона, не было бы понятия кражи.

Я

Ошибаетесь, сестрица.

Брат

Не будь закона, все принадлежало бы всем, и не было бы собственности.

Я

Ошибаетесь, братец.

Брат

На чем же основана собственность?

Я

Первоначально на овладении чем-либо с помощью труда. Природа испокон веков создавала хорошие законы; это — справедливая сила, обеспечивающая их исполнение, и сила эта может побороть злодея, но не может побороть порядочного человека. Я этот порядочный человек; и в данном случае и во многих других, о которых вам поведаю, я призываю ее на суд своего сердца, своего разума, своей совести, на суд естественной справедливости; я вопрошаю ее и подчиняюсь ей или признаю недействительной.

Отец

Проповедуй эти принципы во всеуслышание; обещаю тебе, что они будут иметь успех, и ты увидишь, какие прекрасные плоды это даст.

Я

Я не стану их проповедывать; есть истины, не созданные для глупцов; я буду хранить их для себя.

Отец

Для себя? Но ведь ты мудрец?

Я

Безусловно.

Отец

В таком случае ты, вероятно, не одобряешь моего поведения в деле с тиветским священником. А ты что думаешь, аббат?

Аббат

Я думаю, батюшка, что вы поступили благоразумно, обратясь к брату Буэну за советом и послушавшись его; если бы вы поддались вашему первому побуждению, мы, действительно, были бы разорены.

Отец

А ты, великий философ, не разделяешь этого мнения?

Я

Нет.

Отец

Ответ короткий. Изложи же нам свою точку зрения.

Я

Вы мне приказываете?

Отец

Да.

Я

Без стеснений?

Отец

Да.

— Конечно, — отвечал я с жаром, — я не разделяю этого мнения. Я думаю, что если вы когда-либо совершили в жизни дурной поступок, то именно этот, и что если вы почитали своей обязанностью удовлетворить наследника в случае уничтожения вами завещания, то вы тем более обязаны были сделать это по отношению к остальным претендентам, поскольку вы его не уничтожили.

Отец

Признаюсь, что этот поступок всегда тяготил мое сердце; но брат Буэн...

Я

Ваш брат Буэн со своей репутацией ученого и святого человека был лишь скверным резонером, ханжой с кривыми мозгами.

Сестра (*шопотом*)

Ты задумал нас разорить?

Отец

Постой, постой! Оставь в покое брата Буэна и изложи нам свои доводы, никого не оскорбляя.

Я

Мои доводы? Они просты. Так вот: либо наследодатель хотел уничтожить акт, составленный в порыве сердечного ожесточения, как об этом свидетельствуют все данные, и вы помешали его раскаянию, либо он желал, чтоб этот ужасный акт получил осуществление, и тогда вы являетесь соучастником его несправедливости.

Отец

Его несправедливости? Не поторопился ли ты?

Я

Да, да, его несправедливости; ибо все, что сказал вам брат Буэн, только пустые извороты, жалкие предположения, разные «быть может» без всякой ценности, без всякого значения при сопоставлении их с обстоятельствами, лишившими законности тот несправедливый акт, который вы извлекли из пыли, предъявили и реабилитировали. Сундук с бумажонками, среди этих бумажонок старая бумажонка, обеспеченная датой, несправедливостью, своим нахождением среди других бумажонок, смертью душеприказчиков, презрением к письмам Фремена, его богатством и бедностью настоящих наследников. Что же этому противопоставляют? Гадательное восстановление права. Вы предполагаете, что этот бедняк-священник, не имевший ни одного су при получении прихода и потративший восемьдесят лет жизни на то, чтоб сколотить грош за грошом около ста тысяч франков, некогда украл сто тысяч франков у Фременов, у которых не жил и которых, быть может, даже не знал. Но пусть даже эта мнимая кража окажется реальной, велика ли беда, если... Я бы сжег этот недостойный документ. Надо было сжечь его, говорю вам; надо было послушаться своего сердца, не перестававшего с тех пор скорбеть и более мудрого, чем ваш дурак Буэн, заключение которого только доказывает, как опасен авторитет религиозных мнений для самых толковых голов и как гибельны несправедливые законы и ложные принципы для

здорового смысла и естественной справедливости. Окажись вы у священника, когда он писал это недостойное завещание, разве вы не разорвали бы его в клочки? Судьба дает вам его в руки, а вы его сохраняете!

Отец

А если бы священник назначил тебя своим наследником?

Я

Тогда б это гнусное завещание было отменено еще скорее.

Отец

Нисколько в этом не сомневаюсь; но разве нет никакой разницы между лицом, одаряемым другими, и лицом, одаряемым тобой?

Я

Никакой. Оба они справедливы или несправедливы, честны или бесчестны...

Отец

Когда закон предписывает составлять после смерти граждан инвентарь и читать все их бумаги без исключения, то у него безусловно есть свое основание; какое же?

Я

Если б я хотел съязвить, я ответил бы вам, что закон стремится ограбить наследников, умножая число судебных заседаний и тем самым вознаграждение за них; но ведь вы не судебный чиновник, вы были свободны от всех юридических формальностей, и вам надлежало исполнять только функции благотворительности и естественной справедливости.

Сестра молчала и только пожимала мне руку в знак сочувствия. Аббат морщился, а отец сказал:

— Еще один маленький выпад против брата Буэна. Ты все же считаешь, что моя религия отпускает мне этот грех?

Я

Да, считаю; но тем хуже для нее.

Отец

А как по-твоему, признал ли бы закон действительным этот акт, который ты сжигаешь собственной властью?

Я

Возможно; но тем хуже для закона.

Отец

Ты полагаешь, что он пренебрег бы всеми теми обстоятельствами, которые ты выдвигаешь с таким рвением?

Я

Право, не знаю; но я пожелал бы очистить свою совесть. Я пожертвовал бы какими-нибудь пятьюдесятью лундорами — это было бы вполне уместной благотворительностью — и оспорил бы завещание от имени бедных наследников.

Отец

О, что касается этого, то хотя пятьдесят лундоров и довольно значительная сумма в начале карьеры, однако же, если бы ты был при мне и дал такой совет, то, по всем данным, я бы ему последовал.

А б б а т

А я предпочел бы отдать эти деньги бедным наследникам, чем судейским.

Я

Вы полагаете, братец, что эта тяжба была бы проиграна?

Б р а т

Не сомневаюсь. Судьи строго придерживаются закона, так же как мой отец и брат Буэн, и хорошо поступают. В таких случаях они закрывают глаза на обстоятельства,

так же как мой отец и брат Буэн, из опасения могущих возникнуть осложнений, и хорошо поступают. Иногда в противность настояниям своей совести они пренебрегают, так же как мой отец и брат Буэн, интересами несчастного и невинного, которого не могли бы спасти, не отпустив удила множеству мошенников, и хорошо поступают. Они избегают, так же как мой отец и брат Буэн, выносить решение справедливое в определенном случае, но опасное во многих других благодаря бесчисленным непорядкам, которым оно открывает простор, и хорошо поступают. Что же касается завещания, о котором идет речь...

Отец

Твои доводы в частном порядке были бы, быть может, хороши, но в общественном они плохи. Какой-нибудь не слишком совестливый адвокат сказал бы с глазу на глаз: «Сожгите завещание»; но он не посмел бы написать это в форме официальной консультации.

Я

Понимаю; это было такого рода дело, которое не следовало доводить до суда. Ну что ж, черт возьми, оно и не было бы доведено, если б я был на вашем месте.

Отец

Ты предпочел бы личные соображения общественным, решение «по человечеству» решению «по закону».

Я

Безусловно. А разве человека не следует предпочитать судейскому? Разве соображения, касающиеся интересов человеческого рода, не священнее соображений законодателя? Мы называем себя цивилизованными, а мы хуже дикарей. Повидимому, нам суждено переходить в течение веков от нелепости к нелепости, от ошибки к ошибке, чтобы дойти туда, куда нас прямо привела бы первая искра рассудка, инстинкт сам по себе. И действительно, мы так запутались...

Отец

Подушка, на которой покоится разум,—хорошая подушка; но я нахожу, что моей голове спокойнее на той, на которой покоятся религия и законы, и не думай возражать против этого: мне не нужна бессонница. Но ты как будто сердишься. Скажи: если б я сжег завещание, ты помешал бы мне вернуть деньги?

Я

Нет, батюшка; ваш покой мне дороже всех земных благ.

Отец

Твой ответ мне нравится, и не без причины.

Я

И вы сейчас же скажете нам об этой причине?

Отец

Охотно. Твой дядя, каноник Виньерон, был резким человеком и не уживался со своими собратями, для которых служил постоянным укором как вследствие своего поведения, так и вследствие своих речей. Тебя прочили ему в преемники, но при приближении его смерти семья решила лучше запросить римскую курию, нежели передать капитулу отречение от прав, которого, вероятно, не утвердили бы. Гонец отправляется. Твой дядя умирает за час или два до предполагавшегося возвращения гонца, и вот каноникат и тысяча восемьсот франков потеряны. Твоя мать, твои тетки, наши родственники, наши друзья, все хотели скрыть смерть каноника. Я отклонил этот совет и приказал тотчас же звонить в колокол.

Я

И хорошо сделали.

Отец

А если б я послушался женщин и потом в этом раскался, ты не колебался бы пожертвовать ради меня своей шапкой каноника?

Я

Разумеется. Я предпочел бы быть хорошим философом или ничем, нежели быть дурным каноником.

Тут вошел толстый приор и, услышав мои последние слова, сказал:

— Дурной каноник! Хотел бы я знать, как можно быть хорошим или дурным приором, хорошим или дурным каноником,—ведь это так маловажно.

Отец пожал плечами и удалился для исполнения благочестивых обрядов, которые ему надлежало выполнить. Приор сказал:

— Я, кажется, возмущил вашего папашу!

Б р а т

Возможно.

Затем, вынув из кармана книгу, он добавил:

— Я хотел бы прочесть вам несколько страниц из описания Сицилии отца Лаба⁴.

Я

Я знаю его. Это история calzolaio* из Мессины.

Б р а т

Совершенно верно.

П р и о р

Что ж он такое совершил, этот calzolaio?

Б р а т

Историк передает, что он был от природы добродетелен и любил порядок и справедливость, но что ему пришлось много вытерпеть в стране, где законы не только не имели силы, но и не применялись. Каждый день был отмечен каким-нибудь преступлением. Явные злодеи ходили с поднятой головой и пренебрегали общественным презрением. Родители оплакивали своих соблазненных дочерей, которых жестокость похитителей ввергала после

* Сапожник.

бесчестья в пиццету. Монополия лишала трудолюбивого человека возможности содержать себя и своих детей; лихонимство всякого рода заставляло угнетенных граждан проливать горькие слезы. Преступники избегали наказания либо благодаря связям, либо с помощью денег или крючкотворских уловок. Calzolaio видел все это; сердце его сокрушалось, и он беспрестанно размышлял на своей скамье о способах прекратить эти безобразия.

Приор

Что мог предпринять такой бедняга, как он?

Брат

Сейчас услышите. В один прекрасный день он устроил суд в своей лавке.

Приор

Как же это?

Я

Приор хочет, чтоб ему отхватывали рассказ с такой же быстротой, с какой он отхватывает заутреню.

Приор

Почему бы нет? Ораторское искусство требует, чтобы рассказ был сжатым, а Евангелие — чтобы молитва была краткой.

Брат

Услыхав о каком-нибудь ужасном преступлении, он наводил справки и производил у себя строгое тайное расследование. Выполнив свою двойную функцию докладчика и судьи, закончив уголовный процесс и вынеся приговор, он уходил из дому с пиццалью под епанчой, и днем, если злодеи попадались ему в глухом месте, или ночью, если они патыкались на него во время своих прогулок, он всаживал им в тело, никого не обижая, по пять-шесть пуль.

Приор

Боюсь, как бы этого славного малого не колесовали заживо. Мне было бы его жаль.

Брат

После выполнения приговора он оставлял труп на месте, не приближаясь к нему, и возвращался домой с таким удовлетворением, словно убил бешеную собаку.

Приор

И много он убил таких собак?

Брат

Их насчитывали свыше пятидесяти, и всё высокого звания, когда вице-король обещал две тысячи экю награды тому, кто донесет, и поклялся на алтаре простить виновного, если он выдаст себя сам.

Приор

Какой-нибудь безумец!

Брат

Вице-король сделал это из опасения, что подозрение и наказание могут пасть на невинного...

Приор

И он явился к вице-королю?

Брат

Он держал перед ним следующую речь: «Я выполнил вашу обязанность. Я приговорил и убил негодяев, которых вы должны были бы наказать. Вот протоколы, подтверждающие их преступления. Вы увидите из них процедуру следствия, которое я вел. У меня было искушение начать с вас, но я уважал в вашем лице августейшего владыку, представителем которого вы являетесь. Моя жизнь в ваших руках, и вы можете располагать ею».

Приор

Что и было исполнено?

Брат

Мне это неизвестно; знаю только, что, несмотря на свое достойное рвение к правосудию, этот человек был только убийцей.

Приор

Убийцей! Это слишком сильно. Как же вы называли бы его, если б он убивал порядочных людей?

Я

Окончательно запутались!

Сестра

Я очень хотела бы, чтобы...

Брат (*обращаясь ко мне*)

Вы у нас арбитр: это дело передается на ваше решение; что же вы постановите?

Я

Аббат, вы расставляете мне ловушку, и я согласен в нее попасть. Я приговорил бы вице-короля занять место сапожника, а сапожника — место вице-короля.

Сестра

Отлично, братец.

Мой отец вернулся с тем просветленным лицом, которое обычно бывало у него после молитвы. Ему повторили рассказ, и он стал на сторону аббата. Тогда сестра добавила:

— В таком случае Мессина лишилась бы если не единственного справедливого, то во всяком случае единственного доблестного гражданина, который у нее был. Меня это огорчает.

Подали ужин, после чего еще некоторое время оспа-

ривали мое мнение, много смеялись над приором по поводу его решения в деле шапочника и над тем, как мало он уважает приоров и каноников. Ему дали на решение задачу о завещании; вместо ответа он рассказал факт, касавшийся лично его.

Приор

Помните ли вы крупное банкротство менялы Бурмона?

Отец

Помню ли я! Я тоже имел к нему некоторое отношение.

Приор

Тем лучше.

Отец

Почему — тем лучше?

Приор

А потому, что если я дурно поступил, то это несколько облегчит мою совесть. Меня назначили представителем заимодавцев. В активе Бурмона оказался вексель в сто экую его соседа, бедного торговца семенами. При пропорциональном разделе между заимодавцами на каждого из них пришлось бы по двенадцати су, а истребовать эту сумму с торговца значило бы пустить его по миру. Я предположил...

Отец

...что ни один из этих заимодавцев не отказал бы в двенадцати су этому несчастному. Вы разорвали вексель и облагодетельствовали торговца за счет моего кармана.

Приор

Да, это так; вы сердитесь на меня?

Отец

Нет.

Приор

Соблаговолите поверить, что прочие заимодавцы сердились бы не больше вашего, и мы покончим с этим делом.

Отец

Однако, господин приор, если вы по собственному усмотрению рвете один вексель, то почему бы вам не разорвать двух, трех, четырех векселей, словом — столько, сколько найдется бедняков, которых можно выручить за счет другого. Такой принцип благодетелей может завести нас очень далеко, а справедливость, господин приор, справедливость...

Приор

Не раз говорили, что справедливость есть великая несправедливость.

К нам спустилась молодая женщина, жившая в бельэтаже; она была олицетворением веселости и шаловливости. Отец спросил, нет ли вестей от ее мужа; муж этот был распутник, подавший пример дурных нравов своей жене, которому, как мне кажется, она до некоторой степени последовала; чтоб избежать преследования заимодавцев, он уехал на Мартинику. Госпожа Дизиньи — так звали нашу жилицу — отвечала отцу:

— От господина Дизиньи? Слава богу, я о нем больше не слыхала; возможно, что он утонул.

Приор

Утонул! Поздравляю вас.

Госпожа Дизиньи

А что вам до этого, господин аббат?

Приор

Ровно ничего. А вам?

Госпожа Дизи́ньи

А мне-то что?

Приор

Говорят...

Госпожа Дизи́ньи

Что говорят?

Приор

Раз вы хотите знать, то говорят, будто он перехватил несколько ваших писем.

Госпожа Дизи́ньи

А разве у меня нет целой коллекции его писем?

И вот начинается прекомичный спор между приором и госпожой Дизи́ньи о привилегиях обоих полов. Госпожа Дизи́ньи призвала меня на помощь, и я собирался было доказать приору, что первый из супругов, нарушивший договор, возвращает свободу другому, но отец попросил свой ночной колпак, прервал беседу и отослал нас спать. Когда пришла моя очередь пожелать ему доброй ночи, я, целуя его, шепнул ему на ухо:

— Строго говоря, батюшка, для мудреца нет закона.

— Говорите тише...

— Поскольку для каждого закона найдется исключение, то мудрецу надлежит судить о случаях, когда надо подчиняться закону и когда можно его не исполнять.

— Я ничего не имел бы против, — ответил отец, — если бы в городе был один или два таких гражданина, как ты, но я не стал бы там жить, если бы все думали так же.

СОЖАЛЕНИЯ О МОЕМ СТАРОМ ХАЛАТЕ,

или

совет тем, у кого больше вкуса,
чем денег

Почему я не сохранил его? Он приспособился ко мне; я приспособился к нему. Он облегал все изгибы моего тела, не стесняя его; я был живописен и красив. Новый халат, тугой, накрахмаленный, превращает меня в манекен. Не было такого одолжения, до которого не снисходила бы его любезность, ибо бедность почти всегда предупредительна. Запылилась ли книга, — его пола спешила вытереть ее. Отказывались ли густые чернила стекать с моего пера, — он подставлял свой бок. Длинные черные полосы на нем свидетельствовали о многочисленных услугах, оказанных мне. Эти длинные полосы изобличали литератора, писателя, трудящегося человека. А теперь я похожу на богатого тунеядца; не поймешь — кто я такой!

Под его прикрытием я не опасался ни пеловкости слуги, ни своей собственной, ни искры огня, ни потока воды. Я был полным хозяином своего старого халата, и стал рабом нового.

Дракон, стороживший золотое руно, был начеку меньше моего. Я весь в тревоге.

Пылкий старец, отдавшийся со скованными ногами и руками во власть прихотей и произвола юной вертопрашки, не перестает твердить с утра до вечера: «Где моя добрая старая экономка? Какой бес попутал меня в тот день, когда я прогнал ее ради этой!» Затем он плачет, вздыхает. Я не плачу, не вздыхаю, но то и дело го-

ворю: «Будь проклят тот, кто изобрел искусство придавать ценность обыкновенной ткани, крася ее в пурпур! Будь проклято платье, перед которым я благоговею! Где мой старый, скромный, удобный коломянковый лоскут?»

Друзья мои, не покидайте своих старых друзей. Друзья мои, бойтесь соприкосновения с богатством. Пусть мой пример будет для вас наукой. У бедности есть свои вольности, у богатства — свои стеснения.

О Диоген! как бы ты смеялся, если б увидел своего ученика под пышным плащом Аристиппа! О Аристипп, пышный этот плащ был оплачен многими низостями. Какое сравнение между твоей изнеженной, раболепной, сластолюбивой жизнью и свободой, стойкой жизнью оборванного киника! Я покинул бочку, где царствовал, ради того, чтобы служить тирану.

Это еще не все, друг мой. Узнайте о пагубном действии роскоши, о ее последствиях для того, кто к ней прирастился.

Мой старый халат вполне гармонировал с окружавшим меня хламом. Соломенный стул, деревянный стол, бергамский настенный ковер, еловая полка для книг, несколько закоптелых эстампов без рамок, прибитых по углам к настенному ковру, три-четыре барельефа, висевших между этими эстампами, составляли вместе с моим старым халатом отлично скомпонованную картину бедности.

Вся гармония нарушена. Никакой цельности, никакого единства, никакой красоты.

Новая худосочная экономка в доме приходского кюре, женщина, вошедшая в жилище вдовца, министр, сменивший разжалованного министра, прелат-молинист, захвативший епархию прелата-янсениста, не причинят большего смятения, чем вызвал в моем обиталище пурпуровый пришлец.

Вид крестьянки не вызывает во мне отвращения. Лоскут грубого холста, накинутый на голову, волосы, падающие на щеки, дырявые лохмотья, наполовину прикрывающие тело, коротенькая дрянная юбка, доходящая

только до колен, голые грязные ноги не могут оскорбить мои чувства: это признаки звания, которое я уважаю, это собрание злосчастных последствий полезного и печального ремесла, вызывающего мое сочувствие. Но я испытываю тошноту и, несмотря на благовонный запах, удаляюсь и отвожу взгляд от куртизанки, английские кружева которой, украшающие ее прическу, разодранные рукавчики, потрепанные белые чулки и башмаки являют мне пугу сегодняшнего дня в сочетании с роскошью вчерашнего.

Таким было бы мое жилище, если бы деспотический пурпур не установил во всем единства.

Я видел, как бергамский ковер уступил стену, на которой так давно висел, дамасским шпалерам.

У меня было два не лишенных достоинства эстампа: «Падение манны в пустыне» Пуссена и «Эсфирь перед Агасфером» того же художника. Печальную Эсфирь с позором изгнал Рубенсовский старец, а падение манны сменила «Буря» Верне¹.

Соломенный стул был сослан в переднюю сафьяновым креслом.

Гомер, Вергилий, Гораций, Цицерон освободили слабую еловую полку, согнувшуюся под их тяжестью, и заперлись в шкапу с инкрустацией, пристанище, более достойном их, нежели меня.

Большое зеркало завладело навесом моего камина.

Оба прелестных барельефа, которые по дружбе преподнес мне Фальконе и которые он сам реставрировал, согнаны с места сидячей Венерой. Современная глина раздавлена античной бронзой.

Деревянный стол еще отстаивал свою позицию под защитой кучи разбросанных на нем в беспорядке брошюр и бумаг, которые, казалось, должны были долго укрывать его от угрожавшей ему невзгоды. Но в пекий день и он изведal ту же участь, и, несмотря на мою лень, брошюры и бумаги аккуратно легли в ящики дорогого бюро.

О гибельный инстинкт благопристойности! Деликат-

ный и разорительный такт, хороший вкус, который меняет, перемещает, создает, разрушает, опустошает родительские сундуки, дочерей лишает приданого, сыновей — образования, рождает столько прекрасных вещей и великих бед! Это ты заменил у меня деревянный стол роковым драгоценным бюро, это ты губишь народы, ты, который, быть может, когда-нибудь свезешь мои пожитки к Сен-Мишельскому мосту², где хриплый голос аукциониста будет кричать: «Двадцать лундоров за спящую Венеру!»

В промежутке между верхушкой этого бюро и «Бурей» Верне зияла пустота, неприятная для глаза. Эту пустоту заполнили часы, часы а-ла-Жоффрен, часы, где золото контрастирует с бронзой.

Подле моего окна был свободный угол. Угол этот потребовал секретера, и он получил его.

Другая неприятная пустота — между верхушкой секретера и прекрасной головой Рубенса; ее заполнили два Лагрене.

Здесь — «Магдалина» того же художника, там — эскиз Виена или Машп, ибо я пристрастился к эскизам. Вот каким образом поучительный уголок философа превратился в скандальный кабинет республиканца. Кроме того, я тем самым издеваюсь над народной нуждой.

От первоначальной моей убогости остался только ковер с кромкой. Я чувствую, что этот жалкий ковер не вяжется с моей роскошью. Но я поклялся и клянусь, что нога философа Дени никогда не будет топтать шедевра Савонри³ и что я сохраняю этот ковер, как крестьянин, переселенный из лачуги во дворец государя, сохранил свои деревянные башмаки. Когда я по утрам, облаченный в свой роскошный пурпур, вхожу в кабинет и опускаю глаза, я вижу свой старый ковер с кромкой; он напоминает мне о первобытном моем состоянии, и спесь останавливается у входа в сердце. Нет, нет, друг мой, я не развратился. Моя дверь всегда открыта для того, кто прибегает ко мне в своей нужде; он находит меня таким же предупредительным. Я выслушиваю его, даю

совет, помогаю, сочувствую. Душа моя не зачерствела. Голова не задрана вверх. Спина добрая и круглая, какой была. Тот же откровенный тон; та же чувствительность. Роскошь моя — недавнего происхождения, и яд не успел еще подействовать. Но почему знать, что может случиться со временем? Чего ждать от человека, который забыл жену и дочь, влез в долги, перестал быть супругом и отцом и который вместо того, чтоб складывать на дне верного сундука полезные сбережения...

Ах, святой пророк, воздвигь руки к небу, молись за друга, находящегося в опасности, и скажи богу: «Коль ты узришь из вечных своих скрижалей, что богатство соблазнит сердце Дени, не пощади шедевров, которые он боготворит, уничтожь их и ввергни его в прежнюю бедность»; а я со своей стороны скажу небу: «Боже, я подчиняюсь молитве святого пророка и твоей воле! Отдаю тебе все; да, все, за исключением Верно. Оставь мне Верно! Не художник, а ты создал эту картину. Уважь произведение дружбы и твое собственное. Взгляни на этот маяк, взгляни на смежную башню, возвышающуюся направо, взгляни на старое дерево, потрепанное ветрами. Как хороша эта мрачная масса! Взгляни поверх нее на скалы, покрытые зеленью. Таким создала их твоя могучая рука; таким сложила их твоя благодетельная рука. Взгляни на эти неровные уступы, исходящие от подножья скалы к морю. Это образ того уничтожения, которому время, с твоего позволения, подвергает самые прочные в мире предметы. Разве твое солнце дало бы ему другое освещение? Боже, если ты уничтожишь это произведение искусства, то скажут, что ты завистливый бог. Сжался над несчастными людьми, рассеянными на этом берегу. Неужели недостаточно того, что ты показал им глубины пропастей? Неужели ты спас их только для того, чтобы погубить? Внемли молитве благодарящего тебя! Споспешествуй усиллям того, кто собирает печальные остатки своего имущества. Будь глух к проклятиям того пенетового: увы, он льстил себя на-

деждой на счастливое возвращение, мечтал о покое и пристанище; это было его последнее странствование. Сотни раз высчитывал он в пути по пальцам состояние своей казны; он наметил себе ее применение, и вот все его надежды обмануты; у него едва остается, чем прикрыть голые колени. Умилась над нежностью этих двух супругов. Взгляни на ужас, который ты внушил этой женщине. Она благодарит тебя за то зло, которого ты ей не причинил. Тем временем ее ребенок, слишком юный, чтобы понять, каким опасностям ты подверг его мать, отца и его самого, занялся верным спутником их путешествия: он надевает ошейник на свою собаку. Взгляни на эту мать, только что избежавшую пучины вместе с супругом: не за себя дрожала она, а за свое дитя. Взгляни, как она прижимает его к груди. Взгляни, как целует. О боже, узнай созданные тобой воды! Узнай их в том состоянии, когда дыхание твое вздымает их и когда рука твоя их успокаивает. Узнай темные тучи, которые ты собрал и которые тебе благоугодно было рассеять. Вот они разделились, вот они удаляются; уже свет дневного светила вновь заиграл на поверхности вод; я предрекаю спокойствие этому красноватому горизонту. А как он далек, этот горизонт! Он не граничит с небом. Заверши успокоение моря: позволь матросам спустить на воду свой врезавшийся в мель корабль; помоги их работе; дай им силы, а мне оставь мою картину. Оставь ее мне в качестве лозы, которой бы ты покарал тщеславного человека. Уже приходят не ко мне и не для того, чтобы послушать меня, — приходят, чтобы полюбоваться моим Верне. Художник посрамил философа».

О друг мой, дивный Верне, составляющий мою ответственность! Сюжет картины — конец бури без гибельной катастрофы. Волны еще вздымаются; небо покрыто тучами; матросы хлопочут около своего потерпевшего крушение корабля; с соседних гор сбегаются жители. Сколько ума у этого художника! Ему достаточно было нескольких главных фигур, чтобы передать все обстоятельства момента, который он выбрал. Как правдива вся эта сцена!

С какой легкостью, непринужденностью и силой все нарисовано! Я хочу сохранить этот знак его дружбы. Я хочу, чтобы мой зять передал его своим детям, его дети — своим, а те — детям, которые от них родятся. Ах, если бы вы видели, как прекрасно скомпоновано это полотно! Как все в нем гармонично, как сцеплены между собой все эффекты, как все приобретает выпуклость без усилия, без позы; как дымчаты эти горы направо, как красивы эти высящиеся друг над другом скалы и здания, как живописно это дерево, как освещена эта терраса, как смягчается на ней свет; как расположены эти фигуры, как они правдивы, подвижны, естественны, живы, как они заинтересовывают, с какой силой они нарисованы, с какой четкостью вычерченны, как они выделяются на фоне; как обширны эти пространства, как правдоподобны эти воды, эти тучи, это небо, этот горизонт! Здесь, в противность обычной технике, — темный фон, а свет впереди. Приходите взглянуть на моего Верне, но не отнимайте его у меня.

Со временем долги будут погашены; угрызения совести улягутся, и наслаждение станет безоблачным. Не бойтесь, что меня обуяла страсть накапливать прекрасные предметы. Друзья, которые были у меня, остались, и число их не увеличилось. Я владею Лансой⁴, но она мной не владеет. Я счастлив в ее объятиях, но готов уступить ее тому, кого люблю и кого она осчастливит больше меня. И чтобы сказать вам правду, эта Ланса, которая так дорого продается другим, не стоила мне ровно ничего.

ЭТО НЕ СКАЗКА

Обычно сочиняешь сказку для кого-нибудь, кто тебя слушает, и редко случается, чтобы во время повествования слушатель не прерывал несколько раз рассказчика. Вот почему в предлагаемом здесь рассказе, который во все не сказка, а — уж если вы в этом сомневаетесь — представляет собой не более как плохую выдумку, я ввел персонаж, исполняющий до некоторой степени роль читателя. А теперь я начинаю.

— И из этого вы заключаете...

— ...что такой интересный сюжет должен был бы взбудоражить все головы, позабавить в течение месяца все общественные круги в городе, толковаться и перетолковываться до тошноты, послужить предметом для тысячи споров, по меньшей мере двадцати брошюр и нескольких сот стихотворений за и против и что, несмотря на изысканность, познания, остроумие автора, его произведение ничтожно, совершенно ничтожно, поскольку оно не вызвало никакого брожения.

— Мне все же кажется, что мы обязаны ему довольно приятно проведенным временем и что это чтение вызвало...

— Что! Литанию затасканных рассказиков, сыпавшихся со всех сторон и повторявших испокон веков известную истину, что мужчина и женщина — два очень зловредных животных.

— Тем не менее и вас захватила эта эпидемия, и вы отдали ей дань, как и всякий другой.

— А разве мы, волей-неволей, не подлаживаемся под господствующий тон? Когдаходишь в общество, то уже в дверях приспосаблиешь свое лицо к тем лицам, которые успел заметить: притворяешься веселым, когда тебе грустно, грустным, когда хотелось бы быть веселым, и стараешься не отставать от других; а потому литератор политиканствует, политик ударяется в метафизику, метафизик морализирует, моралист говорит о финансах, финансист — о литературе и математике, и вместо того, чтобы слушать или молчать, всякий болтает о том, чего не знает, и все скучают из-за дурацкого тщеславия и из вежливости.

— Вы не в духе.

— Как обычно.

— Так что, пожалуй, я поступлю лучше, если прибегу свой рассказ до более благоприятного случая.

— Иначе говоря, вы подождете, пока меня не будет.

— Вовсе нет.

— Или вы опасаетесь, что с глазу на глаз я буду менее снисходителен к вам, чем в обществе к какому-нибудь постороннему?

— Вовсе нет.

— В таком случае соблаговолите поведать мне свою историю.

— Но мой рассказчик повторяет лишь то, чем вам уже так наскучили другие рассказы.

— Все же рассказывайте.

— Да нет же, они вам надоели.

— Знаете ли, из всех приемов, которые меня раздражают, ваш мне наиболее отвратителен.

— В чем же заключается мой прием?

— В том, что вы заставляете себя просить, когда сами умираете от желания рассказывать. Ну что же, друг мой, в таком случае я прошу, я умоляю вас доставить удовольствие самому себе.

— Самому себе!

— Начинайте, ради бога, начинайте.

— Я постараюсь быть кратким.

— Это не испортит дела.

Тут, отчасти из коварства, я кашлянул, сплюнул, медленно развернул свой носовой платок, высморкался, раскрыл табакерку, взял понюшку и услышал, как мой слушатель пробормотал сквозь зубы: «Если рассказ короток, то приготовления длинны». Меня разбирала охота позвать слугу под предлогом дать ему какое-нибудь поручение, но я не исполнил этого и начал так:

— Надо признать, что есть очень добрые мужчины и очень злые женщины...

— Это можно наблюдать ежедневно, иногда даже не выходя из дому. А дальше?

— Дальше я знал одну прекрасную эльзаску, такую прекрасную, что старцы сбегались ради нее, а молодые люди останавливались, как вкопанные.

— И я знал эту эльзаску: ее звали госпожой Реймер.

— Совершенно верно. Один приезжий из Нанси, по имени Танье, влюбился в нее до безумия. Он был беден и принадлежал к числу тех заброшенных детей, которых жестокие родители, обремененные многочисленной семьей, выгоняют из дому; они устремляются в мир, не ведая, чем это для них кончится, руководясь инстинктом, говорящим им, что судьба их будет не хуже той, от которой они убегают. Танье, влюбленный в госпожу Реймер, подстрекаемый страстью, которая поддерживала его дух и облагораживала в его глазах самые трудные и презренные работы, выполнял их без отвращения, чтоб облегчить своей приятельнице бедность. Днем он работал в портах, под вечер просил подавания на улице.

— Это было прекрасно, но не могло долго длиться.

— А потому Танье, устав бороться с нуждой и удерживать в нищенском положении женщину, осаждаемую богатыми людьми, которые настойчиво уговаривали ее прогнать этого нищего Танье...

— Что она сделала бы через две, самое большее через четыре недели.

— ...и принять от них целые состояния, решил покинуть ее и попытать счастья в дальних странах. Он домогается и получает разрешение отправиться на королевском судне. Наступает час отъезда. Он идет проститься с госпожой Реймер.

— Дорогая моя,—говорит он ей,—не могу дольше злоупотреблять вашей любовью. Я решился... я уезжаю...

— Куда же вы уезжаете?..

— На Антильские острова. Вы достойны лучшей участи, и я не смею дольше этому препятствовать...

— Добряк этот Танье!

— А что же будет со мной?

— Ах, вероломная женщина!

— Вас окружают люди, которые стараются вам понравиться. Я возвращаю вам ваши обещания, я возвращаю вам ваши клятвы. Выберите среди претендентов того, кто вам больше по сердцу; осчастливьте его, я сам умоляю вас об этом.

— Ах, Танье, вы сами мне это предлагаете...

— Освобождаю вас от пантомимы госпожи Реймер. Я вижу ее, я ее знаю.

— Удаляясь, я прошу вас только об одной милости: не заключайте никаких уз, которые бы разделили нас навсегда. Поклянитесь мне в этом, моя прекрасная подруга. В какую бы часть земли меня ни занесло, на мою долю должны выпасть исключительные несчастья, чтоб я пропустил год, не дав вам верных доказательств своей привязанности. Не плачьте...

— Они все плачут, когда хотят.

— ...и не спорьте против замысла, на который вдохновили меня упреки моего сердца и к которому они все равно меня приведут.

И вот Танье отправляется на Сан-Доминго...

— И отправляется во-время как для госпожи Реймер, так и для себя...

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю, насколько это можно знать, что когда Танье советовал ей сделать выбор, он уже был сделан.

— Верно!

— Продолжайте ваш рассказ.

— Танье обладал умом и большой способностью к делам. Вскоре он стал известен. Его избрали в сандомингский верховный совет. Там он отличился своими знаниями и добросовестностью. Он не добивался большого состояния, но хотел составить его честно и быстро. Ежегодно он отсылал известную часть госпоже Реймер. Он вернулся по прошествии... девяти или десяти лет (не думаю, чтоб его отсутствие длилось дольше)... и преподнес своей подруге сердца небольшой портфель, в котором хранились плоды его способностей и трудов. И, к счастью для Танье, это случилось в тот момент, когда она только что рассталась с последним из его преемников.

— С последним?

— Да.

— Значит, у него их было несколько?

— Конечно.

— Продолжайте, продолжайте.

— Но, быть может, я не могу сказать вам ничего такого, чего бы вы не знали лучше меня.

— Неважно, рассказывайте дальше.

— Госпожа Реймер и Танье занимали прекрасное помещение на улице св. Маргариты, бок о бок с моей дверью. Я очень ценил Танье и посещал его дом, который был если не роскошен, то во всяком случае снабжен всем необходимым.

— А я, не роясь в карманах госпожи Реймер, могу вас заверить, что у нее были еще добавочные пятнадцать тысяч ливров ренты до возвращения Танье.

— От которого она скрывала свое состояние?

— Да.

— Почему?

— Потому что была скупой и жадной.

— Пусть — жадной; но скупой?! Скупая курти-

Ceci n'est point un Conte,
ou
Madame Reymor et Lanié,
et
Mademoiselle de la Chaux et Gardeil.

Il faut avouer qu'il y a des hommes
bien bons et des femmes bien méchantes.
— C'est ce qu'on voit tous les jours, et
quelquefois sans sortir de chez soi. Après.
— Après ? J'ai connu une Alsacienne belle,
mais belle à faire accourir les vieillards
et à arrêter tout court les jeunes gens.
— Et moi aussi je l'ai connue, elle s'ap-
pelle Madame Reymor. — Il est
vrai. Un nouveau débarqué de Nancy, ap-
pelle Lanié, en devint éperdument amou-
reux. Il était pauvre. C'était un de ces
enfants perdus à qui la dureté des parents
qui ont une famille nombreuse chasse de
la maison, et qui se jettent dans le monde
sans savoir ce qu'ils deviendront, par un
instinct qui leur dit qu'ils n'y auront pas

занка!.. Пять или шесть лет любовники прожили в наилучшем согласии.

— Благодаря исключительной тонкости одной и безграничной доверчивости другого.

— Действительно, даже тень подозрения не могла закрасться в такую чистую душу, как душа Танье. Изредка только я замечал, что госпожа Реймер забыла о своей прежней пужде; ее терзала страсть к роскоши и богатству; она чувствовала себя униженной тем, что такой прекрасной женщине приходится ходить пешком.

— Почему бы ей не ездить в карете?

— Блеск порока скрывал от нее низость ее желаний. Вы смеетесь?.. В ту пору господин Морепал¹ задумал учредить на Севере торговый дом. Для успеха этого предприятия нужен был деятельный и умный человек. Он остановился на Танье, которому не раз поручал важные дела во время пребывания его на Гаити и который всегда управлялся с ними к удовольствию министра. Танье пришел в отчаяние от этого отличия. Он был так доволен, так счастлив подле своей подруги. Он любил; он находился там, где, по его мнению, его любили.

— Здорово сказано!

— Что могло прибавить золото к его счастью? Ничего. Между тем министр наставлял. Приходилось принять решение, приходилось открыться госпоже Реймер. Я заявился к нему как раз под конец этой горестной сцены. Бедный Танье заливался слезами.

— Что с вами, друг мой?— спросил я.

На это он отвечал мне, рыдая:

— Все эта женщина.

Госпожа Реймер спокойно работала за пальцами. Танье порывисто встал и удалился. Я остался один-один с его подругой, не скрывшей от меня того, что она называла безрассудством Танье. Она преуменьшала скромность их достатков и вложила в свою защитительную речь все искусство, с помощью которого пропитательный ум умеет маскировать софизмы тщеславия.

— О чем идет речь? Об отъезде, самое большее, на каких-нибудь два-три года.

— Это большой срок для человека, которого вы любите и который любит вас так, как он.

— Он меня любит? Если б он меня любил, то разве колебался бы послушаться моего совета?

— Почему, сударыня, вам не поехать вместе с ним?

— Чтоб я туда поехала! Даже он, несмотря на свое сумасбродство, не посмел мне это предложить. Разве он сомневается во мне?

— Не думаю.

— После того как я прождала его двенадцать лет, он может доверять мне два-три года. Это один из тех редких случаев, сударь, которые представляются раз в жизни, и мне не хотелось бы, чтобы Танье когда-нибудь в этом раскаялся и попрекнул меня за то, что упустил его.

— Танье никогда не станет раскаиваться, пока он будет иметь счастье нравиться вам.

— Это очень благородно, но будьте уверены, что он будет весьма рад быть богатым, когда я состарюсь. Женщинам свойственно не думать о будущем, но я не страдаю этим недостатком.

Министр находился в Париже. От улицы св. Маргариты до его палат был один шаг. Танье отправился к нему и принял предложение. Он вернулся с сухими глазами, но со съезжившимся сердцем.

— Сударыня, — сказал он, — я видел господина де-Морепа и дал ему слово. Я уеду, уеду, и вы будете довольны...

— Ах, друг мой!.. — Госпожа Реймер отстраняет пальцы, бросается к Танье, обнимает его за шею, осыпает ласками и нежными речами: — Теперь я вижу, что я вам, действительно, дорога.

Танье холодно отвечал ей:

— Вы хотите сделаться богатой...

— Она, плутовка, уже была в десять раз богаче, чем того заслуживала!

— ...и вы будете богаты. Раз вы любите золото, то придется съездить для вас за золотом.

Дело было во вторник, а министр пазначил его отъезд на пятницу, без всякой отмены. Я пришел с ним проститься в тот момент, когда он боролся с самим собой и старался вырваться из объятий прекрасной, недостойной и жестокой Реймер. Это был такой хаос мыслей, такое отчаяние, такая агония, какой мне больше никогда не приходилось видеть. Нельзя было назвать это стоном,— это был тягучий крик. Госпожа Реймер еще лежала в постели. Танье держал ее за руку. Он не переставал повторять:

— Жестокая женщина! жестокая женщина! Неужели ты недовольна достатком, которым ты пользуешься, и таким другом, таким любовником, как я?.. Я ездил, чтобы раздобыть ей состояние, в палящие страны Америки; теперь она требует, чтоб я раздобыл его ей среди льдов Севера. Друг мой, я чувствую, что эта женщина сумасшедшая, я чувствую, что я безумец; но мне не так страшно умереть, как огорчить ее... Ты хочешь, чтоб я тебя покинул; я тебя покидаю.

Он стоял на коленях у постели, прижавшись губами к ее руке и спрятав лицо в одеяла, которые приглушали его жалобы и тем самым придавали им больше грусти и ужаса. Дверь комнаты открылась; Танье быстро поднял голову и увидел почтаря, пришедшего сказать, что карета заложена. Он испустил крик и снова спрятал лицо в одеяла. После минутного молчания он привстал и сказал своей подруге:

— Обнимите меня, сударыня; обними меня еще раз, так как ты меня больше не увидишь.

Увы! его предчувствие сбылось. Танье уехал. Он прибыл в Петербург и три дня спустя заболел лихорадкой, которая на четвертый свела его в могилу.

— Я знал все это.

— Быть может, вы были одним из преемников Танье?

— Вы угадали, и из-за этой ужасной красавицы я расстроил свое состояние.

— Бедный Танье!

— Найдутся люди, которые скажут вам, что он глупец.

— Не стану за него заступаться; но в глубине сердца желаю этим людям, чтобы злой рок столкнул их с жепщиной, такой же прекрасной и такой же продувной, как госпожа Реймер.

— Вы жестоки в своей мстительности.

— Но если существуют злые жепщины и очень добрые мужчины, то существуют также очень добрые жепщины и очень злые мужчины, и то, что я собираюсь прибавить, является не большей выдумкой, чем та, которая ей предшествовала.

— Я в этом уверен.

— Господин Дерувиль²...

— Тот, который еще жив? генерал-лейтенант королевской армии? тот, который женился на прелестной особе, которую зовут Лолотой?

— Тот самый.

— Это изысканный человек, друг наук.

— И ученых. Он долго работал над историей войн всех времен и всех народов.

— Обширный замысел!

— Для его выполнения он собрал вокруг себя нескольких молодых людей с выдающимися достоинствами, как, например, господина де-Монтьюкла³, автора «Истории математики».

— Чорт возьми! и много у него было сотрудников такого масштаба?

— Тот, которого звали Гардейль, герой моего предстоящего рассказа, ни в чем ему не уступал. Общая страсть к изучению греческого языка объединила меня и Гардейля, и эта связь, подкрепленная временем, взаимными советами, любовью к уединению и в особенности возможностью часто видаться, превратилась в довольно близкие отношения.

— Вы жили тогда на Эстрападе.

— Он на улице Сент-Иасент, а его подруга, маде-

муазель де-Лашо — на площади Сен-Мишель. Я назвал ее настоящим именем, так как бедняжки уже нет в живых и так как ее жизнь может вызвать только почтение к ней в глазах всех здравомыслящих людей и заслужить восхищение ею, сожаление и слезы тех, кого природа наградила или наказала хотя бы малейшей долей той чувствительности, которая была присуща ее душе.

— Ваш голос прерывается, и вы, кажется, плачете.

— Мне все еще представляется, что я вижу ее большие черные глаза, блестящие и ласковые, и что звук ее трогательного голоса раздается в моих ушах и смущает мою душу. Очаровательное существо, исключительное существо, тебя больше нет! Уже минуло двадцать лет, как ты ушла из жизни, а сердце мое все еще сжимается при воспоминании о тебе.

— Вы любили ее?

— Нет... О Лашо! О Гардейль! Оба вы — чудо: вы — чудо женской любви, а вы — чудо мужской неблагодарности. Мадемуазель де-Лашо происходила из почтенной семьи. Она покинула родных, чтобы броситься в объятия Гардейля. У Гардейля не было ничего, а мадемуазель де-Лашо обладала небольшим состоянием, и состояние это было целиком пожертвовано на потребности и прихоти Гардейля. Она не сожалела ни о своем растраченном состоянии, ни о своей поруганной чести. Ее возлюбленный заменял ей все.

— Гардейль, должно быть, был очень обольстительный, очень приятный человек?

— Отнюдь нет. Маленький, угрюмый, молчаливый язвительный человечек; лицо сухое, кожа смуглая; весь худой и тщедушный, даже безобразный, если мужчина с умным лицом может быть безобразен.

— Так вот что вскружило голову очаровательной девушке!

— Вас это удивляет?

— Постоянно.

— Вас?

— Меня.

— А разве вы не помните своего приключения с Дешан и глубокого отчаяния, в которое вы впали, когда эта особа закрыла для вас свои двери?

— Оставим это; продолжайте.

— Я вам говорил: «Значит, она очень красива?», а вы мне грустно отвечали: «Нет». — «Значит, она очень умна?» — «Она — дура». — «Значит, вас увлекают ее таланты?» — «У нее только один талант». — «Что же это за редкий, бесподобный чудодейственный талант?» — «Награждать меня в своих объятьях таким счастьем, какого я не испытывал в объятьях ни одной женщины»... Но что же было с мадемуазель де-Лашо? Честная, чувствительная мадемуазель де-Лашо инстинктивно, сама не сознавая, надеялась в душе на счастье, которое вы испытали и которое побуждало вас говорить о Дешан: «Если эта злодейка, эта негодяйка упорно будет гнать меня от себя, я возьму пистолет и раскрою себе череп в ее прихожей». Говорили вы это или нет?

— Говорил, и даже теперь сам не знаю, почему не сделал.

— Согласитесь же...

— Согласен со всем, что вам будет угодно.

— Друг мой, даже самый мудрый из нас должен радоваться, что не встретил женщины, красивой или безобразной, умной или глупой, которая довела бы его до такого сумасшествия, чтобы его упрятали в Птит-Мезон⁴. Будем же жалеть людей от всего сердца, а упрекать их лишь с осторожностью; взглянем на прожитые годы как на моменты, украденные у злобы, которая нас преследует, и будем не иначе, как с дрожью, думать о некоторых природных чарах и об их влиянии, в особенности на пылкие души и жгучее воображение. Даже искра, случайно упавшая на бочку с порохом, не производит худшего бедствия. Перст, готовый стряхнуть с вас эту роковую искру, быть может уже наготове.

Господин Дерувиль, стремясь ускорить работу, доводил своих сотрудников до усталости. Это подорвало здоровье Гардейля. Чтоб облегчить ему задачу, мадемуа-

зель де-Лашо выучилась еврейскому языку, и пока ее друг сердца почивал, она проводила часть ночей пад толкованием и выпиской отрывков из еврейских авторов. Наступил срок обобрать греческих писателей; мадемуазель де-Лашо поспешила усовершенствоваться в этом языке, о котором уже имела некоторое представление, и пока Гардейль почивал, она занималась переводом и перепиской отдельных мест из Ксенофонта и Фукидида. После греческого и еврейского она изучила итальянский и английский. Она овладела английским настолько, что была в состоянии переложить на французский первые метафизические опыты Юма⁵, — произведение, в котором трудность языка усугубляется трудностью содержания. Когда научные занятия истощали ее силы, она забавлялась перепиской нот. Если ей казалось, что ее возлюбленный начинает скучать, она пела. Я ничего не преувеличиваю; беру в свидетели господина Камюса, доктора медицины, который утешал ее в несчастьях и помогал ей в нищете, который непрестанно оказывал ей услуги, последовал за ней на чердак, куда загнала ее бедность, и закрыл ей глаза на смертном одре⁶. Но я забыл упомянуть о худшем из ее несчастий — о преследованиях, которые ей пришлось терпеть от родных, возмущенных публичной и скандальной связью. Они прибегли и к лжи и к правде, чтобы стеснить ее свободу, позоря ее. Ее родные, а также священники преследовали ее из квартала в квартал, из дома в дом и принудили жить в одиночестве и скрываться в течение нескольких лет. Она проводила дни работая для Гардейля. Мы являлись к ней по ночам, и присутствие Гардейля разгоняло и горе ее и тревоги.

— Как! юная, робкая, чувствительная, среди стольких препятствий, она была счастлива?!

— Счастлива? Да; она перестала быть счастливой лишь тогда, когда Гардейль оказался изменником.

— Невозможно, чтоб измена стала наградой за такие редкие качества, такие доказательства любви, такие многообразные жертвы.

— Ошибаетесь. Гардейль оказался изменником. В один прекрасный день мадемуазель де-Лашо очутилась в этом мире одна, без доброго имени, без денег, без опоры. Впрочем, это не совсем верно: я оставался при ней некоторое время; доктор Камюс остался при ней до конца.

— Ах, мужчины, мужчины!

— О ком вы говорите?

— О Гардейле.

— Вы видите только злодея, а порядочного человека не замечаете. В этот день горя и отчаяния она прибежала ко мне. Было утро. Она выглядела бледной, как смерть. О своей судьбе она узнала накануне; следы долгих страданий отражались на ее лице. Она не плакала; но было видно, что она пролила немало слез. Она бросилась в кресло, не говорила, не могла говорить, протягивала ко мне руки и при этом стонала.

— Что случилось? Он умер?— спросил я.

— Хуже: он меня не любит; он бросает меня...

— Оставьте!

— Не могу удержаться: я вижу ее, я слышу, и мои глаза наполняются слезами.

— Он вас больше не любит?

— Нет.

— Он вас бросает?

— Да. После всего, что я для него сделала!.. Ах, сударь, у меня голова идет кругом; сжалятесь надо мной; не покидайте меня, только не покидайте меня!

Произнося эти слова, она схватила меня за руку и так крепко сжимала, словно кто-то стоял рядом с ней и грозился оторвать ее от меня и утащить.

— Не бойтесь ничего, сударыня.

— Я боюсь только самой себя.

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего спасти меня от меня самой. Он меня больше не любит! Я его утомляю! вывожу из терпения! надоедаю! Он меня ненавидит! покидает! бросает! бросает!

После этих повторных восклицаний наступило глу-

бокое молчание, а после молчания взрывы конвульсивного смеха, в тысячу раз более страшные, чем вопль отчаяния или хрип агонии. Затем пошли рыдания, крики, нечленораздельные слова, закрывание глаз, дрожание губ, поток страданий, которому надо было дать вылиться; я так и поступил и обратился к ее рассудку лишь тогда, когда увидел, что ее душа разбита и отупела. Тогда я продолжал:

— Он вас ненавидит, он вас бросает! А кто вам это сказал?

— Он сам.

— Не может быть, сударыня; надейтесь, ободритесь. Ведь он же не чудовище!

— Вы его еще не знаете, но узнаете. Это чудовище, каких нет и никогда не было.

— Не могу поверить.

— Увидите.

— Он любит другую?

— Нет.

— Может быть, вы возбуждали в нем какие-нибудь подозрения, какое-нибудь неудовольствие?

— Никакого, никакого.

— В чем же тогда дело?

— В моей бесполезности. У меня больше ничего нет. Я ни на что не пригодна. Тщеславие; он всегда был тщеславен. Потеря мною здоровья, потеря мною красоты; я столько страдала и так утомилась; скука, отвращение...

— Можно перестать быть любовниками, но остаться друзьями.

— Он перестал меня выносить; мое присутствие тяготит его, мой вид угнетает и оскорбляет. Если бы вы только знали, что он мне сказал! Ах, сударь, он сказал мне, что, если б его приговорили провести со мной сутки, он выбросился бы из окна.

— Но разве это отвращение могло родиться в одну минуту?

— Почему я знаю? Он от природы так презрителен,

так равнодушен, так холоден! Так трудно читать в глубине чужой души! Так ужасно узнать свой смертный приговор! Но он объявил мне его, и с какой жестокостью!

— Ничего не понимаю.

— У меня к вам просьба, я пришла ради нее; исполните ли вы ее?

— Исполню, какая бы она ни была.

— Слушайте же. Он вас уважает; вы знаете, чем он мне обязан. Может быть, ему будет стыдно показаться вам таким, каков он на самом деле. Я думаю, что у него нехватит ни наглости, ни силы. Я только женщина, а вы мужчина. Чувствительный, честный, справедливый человек действует внушающе. Вы на него подействуете. Возьмите меня под руку и проводите к нему. Я хочу говорить с ним при вас. Может быть, мое горе и ваше присутствие произведут на него впечатление. Вы пойдете со мной?

— Весьма охотно.

— Идемте.

— Очень боюсь, что ее горе и ваше присутствие не дали никакого эффекта. Отвращение в любви, отвращение к женщине — страшная вещь!

— Я послал за портшезом, так как она была не в силах идти. Отправляемся к Гардейлю, в большой новый дом, единственный по правой руке на улице Сент-Иасент со стороны площади Сен-Мишель. Носильщики останавливаются, открывают дверцу. Я жду. Она не выходит. Приближаюсь и вижу женщину, дрожащую всем телом; зубы ее стучат, как в лихорадке; колени стукаются друг о друга.

— Минутку, сударь; простите меня, не могу... Что мне здесь нужно? Я напрасно оторвала вас от дела; очень жалею; извините меня.

Между тем я подал ей руку. Она взяла ее; попыталась встать, не могла.

— Еще минутку, сударь! — сказала она. — Вам жаль меня; вы страдаете, глядя на мое состояние.

Наконец она несколько оправилась и, выходя из портшеза, тихо добавила:

— Нужно войти, нужно увидеться с ним. Почему знать? Может быть, я там умру.

Вот перешли двор; вот мы у дверей квартиры; вот в кабинете Гардейля... Он сидел за своим бюро в халате, в ночном колпаке; приветствовал меня рукой и продолжал начатую работу. Затем он подошел ко мне и сказал:

— Согласитесь, сударь, что женщины очень стеснительны. Тысячу раз прошу прощения за сумасбродства мадемуазель де-Лашо.

Затем, обращаясь к несчастной особе, которая была ни жива ни мертва, он продолжал:

— Мадемуазель, что вам еще от меня угодно? Мне кажется, я объяснил вам самым ясным и определенным образом, что между нами все кончено. Я сказал вам, что больше вас не люблю; я сказал это с глазу на глаз; ваше намерение заключается, повидимому, в том, чтоб я повторил это в присутствии другого; ну что ж, мадемуазель, я вас больше не люблю. Любовь к вам — чувство, угасшее в моем сердце и — добавлю, если это может вас утешить, — вероятно, угасшее и ко всякой другой женщине.

— Но скажите, почему вы меня разлюбили?

— Не знаю; мне известно лишь то, что я полюбил вас, не зная почему, и разлюбил, не зная почему; во всяком случае я чувствую, что моя страсть не может вернуться. Это болезнь, от которой я избавился; надеюсь, что излечился навсегда, и поздравляю себя с этим.

— Чем я провинилась?

— Ничем.

— Нет ли у вас каких-нибудь невысказанных упреков, касающихся моего поведения?

— Ни малейших; вы были самой верной, самой честной, самой нежной возлюбленной, какую мужчина может себе пожелать.

— Может быть, я не сделала чего-нибудь такого, что было в моей власти?

— Нет.

— Не пожертвовала ли я ради вас своими родителями?

— Да, это так.

— Своим состоянием?

— Мне очень жаль.

— Своим здоровьем?

— Возможно.

— Своєю честью, своим добрым именем, своим покоем?

— Всем, что вам будет угодно.

— И я тебе противна?

— Это тяжело говорить и тяжело слушать; но раз это так, то не стану отрицать.

— Я ему противна!

— Таковы мои чувства, и я не могу презирать себя за это.

— Противна! О боги!

При этих словах смертельная бледность покрыла ее лицо; губы побелели; капли пота, выступившие на щеках, смешались со слезами, которые текли из-под ресниц; глаза были закрыты; голова откинута на спинку кресла; зубы сжались, все тело дрожало; за этой дрожью последовал обморок, который показался мне осуществлением желания, высказанного ею у ворот дома. Длительность этого состояния окончательно испугала меня. Я снял с нее накидку, развязал шнурки платья, растянул завязки юбок и брызнул ей в лицо несколькими каплями холодной воды. Ее глаза полуоткрылись; из горла вырвался глухой шопот; она хотела сказать: «Я ему противна!», но выговорила только последние слоги; затем она испустила резкий крик. Веки опустились, и обморок возобновился.

Гардейль хладнокровно сидел в своем кресле, облокотившись о стол и подперши голову руками; он смотрел на мадемуазель де-Лашо без всякого волнения и предо-

ставлял мне заботиться о ней. Я несколько раз повторял ему:

— Сударь, она умирает... надо позвать...

Он отвечал мне, улыбаясь и пожимая плечами:

— Женщины обладают цепкой жизнью; они не умирают от таких пустяков. Ерунда, пройдет! Вы их не знаете; они распоряжаются своим телом, как хотят.

— Она умирает, говорю вам!

Действительно, казалось, что силы и жизнь покинули ее тело; она падала с кресла и свалилась бы направо или налево, если б я ее не поддержал. Тем временем Гардейль порывисто вскочил с места и, прохаживаясь взад и вперед по комнате, говорил нетерпеливым и довольным тоном:

— Я охотно обошелся бы без этой неприятной сцены; но надеюсь, что это последняя. На кого, чорт подери, жалуетесь эта женщина? Я любил ее; этого не изменишь, хотя бы я бился головой об стену. Я больше не люблю ее; она это теперь понимает или никогда не поймет. Этим все сказано.

— Нет, сударь, этим еще не все сказано. Как! вы полагаете, что порядочный человек может отнять у женщины все и бросить ее...

— Как же, по-вашему, я должен поступить? Я таковой же нищий, как она.

— Как, по-моему, вы должны поступить? Разделить с ней нищету, до которой вы ее довели.

— Вам легко говорить. Ей от этого лучше не будет, а мне будет гораздо хуже.

— И вы поступили бы так же с другом, который пожертвовал бы для вас всем?

— С другом? С другом! Я не очень-то верю в друзей; а этот опыт научил меня не верить и в любовь. Жалею только, что не знал этого раньше.

— По-вашему справедливо, чтоб эта женщина стала жертвой ошибки вашего сердца?

— А кто вам сказал, что месяцем или днем позже

я не стал бы таким же жестоким образом жертвой ее ошибшегося сердца?

— Кто мне сказал? Все, что она сделала для вас, и состояние, в котором вы ее видите.

— Все, что она для меня сделала! Но, черт подери, мы сквитались потерянным мною временем.

— Ах, господин Гардейль, как можно сравнивать ваше время со всеми теми не поддающимися оценке ценностями, которые вы у нее отняли!

— Я ничего не достиг, из меня ничего не вышло, мне тридцать лет; пришло время, теперь или никогда, подумать о себе и определить настоящую цену всего этого вздора.

Тем временем несчастная женщина несколько пришла в себя. При его последних словах она воскликнула не без живости:

— Что он говорит о своем потерянном времени! Я изучила четыре языка, чтоб облегчить ему работу; я прочла тысячу томов; я писала, переводила, переписывала дни и ночи; я истощила силы, испортила зрение, иссушила кровь; я схватила опасную болезнь, от которой, быть может, никогда не оправлюсь. Он не смеет сознаться вам в причине своего отворачивания, но вы узнаете ее.

Тут же она сорвала с себя косынку, высвободила руку из платья, обнажила плечо и показала мне рожистое пятно.

— Вот она, причина его перемены, вот она! — сказала бедная женщина. — Вот последствие бессонных ночей! Он приходил по утрам со своими пергаментными свитками. «Господин Дерувиль, — говорил он, — хочет узнать поскорее, что тут написано; это должно быть готово к завтрашнему утру». И это бывало готово.

В это время мы услышали шаги, приближавшиеся к дверям; вошел слуга и доложил о приходе господина Дерувилья. Гардейль побледнел. Я попросил мадемуазель де-Лашо оправить платье и удалиться.

— Нет, — сказала она, — нет; я остаюсь. Я хочу

разоблачить этого недостойного человека. Пусть войдет господин Дерувиль; я ему скажу.

— Чего вы этим достигнете?

— Ничего; вы правы,— сказала она.

— Завтра вы сами в этом расскаетесь. Оставьте ему его вину; такая месть будет достойна вас.

— Но будет ли она достойна его? Разве вы не видите, что этот человек... Уйдем, сударь; уйдем поскорее, так как я не могу отвечать ни за то, что сделаю, ни за то, что скажу.

Мадемуазель де-Лашо исправила во мгновение ока беспорядок, вызванный в ее туалете этой сценой, и как стрела вылетела из кабинета Гардейля. Я последовал за ней и слышал, как дверь громко хлопнула за нами. Впоследствии я узнал, что привратнику были сообщены ее приметы. Я отвел ее к ней на квартиру, где застал поджидавшего нас доктора Камюса. Страсть, которую он испытывал к этой молодой особе, мало чем отличалась от той, которую она испытывала к Гардейлю. Я описал ему наш визит и сквозь выражения его гнева, горя, негодования...

— ...не трудно было прочесть на его лице, что ваша неудача была ему не слишком неприятна.— Верно.— Таков человек. Лучше он быть не может.— За этим разрывом последовала тяжелая болезнь, во время которой добрый, честный, нежный и деликатный доктор так усердно лечил мадемуазель де-Лашо, как не лечил бы знатнейшую даму во Франции. Он заходил три-четыре раза на день. Пока была опасность, он спал в ее комнате на складной кровати. Болезнь— счастье при сильных огорчениях.— Приближая нас к самим себе, она отстраняет воспоминания о других. А кроме того, она служит предлогом, позволяющим нам огорчаться без страха, без всякой нескромности.

— Это — впрочем, вполне справедливое — рассуждение было неприменимо к мадемуазель де-Лашо.

Когда она стала поправляться, мы позаботились о ее времяпровождении. Она обладала умом, вкусом, позна-

ниями в большей степени, чем это нужно для того, чтобы быть принятой в Академию надписей. Она так часто слышала, как мы ударялись в метафизику, что освоилась с самыми абстрактными материями, и первым ее литературным опытом был перевод Юмовского «Опыта о человеческом разуме». Я проверял его и должен признаться, что мне оставалось исправить лишь очень незначительное. Этот перевод был напечатан в Голландии и благосклонно встречен публикой.

Мое «Письмо о глухонемых» вышло почти одновременно. Несколько очень тонких возражений, которые она мне сделала, побудили меня дать «Дополнение»⁷, посвященное ей. Это «Дополнение» — отнюдь не худшее из всего, что я написал.

Веселость мадемуазель де-Лашо до некоторой степени вернулась к ней. Доктор иногда угощал нас, и эти обеды были не очень грустны. После удаления Гардейля страсть Камюса сильно возросла. Однажды за десертом, когда он объяснялся ей в любви со всей прямою, нежностью, наивностью ребенка, со всей изысканностью умного человека, она ответила ему чрезвычайно откровенно, что мне очень понравилось, но, быть может, не понравится другим:

— Немыслимо, чтоб уважение, которое я к вам питаю, когда-либо еще больше увеличилось. Вы оказали мне множество услуг, и я была бы таким же гнусным существом, как чудовище с улицы Сент-Иасент, если бы не прониклась к вам благодарностью. Ваш склад ума нравится мне как нельзя больше. Вы говорите мне о своей любви с такой деликатностью и изысканностью, что, кажется, я была бы огорчена, если бы вы перестали говорить о ней. Одной мысли лишиться вашего общества и потерять вашу дружбу было бы достаточно, чтобы сделать меня несчастной. Вы образец достойного человека, если такой вообще существует на свете. Ваша доброта и мягкость характера ни с чем не сравнимы. Не думаю, чтоб можно было поместить свое сердце в лучшие руки. Я с утра до вечера читаю наставления своему сердцу, чтобы склонить его в вашу пользу, но все же читать наставления

тому, кто не хочет идти по правильному пути. И я не двигаюсь вперед ни на шаг. Между тем вы страдаете, и это меня страшно мучит. Я не знаю никого, кто был бы достойнее вас того счастья, которого вы добиваетесь, и нет ничего на свете, чего бы я не предприняла, чтобы вас осчастливить. Я сделала бы все возможное, все без исключения. Знаете, доктор, я пошла бы на то... да, пошла бы на то, чтобы спать с вами... да, даже на это. Хотите спать со мной? Вам стоит сказать только одно слово. Вот все, что я могу для вас сделать; но вы хотите, чтоб я вас любила, а этого я сделать не в силах.

Доктор слушал ее, брал ее за руки, целовал их, орошал слезами, а я,—я не знал, смеяться ли мне, или плакать. Мадемуазель де-Лашо хорошо знала доктора, и когда я на другой день спросил ее: «Но если бы доктор поймал вас на слове?»—она ответила мне:

— Я сдержала бы обещание, но до этого дойти не могло; мое предложение было таково, что доктор с его характером никогда бы его не принял.

— Почему бы нет? На месте доктора я понадеялся бы, что остальное придет потом.—Да, но будь на месте доктора вы, мадемуазель де-Лашо никогда не сделала бы вам такого предложения.

Перевод Юма не обогатил ее. Голландцы охотно печатают, но платить не любят.

— К счастью для нас; так как, если бы они воспользовались теми препонами, которые здесь ставят теперь уму, и начали бы оплачивать авторов, то захватили бы в свои руки всю книжную торговлю.

— Мы посоветовали мадемуазель де-Лашо сочинить какое-нибудь развлекательное произведение, которое принесло бы ей больше славы и больше прибыли. Она работала над ним четыре или пять месяцев и принесла мне небольшой исторический роман, озаглавленный: «Три фаворитки». Он отличался легкостью стиля, остроумием и занимательностью, но, сама того не подозревая, ибо коварство было ей чуждо, она пересыпала его множеством черт, примененных к королевской метresse, маркизе

Помпадур, и я не стал скрывать от нее, что, какие бы жертвы она ни принесла, смягчая или удаляя эти места, ее произведение не могло появиться, не скомпрометировав ее, и что неприятность, связанная с порчей удачных пассажей, не спасет ее от других неприятностей.

Она почувствовала всю справедливость моего замечания и огорчилась еще больше. Добряк-доктор заботился о всех ее нуждах, но она пользовалась его благодеяниями с тем большей сдержанностью, чем меньше была расположена вознаградить его так, как он был вправе ожидать. Кроме того, доктор в ту пору не был богачом и имел не слишком много данных, чтоб стать им. Время от времени она извлекала свою рукопись из папки и говорила мне с грустью: «Неужели ничего нельзя с ней сделать, и она должна тут лежать?» Я дал ей оригинальный совет, а именно послать ее произведение таким, каким оно было, ничего не смягчая, ничего не изменяя, самой госпоже Помпадур и сопроводить его письмом, объясняющим мотивы посылки. Эта мысль ей понравилась. Она написала письмо, очаровательное во всех отношениях, но в особенности замечательное своим правдивым тоном, против которого невозможно было устоять. Прошло два или три месяца, и о нем не было ни слуху ни духу; она уже считала свою попытку неудавшейся, когда к ней явился кавалер ордена св. Людовика и передал ей ответ маркизы. В этом ответе роман удостаивался той похвалы, которой заслуживал; мадемуазель де-Лашо благодарили за принесенную ею жертву; обратили внимание на иносказания, но не обижались на них и приглашали авторшу явиться в Версаль, где она встретит женщину, благодарную и расположенную оказать ей услуги, какие в ее силах. Посланный, выходя от мадемуазель де-Лашо, ловко оставил на камине сверток с пятьюдесятью луйдорами.

Мы с доктором стали настаивать, чтоб она воспользовалась благоволением госпожи Помпадур; но нам пришлось иметь дело с особой, чьи скромность и робость были равны ее достоинствам. Как представиться в таком

отрепье? Доктор сейчас же устранил это препятствие. После платья пошли другие предлоги, а затем опять другие. Путешествие в Версаль откладывалось со дня на день, так что уже почти неловко было его предпринимать. Прошло даже некоторое время, в течение которого мы уже вовсе о нем не говорили, когда явился тот же посланный со вторым письмом, полным самых любезных упреков, и с новым подношением, равноценным первому и предложенным с такою же деликатностью. Об этом великодушном поступке госпожи Помпадур никто не знал. Я говорил о нем господину Коллену, ее доверенному лицу и раздатчику ее тайных милостей. Он находился в неведении, и я хочу думать, что это не единственное доброе дело, которое сокрыла ее могила.

Таким образом, мадемуазель де-Лашо два раза выходила из тяжелого положения.

С того времени она переселилась на окраину города, и я совершенно потерял ее из виду. Мне известно только, что остаток ее жизни был клубком горестей, болезней и нужды. Двери ее родного дома упорно оставались для нее закрытыми. Она тщетно просила заступничества у святош, которые преследовали ее с таким рвением. — Это в порядке вещей. — Доктор не покидал ее. Она умерла на соломе в чердачной каморке, в то время как тигренок с улицы Сент-Иасент, единственный ее любовник, занимался медицинской практикой в Монпелье или Тулузе и пользовался, среди полного достатка, заслуженной репутацией ловкого человека и незаслуженно присвоенной репутацией честного человека.

— Все это более или менее в порядке вещей. Если существует добрый и честный Танье, то судьба посылает ему такую Реймер; если существует добрая и честная мадемуазель де-Лашо, то она становится добычей такого Гардейя, дабы все было к лучшему.

Мне, может быть, возразят, что я поторопился, осуждая характер человека по одному поступку; такое строгое отношение свело бы число порядочных людей до того, что их осталось бы на земле меньше, чем Евангелие пред-

полагает праведников в царствии небесном; можно быть непостоянным в любви, похвалиться бессовестностью в отношении женщин — и сохранить честь и порядочность; никто не в силах остановить страсть, которая разгорелась, ни продлить ту, которая угасла; в домах и на улицах имеется достаточно людей, заслуживающих названия мерзавцев, и незачем создавать воображаемые проступки, которые увеличили бы число этих мерзавцев до бесконечности. Меня спросят, не изменял ли я сам, не обманывал ли, не бросал ли женщин без всякой причины. Если бы я хотел ответить на этот вопрос, то мой ответ вызвал бы возражение, и этот диспут кончился бы только на страшном суде. Но вы, господин защитник обманщиков и изменников, скажите мне, положи руку на сердце, назовете ли вы своим другом тулузского доктора?.. Вы колеблесь? Этим все сказано; а после этого я молю господа, чтоб он простер свою святую десницу над всякой женщиной, которую вам вздумается почитать своим вниманием.

ПЛЕМЯННИК РАМО

*Vertumnis, quotquot sunt, natus
iniquis.**

Horat Sermon. lib. II, sat. 7, v. 14.

И в хорошую и в дурную погоду я обыкновенно иду в пять часов вечера гулять в Пале-Рояль¹. Всегда одинокий мечтатель, которого вы видите на скамье в Аржансонской аллее,—не кто иной, как я. Я беседую сам с собой о политике, о любви, о вкусах или философии; снимаю со своего ума всякую узду, позволяю ему следовать по его усмотрению за первой мелькнувшей мыслью, разумной или шальной, подобно нашим молодым повесам, которые гоняются в аллее де-Фуа за ветреной куртизанкой со смеющимся лицом, с бойким взглядом, с вздернутым носом, бросают ее, чтобы погнаться за другой, пристают ко всем и не сходятся ни с одной. Мысли мои — мои потаскушки.

Если слишком холодно или льет дождь, я ищу убежища в кафе «Регентство». Там я развлекаюсь, наблюдая игру в шахматы. Париж — то место в мире, а кафе «Регентство» — то место в Париже, где лучше всего играют в шахматы; у Рея² ведут свои атаки глубокомысленный Легаль, хитроумный Филидор, основательный Майо; здесь вы увидите самые поразительные ходы и услышите самые глупые речи, так как, если можно быть умным человеком и великим шахматистом, как Легаль, то можно также быть великим шахматистом и дураком, как Фубер и Майо³.

Как-то раз после обеда я был там и глядел во все глаза, мало разговаривая и возможно меньше слушая. Вдруг ко мне подошел один из самых диковинных типов

* Рожденный для горестных перемен.

нашей страны, — а ими бог ее не обидел. Это — смесь высокомерия и низости, здравого смысла и безрассудства; понятия о честном и бесчестном, должно быть, очень странно перепутались в его голове: он не хвастается хорошими качествами, данными ему природой, и не стыдится дурных. Вдобавок он наделен крепким телосложением, необычайно пылкой фантазией и на редкость здоровыми легкими. Если вы встретите его когда-нибудь и не остановитесь, пораженные его оригинальностью, то или заткнете уши или убежите. О боги, какие ужасные легкие! Никто так не меняется, как он. Временами он тощ и изможден, как чахоточный в последней стадии болезни; от него остаются кожа да кости; можно подумать, что он несколько дней не ел или вышел из монастыря траппистов. В следующем месяце он жирен и упитан, как будто не вставал из-за стола какого-нибудь откупщика или же был заточен в монастырь бернардинцев. Сегодня — в грязном белье, в разорванных штанах, в лохмотьях, в опорках — он бредет, понунив голову, старается остаться незамеченным; хочется позвать его и подать милостыню. Завтра — напудренный, завитой, обутый, в хорошем костюме — он шествует с высоко поднятой головой, выставляет себя напоказ, и вы почти готовы принять его за приличного человека. Он живет, не заглядывая в будущее, бывает то грустен, то весел, смотря по обстоятельствам. Встает утром — первая его забота: где бы пообедать? После обеда думает — куда идти поужинать? С наступлением ночи опять тревога: или возвращается пешком в свою каморку на чердаке, если только хозяйка, выведенная из терпения ожиданием квартирной платы, не отобрала у него ключ, или же довольствуется харчевней в предместьи, где дожидается рассвета, запасшись краюхой хлеба и кувшином пива. Когда же у него нет и шести су в кармане, — а это с ним порой бывает, — он находит приют или в карете кого-нибудь из своих друзей или у кучера знатного вельможи, который предоставляет ему постель на соломе, рядом с лошадьми. Утром часть этого матраца торчит

в его волосах. В теплое время года он расхаживает всю ночь напролет по аллее Королевы или по Елисейским Полям. С рассветом снова появляется в городе, одевшись накануне и не раздеваясь иногда всю остальную неделю.

Я недолюбливаю оригиналов этого сорта; шны водят близкое знакомство, даже дружат с ними. Раз в год при встречах они останавливают на себе мое внимание, так как резко отличаются своим обликом от других и нарушают скучное однообразие, создаваемое нашим воспитанием, общественными условностями, общепринятыми приличиями. Попадая в компанию, такой субъект, как дрожжи, вызывает брожение и в каждом частично восстанавливает его подлинное лицо. Он встряхивает, возбуждает, заставляет одобрять или хулить, вскрывает истину, позволяет распознавать честных людей, срывает личину с мошенников,— и вот тогда-то и здравомыслящий человек прислушивается и разбирается в окружающем обществе.

Я знаком с ним давным-давно. Он часто бывал в одном доме, куда перед ним открылись двери благодаря его дарованиям. Там была единственная дочь; он клялся отцу и матери, что готов жениться на ней. Те пожимали плечами, смеялись ему в лицо, говорили, что он сошел с ума, и однако на моих глазах дело сладилось. Я давал ему по несколько эку в долг. Он втерся каким-то образом в некоторые порядочные дома, где его сажали за стол, но с условием, что он не будет разговаривать без разрешения. Он молчал и ел с остервенением; надо было видеть его в этом затруднительном положении! Если его разбирало желание нарушить договор и он открывал рот, то при первом же слове все сотрапезники кричали: «Рамо!» Тогда глаза его метали от бешенства искры, и он с еще большей яростью набрасывался на еду.

Вам интересно было знать имя этого человека; вы его знаете теперь⁴. Это — племянник того знаменитого музыканта⁵, который избавил нас от церковных напевов Люлли⁶, — более ста лет тянули мы их речитативом, — Люлли, который написал столько невразумительных бред-

ней и апокалиптических истин о теории музыки, в коих ни сам он, ни другие никогда не могли разобраться, и оставил несколько опер, где есть гармония, обрывки мелодий, бессвязные идеи, трескотня, парение, триумфы, метеоры, нимбы, ропот, победные звуки, от которых захватывает дух, бессмертные мотивы танцев. Похоронив флорентинца, он сам будет погребен итальянскими виртуозами⁷, что он предчувствовал и что делало его угрюмым, печальным, сварливым, ибо ни у кого, даже у хорошенькой женщины, вставшей утром с прыщиком на носу, не бывает такого отвратительного настроения, как у автора, которому грозит опасность пережить свою славу: тому свидетели Мариво⁸ и Кребийон-сын⁹.

Он подходит ко мне:

— А, а! вот и вы, господин философ; что делаете вы здесь, в этой толпе бездельников? Неужели и вы также теряете время на передвигание деревяшек?.. (Это презрительное название дают игре в шахматы и шашки.)

Я .

— Нет, но от нечего делать я не отказываю себе в удовольствии минутку понаблюдать тех, кто передвигает их хорошо.

Он

В таком случае вы редко получаете удовольствие: за исключением Легалья и Филидора, остальные играют, как сапожники.

Я

А господин де-Бисси¹⁰?

Он

Он такой же шахматист, как мадемуазель Клерон¹¹ — актриса: оба не идут в своей игре дальше того, чему можно научиться.

Я

На вас не угодишь; вы, видно, не даёте пощады никому, кроме людей выдающихся.

Он

Да,— в шахматах, в шашках, в поэзии, в красноречии, в музыке и тому подобном вздоре. Какой толк от посредственности в этих видах искусства?

Я

Немного толку, согласен. Но для появления в какой-нибудь отрасли гениального человека должно трудиться множество других людей. Он — один из многих. Однако оставим это. Мы не видались целую вечность. Я почти не думаю о вас, когда вас не вижу, но всегда рад с вами встретиться. Что вы поделявали?

Он

То же, что и вы и все другие,— и хорошее и плохое, а то и вовсе ничего. Кроме того, я бывал голоден и ел, когда представлялся случай; поевши, ощущал жажду и утолял ее ипогда. Тем временем у меня появлялась борода, и когда она отрастала, я брил ее.

Я

И совершенно напрасно: вам нехватает только бороды, чтобы быть мудрецом.

Он

О да! У меня большой, изборожденный морщинами лоб, пылающий взор, резко очерченный нос, широкие скулы, густые черные брови, большой рот, загнутая кверху губа и квадратное лицо. Если бы этот объемистый подбородок покрывала длинная борода, то в бронзе или в мраморе это, знаете, было бы превосходно.

Я

Рядом с бюстами Цезаря, Марка Аврелия, Сократа.

Он

Нет. Я предпочел бы занять место между Диогеном и Фриной: я бесстыден, как он, и охотно посещаю таких, как она.

Я

Вы всегда в добром здравии?

Он

Обыкновенно да, но сегодня мое здоровье не блестяще.

Я

Как так! Да у вас брюхо Силена, а лицо...

Он

Лицо смахивает на то, что позади живота. Если мой дорогой дядюшка сохнет от дурного настроения, то его дражайший племянничек явно толстеет от него.

Я

Кстати, видите вы когда-нибудь вашего дядюшку?

Он

Да, мимоходом, на улице.

Я

Неужели он вам совсем не помогает?

Он

Если он и делает кому-нибудь добро, то сам того не подозревая. Это своего рода философ; он думает только о себе; на остальной мир ему наплевать. Пускай его дочь и жена умирают, когда им заблагорассудится,— лишь бы только в перезвоне приходских колоколов во время заупокойной обедни попрежнему звучали дуодецима и двойная октава терции, и тогда все будет хорошо. Счастливый человек,— и эта черта особенно поражает меня в гениальных людях. Они хороши только для чего-нибудь одного, а кроме этого ни на что не годны; они не знают, что значит быть гражданином, отцом, матерью, родственником, другом. Между нами говоря, следует походить на них во всем, но желать, чтобы эта порода людей

получила широкое распространение, вовсе не следует. Нужны люди, но отнюдь не гении; право, гении совсем не нужны. Они изменяют лицо земли; и однако глупость так обыденна и так всемогуща, даже в мелочах, что без большой кутерьмы ее не переделаешь. Часть их замыслов входит в жизнь, остальное остается по-старому; отсюда два евангелия, костюм арлекина. Мудрость монаха, описанного Рабле, как пельзя лучше приспособлена для его спокойствия и для спокойствия других: исполняй свою обязанность с грехом пополам, всегда отзывайся почтительно о господине настоятеле, а там — хоть трава не расти! И раз толпа довольна, значит все идет хорошо. Если бы я знал историю, я доказал бы вам, что корень зла на земле всегда в гениальных людях; но я не знаю истории, так как я ничего не знаю. Чорт меня побери, если я когда-нибудь чему-нибудь учился и если мне живется хуже от того, что я не учился ничему. Как-то раз я обедал у министра французского короля; этот министр — ума палата; так вот он доказал нам, как дважды два — четыре, что для народа нет ничего полезнее лжи и ничего вреднее правды. Я запомнил его доказательства, но из них следовало с очевидностью, что гениальных людей следует ненавидеть и что если на лбу новорожденного заметны признаки этого опасного дара природы, то его надо задушить или бросить псам.

Я

Однако все эти господа — ненавистники гения — сами претендуют на гениальность.

Он

Очень вероятно, что они думают это про себя, но вряд ли решатся признаться в этом.

Я

Только из скромности. Итак, вы воспылали там страшной ненавистью к гениям?

Он

Неугасимой.

Я

Но помнится, вы приходили раньше в отчаяние от того, что вы лишь заурядный человек. Вы никогда не будете счастливы, если и «за» и «против» будут одинаково огорчать вас; надо составить себе определенное мнение и твердо держаться его. Соглашаясь с вами, что гениальные люди обыкновенно отличаются странностями, или, как говорит пословица, *на всякого мудреца довольно простоты*, все же нельзя согласиться с вашим приговором: будут с презрением относиться к векам, не породившим гениев. Гении возвеличивают народы, у которых они появились; рано или поздно им воздвигают статуи, на них смотрят как на благодетелей рода человеческого. Не в обиду будь сказано тому блистательному министру, на которого вы ссылаетесь, но я думаю, что если ложь может оказать минутную услугу, то с течением времени она неизбежно становится вредной, а истина, наоборот, с течением времени неизбежно приносит пользу, хотя может случиться, что она принесет мимолетный вред. Я склонен сделать отсюда вывод, что гениальный человек, разоблачающий всеобщее заблуждение или завоевывающий признание великой истины, всегда достоин нашего глубочайшего уважения. Может случиться, что он станет жертвой предрассудков и законов, но есть два рода законов: одни — абсолютно справедливые и всеобщие, а другие — несутрадные, вошедшие в силу лишь вследствие ослепления или стечения обстоятельств. Вина в нарушении последних покрывается лишь мимолетным позором, — позором, который со временем падает на судей и народ, оставляя на них несмываемое пятно. На ком тяготеет ныне позор — на Сократе или на судье, принудившем его осушить чашу с цикутой?

Он

Много ли от этого выиграл Сократ? Разве он не был все-таки осужден? Разве он не был все-таки предан

смерти? Разве он перестал быть мятежным гражданином? Своим презрением к дурному закону разве не побуждал он безумцев презирать и хорошие законы? Разве он перестал быть дерзким чудачком? Вы только что были близки к признанию, от которого гениальным людям непоздоровилось бы.

Я

Выслушайте меня, милый человек! Общество не должно было бы иметь дурных законов; а имей оно одни хорошие, ему никогда не приходилось бы преследовать гениальных людей. Я вовсе не говорил вам, что гениальность неразрывно связана со злостью или злость с гениальностью. Дурак чаще бывает злым, чем умный человек. А если бы гении и были по общему правилу резки в обращении, неуживчивы, сварливы, невыносимы, если бы даже они были плохими людьми, то что следовало бы отсюда, по вашему мнению?

Он

Что их надо утопить.

Я

Потише, милый человек! Вот, например, вашего дядюшку никак не возьмешь за образец добродетели. Он груб и жесток, он бесчеловечен, жаден, дурной отец, дурной супруг, дурной дядя; но нельзя считать бесспорным, что это гениальный человек, далеко подвинувший вперед свое искусство, что через десять лет его произведения не будут забыты. Ну, а Расин? Это неоспоримый гений, а он слыл не слишком хорошим человеком. А Вольтер?..

Он

Не напирайте так на меня, я — человек последовательный.

Я

Кого из двух вы предпочли бы — того ли, кто слыл бы славным малым, сросшимся со своим прилавком, как

Бриассон¹², или со своим аршином, как Барбье¹³, кто регулярно каждый год наделял бы свою жену законным ребенком, кто был бы хорошим мужем, хорошим отцом, хорошим дядей, хорошим соседом, честным коммерсантом, и ничего более; или же того, кто был бы пройдохой, вероломным, честолюбивым, завистливым, но зато автором «Андромахи», «Британника», «Ифигении», «Федры», «Аталанты»¹⁴?

Он

Для него самого, право, было бы, пожалуй, лучше, если бы он был первым из двух.

Я

Вы гораздо ближе к истине, чем полагаете.

Он

О, все вы таковы! По-вашему, мы говорим что-нибудь толковое лишь невзначай — как полоумные или по наптю. Только вы — соль земли — умеете рассуждать; но и я рассуждаю, господин философ, и притом не хуже вас.

Я

Посмотрим. Скажите-ка, почему первое было бы для него лучше?

Он

Потому, что все его прекрасные произведения не дали ему и двадцати тысяч франков, а имея он хорошую лавку шелковых тканей на улице Сен-Дени или Сент-Оноре, крупный оптовый склад колониальных товаров или аптеку с многочисленной клиентурой, он нажил бы огромное состояние и, наживая его, катался бы, как сыр в масле. Время от времени от него перепал бы золотой какому-нибудь жалкому фигляру, вроде меня, который потешал бы его и при случае доставлял бы ему девочку, не давая закинуть от нескончаемого нудного сожительства с супругой; мы пировали бы у него на славу, вели бы крупную игру, пили бы отличные вина, отличные ли-

керы, отличный кофе, устраивали бы пикники. Как видите, и я кое-что смыслю. Вам смешно?.. Но дайте же мне досказать: для окружающих было бы лучше, если бы он был таким.

Я

Не спору. Лишь бы он не злоупотреблял бесчестно богатством, нажитым дозволенной торговлей, лишь бы удалил из своего дома всех этих игроков, дармоедов, пошлых подхалимов, тунеядцев, порочных бездельников и приказал бы своим молодцам отколотить палками услужливого господина, вносящего разнообразие в опостылевшее супружество.

Он

Отколотить, сударь, отколотить палками! В благоустроенном городе никого не колотят. Сводничество — дозволенная профессия; им не брезгают даже многие титулованные особы. На кой чорт тогда деньги, если их не тратить на хороший стол, теплую компанию, тонкие вина, красивых женщин, на всевозможные удовольствия, на всякого рода развлечения? По-моему, лучше быть нищим, нежели обладать большим состоянием и ничем себя не потешить. Но вернемся к Расину. Этот человек хорош только для тех, кто с ним незнаком, и для того времени, когда его больше нет.

Я

Согласен. Однако взвесьте принесенное им добро и зло. И через тысячу лет он будет вызывать слезы, будет предметом восторженного поклонения во всех странах земного шара; будет внушать человеколюбие, сострадание, любовь. Будут спрашивать, кто он, из какого края, и будут завидовать Франции. Он причинял страдания нескольким людям, которых нет в живых и которые не представляют почти никакого интереса для нас; нам же нечего бояться ни его пороков, ни его недостатков. Несомненно, было бы лучше, если бы вместе с талантами великого человека он получил от природы и добродетели

хороших людей. Из-за этого дерева засохли некоторые деревья, посаженные по соседству, оно заглушило растения, пустившие побеги у его подножия, но зато вознесло свою вершину до облаков и далеко раскинуло ветви; оно осеняло своей тенью тех, кто приходил, приходит и будет приходить, чтоб искать отдохновения у его величественного ствола; оно дало плоды отменного вкуса, которые беспрестанно возобновляются. Конечно, было бы хорошо, если бы Вольтер имел приятность нрава Дюкло, простоту аббата Трюбле, прямоту аббата Оливе¹⁵, но это невозможно. Взглянем же на предмет с той стороны, которая действительно представляет интерес, забудем на мгновение точку, занимаемую нами в пространстве и времени, и охватим нашим взором будущие века, отдаленнейшие страны и еще не родившиеся народы. Подумаем о благе рода человеческого. Если мы недостаточно великодушны, простим, по крайней мере, природе, что она была мудрее нас. Если вы окатите холодной водой голову Греза¹⁶, то вместе с его тщеславием, может быть, погасите и огонь его таланта. Если сделаете Вольтера менее чувствительным к критике, он не сумеет более проникать в душу Меровы¹⁷, не будет больше трогать вас.

Он

Но если природа столь же могущественна, как и мудра, то почему она не наделила их добротой в такой же степени, как и величием?

Я

Разве вы не замечаете, что подобным рассуждением вы ниспровергаете существующий порядок, и что если бы на земле все было превосходно, то не было бы ничего превосходного?

Он

Вы правы; важно, чтобы вы и я существовали и чтобы мы были — вы и я, а до всего прочего нам дела нет. Наилучший порядок вещей, по-моему, тот, при ко-

тором я должен существовать, и плевать мне на совершеннейший из миров, если меня в нем нет. Существовать — пусть даже в образе беззастенчивого софиста — лучше, чем не существовать вовсе.

Я

Каждый, кто мыслит, как вы, и вместе с тем осуждает существующий порядок, не замечает того, что он отказывается от собственного существования.

Он

Правильно.

Я

Тогда будем принимать вещи, как они есть. Посмотрим, чего они нам стоят, что они дают нам взамен, и оставим в покое целое, которое мы слишком мало знаем, чтобы восхвалять его или хулить, и которое, может быть, не хорошо и не плохо, раз оно необходимо; так думают многие почтенные люди.

Он

Я мало смыслю в том, о чем вы тут толкуете. Это, видно, из области философии, а я, предупреждая вас, в философию не вяжусь. Я знаю только одно: мне очень хотелось бы быть другим, — коли повезет, быть гением, великим человеком; да, да, во мне есть что-то, убеждающее меня в том, что я гожусь в великие люди. Всякий раз, как при мне восхваляют кого-нибудь из них, я втайне прихожу в бешенство. Я завистлив. Когда я узнаю какую-нибудь черточку из их частной жизни, низводящую их с пьедестала, я — на седьмом небе; это сближает нас, я легче мирюсь со своей посредственностью. Я говорю себе: конечно, ты никогда не создашь «Магомета»¹⁸, но ты не напишешь и оды в честь Мопу¹⁹. Меня сердило и сердит, что я посредственность. Да, да, я сердитая посредственность. Всякий раз, как я слышу увертюру оперы «Галантная Индия» или арию «Глубокие бездны Тенара»²⁰, «Ночь, вечная ночь», я думаю про себя

со скорбью: «Ты никогда не создашь ничего подобного». А потому я завидовал своему дяде, и если бы, умирая, он оставил в портфеле несколько прекрасных пьес для клавесина, я, не колеблясь, поменялся бы с ним местами.

Я

Если вас расстраивает только это, не стоит огорчаться.

Он

Ничего,— у меня бывают такие минуты, но это проходит.

Он стал напевать увертюру из «Галантной Индии» и арию «Глубокие бездны»; потом продолжал:

— Какой-то внутренний голос говорит мне: «Рамо, тебе очень хотелось бы сочинить обе эти вещицы; если бы ты сочинил их, то мог бы сочинить две других таких же, а когда создал бы порядочное количество, твои произведения везде играли бы и пели. Ты шагал бы, подняв голову, с гордым сознанием собственного достоинства, другие показывали бы на тебя пальцем и говорили бы: «Вот автор красивых гавотов!» — И он напевал мотивы гавотов; потом с видом человека, упоенного счастьем, с глазами, влажными от наслаждения, продолжал, потирая руки: — У тебя был бы хороший дом (он показывал руками его размеры), хорошая постель (он небрежно разваливался), хорошие вина (он пробовал, причмокивая), хороший экипаж (и он подымал ногу, чтобы сесть в него), хорошенькие женщины (похотливо взирая, он уже хватал их грудь); сотня проходимцев ежедневно ползала бы перед тобой на четвереньках. — И он видел их вокруг себя, видел Палиссо²¹, Пуэнсине²², Фреронов — отца и сына²³, Лапорта²⁴; слушал их, надувшись от важности, поощрял, улыбался, пренебрежительно смотрел, брезгливо морщился, гнал вон, снова звал; затем продолжал: — И вот утром тебе стали бы говорить, что ты великий человек; ты прочел бы в «Трех столетиях»²⁵, что ты великий человек; великий человек Рамо засыпал бы под сладкий рокот похвал, который звучал бы в его ушах; даже при отходе

ко сну у него был бы удовлетворенный вид; его грудь расширялась бы, поднималась и опускалась легко; он храпел бы, как великий человек...

И говоря так, он в истоме опускался на скамейку, закрывал глаза и представлял в лицах свой воображаемый счастливый сон. Насладившись несколько минут отдохновением, он пробуждался, потягивался, зевал, протирали глаза и искал вокруг себя своих пошлых льстецов.

Я

Значит, вы думаете, что счастливый человек спит не так, как другие.

Он

Кому же знать это, как не такому голодранцу, как я? Когда я возвращаюсь вечером на свой чердак, забираюсь на нищенское ложе и съезживаюсь под одеялом, моя грудь сдавлена и дыхание стеснено; это какое-то слабое, чуть слышное стенание, тогда как откупщик оглашает храпом свои покои и приводит в изумление всю улицу. Но в настоящее время меня удручает вовсе не то, что я и храплю и сплю убого, как последний бедняк.

Я

Все же это грустно.

Он

Со мной случилось кое-что погрустнее.

Я

А что такое?

Он

Вы всегда проявляли некоторый интерес ко мне, потому что я добрый малый; в глубине души вы меня презираете, но я забавляю вас...

Я

Что правда, то правда.

Он

Так я вам расскажу, в чем дело.

Прежде чем начать, он выпускает глубокий вздох и подносит руки ко лбу, затем опять принимает спокойный вид и говорит:

— Вы знаете, что я невежда, дурак, сумасброд, наглец, лодырь, — то, что наши бургундцы называют проходимец, мошенник, обжора...

Я

Вот так панегирик!

Он

В нем все верно — слова не выкинешь; пожалуйста, не спорьте. Кому же знать меня, как не мне самому, и я сказал еще далеко не все.

Я

Я вовсе не намерен вас сердить и не буду перечить.

Он

Так вот, я попал к таким людям, которые пристрастились ко мне потому именно, что я наделен всеми этими свойствами, как очень немногие.

Я

Весьма странно. До сих пор я полагал, что эти свойства скрывают от самих себя или извиняют в себе и презирают в других.

Он

Да разве их скроешь от себя? Будьте уверены, что, когда Палиссо остается один и оглядывается на самого себя, он поет совсем другую песню; можете не сомневаться, что с глазу на глаз со своим товарищем он откровенно сознается, что оба они — архиплуты, и только. Презирать эти свойства в других! Люди, с которыми я якшался, были справедливее, и я со своим нравом преуспевал у них как нельзя лучше, катался, как сыр

в масле; меня не знали, куда посадить, чем угостить; со мной пьянчились; стоило мне отлучиться на минуту, и уже скучали без меня; я был для них Рамоша, милуша, дурашка, бесстыжий, неуч, лодырь, сластена, шут, неотесанный болван. При каждом из этих эпитетов меня награждали улыбкой, лаской, похлопыванием по плечу, затрещиной, пинком; за столом — лакомым куском, который швыряли мне на тарелку; когда вставали из-за стола, — вольной шуткой, которой я не придавал значения, ибо сам я не имею значения. Из меня, предомной, со мной можно вытворять что угодно, — я не обижаюсь. И подачки сыпались градом! И вот я, пес, лишился всего этого! Я лишился всего, потому что раз, единственный раз в жизни, проявил здравый смысл. Но это никогда больше не повторится!

Я

В чем же дело?

Он

Рамо! Рамо! Разве тебя для этого пускали? Ты вздумал проявить немножко вкуса, немножко ума, немножко рассудка — какая глупость! Рамо, друг мой, это научит тебя оставаться таким, каким тебя сотворил бог и каким хотят тебя видеть твои покровители. А посему тебя взяли за шиворот, проводили до порога и сказали: «Вон, нахал, и чтобы духу твоего не было! Эта мразь хочет мыслить здраво, рассуждать логически, подумаешь! Вон! У нас своих умников хоть отбавляй». И вот ты побрел, кусая пальцы; лучше бы ты раньше откусил свой проклятый язык! Ты не догадался это сделать, и вот теперь очутился на мостовой, без единого су, не зная, где приклонить голову. Тебя кормили на убой — ты вернешься к харчевне; у тебя была квартирка первый сорт, а теперь хорошо, если тебя пустят обратно на твой чердак; ты почивал на барской постели — тебя ждет соломенное ложе между кучером господина де-Субиза²⁶ и приятелем Роббе²⁷: вместо того, чтобы спать попрежнему сладко и спокойно, ты одним ухом будешь слы-

шать ржанье и топот лошадей, а другим — в тысячу раз более нестерпимое бормотанье сухих, корявых варварских виршей. В тебе сидит миллион чертей, несчастный остолоп!

Я

Но разве никак нельзя вернуться под гостеприимный кров? Разве ваша оплошность такого рода, что ее нельзя простить? На вашем месте я пошел бы опять к этим господам: вы им нужнее, чем думаете...

Он

О! я уверен, что они издыхают от скуки после того, как я перестал их потешать.

Я

Так вот, я и пошел бы к ним снова; я не позволил бы им обходиться без меня и перейти к каким-нибудь достойным развлечениям; чем черт не шутит?

Он

Ну, этого-то я не боюсь; этого не случится.

Я

Хоть вы и не имеете себе равных, вас может заменить кто-нибудь другой.

Он

Вряд ли.

Я

Согласен; и все же я пошел бы, будь я в таком поистине трагическом состоянии, как вы: на вас лица нет, глаза блуждают, шея оголена, волосы взлохмачены. Я бросился бы к ногам божества и, лежа ниц, сказал бы тихим, прерывающимся от рыданий голосом: «Простите меня, сударыня! Простите! Я — презренный негодяй. То было несчастное мгновение: вы ведь знаете, что я не грешу здравым смыслом — обещаю вам отречься от него навсегда».

Забавнее всего, что в то время, как я держал эту речь, он воспроизводил ее пантомимой: пал ниц, припался лицом к земле, делая вид, что держит обеими руками конец туфли, плакал, рыдал, говорил: «Да, королева моя, да, я обещаю это,—отрекаюсь от здравого смысла навсегда, навсегда...»

Вслед за тем он вскочил и продолжал серьезным и рассудительным тоном.

Он

Да, вы правы. Я вижу, что лучше всего поступить так. Она добрая; господин Вьейар²⁸ говорит, что она предобрая. Я немножко знаю ее доброту; но все же идти унижаться перед распутной бабенкой, умолять о милосердии, ползая у ног ничтожной комедиантки, всегда освистываемой партером! И кому? Мне — Рамо, сыну джонского аптекаря Рамо²⁹, который был порядочным человеком и никогда ни перед кем не пресмыкался! Мне — Рамо, племяннику того, кого называют великим Рамо, того, кто гуляет в Пале-Рояле, гордо подняв голову и размахивая руками, с тех пор как Кармонтель³⁰ нарисовал его согбенным и держащим руки под полами кафтана? Мне — автору пьес для клавесина, которых никто не играет, но которые, быть может, одни только перейдут к потомству и будут исполняться им! Мне! Мне идти!.. Знайте, милостивый государь, что это невозможно,—продолжал он, прижав правую руку к сердцу.—Я чувствую, что-то поднимается там и говорит мне: «Рамо, ты этого не сделаешь». Ведь должно же быть достоинство, присущее человеческой природе, которого ничто не может заглушить. Оно пробуждается ни с того ни с сего, да, ни с того ни с сего, ибо бывают дни, когда я готов пойти на любую низость; вот теперь, например, я за полушку поцеловал бы задницу какой-нибудь Юс.

Я

Но, друг мой, Юс — беленькая, хорошенькая, молоденькая, пухленькая, и даже более брезгливый человек, чем вы, мог бы иногда пойти на такое унижение.

Он

Давайте договоримся: существует поцелуй в задницу в буквальном и переносном смысле слова. Спросите толстяка Бержье, который целует задницу госпожи Ламарк³¹ и в буквальном и в переносном смысле; и, ей-богу, и буквальный и переносный смысл мне тут одинаково противны.

Я

Если выход, который я рекомендую, вам не по душе, то имейте мужество остаться нищим.

Он

Тяжело быть голюй перекастной, когда так много богатых дураков, около которых можно кормиться, и кроме того, презрение к самому себе невыносимо.

Я

А разве вам знакомо это чувство?

Он

Ну, еще бы! Сколько раз я говорил себе: «Как же это так, Рамо: в Париже тысяч десять отличных обеденных столов, на каждом по пятнадцати, по двадцати приборов, и из этих приборов нет ни одного для тебя! Кошельки, полные золота, которым сорят направо и налево, — а тебе не перепадает ни одной монеты! Тысячи ничтожных бездарностей с притязаниями на остроумие, тысячи жалких созданий, лишенных прелести, тысячи пошлых интриганов — прекрасно одеты, а ты ходишь оборванцем. Ну и олух же ты! Разве ты не сумел бы льстить подобно другим? Разве ты не сумел бы лгать, клясться, изменять клятве, обещать, держать или нарушать слово так же, как другие? Разве ты не сумел бы становиться на четвереньки, как другие? Разве ты не сумел бы, не хуже другого, пособить интрижке какой-нибудь барыни или отнести любовную записку какого-нибудь барина? Или ободрить молодого человека, ро-

Le Neveu de Rameau.

... *Verbumis quolibet sunt, malis iniquis.*
Horat. Liber II. Satyr. vii.

Qu'il soit beau, qu'il soit laid, c'est
mon habitude d'être sur les cinq heures du soir
au promenoir du Palais Royal. C'est moi qu'on
voit, toujours seul, tenant sur le banc d'Argenson.
Je m'entretiens avec moi-même de politique,
d'amour, de goût ou de philosophie : j'abris-
sant mon esprit à tout son libertinage ; je le
laisse maître de suivre la première idée sage ou
folle qui se présente, comme on voit d'ord.
L'air de ces jeunes dissolus marcher sur
les pas d'une Courtisane à l'air éveillé, au-
visage riant, à l'œil vif, au nez retroussé,

беющего перед барышней, а барышню уговорить выслушать его? Или же дать понять какой-нибудь мещаночке, что она плохо одета, что красивые серьги, много румян, кружева или платье *à la polonoise* были бы ей очень к лицу, сделали бы ее восхитительной? Что ее ножки созданы не для того, чтобы ходить по улицам пешком? Что один красивый, молодой и богатый господин, у которого расшитый золотом кафтан, великолепный экипаж, шесть рослых лакеев, увидел ее однажды мимоходом, нашел очаровательной и с тех пор не ест, не пьет, не спит, и того и гляди — зачахнет от тоски?

— А папенька?

— Папенька — что за беда! Сперва посердится немножко.

— И маменька — она строго-настрого наказывала мне быть честной девушкой, она говорит, что честь выше всего на свете.

— Старые песни, пустая болтовня.

— А что я скажу на исповеди?

— Вы не увидите больше своего духовника, а если вам придет фантазия все-таки пойти к нему и рассказать историю своего приятного времяпровождения, то это будет стоить вам всего несколько фунтов сахара и кофе.

— Он строгий-престрогий, и раз уже отказался отпустить мне грехи за то, что я пела «Приди в мою обитель».

— Потому что вам нечего было ему дать; когда же вы появитесь перед ним в кружевах...

— Значит, у меня будут кружева?

— Конечно, и притом всевозможных сортов... В красивых бриллиантовых серьгах...

— Так, значит, у меня будут красивые бриллиантовые серьги?

— Да.

— Такие же, как у маркизы, которая заходит иногда в нашу лавку покупать перчатки?

— Точь-в-точь такие... в прекрасном экипаже, запряженном серыми конями в яблоках, с двумя сажен-

ными лакеями, с аралченком и скороходом впереди; и потом — румяна, мушки, шлейф, поддерживаемый пажем.

— На бал?

— На бал, в оперу, в театр... (Сердечко ее уже трепещет от радости... А ты вертишь в пальцах бумажку.)

— Что это такое?

— Ничего.

— Как будто что-то есть.

— Записочка.

— А кому?

— Вам, если вы любопытны.

— Любопытны? Я очень любопытна, дайте прочесть...

(Читает.) Свидание! Это невозможно.

— Когда пойдете к обедне.

— Со мной всегда ходит маменька; но если бы он пришел сюда утречком... Я встаю первой; дома еще спят, а я уже за прилавком...

Он приходит, нравится; в один прекрасный день, под вечер, девочка исчезает, и мне отсчитывают две тысячи экю...

— За чем же дело стало? Ты обладаешь таким талантом и сидишь без хлеба. И тебе не стыдно, несчастный?.. Я вспоминаю кучу проходимцев, которые мне в подметки не годятся, а у них денег куры не клюют. Я ходил в камлотовом камзолишке, а они разодетые в бархат, опираясь на трость с золотым набалдашником, с геммами в перстнях, изображающими Аристотеля и Платона. А кем они были раньше? Жалкими музыкантишками. Теперь же они корчат из себя важных бар. В ту пору я ощущал в себе прилив мужества, подъем душевных сил, остроту мысли, способен был все превозмочь; но это благоприятное настроение, повидимому, продолжалось недолго, так как я до сих пор не мог выбиться на дорогу. Как бы то ни было, — вот дословная передача моих частых разговоров с самим собой; можете перетолковывать их, как вам угодно, только бы вам было ясно, что и мне знакомо презрение к себе,

знакома мучительная неудовлетворенность, которую порождает сознание бесплодности дарований, ниспосланных нам небом; нет муки горше этой. Пожалуй, лучше вовсе не родиться.

Я слушал его; пока он изображал сцену сводничества и совращения молодой девушки, душу мою волновали два противоположных чувства: я не знал, уступить ли желанию расхохотаться, или же отдаться порыву негодования. Я изнемогал; десятки раз смех мешал разразиться гневу; десятки раз гнев, поднимавшийся в глубине моего сердца, заканчивался взрывом смеха. Я был смущен такой пронизательностью и такой низостью, идеями столь верными и одновременно столь ложными, полнейшей извращенностью чувств, полной гнусностью и столь необычной откровенностью. Он заметил происходящую во мне борьбу и сказал: что с вами?

Я

Ничего.

Он

Вам как будто не по себе?

Я

Очень не по себе.

Он

Так что же вы мне посоветуете?

Я

Переменить тему разговора. Несчастный, до какого омерзительного состояния вы дошли! ³²

Он

Согласен; но все же не принимайте моего состояния слишком близко к сердцу; когда я разоткровенничался с вами, в мои планы вовсе не входило огорчать вас. Живя у этих людей, я отложил кое-что на черный день; не забывайте, что я не нуждался ни в чем, решительно ни в чем, и мне не жалели денег на мелкие расходы.

Он снова начал бить себя по лбу кулаком, кусать губы и закатывать глаза к потолку, говоря:

— Но это уже дело конченное. Я кое-что скопил. День да ночь — сутки прочь; а от этого всегда прибыль.

Я

Вы хотите сказать — убыток?

Он

Нет, нет, прибыль. Богатеешь час от часу: жить днем меньше — все равно, что скопить на экую больше. Самое важное — испражняться каждый вечер легко, без патуги, приятно и обильно, о *stercus pretiosum*! * Вот конечный результат жизни людей всякого звания и положения. В последнюю минуту все одинаково богаты — и Самюэль Бернар³³, оставивший двадцать семь миллионов золотом, нажитых воровством, грабежом, банкротствами, и Рамо, который не оставит ни гроша, Рамо, которого завернут в холстину, пожертвованную сердобольными людьми. Мертвый не слышит звона колоколов. Напрасно сотня попов горланит над ним, напрасно движется вперед и тянется вслед длинная вереница горящих факелов: душа его не шествует рядом с церемониймейстером. Под мрамором ли гнить, или гнить под землей — не все ли равно? Будут окружать ваш гроб красные и синие сироты³⁴ или около него не будет никого, — какое это имеет значение? А кроме того, посмотрите-ка хорошенько на кисть моей руки; она была чертовски неподатлива; эти десять пальцев были словно палки, воткнутые в деревянную пясть; а эти сухожилия были точно старые струны — еще более сухие и окостенелые, еще менее гибкие, чем на колесе токаря; но я так их напрягал, так вытягивал, так обламывал... А! ты не хочешь двигаться, но ты у меня задвигаешься, чорт тебя дерн, вот так!..

* О драгоценные испражнения!

С этими словами он схватил правой рукой пальцы и занялся левой и принялся выворачивать их то вверх, то вниз; концы пальцев касались руки, суставы хрустели; я боялся, как бы он не вывихнул их.

Я

Осторожнее, вы себя изувечите.

Он

Не бойтесь: они дрессированные; за десять лет им здорово от меня досталось; плутам пришлось волей-неволей привыкнуть к этому, и они научились ударять по клавишам и летать по струнам; зато теперь дело идет на лад, да, идет на лад...

Тем временем он принимает позу скрипача; напевает *allegro* из Локателли³⁵, правой рукой подражает движению смычка, тогда как пальцы левой перебегают вдоль грифа; если берет фальшивую ноту, останавливается, натягивает или ослабляет струну; пробует ногтем, настроена ли она в тон; продолжает пьесу с того места, на котором остановился. Отбивает такт ногой, вертит, как бесноватый, головой, ногами, руками, туловищем, подобно Феррари или Шнабрану³⁶, или же какому-нибудь другому виртуозу, которых вы видите иногда на пасхальном концерте; их сводят те же конвульсии, они представляют зрелище такой же пытки и причиняют мне почти такое же страдание: разве не тягостно видеть, как мучается тот, кто старается изобразить перед вами наслаждение? Опустите занавес между этим человеком и мною, скройте его от меня, если он предстает предо мной в образе пытаемого на допросе! Если во время этих неистовств и криков Рамо представлял себе музыкальный пассаж, одно из тех гармоничных мест, когда смычок медленно движется по нескольким струнам сразу, то лицо его принимало восторженное выражение, голос замирал, он с восхищением слушал себя в полной уве-

ренности, что аккорды звучат и в его и в моих ушах. Затем, засунув свой инструмент под мышку левой руки и уронив правую руку со смычком, он спросил:

— Ну, что вы скажете?

Я

Чудесно.

Он

Как будто недурно; звучит почти так же, как у других...

Вслед за тем он присел, изображая музыканта, который садится за клавесин.

Я

Прошу вас пощадить и меня и себя.

Он

Нет, нет, раз вы попались ко мне в лапы, извольте слушать. Я вовсе не желаю, чтобы меня одобряли неизвестно за что. Вы будете хвалить меня с большей уверенностью; авось, и ученичок подвернется.

Я

У меня так мало знакомых, и вы только утомитесь понапрасну.

Он

Я никогда не устаю.

Видя, что мое сострадание (после сонаты на скрипке он обливался потом) не поведет ни к чему, я решил предоставить ему делать, что угодно; и вот он уже сидит за клавесином, согнув ноги, закинув голову к потолку, где точно читает партитуру, напевает, прелюдирует, исполняет пьесу Альберти³⁷ или Галуппи³⁸, не знаю, кого именно из них. Голос его далеко разносился, а пальцы летали по клавишам, то переносясь с верхней клавиши к нижней, то оставляя партию аккомпанемента, чтобы вернуться к мелодии. На лице его сияла гамма страстей; можно было различить нежность,

гнев, наслаждение, скорбь; можно было уловить piano и forte, и я уверен, что больший знаток, чем я, узнал бы отрывок по движениям, по характеру музыки, выражению лица и некоторым эффектным руладам, время от времени вырывавшимся из его уст. Курьезнее всего, что иногда он перебирал клавиши как будто неуверенно, начинал снова, точно сбываясь, и досадовал, что пальцы его наигрывают не то, что нужно.

— Итак, вы видите, — сказал он, вставая и вытирая капли пота, катившиеся по его щекам, — что мы тоже умеем вставить тритон, увеличенную квинту, и что соединение доминант нам хорошо известно. Эти энгармонические пассажи, которыми так нашумел дорогой дя-duшка, не ахти какая премудрость; нам это нипочем.

Я

Вы слишком утруждали себя, чтобы показать мне свою виртуозность; я бы вам и так поверил на слово.

Он

Виртуозность? О нет! Что же касается моего ремесла, то я знаю его приблизительно — и даже больше, чем нужно: разве у нас необходимо знать то, чему учишь?

Я

Не больше, чем знать то, чему учишься.

Он

Верно, чорт возьми, совершенно верно! Скажите-ка, господин философ, по правде, положи руку на сердце: в былое время у вас не было такой толстой мошны, как теперь?

Я

Она и теперь не очень толста.

Он

Вы не ходите больше в летнюю пору в Люксембургский сад... Помните?

Я

Оставьте это; да, помню.

Он

В сером плюшевом рединготе...

Я

Да, да.

Он

Протертом с одной стороны, с рваным обшлагом, и в черных шерстяных чулках, заштопанных сзади белыми нитками.

Я

Ну да, да, — пусть так.

Он

Что поделявали вы тогда в аллее Вздохов?

Я

Представлял довольно печальную фигуру.

Он

Выходя оттуда, гранили мостовую.

Я

Не спору.

Он

Давали уроки математики.

Я

Не зная в ней ни аза; вот куда вы гнули?

Он

Вот именно.

Я

Я учился, уча других, и кое-кого научил по-настоящему.

Фронтиспис первого французского изд.
«Племянник Рамо» 1821 года

О н

Возможно; но музыка не то, что алгебра или геометрия. Теперь вы стали важным господином.

Я

Не таким уж важным.

О н

У вас завелись деньжонки.

Я

Самая малость.

О н

И вы приглашаете учителей для своей дочки.

Я

Нет еще. Ее воспитанием ведает мать; надо, чтобы мир в семье не парушался.

О н

Мир в семье? Он бывает только тогда, когда муж или под башмаком у жены, или владыка; надо быть владыкой. У меня была жена. Богу угодно было взять ее душу. Когда она, бывало, огрызнется, я ей спуску не давал, бушевал так, что небу становилось жарко; я говорил как бог: «Да будет свет» — и появлялся свет. Зато за четыре года ни один из нас и десяти раз не возвысил голос. Сколько лет вашему ребенку?

Я

Это не имеет отношения к делу.

О н

Сколько лет вашему ребенку?

Я

Чорт возьми! оставим в покое мою девочку и ее возраст и потолкуем о ее будущих преподавателях.

Он

Ей-богу, я не знаю никого упрямее философа. Покорнейше прошу, монсиньор философ, удостоьте сказать, сколько приблизительно лет вашей достоуважаемой дочери?

Я

Предположим — восемь.

Он

Восемь лет! Уже четыре года, как ей следовало бы перебирать пальчиками клавиши.

Я

Но, может быть, я не очень-то и хочу включать в план ее воспитания предмет, который берет столько времени и приносит так мало пользы.

Он

Чему же вы будете учить ее тогда, скажите, пожалуйста?

Я

Правильно рассуждать, если у меня хватит уменья: так мало мужчин, способных на это, а женщин и того меньше.

Он

Э! пусть она мелет какой угодно вздор, лишь бы была красива, интересна и кокетлива.

Я

Природа обошлась с ней довольно немилостиво: наделив хрупким организмом и чувствительной душой, подвергла суровым житейским невзгодам, как будто дочь моя крепкого сложения и сердце ее из бронзы, — поэтому я научу ее, если смогу, мужественно переносить испытания.

Он

Э! пусть ваша дочь плачет, страдает, жеманится, будет слабонервной особой, подобно другим, лишь бы она была красива, интересна и кокетлива. Как! И танцам не обучаете?

Я

Не больше, чем надо, чтобы делать реверанс, держать себя прилично, выступать с достоинством, иметь грациозную походку.

Он

Пения — нисколечко?

Я

Не больше, чем нужно для хорошей 'дикции.

Он

Музыку совсем по боку?

Я

Если бы нашелся хороший преподаватель гармонии, я охотно поручил бы ему заниматься с нею часа два в день в течение одного-двух лет, не больше.

Он

А чем же вы замените эти существенные предметы, упраздняемые вами?

Я

Грамматикой, мифологией, историей, географией, отчасти рисованием и главным образом — моралью.

Он

Как легко мне было бы доказать вам ненужность всех этих знаний в таком обществе, как наше! Я говорю — ненужность; следовало бы сказать — опасность! А пока я ограничусь вопросом: вам, вероятно, понадобится учитель для дочки, а может быть, и два?

Я

Конечно.

Он

А, вот как! И вы надеетесь, что эти учителя будут знать грамматику, мифологию, историю, географию, которым будут ее обучать? Сказки, достоуважаемый, сказки! Знай они эти предметы достаточно хорошо, чтобы преподавать, они их не преподавали бы.

Я

Почему же?

Он

Потому что на изучение этих наук они потратили бы всю свою жизнь. Необходимо глубокое прощипывание в искусство или в науку, чтобы вполне овладеть их основами. Классические произведения могут быть доведены до совершенства лишь теми, кто успевает поседеть над этой работой; середина и конец освещают потемки начала; спросите вашего друга Даламбера, корифея математики, достаточно ли он силен, чтобы изложить ее основы. Лишь после тридцати-сорока лет занятий мой дядюшка распознал первые проблески теории музыки.

Я

О, безумец, трижды безумец! Какой ералаш в твоей голове! Мешанина из замечательно верных мыслей и диких бредней! Как это объяснить?

Он

А черт его знает! Эти мысли случайно приходят в голову и остаются там. Но факт, что пока не знаешь всего,—ничего толком не знаешь; неизвестно, что от чего, что к чему, что за чем должно следовать. Можно ли преподавать по-настоящему без системы? А как вырабатывается система? Знаете, дорогой философ, по моему убеждению, физика всегда будет жалкой наукой, каплей воды, взятой на конце иглы из обширного океана, пес-

чинкой, оторвавшейся от альпийского кряжа! А причины явлений? Право, не все ли равно, ничего не знать или знать так мало и так плохо; и я точно так же не знал ни аза, когда начал обучать аккомпанементу. О чем вы задумались?

Я

Я думаю, что во всем том, что вы мне сказали, больше внешнего блеска, чем основательности. Но оставим это. Вы говорите, что преподавали аккомпанемент и композицию?

Он

Да.

Я

Ровно ничего не зная?

Он

Ничего, готов побожиться; потому-то и были учителя еще хуже меня: те, которые воображали, что они что-то знают. Я хоть не портил ни вкуса, ни техники ребят. Не научившись от меня ничему, они, по крайней мере, не должны были разучиваться, когда переходили к хорошему преподавателю: значит, и деньги были целы, и время не потеряно понапрасну.

Я

Как же вы это делали?

Он

Как и все. Приходил, усаживался. «Какая скверная погода! Мостовая — одно мученье!» Болтал, сообщал новости: «Мадемуазель Лемьер³⁹ должна была играть весталку в новой опере, но она вторично в интересном положении; неизвестно, кто выступит вместо нее. Мадемуазель Арну⁴⁰ только что бросила своего графчика; говорят, она ведет переговоры с Бертенон. А графчик все-таки украл у господина де-Монтами славу открытия письма по фарфору⁴¹. В последнем любительском

концерте одна итальянка пела божественно. Редкостный тип этот Превиль⁴²: стоит посмотреть его в «Галантном Меркурии»; сцена с загадкой — верх совершенства. Бедняжка Дюмениль⁴³ ни сказать, ни ступить больше не умеет... Ну, мадемуазель, возьмите ноты».

Пока мадемуазель ищет, не спеша, ноты, куда-то засунутые сю, пока зовут и распекают горничную, я продолжаю:

— Клерон поистине непостижима. Говорят об одном весьма нелепом браке: выходит замуж мадемуазель... как, бишь, ее? — бабенка, находившаяся на содержании у...; он наградил ее двумя или тремя детьми; она прошла уже через столько рук...

— Бросьте, Рамо, вы зря болтаете; этого не может быть.

— Я вовсе не болтаю зря; говорят даже, что дело слажено... Распространился слух, что Вольтер умер⁴⁴; тем лучше.

— Почему же тем лучше?

— Потому что он, повидимому, собирается выпнуть какую-нибудь забавную штуку; он имеет обыкновение умирать за две недели до этого...

Словом, я передавал несколько сплетен, принесенных из домов, где уже побывал, ибо все мы великие сплетники; паясничал; меня слушали, смеялись, кричали: «Он всегда очень мил». Между тем ноты мадемуазель оказывались под креслом, затащенные туда, изжеванные, изорванные mopсом или котенком. Она садилась за клавесин, сначала барабанила по нему одна, затем подходил я, переглянувшись с матерью и жестом выразив одобрение.

М а м а ш а

Педурю; была бы только охота учиться, но ее нет; она предпочитает тратить время на болтовню, тряпки, беготню, — на всякий вздор. Как только вы уходите, ноты сейчас же закрываются и остаются так до вашего прихода, а вы никогда даже не пожурите ее.

Но все же надо было что-то делать; я брал руки ученицы, ставил их по-другому, сердился, кричал:

— *Соль, соль, соль, мадемуазель! Это — соль!*

М а м а ш а

Вы совсем оглохли, мадемуазель? Хоть я и не сижу за клавишном и не вижу ваших нот, но чувствую, что надо взять *соль*. Вы изводите господина учителя; удивляюсь его терпению; вы не помните ничего из того, что он вам говорит, не делаете никаких успехов.

Тогда я заступался за барышню и говорил, покачивая головой:

— Простите, сударыня; могло бы идти лучше, если бы мадемуазель пожелала, если бы она немножко записалась, но и так недурно.

М а м а ш а

На вашем месте, сударь, я целый год держала бы ее на одной пьесе.

— О, она будет сидеть на ней, пока не осилит всех трудностей, но это будет скорее, чем вы думаете, сударыня.

— Вы ее чересчур хвалите, господин Рамо. Вы слишком добры. Из всего урока она только это и запомнит и будет повторять мне ваши слова при каждом удобном случае.

Проходил час, ученица подавала мне мой конвертик, грациозно округляя руку и приседая, как ее учил танцмейстер; я клал его в карман в то время, как мамаша говорила: «Очень хорошо, мадемуазель; будь здесь Фавилье⁴⁵, он аплодировал бы вам...» Я болтал из приличия еще минуту, затем исчезал. Вот что называлось тогда уроком музыки.

Я

А в настоящее время это, значит, нечто иное?

Он

А то как же! Я прихожу с важным видом; спешу снять муфту, открываю клавесин, беру несколько аккордов. Всегда тороплюсь; если приходится хоть минуту ждать, кричу, как будто меня обворовывают: через час я должен быть там-то; через два часа у герцогини такой-то; меня ждут к обеду у красавицы маркизы, а от нее я еду на концерт к барону Батте⁴⁶, на Нев-де-Пти-Шан.

Я

А между тем вас нигде не ждут?

Он

Нигде.

Я

Зачем же прибегать к таким мелким, низким уловкам?

Он

Почему — низким? Скажите, пожалуйста. В моей профессии это дело обычное; я не унижаю своего достоинства, поступая, как все прочие. Не я придумал эти уловки, и я был бы чудачком и растяпой, если бы не прибегал к ним. Конечно, я прекрасно знаю, что, ежели вы примените сюда некоторые общие принципы какой-то там морали, которые у всех на устах и которых не соблюдает никто, то белое окажется черным, а черное — белым; но, господин философ, ежели существует общераспространенный кодекс морали так же, как общая для всех грамматика, то в каждом языке существуют, кроме того, исключения, которые вы, ученые господа, называете... помогите же мне...

Я

Идиомами.

Он

Совершенно верно. Так вот, у каждого звания — свои исключения из общего кодекса морали, которые я охотно называл бы *идиомами* профессии.

Я

Согласен. Фонтенель хорошо говорит, хорошо пишет, хотя его стиль кишит французскими *идиомами*.

Он

Государь, министр, откупщик, судья, военный, литератор, адвокат, прокурор, коммерсант, банкир, ремесленник, учитель пения, учитель танцев — честнейшие люди, хотя их поведение отклоняется от общего кодекса морали и изобилует моральными *идиомами*. Чем древнее строй, тем больше в нем *идиомов*; чем несчастнее эпоха, тем многочисленнее *идиомы*. Каков человек, такова и профессия, и наоборот, — какова профессия, таков и человек. Поэтому и стараются, елико возможно, возвеличить свою профессию.

Я

Из всей этой путаницы мне ясно только, что мало профессий, в которых соблюдается честность, и мало людей, честных в своей профессии.

Он

Верно! Их вовсе нет, но зато редко кто плутует вне своей лавочки, и все шло бы неплохо, не будь некоторых людей, которые слынут усидчивыми, аккуратными, строго исполняющими свои обязанности, педантичными, или, что то же самое, сидят сиднем в своей лавочке, с утра до вечера занятые только своей профессией. Зато одни они набивают шишу, одни они в почете.

Я

С помощью *идиомов*.

Он

Вот именно; вы, видимо, меня поняли. Так вот существует *идиом*, свойственный людям почти всякого звания и положения, ибо есть *идиомы*, общие всем странам, всем временам, подобно общераспространенным глупостям; общераспространенный *идиом* заключается в

стремлении расширить, насколько возможно, круг своей клиентуры; общераспространенная глупость — в вере, что мастер своего дела тот, у кого больше всего клиентов. Вот два исключения из всеобщего кодекса морали, к которым приходится приспосабливаться. Это нечто вроде кредита, и само по себе — ничто, но получает цену благодаря общественному мнению. Говорят: *добрая слава дороже богатства*; однако, кто имеет добрую славу, — не имеет богатства, и я вижу теперь, что у кого есть богатство, у того нет недостатка и в доброй славе. Надо иметь, по возможности, и добрую славу и богатство; для этого я стараюсь возвысить себя в глазах других с помощью того, что вы именуете низкими изворотами, недостойными уловками. Я даю урок, и даю его хорошо: вот общее правило; я стараюсь уверить, что уроков у меня больше, чем у дня часов, — вот это идиом.

Я

А урок вы хорошо даете?

Он

Да, неплохо, сносно. Основной бас⁴⁷ дорогого дя-дюшки очень упростил все это. Когда-то я крал деньги своих учеников; да, крал их, — это так; в настоящее время я их зарабатываю не хуже других.

Я

И вы крали без угрызений совести?

Он

О! без всяких угрызений. Есть пословица: вор у вора ворует — чорт потешается. Родители моих учеников не знали, куда девать деньги, нажитые темными путями; это были придворные, откупщики, крупные коммерсанты, банкиры, дельцы; я помогал им возвращать обратно награбленное — я с оравой других таких же прихлебателей. В природе пожирают друг друга

все виды животных; в обществе пожирают друг друга все сословия. Мы чиним суд и расправу друг над другом, обходясь без закона. Прежде Дешан⁴⁸, ныне Гимар⁴⁹ — мстят откупщику за принца, а владелица модной мастерской, ювелир, обойщик, белошвейка, жулик, горничная, повар, шорник — мстят Дешан за откупщика. Среди всего этого люда одни олухи и ротозои остаются на бобах, не ощипав никого, — так им и надо. Отсюда ясно, что эти исключения из общего кодекса морали, или эти моральные идиомы, по поводу которых поднимают такой шум, именуют их темными делишками, — ничего ужасного не представляют, и что, в конечном счете, надо только обладать верным глазомером.

Я

Я дивлюсь вашему.

Он

А кроме того, голод — не тетка: голос совести и чести очень слаб, когда в брюхе пусто. Достаточно того, что, если я когда-нибудь разбогатею, то мне придется возвращать нажитое, и что я твердо решил возвращать его всеми возможными способами: с помощью званных обедов, попок, картежной игры, женщин.

Я

Но боюсь, что вы никогда не разбогатеете.

Он

Я тоже опасюсь этого.

Я

Но если бы случилось иное, как вы поступите?

Он

Так же, как все выбившиеся в люди босяки: буду самым отъявленным, невиданным негодяем. Тогда-то я и припомню все, что перестрадал из-за них, и сторпцей отплачу им за все издевательства. Я люблю повелевать,

и буду повелевать. Люблю, чтобы меня восхваляли, и меня будут восхвалять. Весь сброд Вильморьена⁵⁰ поступит ко мне на содержание, и я скажу им, как говорили мне: «Ну, проходимцы, потешьте меня!» — и меня будут потешать. «Рвите в клочья честных людей!» — и их будут рвать, если только таковые найдутся. А кроме того, у нас будут девчонки; напившись пьяными, мы перейдем на «ты», будем бражничать, врать напропалую, предаваться всякого рода извращениям и порокам; это будет восхитительно. Мы докажем, что у Вольтера нет гения, что вечно высокопарный Бюффон не что иное, как напыщенный фразер, что Монтескьё не имеет ничего, кроме притязаний на остроумие. Даламбера мы загоним в его математику; мы расправимся со всеми этими маленькими Катонами, вроде вас, презирающими нас из зависти, скромничаящими из гордости и воздержанными поневоле. А музыка! Вот тогда-то мы займемся и музыкой.

Я

Я вижу, что вы достойно использовали бы богатство; как жаль, что вы нищий! Вы вели бы жизнь, которая возвеличила бы род человеческий, была бы очень полезна вашим согражданам, стяжала бы громкую славу вам самим.

Он

Но вы, кажется, подтруниваете надо мной. Вы не знаете, над кем смеетесь, господин философ; вы не подозреваете, что в данный момент я олицетворяю важнейшую часть города и двора. Говорят ли себе наши толтосумы всех сословий то же самое, что поведал я вам, или не говорят, но факт, что образ их жизни в точности соответствует тому, какой вел бы я на их месте. Вы, господа хорошие, полагаете, что все находят счастье в одном и том же, — вот до чего вы договорились! Какие бредни! Предпосылкой вашего счастья является известное романтическое направление ума, отсутствующее у нас, особый склад души, своеобразные

наклонности. Вы украшаете это чудачество именем добродетели, называете его философией; но разве добродетель и философия созданы для всех? Кто может, обладает ими; кто может, остается им верен. Вообразите, что все были бы мудрецами и философами: согласитесь, что тогда было бы чертовски скучно жить на свете. Зарубите себе на носу — да здравствует философия, да здравствует мудрость Соломона: пить хорошие вина, объедаться изысканными блюдами, путаться с хорошенькими бабенками, поживать на пуховых постелях! За исключением этого, прочее — суета сует.

Я

Как! А защита отечества?..

Он

Суета сует! Нет больше отечества: от одного полюса до другого я не вижу никого, кроме тиранов и рабов.

Я

А помощь друзьям?..

Он

Суета сует! Разве есть у кого-нибудь друзья? А если бы они и были, то зачем делать из них неблагодарных? Приглядитесь хорошенько, и вы увидите, что почти всегда такова мзда за оказанные услуги. Благодарность — бремя; а всякое бремя создано для того, чтобы стряхнуть его с себя.

Я

А общественное положение и исполнение связанных с ним обязанностей?..

Он

Суета сует! Суть дела не в положении, а в том, чтобы быть богатым; и положения добиваются только для того, чтобы разбогатеть. Исполнение своих обязанностей — к чему это ведет? К зависти, к склоке, к травле. Разве таким путем делают карьеру? Ходить на поклон, чорт

возьми! околачивать пороги сильных мира сего, изучать их вкусы, потакать их прихотям, угождать их порокам, одобрять их несправедливости—вот в чем секрет.

Я

А наблюдение за воспитанием своих детей?..

Он

Суета сует! Это дело наставника.

Я

А если этот наставник, проникшись вашими принципами, будет пренебрегать своими обязанностями, кто заплатится за это?

Он

Во всяком случае не я, но, пожалуй, муж моей дочери или жена моего сына.

Я

А если ваши дети предадутся разврату и порокам?

Он

Это соответствует их положению.

Я

А если они обесчестят себя?

Он

Кто богат, не может себя обесчестить, что бы он ни вытворял.

Я

А если они разорятся?

Он

Тем хуже для них.

Я

Я вижу, что если вам нет дела до поведения вашей жены, ваших детей, ваших слуг, то вы легко можете запустить и свои денежные дела.

Он

Простите, подчас бывает трудно раздобыть деньги, и потому благоразумие повелевает нам позаботиться об этом заблаговременно.

Я

Вы будете мало заботиться о вашей жене?

Он

Совершенно не буду, если вам угодно знать. Помоему, наилучший способ обращения со своей дражайшей половиной — потакать ее прихотям. Если бы каждый член общества исполнял свой долг, то была бы скука смертная. А как по-вашему?

Я

Почему же скука? Вечер кажется мне особенно приятным, когда я доволен своим утром.

Он

И мне также.

Я

Светские люди так разборчивы в выборе развлечений оттого, что живут в полной праздности.

Он

Не думайте этого: они много суетятся.

Я

Никогда не зная усталости, они никогда не знают и отдыха.

Он

Не думайте: они беспрестанно устают до изнеможения.

Я

Удовольствие для них всегда дело, а не простая потребность.

Он

Тем лучше; потребность всегда мука.

Я

Они пользуются всем. Их душа притупляется, скука овладевает ею. Избыток всего становится им в тягость; им оказал бы услугу тот, кто лишил бы их жизни; ведь им неведома вся полнота счастья: они знают в нем лишь то, что придается всего скорее. И я не пренебрегаю чувственными наслаждениями, и у меня есть небо; изысканные яства и тонкие вина услаждают и его; и у меня есть сердце и глаза, и я люблю смотреть на красивую женщину, люблю чувствовать под своей рукой ее твердую и округлую грудь, прижимать губы к ее устам, черпать сладострастие в ее взглядах и замирать в ее объятиях. Я непрочь и кутнуть порой с друзьями, и даже здорово кутнуть. Но, не скрою от вас, мне гораздо приятнее помочь какому-нибудь горемыке довести до конца трудное дело, дать спасительный совет, прочесть интересную книгу, совершить прогулку с мужчиной или женщиной, близкими моему сердцу, провести несколько поучительных часов со своими детьми, написать хорошую страницу, исполнить свои общественные обязанности, сказать любимой что-нибудь нежное и приятное, после чего ее руки обовьются вокруг моей шеи. Мне известны такие поступки, что я охотно отдал бы все, что имею, лишь бы совершить их. «Магомет» — шедевр, но я предпочел бы смыть пятно с памяти Каласов⁵¹. Один мой знакомый нашел приют в Картахене; то был младший сын, и происходило это в стране, где, по обычаю, все имущество переходит к старшему. И вот он узнает, что его старший брат, баловень слабовольных родителей, дочиста юбобрал отца и мать, выгнал их из родового замка и что старики терпят горькую нужду в каком-то провинциаль-

ном городнишке. Что же делает тогда младший, которого суровое обращение родителей вынудило уехать в дальние края попытать счастья? Он приходит им на помощь деньгами, спешит устроить свои дела, возвращается богачом, водворяет отца и мать в старое жилище, выдает сестер замуж. По его собственному признанию, то была счастливейшая пора его жизни, дорогой мой Рамо; он говорил мне об этом времени со слезами на глазах, и я сама чувствую, рассказывая вам эту историю, что мое сердце охвачено радостным смятением и восторг прерывает мою речь⁵².

Он

Вы странное существо.

Я

А вы существо, достойное всякого сожаления, если вы не в состоянии постичь, что можно возвыситься над судьбой и что нельзя быть несчастным, совершив два столь прекрасных деяния.

Он

Вот вид счастья, с которым мне было бы трудно освоиться, ибо он встречается редко. Так значит, по-вашему, надо быть честным?

Я

Чтобы быть счастливым — конечно.

Он

Однако я вижу множество честных и тем не менее несчастных людей, и множество счастливых, несмотря на то, что они бесчестны.

Я

Это вам только кажется.

Он

Но мне некуда сегодня пойти поужинать оттого, что я проявил на минуту здравый смысл и прямоту! Разве это не так?

Я

О нет! Это происходит оттого, что вы не обладали ими всегда; оттого, что во-время не поняли необходимости создать себе источник существования, помимо, холопства.

Он

С холопством или без холопства, но мой источник существования, по крайней мере, самый легкий.

Я

И вместе с тем самый ненадежный и самый бесчестный.

Он

Зато он как нельзя более подстать моему праву дармоеда, глупца, прохвоста.

Я

Согласен.

Он

И раз я могу добиться счастья пороками, мне свойственными, приобретенными мною без труда и сохраняемыми без усилий, гармонирующими с правами моих соплеменников, соответствующими вкусам моих покровителей и всему их обиходу более, нежели добродетели, которые стесняли бы их, с утра до вечера изобличая их недостатки, то было бы очень странно, если бы я стал мучиться, как окаженный, коверкая себя и заставляя быть не тем, что я есть, навязывая себе чуждый мне нрав, свойства весьма почтенные,— не буду спорить,— но такого рода, что мне стоило бы немало труда приобрести и применять их, и они не привели бы ни к чему, быть может, даже хуже, чем ни к чему, являясь постоянной сатирой на богачей, около которых должны искать себе пропитания такие бедняки, как я. Восхваляют добродетель, но ее ненавидят, от нее бегут; она замораживает, а в этом мире надо держать ноги в тепле. И потом это неизбежно омрачило бы мой нрав; почему среди святош

так часто встречаются черствые, раздражительные, неуживчивые люди? Потому, что они навязали себе задачу, несвойственную их природе; они страдают, а кто страдает, заставляет страдать и других; это — дело, не подходящее ни мне, ни моим покровителям; я должен быть весельчаком, ловкачом, забавником, шутком, гаером. Добродетель требует уважения к себе, а уважение стеснительно; добродетелью полагается восторгаться, а в восторге нет ничего забавного. Я имею дело со скучающими людьми и должен их смешить. А смех вызывается шутством и нелепостью; поэтому я должен быть нелепым шутком, и если я не таков от природы, то проще всего падеть шутковскую маску. К счастью, мне незачем притворяться; и без того уже столько лицемеров всех мастей, не считая тех, которые лицемерят сами с собой. Взгляните на кавалера Ламорльера⁵³: он носит шляпу набекрень, задирает голову, смотрит на прохожих через плечо, волочит длинную шпагу у бедра, в любую минуту готов оскорбить самого безобидного человека и как будто бросает вызов каждому встречному; что он делает? все возможное, чтоб убедить себя, будто он храбрец; и однако он трус. Дайте ему щелчок по носу, и он примет его невозмутимо. Хотите, чтобы он сбавил тон? Повысьте голос, покажите ему трость или дайте пинка в зад. Крайне удивленный, что оказался трусом, он спросит вас, кто вам открыл это, откуда вы это узнали. Он сам этого не подозревал минутой раньше: он так привык корчить из себя храбреца, столько времени разыгрывал его, что сам поверил этому.

Или посмотрите на эту женщину: она умерщвляет свою плоть, посещает тюрьмы, участвует во всех благотворительных обществах, ходит, потупив глаза, не осмеливается взглянуть мужчине в лицо, остерегаясь поддаться соблазну; и несмотря на все это, сердце ее воспламеняется, у нее вырываются вздохи, кровь загорается, желания неотступно преследуют ее, и воображение рисует ей ночью сцены из «Шартрского привратника», позы Аретино⁵⁴. Что происходит тогда с ней? Что думает ее

горничная, когда вскакивает в одной рубашке и летит на помощь к своей изнемогающей госпоже? Ступайте обратно, Жюстина, ложитесь: не вас зовет в бреду ваша госпожа!

А кем был бы наш приятель Рамо, если бы в один прекрасный день вдруг стал выказывать презрение к богатству, к женщинам, к хорошему столу, к праздности, вздумал корчить из себя Катона? — лицемером. Рамо должен быть самим собой — счастливым разбойником среди богатых разбойников, а не бахвалом, хвастающим своей добродетелью, и даже не добродетельным человеком, жуящим корку хлеба в одиночестве или бок-о-бок с нищими. Короче говоря, ваше счастье и счастье подобных вам фантазеров — не для меня.

Я

Дорогой мой, вы, очевидно, не имеете понятия о том, что это такое, и даже неспособны это понять.

Он

Тем лучше, чорт возьми! тем лучше; а то я издох бы от голода, скуки, а может быть, и угрызенный совестью.

Я

После этого могу только посоветовать вам вернуться поскорее в дом, откуда вас выгнали за вашу неосторожную выходку.

Он

И делать то, что вы готовы одобрить, если это делается в буквальном смысле слова, и что мне немного противно делать в переносном?

Я

Очень странно.

Он

Ничего странного тут нет; я готов быть мерзавцем, но не желаю быть им по принуждению. Я готов унижать свое достоинство... Вы смеетесь?

Я

Да, меня смешит ваше достоинство.

Он

У каждого свое. Я готов забыть свое достоинство, но добровольно, а не по команде. Неужели я допущу, чтобы мне говорили: «Ползи!», и я обязан был бы ползать? Пресмыкательство свойственно червяку, свойственно и мне; оба мы ползаем, когда нам дают свободно двигаться, но мы выпрямляемся, когда нам наступают на хвост; мне наступили на хвост, и я выпрямился. Кроме того, вы не представляете себе, с каким сбродом мне приходится иметь дело. Вообразите угрюмого меланхолика, страдающего ипохондрией, закутанного в халат, недовольного самим собой и всем на свете. Выделяешь всевозможные курбеты и телом и умом, а он едва улыбнется и холодно наблюдает забавные гримасы моего лица и еще более забавные гримасы моих суждений. Между нами, отец Ноэль, этот противный бенедиктинец, снискавший такую громкую славу гримасами, по сравнению со мной не более, как деревянный паяц, несмотря на свой успех при дворе,—говорю это без хвастовства. Напрасно мучился я, стараясь достичь совершенства обитателей сумасшедших домов,—всё как об стену горох. Засмеется он или не засмеется? — вот какой вопрос я был принужден задавать себе, кривляясь перед ним, и вы сами понимаете, как вредит такая неуверенность таланту. Мой брюзга в ночном колпаке, надвинутом на глаза, походит на неподвижного китайского болванчика, к подбородку которого привязали нитку, спускающуюся под самое кресло. Вы ждете, что нитка задергается, но она не шевелится: если же челюсть приоткроется невзначай, то произносится слово, приводящее вас в отчаяние, слово, показывающее вам, что вас даже не заметили и что все ваши кривлянья пропали даром. Это — ответ на вопрос, заданный вами четыре дня тому назад; слово сказано, — сосцевидный мускул ослабевает, челюсть закрывается.

Затем Рамо стал передразнивать своего брюзгу: уселся в кресло, держа голову неподвижно, нагнув шляпу на самые глаза, полузакрыв их, свесив руки, двигая челюстью, как автомат, и говоря: «Да, вы правы, мадемуазель, это дело тонкое».

— Он изрекает всегда безапелляционно, — изрекает вечером, утром, за туалетом, за обедом, за кофе, за игрой, в театре, за ужином, в кровати и, прости господи, вероятно, даже в объятиях своей любовницы. Я не имел возможности слышать эти последние изречения, но я дьявольски устал от остальных... Унылый, мрачный и неумолчный, как рок, — таков наш патрон.

Против него — чопорная жеманница, напускающая на себя важность, о которой можно сказать с натяжкой, что она еще недурна, хотя на лице ее кое-где видны лишай, а объемом она поспорит с госпожой Бувийон⁵⁵. Я люблю тело, когда оно красиво; но такие тела — это уже слишком, и к тому же, движение существенно необходимо материи! Item она злее, спесивее, глупее гусыни. Item она претендует на остроумие. Item ее надо уверять, что остроумнее ее нет никого на свете. Item она ничего не знает и обо всем судит. Item надо аплодировать ее изречениям и руками и ногами, прыгать от радости, цепенеть от восторга: «Как это прекрасно, изящно, хорошо сказано, как это тонко подмечено, как это необыкновенно прочувствовано! Откуда берется это у женщин? Без изучения — одной силой инстинкта, одним внутренним озарением! Это граничит с чудом! Пусть после этого говорят нам, что для этого нужны опыт, изучение, размышление, воспитание!..» Надо нести подобный вздор и лить слезы от радости; десять раз в день гнуть в три погибели, становиться на одно колено, вытягивая другую ногу назад, простирая руки к богине; угадывать по глазам ее желания, ловить каждое ее слово, ждать ее приказаний и исполнять их с быстротой молнии. Кто захочет покорно играть подобную роль, кроме жалкого бедняка, который два-три раза в неделю находит здесь, чем успокоить терзания своего желудка! Что приходится думать о других,

вроде Палиссо, Фрерона, Пуэссине, Бакиолара⁵⁶; у них есть кое-какие средства, и их низость не может быть оправдана урчаньем голодного брюха.

Я

Я никогда не думал, что вы так непокладисты.

Оп

Я человек покладистый. Сперва я наблюдал, как подвизаются другие, и делал то же, что и они, и даже несколько лучше, так как я более откровенно бесстыден, лучше разыгрываю комедию, сильнее изголодался и наделен лучшими легкими. Повидимому, я происхожу по прямой линии от знаменитого Стентора⁵⁷...

И, чтобы дать мне точное представление о силе своих легких, он закашлял так оглушительно, что затряслось стекло кафе, а шахматисты прервали игру.

Я

Но какая вам польза от этого дарования?

Оп

Вы не догадываетесь?

Я

Нет, я несколько ограничен.

Он

Предположите, что завязался спор и неизвестно, кто возьмет верх; я встаю и громовым голосом возглашаю: «Мадемуазель рассуждает вполне правильно... Вот это логика! Все наши остроумцы ей в подметки не годятся. Это — гениально». Однако не следует хвалить всегда на один лад, а то станешь однообразным, будешь казаться притворщиком, набьешь всем оскомину. Тут выручает сметка, богатая изобретательность; надо умело держать наготове мажорные и минорные тона голоса, не упускать случая, улучшить момент. Когда, например, мнения расходятся, спор принимает крайне страстный харак-

тер, один другого не слушает, все говорят разом, надо занять место в сторонке, в наиболее отдаленном от поля битвы углу комнаты и, подготовив взрыв долгим молчанием, внезапно упасть среди спорящих, как бомба: никто не может состязаться со мною в этом искусстве. Но я особенно неподражаем в противоположной роли: я умею говорить тихоньким голоском, с улыбочкой, в моем распоряжении бесконечное разнообразие подобострастных мин; нос, рот, лоб, глаза — все участвует в мимике; я отличаюсь гибкостью пояса, умею описывать спиным хребтом дугу, поднимать и опускать плечи, растопыривать пальцы, наклонять голову, закрывать глаза, цепенеть, как будто слышу ангельский и божественный голос, исходящий с небес: это-то и льстит. Не знаю, вполне ли вы постигли всю выразительность последней позы: не я ее выдумал, но никто не превзошел меня в мастерстве. Смотрите, смотрите!

Я

Действительно, это неподражаемо.

Он

Как по-вашему: может ли женская голова, скольконбудь зараженная тщеславием, устоять против этого?

Я

Нет. Должен согласиться, что в искусстве разыгрывать из себя шута и унижаться с вами никто не может тягаться.

Он

Как бы все они ни старались, сколько бы их ни было, им все равно этого не достичь: лучший из них, Палиссо, например, всегда останется не больше, как хорошим учеником. Но хотя на первых порах эта роль забавляет и испытываешь некоторое удовольствие, издеваясь в глубине души над глупостью тех, кто упивается твоей лестью, в конце концов это теряет свою соль; и кроме того, после нескольких выдумок поневоле повторяешься: ум и искус-

ство имеют свои границы; лишь для бога да для некоторых редких гениев поприще расширяется по мере движения вперед. Буре⁵⁸, может быть, принадлежит к ним: в нем есть черты, благодаря которым он кажется мне, да, мне самому, верхом совершенства. *Маленькая собачка, книга счастья, факелы по дороге в Версаль* — все это ставит меня втупик и вызывает сознание собственного ничтожества; это способно отвратить от ремесла.

Я

О какой такой собачке вы говорите?

Он

Да вы с луны упали? Как! серьезно, вы не знаете, что придумал этот необыкновенный человек, чтобы отучить от себя и приучить к хранителю королевской печати⁵⁹ собачку, поправившуюся тому?

Я

Каюсь, не ведаю.

Он

Тем лучше. Это одна из самых остроумных выдумок; вся Европа была от нее в восторге; придворные — все поголовно — завидовали Буре. Вы не лишены сообразительности; посмотрим, что придумали бы вы на его месте. Примите во внимание, что собачка любила Буре, что маленькое животное пугалось при виде необыкновенного одеяния министра, что Буре должен был преодолеть все затруднения в какую-нибудь неделю. Надо знать все условия задачи, чтобы вполне постичь трудность ее решения. А ну-ка!

Я

А ну-ка?.. Должен признаться, что перед самой пустяковой задачей такого рода я пасую.

Он

Так слушайте же! (Говоря это, он похлопал меня по плечу со свойственной ему фамильярностью.) Слу-

шайте и дивитесь. Буре заказывает маску, похожую на хранителя королевской печати; раздобывает через камердинера длинную сутану; надевает маску; облачается в сутану; зовет собаку, ласкает ее, дает ей пирожок. Затем внезапная перемена декораций: не хранитель королевской печати, а Буре зовет собаку и стегает ее. Два-три дня таких упражнений — с утра до вечера, — и собака научилась удирать от Буре-откупщика и бросаться со всех ног к Буре — хранителю печати; но я слишком любезен: такой профан, как вы, недостойны быть посвященным в чудеса, которые творятся под самым его носом.

Я

Все же, пожалуйста, посвятите меня в истории с *книгой* и с *факелами* ⁶⁰.

Он

Нет, нет. Обратитесь к первому встречному на улице, и он вам расскажет; а покамест воспользуйтесь случаем, который нас свел, чтобы узнать то, чего никто, кроме меня, не знает.

Я

Вы правы.

Он

Раздобыть сутану и парик! Как это раньше мне не пришел в голову парик хранителя королевской печати! Заказать похожую на него маску! Маска особенно ошеломляет меня. Потому-то этот человек и пользуется таким почетом; потому-то он и обладает миллионами. Есть кавалеры креста св. Людовика, у которых нет куса хлеба. С какой стати гнаться за орденом, с риском сломать себе шею, когда можно пресмыкаться, не подвергаясь никакой опасности и будучи всегда уверенным в награде? Вот что называется — стремиться к величию! Такие образцы обескураживают; проникаешься жалостью к самому себе, приходишь в уныние. Маску! маску! Я дал бы отрубить себе палец за такую находку.

Я

Неужели при таком энтузiasме ко всему прекрасному и при такой гениальности вы ничего не изобрели?

Он

Извините: а подобострастный изгиб спины, о котором я вам говорил? Я считаю его своим изобретением, хотя завистники, пожалуй, будут оспаривать его у меня. Охотно верю, что его применяли и раньше, но кто другой постиг, как удобно в этой позе смеяться втихомолку над наглецом, перед которым распинаешься! Я знаю сотни способов приступить к обольщению молодой девушки на глазах у маменьки так, что та ничего не заметит и даже станет моей сообщницей. С самого своего вступления на это поприще я с презрением отверг все вульгарные способы всучивать любовные записки; я знаю десятки средств устроить так, что у меня вырывают их, и дерзну похвастаться, что среди этих средств есть совсем новые. Но особенно искусно умею я ободрять робких молодых людей. Благодаря мне имели успех многие, не обладавшие ни умом, ни интересной наружностью. Если бы это описать, то за мной, наверно, признали бы некоторую гениальность.

Я

Вы списали бы не совсем обычную славу.

Он

Не сомневаюсь.

Я

На вашем месте я набросал бы это на бумаге. Жаль, если это пропадет.

Он

Правда, но вы не подозреваете, как мало значения придаю я системе и наставлениям! Кто нуждается в протокольной записи, никогда далеко не пойдет. Гении читают немного, зато являются великими практическими деятелями и образуются сами собой. Возьмите Цезаря,

Тюрения, Вобана, маркизу де-Тенсен, ее брата кардинала⁶¹ и его секретаря, аббата Трюбле. А Буре? Кто давал уроки Буре? Никто; сама природа создает таких редких людей. Вы думаете — история с собакой и маской где-нибудь записана?

Я

Но в часы досуга, когда муки пустого желудка или тяжесть переполненного гонят от вас сон...

Он

Я подумаю об этом. Лучше писать о великом, чем заниматься дребеденью. Глядя на прелестную мадемуазель Юс, душа уносится в высь, воображение разгорается, воспламеняется, ширится, между тем как оно безусловно мельчает, когда слышишь аплодисменты, упорно расточаемые глупой публикой жеманнице Данжевиль, которая играет так безвкусно, ходит по сцене, согнувшись почти в три погибели, притворяется, будто смотрит прямо в глаза собеседнику, и подыгрывает ему, принимая свои гримасы за утонченность, а свою манеру семенить ногами — за грацию; или когда раздаются овации напыщенной Клерон, сухопарой, вычурной, деланной, натянутой до крайности⁶². Дурацкий партер неистово хлопает в ладоши и не замечает, что мы представляем букет прелестей (правда, букет этот несколько громоздок, но не в том суть), что у нас чудесная кожа, прекрасные глаза, прехорошенький носик, хотя — нечего греха таить — мало нутра и тяжеловатая походка, но все же не такая неуклюжая, как говорят. Зато по части чувства мы любимую за пояс заткнем.

Я

Вы говорите это проницательно или серьезно?

Он

Плохо только, что это чертовское чувство запрятано так глубоко, что снаружи незаметно даже его проблеска; но я-то знаю, я-то хорошо знаю, что оно есть у нее.

Если это не чувство в настоящем смысле слова, то нечто вроде него. Вы бы только посмотрели, как мы обращаемся с лакеями, когда мы не в духе, какие пощечины закатываем горничным, какие пинки даем «особым поступлениям»⁶³, если они хоть чуть-чуть отступают от подобающего нам почтения! Этот чертенок, уверяю вас, полон чувства и достоинства... Но вы, кажется, не знаете, как вам относиться к моим словам, не правда ли?

Я

Признаюсь, не разберу, искренно вы это говорите или издеваетесь. Я человек простой, будьте же добры говорить со мной без обиняков, без вывертов.

Он

Мы перемываем таким образом перед этой Юс косточки Данжевиля и Клерон, подпуская по их адресу шпильки. Считайте меня каким угодно прохвостом, но согласитесь все же, что я не дурак; а только дурак или потерявший голову влюбленный мог бы говорить серьезно такую ерунду.

Я

Но как хватает духу говорить это?

Он

Это дается не сразу, до этого доходят постепенно.
*Ingenii largitor venter**.

Я

Для этого надо жестоко страдать от голода.

Он

Может быть. Но какой бы нелепицей вам это ни казалось, поверьте, что тем, кому мы несем такой вздор, легче привыкнуть его слушать, чем нам -- его молоть.

* Желудок подкупает ум.

Я

Неужели там еще кто-нибудь осмеливается быть вашим единомышленником?

Он

Что значит — «кто-нибудь»? Так думает и говорит все общество.

Я

Все вы либо большой руки негодяи, либо круглые дураки.

Он

Дураки? Клянусь вам, есть только один дурак — тот, кто уговещает нас за то, что мы его морочим.

Я

Но как он позволяет так грубо себя обманывать? Ведь превосходство таланта Данжевиля и Клерон неоспоримо.

Он

Льстивую ложь глотают большими глотками, а горькую истину принимают по капле. К тому же мы прикидываемся такими убежденными, такими искренними!

Я

И все же иной раз вы, конечно, грешили против правил вашего искусства, и у вас нечаянно вырывались кое-какие горькие истины, которые больно задевают; я думаю, в сущности у вас есть некоторая моральная безразличность, несмотря на презренную, омерзительную, гнусную, ужасную роль, которую вы играете.

Он

У меня? Никакой безразличности. Чорт бы меня побрал, если я знаю, каков я в сущности. Вообще, у меня ум круглый, как шар, а характер гибкий, как ива. Я никогда не фальшивлю, если мне хоть сколько-нибудь выгодно быть правдивым, и никогда не бываю правдивым,

если представляет хоть какую-нибудь выгоду фальшь. Я говорю, что взбрет в башку: коли дельное — ладно, коли вздор — мне не мешают его молоть. Я не пользую в полной мере свое право болтать, что вздумается. Я за всю свою жизнь никогда ничего не обдумывал — ни до разговора, ни во время его, ни после; зато я никого не оскорбляю.

Я

Однако это случилось с вами, когда вы жили у этих почтенных людей, которые вас так баловали.

Он

Что делать! Это было несчастье, один из несчастных моментов, которые бывают в жизни. Счастье не вечно; мне было слишком хорошо, это не могло продолжаться без конца. У нас, как вам известно, собирается весьма многочисленное и самое избранное общество. Это школа гуманности — воскрешение древнего гостеприимства: мы подбираем всех поэтов-неудачников; у нас нашли приют Палиссо — после своей «Зары», Бре — после «Мнимого благородства»⁶⁴, все провалившиеся музыканты, все авторы, которых никто не читает, все освищенные актрисы, все опешившие актеры, орава застенчивых бедняков, пошлых паразитов; я имею честь возглавлять их, быть храбрым вождем толпы трусов. Я угощаю их кушаньями, когда они приходят в первый раз, я приказываю подать им вина; они так робко жмутся по углам. Среди них были молодые люди в лохмотьях, не знавшие, где приклонить голову, но обладавшие счастливой наружностью; попадались мерзавцы, лебезившие перед хозяином, усыпляя его внимание, чтобы попользоваться после него прелестями хозяйки. Мы кажемся веселыми, а в сущности все мы озлоблены и страшно жадны. Мы голоднее волков, лютее тигров; мы пожираем, как волки, когда земля долго одета снежным покровом; терзаем, как тигры, всякого, кто преуспевает. Иногда своры Бертена, Мезанжа⁶⁵, Вильморьена сходятся вместе; какой дикий рев поднимается

тогда в звернице! Невиданное зрелище представляет это сборище унылого, сварливого, зловредного, разъяренного зверья. Только и слышишь, что имена Бюффона, Дюкло, Монтескьё, Руссо, Вольтера, Даламбера, Дидро. И эти имена сопровождаются бог знает какими эпитетами. Мы не признаем ума ни за кем, кто умнее нас. Тут задуман был план комедии «Философы»; сцена с разносчиком сочинена мною в подражание «Теологини по-бабьи»⁶⁶. И вам также досталось там на орехи.

Я

Тем лучше! Может быть, мне делают больше чести, чем я заслуживаю. Если бы те, которые черпят столько талантливых и честных людей, вздумали говорить обо мне хорошо, то это меня только унизило бы.

Он

У нас много, и каждый должен внести дань; после закланья крупных животных мы приносим в жертву остальных.

Я

Надругаться над наукой и добродетелью для того, чтобы жить,— значит добывать хлеб слишком дорогой ценой.

Он

Я уже сказал вам: мы люди маленькие; мы всех ругаем, и никто на нас не обижается. У нас бывает иногда тяжеловесный аббат Оливье, толстый аббат Леблан, лицемер Баттё⁶⁷. Толстый аббат зол только до обеда; после кофе он усаживается в кресло, упирается ногами в решетку камина и дремлет, как старый попугай на жердочке. Если галдеж делается оглушительным, он зевает, потягивается, протирает глаза и говорит:

Ну, что такое, что такое?

— Речь идет о том, остроумнее ли Вольтера Пирон⁶⁸?

— Прежде всего договоримся: об остроумии идет речь или о вкусе? Ибо что касается вкуса, то ваш Пирон даже не подозревает об его существовании.

Rameau's Neffe.

Ein Dialog
von Diderot.

Aus dem Manuscript. übersezt
und
mit Anmerkungen begleitet
von G o e t h e.

Leipzig,
bey G. J. Göschen, 1805.

— Не подозревает?

— Нет...

И вот мы пускаемся в рассуждения о вкусе. Тогда патрон делает знак рукой, чтобы его слушали, так как он особенно кичится своим вкусом. «Вкус,— говорит он,— вкус... это такая вещь...» Клянусь, я не знаю, что он хочет сказать, да и сам он тоже плохо знает.

У нас бывает иногда приятель Роббе; он угощает нас циничными побасенками, рассказами о чудесах янсенистов, которые он видел своими глазами, и чтением песен из своей поэмы на сюжет, известный ему до тонкости⁶⁹. Я терпеть не могу его стихов, но люблю слушать, как он их декламирует: у него тогда вид бесноватого. Все вокруг кричат хором: «Вот это настоящий поэт!..» Между нами говоря, поэзия эта представляет тарабарщину — неразбериху всевозможных звуков, варварское смешение языков строителей Вавилонской башни.

К нам заходит также некий простофиля, заурядный, придурковатый с виду, но умный, как бес, и лукавый, как старая обезьяна. Это одна из тех фигур, которые вызывают шутки и насмешки; бог создал их для исправления людей, которые судят по наружности и должны были бы убедиться, глядя в зеркало, что можно иметь глупый вид, будучи умным человеком, так же, как скрывать глупость под остроумной физиономией. Общая всем подлая черточка — делать из простака козла отпущения на потеху остальным; разве можно отказаться от удовольствия поиздеваться над ним? Эту западню мы ставим вновь прибывшим; я и не видел почти никого, кто не попадался бы в нее.

Меня поражала порою верность наблюдений этого шута над людьми и характерами, и я ему это высказал.

Он

Дело в том, что можно извлечь пользу из скверной компании так же, как из распутства; утрачиваешь не-

винность, зато освобождаешься от предрассудков; в обществе дурных людей порок выступает без маски, — узнаешь их настоящее лицо; кроме того, я кое-что читал.

Я

Что же вы читали?

Он

Я читал, читаю и беспрестанно перечитываю Теофраста, Лабрюйера⁷⁰ и Мольера.

Я

Это превосходные писатели.

Он

Они гораздо лучше, чем думают; но кто же умеет их читать?

Я

Все — по мере своего разума.

Он

Почти никто. Можете ли вы сказать мне, чего в них ищут?

Я

Развлечения и поучения.

Он

Но какого поучения? Вся суть в этом.

Я

Познания своих обязанностей, любви к добродетели, ненависти к пороку.

Он

А я извлекаю из их книг все, что надо делать и чего не надо говорить. Так, читая «Скупого», я думаю про себя: «Будь скрягой, коли хочешь, но остерегайся говорить, как скряга». Читая «Тартюфа», я говорю себе: «Будь ханжой, коли хочешь, но не говори, как ханжа. Сохраняй полезные тебе пороки, но избегай манер и

обличия порочных людей, чтобы не стать посмешищем». Но чтобы предохранить себя от этих манер, от этого обличия, надо их знать, и вот как раз эти авторы особенно хорошо их изобразили. Какой я есть, таким и останусь, но я действую и говорю, как подобает порядочному человеку. Я не принадлежу к тем, которые презируют моралистов; они могут быть весьма полезны, особенно авторы назидательных историй. Порок оскорбляет людей лишь время от времени; внешние признаки порока оскорбляют с утра до вечера... Пожалуй, лучше быть нахалом, чем иметь нахальную физиономию: тот, кто нахален по характеру, оскорбляет по временам; тот, у кого нахальная физиономия, оскорбляет постоянно. Впрочем, не воображайте, что я единственный читатель в этом роде; моя заслуга здесь только в том, что я благодаря пронизательности ума, здравому и правильному взгляду на вещи делал систематически то, что большинство делает инстинктивно. Отсюда происходит, что чтение не делает их лучше меня, но они, вопреки своему желанию, остаются посмешищем, между тем как я бываю шутком лишь тогда, когда хочу быть им, и тут им уж за мной не угнаться: ибо то самое искусство, которое научает меня избегать смешного положения в некоторых случаях,—учит меня так же удачно схватывать смешное в других. Я вспоминаю тогда все, что говорили другие, все, что читал, и прибавляю сюда все, что прет из моего нутра, которое в этом жанре поразительно плодотворно.

Я

Вы хорошо сделали, что открыли мне эти тайны, так как иначе я мог бы подумать, что вы сами себе противоречите.

Он

Ничуть, потому что на один случай, когда надо избегать смешного положения, к счастью, приходится сто, когда надо разыгрывать шута. Нет роли лучше этой, когда околачиваешься около сильных мира сего. Долгое

время существовало звание присяжного королевского шута, но никогда не бывало звания королевского мудреца. Я — шут Бертена и многих других; в настоящую минуту, быть может, ваш, а может быть, вы — мой; разумный человек, конечно, не будет держать шута; значит, тот, кто держит шута, не разумен; а если он не разумен, он сам шут и, быть может, если это король, — даже шут своего шута. К тому же не забывайте, — в столь изменчивом предмете, как нравственность, нет ничего, что было бы абсолютно, по существу, в общем, верно или ложно, за исключением того, что надо быть тем, чем выгодно быть, — хорошим или дурным, рассудительным или шутом, пристойным или нелепым до смешного, честным или порочным. Ежели бы случайно добродетель вела к богатству, я был бы добродетелем или притворялся бы добродетельным не хуже всякого другого; от меня требовали, чтобы я был посмешищем, и я стал посмешищем; что касается пороков, то о них позаботилась сама природа. Когда я говорю «пороков», я применяюсь к вашему жаргону, так как ежели бы мы объяснились, то могло бы оказаться, что вы называете пороком то, что я называю добродетелью, а добродетелью то, что я называю пороком.

У нас бывают также композиторы из «Комической оперы», актеры и актрисы, а чаще всего антрепренеры: Корби, Моэт⁷¹ — все люди со средствами и с самыми высокими достоинствами.

Я забыл упомянуть о великих литературных критиках из «L'Avant-Coureur», «Les Petites-Affiches», «L'Année littéraire», «L'Observateur littéraire», «Le Censeur hebdomadaire»* — о всей клике газетных писак.

Я

«L'Année littéraire»! «L'Observateur littéraire»! Не может быть: они ненавидят друг друга.

* «Передовой голец», «Листок объявляющий», «Литературный год», «Литературный обозреватель», «Еженедельный рецензент» — французские газеты XVIII века.

Он

Верно; но за суповой миской все нищие мирятся. Проклятый «L'Observateur littéraire», чтобы чорт побрал и его самого и его газетенку! Как раз эта собака — жадный аббатишка⁷², вонючий ростовщик — виновник моего крушения. Вчера он впервые появился на нашем горизонте; он пришел в обеденный час, тот самый час, когда все мы вылезаем из своих берлог. В дурную погоду счастлив тот из нас, у кого найдется восемьдесят су в кармане, чтобы заплатить извозчику. Он может поиздеваться над собратом, который приплелся утром по пояс в грязи, насквозь мокрый, и в таком же виде возвращается вечером домой. Несколько месяцев назад один такой несчастный сцепился с савояром, примостившимся у нашего подъезда; у них были денежные счета: кредитор требовал уплаты долга, а у должника в кармане было пусто, и ему не удалось подняться на крыльцо, не испробовав кулаков савояра.

Подают на стол; за аббатом ухаживают, сажают его на почетное место. Я вхожу, замечаю его и говорю: «Как, аббат, вы на первом месте? Ладно, сегодня — куда ни шло, но завтра — не угодно ли вам будет пере-сесть на один прибор подальше, послезавтра — еще на один прибор, пока вы не доберетесь таким образом, от прибора к прибору, вправо или влево, до места, которое до вас занимал один раз я, Фрерон — раз после меня, Дора⁷³ — раз после Фрерона, Палиссо — раз после Дора, и не усядетесь прочно подле меня, такого же прощелыги, как и вы, который *siede sempre come un maestro cazzo fra duoi coglioni**».

Аббат, добрый малый, относящийся ко всему благодушно, засмеялся; мадемуазель, пораженная моей наблюдательностью и меткостью сравнения, засмеялась; засмеялись все, сидевшие справа и слева от аббата и

* Сидит как великий пройдоха между двух плутов.

отодвинутые им на один прибор; смеются все, кроме хозяина: он сердится и обращается ко мне со словами, которым можно бы не придавать никакого значения, будь мы с ним наедине:

— Рамо, вы нахал!

— Я прекрасно знаю это, и вы приняли меня с этим условием.

— Прохвост.

— Как любой другой.

— Босяк.

— Не будь я им, разве я был бы здесь?

— Я велю вас выгнать.

— После обеда я и сам уйду...

— Советую вам убраться.

За обедом я усердно работал челюстями. Наелся до отвала, напился вволю, так как в конце концов ничего не терял от этого, а *messer gaster** — особа, с которой я никогда не ссорюсь; затем, укрепив сердце, собрался уходить: я дал слово в присутствии такого множества людей, что приходилось его держать. Я довольно долго слонялся по комнатам, искал трость и шляпу там, где их не было, все еще надеясь, что патрон снова разразится потоком ругательств, что кто-нибудь выступит в роли посредника, что, наскучив ссориться, мы наконец помиримся. Я вертелся, вертелся, вся моя обида прошла; но патрон — мрачнее гомеровского 'Аполлона, мечущего стрелы в войско греков, — надвинул колпак глубже обыкновенного и расхаживал взад и вперед, подперши подбородок кулаком. Ко мне подходит мадемуазель.

— Что особенного случилось, мадемуазель? Разве я сегодня не такой же, как всегда?

— Убирайтесь вон!

— Я уйду... Я ничем перед ним не провинился.

— Извините; приглашают господина аббата, а вы...

— Хозяин сам себя не уважает, если, приглашая

* Господин желудок.

аббата, в то же время принимает меня и вместе со мной тьму таких же проходимцев, как я.

— Полноте, Рамошенька, попросите прощения у господина аббата.

— К чему мне его прощение?

— Полноте, полноте, все это уладится...

Меня берут за руку и тащат к креслу аббата. Я протягиваю руки, созерцаю аббата с некоторым удивлением, так как кто же просил когда-нибудь извинения у аббата? «Аббат,—говорю я ему,—аббат, все это очень нелепо, не правда ли?» И затем начинаю смеяться, аббат — тоже. Итак, тут меня простили; но надо было подъехать и к другому, ну, а разговорчик с ним — это другой коленкор. Не помню, в каких выражениях я начал извиняться: «Вот тот сумасброд, сударь...»

— Он давно уже меня изводит; я не хочу и слышать о нем.

— Вы сердитесь...

— Да, я сержусь.

— Этого больше с ним не случится.

— Чтобы первейший прохвост...

Не знаю, был ли это один из тех дней, когда он не в духе, когда мадемуазель боится подступиться к нему и не осмеливается прикоснуться к нему иначе, как в бархатных полуперчатках, или он не разобрал, что я сказал, или же я выразился неудачно, но дело приняло еще худший оборот. Какого чорта! разве он не знает, что я бываю иногда вроде ребенка, который ходит под себя? И потом я, грешный человек, думаю, что имею право хоть на минуту передышки. Стальной паяц — и тот не выдержит, если его дергать за веревочку с утра до вечера и с вечера до утра. Я должен не давать им скучать — таково условие; но надо же и мне когда-нибудь позабавиться. Среди этой неразберихи мне пришла в голову роковая мысль, от которой я зазнался, возгордился и обнаглел, — мысль, что без меня не могут обойтись, что я человек необходимый.

Я

Да, я думаю, что вы им очень полезны, но что они вам еще полезнее. Вам не найти другого такого же гостеприимного дома; а они вместо одного шута найдут сто новых.

Он

Сто таких шутов, как я, господин философ! Они не так часто встречаются. Заурядных шутов — сколько угодно. Людям труднее угодить глупостью, нежели талантом и добродетелью. Я — редкий экземпляр своей породы, да, очень редкий. Что они делают теперь, лишившись меня? Они скулят от скуки, как псы. По части дурачеств я неистощим. В любой момент я готов был отмочить что-нибудь такое, от чего они смеялись до слез: я заменял им целый сумасшедший дом.

Я

Зато вы имели стол, ночлег, камзол, штаны и по пистолы в месяц.

Он

Таковы были преимущества моего положения; зато у меня был хлопот полон рот, а о них вы не заикаетесь. Прежде всего, ежели распространялся слух о новой пьесе, приходилось, несмотря ни на какую погоду, рыскать по всем чердакам Парижа, пока я не находил автора; я должен был раздобыть произведение, прочесть его и ловко намекнуть автору, что в нем есть роль, которую превосходно исполнила бы одна моя знакомая.

— Позвольте спросить — кто?

— Как! Неужели вы не догадываетесь? Это — олицетворение грации, прелести, утонченности.

— Вы, должно быть, говорите о Данжевиль? Не знакомы ли вы с ней непароком?

— Да, немножко, но я говорю не о ней.

— О ком же?

Я шопотом называю имя.

— Она!

— Да, она, — повторяю я, несколько сконфузившись, так как подчас и мне бывает стыдно.

И если бы вы только видели, как вытягивалась при этом имени физиономия поэта, и каким хохотом разражался он иной раз мне прямо в лицо! И все-таки я обязан был притащить его, хотя бы против воли, к обеду, а он, боясь связать себя обещанием, отбояривался, отнекивался. И посмотрели бы вы, какую головомойку задавали мне, когда дело не выгорало: я оказывался и пентюхом, и дуралеем, и болваном, я был никуда не годен, не стоил поданного мне стакана воды. Но еще гораздо хуже бывало во время спектаклей, когда приходилось неустрашимо шагать среди шиканья публики, которая, что бы там ни говорили, судит правильно, приходилось аплодировать в одиночку, обращать на себя внимание, иногда отвлекать на себя свистки, предназначенные актрисе, и слышать вокруг себя шопот: «Это переодетый лакей ее сожителя. Каналья! Когда же он уймется, наконец?» Никому не известно, что доводит до этого; мое поведение объясняют тупоумием, тогда как есть причина, оправдывающая все.

Я

Вплоть до нарушения гражданских законов.

Он

Под конец меня все же узнавали и говорили: «А, это Рамо!» Я бросал несколько прощесских замечаний, чтобы как-нибудь вывернуться из глупого положения, в которое меня ставили мои одинокие аплодисменты; их истолковывали в обратном смысле. Согласитесь, что вести себя так вызывающе по отношению к собранию можно лишь, когда дело идет о собственной шкуре, и каждая такая барщина стоит подороже какого-то жалкого эку?

Я

Почему же вы не прибегали к помощи клакеров?

Он

Случалось и это, и тогда мне тоже кое-что перепало. Прежде чем отправиться на место пытки, приходилось зазубривать наизусть выигрышные места, где важно было задать тон. А ежели я случайно забывал или перепутывал их, то у меня поджилки тряслись, когда я возвращался: вы себе не представляете, какой поднимался содом. Кроме того, на моем попечении находилась свора псов; правда, я имел глупость сам взвалить на себя эту обузу; затем я был главным интендантом по снабжению кошек. Я был в восторге, когда Мику удостоивала разорвать мне кружевной манжет или оцарапать руку; Крикет подвержена коликам,—на меня возложена обязанность растирать ей брюшко. Раньше мадемуазель страдала ипохондрией; теперь у нее нервы. Я не говорю уж о других легких недомоганиях: в моем присутствии ничуть не стесняются. Ну, это куда ни шло: я никогда не хотел никого стеснять; я читал где-то, что один государь, прозванный Великим, оставался иногда около судна своей любовницы, облокотясь на спинку. С близкими людьми не церемонятся; а в те дни не было никого ближе меня. Я апостол фамильярности и непринужденности. Я проповедовал их там собственным примером, и на меня не гневались за это; после этого мне незачем было стесняться! Я набросал вам портрет патрона. Мадемуазель начинает толстеть, и вы бы послушали, чего только ни сплетничают по этому поводу!

Я

Но вы-то не участвовали в этих сплетнях?

Он

Почему же нет?

Я

Потому что, по меньшей мере, непристойно высмеивать своих благодетелей.

Он

А разве не хуже чваниться своими благодеяниями, чтобы унижить того, кому покровительствуешь?

Я

Но если бы покровительствуемый не был низок сам по себе, то покровитель не мог бы чваниться.

Он

А если бы эти господа не были сами по себе достойны смеха, то о них не сплетничали бы. И разве я виноват в том, что они якшаются со всякой сволочью? И разве моя вина, если они, якшаясь со всякой сволочью, делаются посмешищем, и их предадут? Кто решается водить знакомство с такими молодцами, как мы, тот, если он не лишен здравого смысла, должен ждать сколько угодно пакостей. Разве, пуская нас в дом, не знают, что мы — корыстные, низкие и вероломные душонки? Если же знают, кто мы, то все в порядке вещей. Существует молчаливый договор, по которому нам делают добро, а мы рано или поздно платим им за него злом. Разве не такой же договор существует между человеком и его обезьяной или его попугаем? Лебрэн ⁷⁴ рвет и мечет, потому что Палиссо, его всегдашний сотрапезник и закадычный друг, сочинил на него эпиграммы. Палиссо должен был сочинить эпиграммы, и виноват не он, а Лебрэн. Пуэнсине рвет и мечет, потому что Палиссо приписал ему эпиграммы, которые сочинил сам на Лебрена. Палиссо должен был приписать Пуэнсине эпиграммы, сочиненные им на Лебрена, и виноват не он, а Пуэнсине. Аббатишка Рей рвет и мечет, потому что его приятель Палиссо отбил у него любовницу, с которой он его познакомил: значит, не следовало знакомить всякого Палиссо со своей любовницей или же надо было быть готовым лишиться ее. Палиссо исполнил свой долг, и виноват не он, а аббат Рей. Книготорговец Давид ⁷⁵ рвет и мечет, потому что его компаньон Палиссо спал или собирался спать с его

женой; жена книготорговца Давида рвет и мечет, потому что Палиссо трезвонит всюду, что он спал с нею. Трудно решить, спал ли Палиссо или не спал с женой книготорговца Давида, ибо жена должна была это отрицать, а Палиссо мог пустить ложный слух; как бы то ни было, Палиссо остался верен себе, и виноват не он, а книготорговец Давид с женой. Пусть Гельвеций рвет и мечет, потому что Палиссо вывел его на сцене в роли бесчестного человека, хотя Гельвеций дал ему взаймы, чтобы он поправил свое расстроенное здоровье, не голодал, не ходил оборванцем; но разве мог Гельвеций ожидать чего-нибудь другого от человека, запятнанного всевозможными грязными делами, который потехи ради заставляет приятеля отречься от своей религии⁷⁶, присваивает имущество компаньонов, не имеет ни чести, ни совести, ни сердца: добывается богатства *per fas et nefas**; не пропускает дня, не совершив преступления, и даже изображает сам себя в комедии как опаснейшего мошенника⁷⁷, — единственный в своем роде пример бесстыдства, какого, я полагаю, не найдешь в прошлом и не увидишь в будущем? Следовательно, виноват не Палиссо, а Гельвеций. Представьте себе, что какого-нибудь юного провинциала поведут в версальский зверинец, и он вздумает по глупости сунуть руку сквозь решетку в клетку тигра или пантеры: кто же будет виноват в том, что молодой человек оставит руку в пасти свирепого зверя? Все это значит в 'молчаливом договоре; тем хуже для того, кто не хочет знать этого договора или забывает его. На основании этого всеобщего и священного договора я оправдал бы множество людей, которых обвиняют в дурных поступках вместо того, чтобы пенять на свою собственную глупость. Да, сиятельная толстуха, пеняйте на себя, раз вы собираете вокруг своей персоны тех, кого люди вашего сорта именуют сбродом; пеняйте на себя, ежели этот сброд делает вам гадости, заставляет вас самих делать их и роняет вас в глазах порядочных людей! Порядочные люди

* Правдами и неправдами.

делают то, что им полагается делать так же, как и так называемый сброд; пеняйте на себя: вы сами оказываете ему гостеприимство. Если бы Бертен жил тихо и мирно со своей возлюбленной, если бы они водили знакомство с порядочными людьми, будучи сами такими же, ежели бы они окружили себя людьми талаптливыми, известными в обществе своими добродетелями; ежели бы они развлекались в немногочисленном просвещенном и избранном кругу, отдавая ему часы, отпьяные у сладостного пребывания с глазу на глаз, у любви, у интимных бесед в тишине уединения, — то разве о них сочиняли бы какие-либо сплетни? Что случилось с ними? То, что они заслужили. Они были наказаны за собственное неблагоразумие, и не кому иному, как нам, испокон веков предназначено провидением воздавать по заслугам современным Бертенам; а те из наших потомков, которые похожи на нас, будут творить его волю, воздавая по заслугам будущим Мезанжам и Бертенам. Но в то время, как мы приводим в исполнение справедливые приговоры провидения над глупцами, вы, изображая нас такими, каковы мы есть, приводите в исполнение его справедливые приговоры над нами. Что подумали бы вы о нас, ежели бы мы — люди позорных нравов — требовали к себе всеобщего уважения? — Что мы с ума спятили. А разве умнее те, кто ожидает честного поведения от людей, родившихся порочными и отличающихся подлостью и низостью характера? В этом мире все получают заслуженную мзду. Есть два генеральных прокурора: один надзирает за вами и карает за преступления против общества; другой — природа. От нее не укроется ни один порок, ускользающий от законного возмездия. Вы развратничаете с женщинами — у вас будет водянка; вы пьяница — у вас будет чахотка; вы пускаете к себе в дом негодяев и якшаетесь с ними — вы будете преданы, осмеяны, опозорены; проще всего признать справедливость этих приговоров и сказать себе: надо отречься от прошлого и исправиться или же жить по-старому, но на вышеупомянутых условиях.

Я

Вы правы.

Он

Впрочем, я не сочиняю никаких грязных сплетен, я ограничиваюсь ролью передатчика. Рассказывают, что на-днях, в пять часов утра, в доме патрона поднялась кутерьма: звонили во все звонки, раздавались прерывающиеся глухие крики, как будто кого-то душили: «Ко мне!.. ко мне!.. Я задыхаюсь... я умираю...» Эти крики доносились из покоев патрона. Прибегают к нему на помощь — и что же? Наша толстая бабища, совсем потеряв голову, не помня, где она, ничего не видя, что бывает в такие минуты, приподнимается на руках, как можно выше, и плюхается ему на «причинное место» тушей в двести-триста фунтов весом, двигаясь с невероятной быстротой и обезумев от наслаждения. Его с большим трудом извлекли оттуда. Чорт же дернул маленький молоточек примоститься под тяжелой наковальней!

Я

Вы похабник. Поговорим о чем-нибудь другом. С самого начала нашего разговора у меня все время вертится один вопрос.

Он

Почему же вы столько времени не задаете его?

Я

Я боялся, что вопрос этот покажется нескромным.

Он

После того, что я вам сейчас выболтал, разве могут быть у меня какие-нибудь секреты от вас?

Я

Вам, конечно, хорошо известно мое мнение о вашем характере.

Он

Очень хорошо. В ваших глазах я самое отвратительное, заслуживающее всякого презрения существо; таким изредка кажусь я и самому себе, но чаще всего я не корю себя за пороки, а считаю счастьем, что имею их; вы более постоянны в своем презрении.

Я

Это правда; но почему вы вытряхиваете передо мной все свои мерзости?

Он

Прежде всего потому, что они в значительной мере вам уже известны, а, признаваясь в остальных, я, по моему, скорее выгадываю, нежели теряю.

Я

Как это? Объясните, пожалуйста.

Он

В искусстве делать зло особенно важно достичь самого высокого совершенства, еще важнее, чем в других видах искусства: на мелкого плута плюют, но не могут отказать в некотором уважении крупному преступнику; его мужество удивляет, его жестокость заставляет содрогаться. Цельность характера ценится во всем.

Я

Но у вас нет еще этой достойной уважения цельности характера; я вижу, что вы не всегда твердо держитесь своих принципов; не ясно, от природы ли вы такой негодяй, или же научились всем этим мерзостям, и дошли ли вы в вашей науке до самого корня.

Он

Согласен; но я из кожи лезу вон, чтобы достичь этого. И я не зазнаюсь. Разве я отрицаю превосходство надо мной некоторых людей? Разве я не говорил вам о Буре

с величайшим восторгом? По-моему, первое место в мире принадлежит Буре.

Я

А вслед за Буре сейчас же идете вы?

Он

Нет.

Я

Так значит Палиссо?

Он

Да, Палиссо, но не только Палиссо.

Я

Кто же достоин занять место рядом с ним?

Он

Авиньонский отступник.

Я

Я никогда не слышал об этом Авиньонском отступнике; это, должно быть, удивительный человек.

Он

Именно так.

Я

Биография великих людей меня всегда интересовала.

Он

Охотно верю. Так вот, он проживал у одного доброго и честного человека, из потомков Авраама, обещанных праотцу народа Израилева в числе, равном звездам небесным.

Я

У еврея?

Он

У еврея. Сперва он внушил сострадание, потом добился расположения, наконец завоевал полнейшее доверие.

Ведь испокон веков так ведется: мы так полагаемся на свои благодеяния, что редко когда скрываем свои тайны от того, кого мы благодетельствовали; но не плодим ли мы неблагодарных, вводя человека в соблазн безнаказанно стать неблагодарным? Это правильное соображение не пришло в голову нашему еврею. И вот он сообщил отступнику по секрету, что считает грехом есть свинину. Вы сейчас увидите, какие выгоды сумел извлечь из этого плодовитый ум. В продолжение нескольких месяцев отступник всячески проявлял свою привязанность. Когда же, по его мнению, еврей был растроган до последней степени, окончательно полонен его заботами и твердо убежден, что во всем племени Израилевом у него нет лучшего друга... Подивитесь выдержке этого человека! Он не торопится; он дает груше созреть, прежде чем тряхнуть ветвь: излишняя горячность могла бы испортить все дело. Величие характера обыкновенно является результатом естественного равновесия нескольких противоположных свойств.

Я

Э, бросьте свои рассуждения и продолжайте рассказ.

Он

Ничего не поделаешь: бывают дни, когда я не могу не рассуждать; это своего рода болезнь,—надо предоставить ее естественному течению. На чем я остановился?

Я

На близкой дружбе еврея с отступником.

Он

Так вот груша созрела... Но вы меня не слушаете. О чем вы задумались?

Я

Я размышляю о меняющейся модуляции вашего голоса: он берет то верхние, то нижние тона.

Он

Разве может порочный человек говорить одним тоном?.. Итак, отступник приходит однажды вечером к своему другу, всем своим видом выражая ужас: голос у него прерывается, лицо бледно, как смерть, он дрожит всем телом.

— Что с вами?

— Мы пропали.

— Пропали? Почему?

— Пропали, говорю я вам, нет спасения!

— В чем же дело?

— Погодите минутку, дайте мне опомниться от страха.

— Успокойтесь же, успокойтесь,— говорит ему еврей вместо того, чтобы сказать: «Ты отъявленный мошенник; не знаю, что ты собираешься мне сказать, но ты отъявленный мошенник,— ты притворяешься испуганным».

Я

Почему же еврей должен был говорить таким образом?

Он

Потому что в словах отступника была фальшь, и он переборщил; для меня это ясно, как день; не прерывайте меня. «Мы пропали!.. пропали!.. нет спасения!» Неужели вы не чувствуете, как неискренно звучит это повторяющееся «пропали»?..

«Предатель донес на нас святой инквизиции; на вас, что вы еврей, на меня, что я отступник, презренный отступник...» Обратите внимание, что предатель шельмует себя, не краснея. Надо больше мужества, чем полагают, чтобы называть себя именем, какого заслуживаешь; вы не знаете, с каким трудом это дается.

Я

Нет, конечно. Но этот презренный отступник...

О н

Притворяется, но притворяется очень ловко. Еврей в ужасе, рвет бороду, катается по земле; ему чудится, что сбиры уже у дверей, что его облачают в *'сан-бенито* и готовят для него *аутодафе*.

— Друг мой, нежный, единственный друг мой, что предпринять?

— Что предпринять? Показываться всюду, быть нарочито спокойным, вести обычный образ жизни. Трибунал ведет следствие тайно, но медленно; надо воспользоваться судебной волокитой и все продать. Я зафрахтую или, еще лучше, поручу третьему лицу зафрахтовать судно; мы погрузим на него ваше имущество, так как им нужно прежде всего ваше богатство, и поедем с вами искать под другим небом страну, где мы могли бы свободно служить Иегове и безопасно исполнять закон Авраама, следуя велениям нашей совести. В нашем отчаянном положении самое главное — остерегаться какого-нибудь неосторожного шага...

Сказано — сделано. Судно зафрахтовано, снабжено провиантом, на вербован экипаж, имущество еврея погружено; на следующий день, на рассвете они поднимут паруса и могут теперь весело поужинать и спокойно уснуть. Завтра они спасутся бегством от преследователей. Ночью отступник встает, похищает у еврея бумажник, кошелек, драгоценности, садится на судно — и поминай как звали... И вы думаете, что это все? Как бы не так! Когда мне рассказывали эту историю, я угадал то, о чем умолчал сейчас, чтобы испытать вашу догадливость. Вы хорошо поступили, став честным человеком: из вас вышел бы лишь мелкий мошенник. До сих пор отступник и был только мелким мошенником, презренным плутом, на которого никто не захотел бы быть похожим. Верх злодейства в том, что он сам донес на своего друга, еврея. Проснувшись, тот попал в лапы святой инквизиции, а через несколько дней из него устроили прекрасную иллюминацию. Вот каким способом отступник преспокойно за-

владел богатством проклятого потомка пудеев, раснявших нашего спасителя.

Я

Я затрудняюсь сказать, что больше вызывает во мне ужас и отвращение — злодейство вашего отступника или тон, которым вы рассказываете о нем.

Оп

Это именно я и говорил вам: жестокость поступка заглушает в вас презрение; вот почему я так откровенен! Я хотел, чтобы вы знали, какого высокого мастерства я достиг в своем искусстве, хотел вырвать у вас признание, что моя подлость по меньшей мере незаурядна, сравняться в ваших глазах с негодьями крупного калибра и воскликнуть затем: «*Vivat Mascarillus, fourbum imperator!*» * Ну, господа философ, давайте хором, да повеселее: *Vivat Mascarillus, fourbum imperator!*

И тут он запел крайне своеобразную фугу: медлительная, исполненная величия мелодия сменялась легким, игривым мотивом; он подражал то басу, то одной из дискантовых партий; жестикулируя руками и вытягивая шею, отмечал места, где надо было выдерживать ноту, слагал гимн в свою честь, доказывая, что с хорошей музыкой он ладит лучше, чем со строгой моралью.

Я не знал, оставаться ли мне или бежать, смеяться или негодовать; я остался, намереваясь перевести разговор на другую тему, чтобы избавиться от охватившего мою душу отвращения и ужаса. Мне становилось невыносимым присутствие человека, обсуждавшего отвратительный поступок, чудовищное злодейство так же, как знаток живописи или поэзии разбирает красоты произведения искусства, как моралист или историк вскрывает и освещает обстоятельства героического деяния. Я невольно насупился; он заметил это и сказал:

— Что с вами? Вам нехорошо?

* Да здравствует Маскариллус, король плутов!

И

Мне немного не по себе; но это пройдет.

Он

У вас такой хмурый вид, точно вас мучит какая-то мрачная мысль.

Я

Вы угадали...

С минуту мы оба молчали. Он расхаживал, насвистывая и напевая. Я сказал, чтобы вернуть его к разговору об его таланте.

— Что вы делаете в настоящее время?

Он

Ничего.

Я

Это очень утомительно.

Он

Я и без того уже был достаточно глуп, а когда слушал музыку Дунн⁷⁸ и других наших молодых композиторов, то это меня окончательно доконало.

Я

А вы одобряете этот жанр?

Он

Разумеется.

Я

И находите красоту в этих новых напевах?

Он

Нахожу ли я в них красоту? Да я готов отдать голову на отсечение! Какая декламация! Сколько правды, сколько выразительности!

Я

Всякое подражательное искусство берет за образец природу. Что служит образцом композитору, когда он создает мелодию?

Он

Почему вы не ставите вопроса шире? Что такое мелодия?

Я

Признаюсь, этот вопрос выше моего разума. Вот все мы таковы: мы лишь храним в своей памяти слова, которые кажутся нам понятными, так как мы их часто употребляем и даже правильно применяем, между тем как понятия наши остаются смутными. Когда я произношу слово «мелодия», в моем уме возникают не более отчетливые понятия, нежели у вас и у большинства вам подобных, когда они говорят: *репутация, осуждение, честь, порок, добродетель, стыд, благопристойность, позор, посмешище.*

Он

Мелодия есть подражание голосом или инструментом — с помощью звуковой скалы, созданной искусством, или, если угодно, внушенной природой, — физическим шумам или интонациям страстей, и вы видите, что, внося в это определение соответственные изменения, его можно применить целиком к живописи, ораторскому искусству, скульптуре и поэзии. Перейдем теперь к вашему вопросу: что служит образцом для музыканта или мелодии? Декламация, если образец живой и мыслящий; шум, если образец неодушевленный. Декламацию надо рассматривать как линию, а мелодию — как другую линию, обвивающую первую. Чем сильнее и вернее будет эта декламация — прообраз мелодии, тем в большем числе точек пересечет ее соответствующий ей напев, тем ближе к правде и тем прекраснее он будет; и вот как раз это очень хорошо поняли наши молодые музыканты. Когда вы слышите мотив: «Я бедняга...», вам чудится жалоба

скряги⁷⁹; если бы он не пел, то тем же тоном говорил бы с землей, вверяя ей свое золото со словами: «О земля, прими мое сокровище!» И разве могла бы иначе выразить свои чувства эта девочка, ощущающая трепет своего сердца, краснеющая, смущенная, умоляющая мосьенёра отпустить ее? В этих творениях отражены всевозможные характеры, передано все разнообразие декламации; это верх совершенства, уверяю вас. Сходите, непременно сходите послушать отрывок, где юноша, чувствуя приближение смерти, восклицает: «Сердце мое удаляется!»⁸⁰ Вслушайтесь в партию певца, вслушайтесь в симфонию и скажите, можно ли отличить извивы этого напева от подлинного голоса умирающего. Вы увидите, что линия мелодии совпадает полностью с линией декламации. Я не говорю здесь о соблюдении такта, что также является одним из условий мелодии, я беру только выразительность. Мне довелось где-то прочесть изречение: *Musices seminarium accentus**; это — непререкаемая истина. Судите сами, как трудно и как важно умело сделать речитатив. Нет ни одной прекрасной арии, из которой нельзя было бы сделать отличного речитатива, и ни одного отличного речитатива, из которого искусный человек не мог бы сделать прекрасной арии. Я не собираюсь утверждать, что каждый, хорошо исполняющий речитатив, будет хорошо петь; но я был бы крайне изумлен, если бы хороший певец не смог бы хорошо исполнить речитатив. Поверьте, все, что я говорю вам, — сущая правда.

Я

Я охотно поверил бы вам, если бы тут не было одной заковыки.

Он

Какой?

Я

Если эта музыка представляет вершину достижений, то надо признать, что музыка божественного Люлли, Кам-

* Импонанция — питомник мелодии.

пра, Детуша, Муре⁸¹ и, между нами говоря, даже вашего дорогого дядюшки — несколько плоска.

Он (*наклонившись к моему уху*)

Мне не хотелось бы, чтобы меня услышали: здесь много моих знакомых. Да, она такова. Меня не смущает, что дело идет о моем дорогом дядюшке, раз уж вы его так величаете: это — кремень; ежели бы у меня язык высунулся на целый фут, он не дал бы мне напиться. Какую бы чертовскую путаницу он ни вытворял с помощью октав и септим своими: Non, non, hin, hin; tu, tu, tu, turlututu, — каждый, кто мало-мальски разбирается в искусстве и уже не принимает трескотни за музыку, никогда не примирится с этим. Надо бы полицейским приказом запретить всякому, какого бы он ни был звания, пение «Stabat» Перголезе⁸². «Stabat» следовало бы ежечь рукою палача. Эти проклятые «буфоны» с их «Служанкой-госпожой», с их «Тракалло» нас жестоко подкузьмили⁸³. Когда-то «Танкред», «Иссе», «Галаантная Европа», «Индия», «Кастор», «Лирические таланты», бывало, по пять-шесть месяцев не сходили со сцены; «Армида» ставилась без конца, а теперь все это рушится, как карточные домики⁸⁴. Потому-то Ребель и Франкёр и мечут громы и молнии⁸⁵. Они говорят, что все погибло, что они разорены, и что если будут дальше терпеть эту ярмарочную певчую сволочь, то национальная музыка полетит ко всем чертям, и Королевской академии, что в Оперном тупике, останется только закрыть лавочку⁸⁶. В этом есть доля истины. Старые парики, которые уже тридцать-сорок лет ходят туда каждую пятницу, скучают теперь, вместо того чтобы получать удовольствие, как в старину, скучают и зевают, сами толком не зная, почему, и не умеют ответить на этот вопрос. Обратились бы лучше ко мне! Предсказание Дунн сбывается, и ежели так пойдет дальше, даю голову на отсечение, что через четыре-пять лет после постановки «Художника, влюбленного в свою модель»⁸⁷, в знаме-

нитом тупике не встретишь и драной кошки. Чудаки! отвергли свои симфонии и стали играть итальянские, полагая, что можно приучить к ним слух и оставить все по-старому в своей вокальной музыке, как будто оркестр не есть по отношению к мелодии то же самое, что мелодия по отношению к настоящей декламации, — за исключением, конечно, большей свободы, обусловленной диапазоном инструмента и подвижностью пальцев; как будто скрипач не передразнивает певца, как обезьяна, — певца, который со временем, когда ухищрения займут место красоты, станет по-обезьяньи передразнивать скрипача. Первый, исполнивший Локателли, был апостолом новой музыки. Рассказывайте сказки другим! Нас будут приучать к подражанию оттенкам страстей или явлениям природы с помощью пения, декламации, игры на инструментах, ибо вся область музыки сводится к этому, а мы будем попрежнему увлекаться парением, порывами в высь, гимнами, триумфами, победными песнями? Чорта с два! Они воображали, что можно плакать или смеяться над сценами музыкальной трагедии или комедии, что можно слушать голоса ярости, ненависти, ревности, неподдельные стоны любви, прощия, шутки итальянского или французского театра — и оставаться поклонником «Рагонды» или «Платеи»⁸⁸. Как бы не так! Беспреданно ощущать, с какой легкостью, гибкостью, мягкостью гармония, просодия, эллипсы, инверсии в итальянском языке припророчены к искусству, движению, экспрессии, извивам напева и к ритму, — и попрежнему не ведать, насколько собственный язык негодатлив, глух, тяжеловесен, неуклюж, педантичен и монотонен. Это курам на смех! После того, как эти господа проливали слезы вместе с матерью, безутешно оплакивающей смерть сына, после того, как содрогались от приказа тирана, повелевшего совершить убийство, — они уверили себя, что им не покажутся скучными их феерии, набившая оскомину мифология, слащавые мадригальчики, показывающие как дурной вкус поэта, так и убожество искусства, опустившегося до них. Забавники! Этого нет и быть не может!

Истина, добро, красота имеют свои права; их оспаривают, но в конце концов преклоняются перед ними; то, что не отмечено их печатью, может временно восхищать, но в конце концов вызывает зевоту. Зевайте же, господа, зевайте во весь рот, не стесняйтесь! Царство природы и моей троицы, против коей не устоят врата ада: истина — отец, порождающий добро, сиречь сына, от него же исходит красота — дух святой, — постепенно утверждается. Чужеземный бог скромно приманивается на алтаре рядом с туземным идолом; мало-помалу укрепившись на нем, в один прекрасный день дает соседу тумака и — трах-тарарах: идол повержен во прах. Так, говорят, иезуиты насаждали христианство в Китае и в Ост-Индии, и, что бы там ни толковали янсенисты, нет, по-моему, лучшего политического метода, нежели тот, который ведет к цели без шума, без кровопролития, без мучеников, без потасовок.

Я

Все, что вы сейчас сказали, почти разумно.

Он

Разумно? Тем лучше. Чорт меня побери, если я прилагаю старания к этому! Это выходит само собой. Я вроде музыкантов из тупика при появлении моего дяди. Ежели попал в точку, — браво! Дело в том, что простой угольщик расскажет о своем ремесле куда лучше целой академии и всех Дюамелей, вместе взятых⁸⁹.

И вот Рамо начинает расхаживать, мурлыча арии из «Острова безумных», «Художника, влюбленного в свою модель», из «Кузнеца», из «Жалобницы»⁹⁰, и время от времени восклицает, поднимая руки и глаза к небу: «Ну, что — разве это не прекрасно? Разве не прекрасно? Надо не иметь ушей, чтобы задавать подобный вопрос!» Он начал загораться страстью и тихо напевать; он повышал голос по мере того, как воспламенялся; потом пошли жесты, гримасы, конвульсии; и я подумал про себя:

«Ну вот, голова у него пошла кругом, готовится новое представление...»

И действительно, он раздражается руладами: «Я жалок и достоин презрения»... «Монсенъёр, монсенъёр, позвольте мне уйти»... «О земля, прими мое золото, сохрани в неприкосновенности мое сокровище, мою душу, мою душу, мою жизнь! О земля!»... «Вот милый друг, вот милый друг!»... «*Aspettare e non venire*»... «*A Zerbina penserete*»... «*Sempre in contrasti con te si sta*»...⁹¹

Он смешал в кучу и перепутал штук тридцать арий — итальянских, французских, трагических, комических, самых разнородных. То спускался баритоном чуть не в глубь преисподней, то, надсаживая горло, подделывался под фальцет, проникая голосом в небесные выси. Подражал походке, осанке, жестам различных поющих персонажей: то яростный, то укрощенный, то властный, то насмешливый. Вот перед нами молодая девушка в слезах, и он передает все ее ужимки; а вот Рамо превратился в жреца, короля, тирана — и угрожает, повелевает, гневается; теперь он раб — и повинует; он утихает, приходит в отчаяние, жалуется, смеется, никогда не отступая от тона, такта, смысла слов и характера арии.

Все переставлявшие «деревяшки» побросали шахматные доски и собрались вокруг него; привлеченные шумом прохожие облепили с улицы окна кафе. Раздавались взрывы хохота, от которых, казалось, потолок треснет. А Рамо ничего не замечал; он продолжал представление, как в бреду, охваченный экстазом, столь близким к безумию, что возникало сомнение, опомнится ли он и не придется ли посадить его на извозчика и увезти прямо в сумасшедший дом с пением обрывков арий из «Сетований» Джомелли⁹². С неимоверным пылом, совершенно точно и верно, повторял он прекраснейшие места каждого отрывка; чудесный, единственный в своем роде речитатив, где пророк описывает опустошение Иерусалима, он оросил потоком слез и исторг их из глаз всех зрителей. Тут было все: и нежность напева, и сила экспрессии, и скорбь. Он выделял места, где высокое

мастерство композитора проявлялось особенно ярко. Он оставлял вокальную партию и переходил к инструментальной, обрывал ее, возвращался к пению, переплетая одно с другим так, чтобы сохранить связь и единство целого, овладевал нашими душами и держал их в состоянии необычайного, небывалого напряжения. Восхищался ли я? Да, восхищался. Был ли я охвачен жадностью? Да, был охвачен. Но к этим чувствам примешивался искажавший их оттенок насмешки.

Вы сами расхохотались бы, слушая, как он воспроизводил различные инструменты; надувая щеки, передавал хриплые и заунывные звуки рогов и фоготов; крикливо гнусавил, как гобой; с неимоверной быстротой вибрировал голосом, подражая с величайшей точностью струнным инструментам; свистел пикколо, ворковал флейтой, кричал, пел, неистовствовал, как одержимый, изображая один танцоров, танцовщиц, певцов, певиц, целый оркестр, целый оперный театр, выступая в двадцати различных ролях, бегая, застывая на месте с видом испуганного, с сверкающими глазами и с пеной у рта.

Можно было задохнуться от жары, и пот катился по морщинам его лба и по щекам, смешиваясь с пудрой волос, тек ручьями, бороздил верх его кафтана. Чего только он ни делал! Он плакал, смеялся, вздыхал, бросал то умиленные, то спокойные, то яростные взгляды; перед нами была то женщина, изнывающая от горя, то несчастный, объятый отчаянием; вырастал храм; птицы умолкали с закатом солнца; воды журчали в тиши и прохладе или низвергались потоками с горных высот; поднималась гроза, буря; стоны обреченных на гибель смешивались со свистом ветра, с грохотом грома; наступала непроглядная тьма, воцарялись сумрак и безмолвие, ибо даже и безмолвие передается звуками. Он совсем обезумел.

Выбившись из сил, Рамо замер на месте, с растерянным, недоумевающим взглядом, словно пробудившись от глубокого сна или очнувшись от долгой задумчивости, он озирался вокруг, как будто заблудился и сплился понять, где он; он собирался с силами и с мыслями;

машинально вытирал лицо. Подобно человеку, который при пробуждении видит вокруг своей кровати множество людей, но ничего не помнит и совершенно не ведаёт, что произошло, Рамо в первую минуту воскликнул:

— Ну, в чём дело, господа?.. Чему вы смеётесь, чем вы так поражены? В чём же дело?.. — Затем прибавил: — Вот что называется музыкой, вот что значит быть музыкантом! Но все же не следует презирать некоторые арши Люлли. Хотел бы я посмотреть, кто сделает лучше сцену «Я дождусь зарп...»⁹³, поменяя слов. Не следует относиться пренебрежительно к некоторым местам Кампра, к скрипичным мелодиям моего дяди, к его гавотам, выходам солдат, жрецов. «Бледные факелы...», «День страшнее ночи...», «Бог Тартара, бог забвения...»⁹⁴.

Тут он напряг голос, рявкнул так, что соседи подскочили к окнам, а мы заткнули уши.

— Здесь нужны легкие, целый орган, уйма воздуха. Не успеешь оглянуться, как пролетело Успение, за ним пост и Крещение, а они все еще не знают, что именно надо перекладывать на музыку, а следовательно, не знают, что подходит композитору. Лирической поэзии еще предстоит родиться; но они придут к ней: недаром они слышат Перголезе, Саксонца, Терраделью, Траэтту⁹⁵ и других, недаром читают Метастазия⁹⁶; они неминуемо придут к ней.

Я

Как! значит Кини, Ламотт⁹⁷, Фонтенель в этом ровно ничего не понимали?

Он

В новом стиле — ничего! Во всех их прелестных поэмах не найдешь и шести стихов подряд, которые годились бы для музыки. Это — замысловатые сентенции, легкие, нежные и изящные мадригалы. Пусть вам продекламируют эти стихотворения, и вы поймете, как мало они дают нашему искусству, самому могучему из всех, не исключая и искусства Демосфена: они покажутся вам холодными, вялыми, монотонными. В них нет ничего,

что могло бы послужить образцом для пения; с равным успехом можно переложить на музыку «Афоризмы» Ларошфуко или «Мысли» Паскаля. Крик животной страсти — вот что послужит нам путеводной нитью; выражения должны подгонять друг друга; фраза — быть краткой, смысл — четким и законченным; надо, чтобы композитор мог располагать по своему усмотрению целое и каждую из его частей, опускать слово или повторять его, прибавлять недостающее, поворачивать и переворачивать фразу, как полипа, сохраняя ее в целости. Это делает французскую лирическую поэзию гораздо более трудной по сравнению с допускающими инверсии языками, коим свойственны все эти преимущества. «Жестокий варвар, вонзи свой кинжал в мою грудь; я готова приять роковой удар; рази, дерзай!» — «О, я слабею, я умираю...» «Тайное пламя охватывает меня...» «Жестокая любовь, чего ты хочешь от меня?..» «Не лишай меня былого сладкого покоя...» «Верни мне рассудок...» Страсти должны быть сильными, любовь в изображении композитора и лирического поэта — беспредельной, ария — почти всегда завершать акт. Нам нужны восклицания, междометия, перерывы, фразы, паузы, утверждения, отрицания; мы зовем, вызываем, кричим, стонем, плачем, смеемся от всего сердца. Ни остроумия, ни эпиграмм, ни прекрасных мыслей: это слишком далеко от простой природы. И не думайте, что игра актеров и их декламация могут послужить нам образцом. Как бы не так! Нам нужно нечто более энергичное, менее искусственное, более близкое к правде; чем монотоннее язык, чем менее он выразителен, тем необходимее простая речь, обыкновенный голос страсти; крик животного или взволнованного человека дадут им выразительность...

Пока он говорил таким образом, окружавшая нас толпа, ничего не понимая или же мало интересуясь его словами, разошлась; ведь ребенок, подобно взрослому, и взрослый, подобно ребенку, по общему правилу, больше любит развлекаться, чем учиться уму-разуму; каждый вернулся к своей игре, и мы остались в углу одни. Он

оидел на скамейке прислонив голову к стене, свесив руки, полужакрыв глаза.

Он

Не знаю, что со мной. Придя сюда, я был свеж и бодр, а сейчас измучен и разбит, будто прошел десять миль; это нашло на меня вдруг.

Я

Не хотите ли выпить чего-нибудь?

Он

Охотно. Я охрип, обессилел, у меня щемит грудь. Это бывает со мной почти каждый день, не знаю отчего.

Я

Чего вы хотите?

Он

Мне все равно; я не привередлив; нужда научила меня довольствоваться чем угодно.

Нам подали пиво и лимонад. Он два-три раза наполнил и осушил большой стакан; потом, как будто ожив, откашлялся, сделал несколько сильных движений и продолжал:

— Не кажется ли вам, господин философ, крайне странным, что какой-то чужеземец, итальянец Дуни, научил нас придавать выразительность музыке и подчинять пение всевозможным движениям, тактам, интервалам, декламации, не нарушая просодии? А между тем это дело не хитрое. Всякий, кто слышал пиццего, просящего милостыню на улице, мужчину, объятого гневом, женщину, доведенную до иступления ревностью, любовника, охваченного отчаянием, льстеца, да, льстеца, смягчающего интонации, медовым голосом протягивающего слоги,— словом, страсть, безразлично какую, лишь бы она была достаточно сильной и могла послужить образцом для композитора,— тот должен был подметить два явления: во-первых, долгие и короткие слоги не имеют никакой раз

навсегда установленной длительности; не существует даже определенного соотношения между длительностью тех и других; во-вторых, страсть обращается с просодией довольно бесцеремонно, допускает какие угодно интервалы, и тот, кто восклицает в беспредельной скорби: «Ах, горе мне, несчастному!», — поднимает слог, выражающий восклицание, до самого высокого и пронзительного тона, а другие слоги опускает до самых низких и глухих тонов, беря октаву или делая еще больший интервал, и придает каждому звуку длительность, соответствующую построению мелодии, не оскорбляя слуха и не сохраняя ни в долгих, ни в кратких слогах долготы или краткости спокойной речи. Какой путь прошли мы с тех пор, как вводная часть в «Армиде»: «Победитель Рено, если найдется такой» или в «Галаптной Индии»: «Повинуемся без колебаний» казались нам чудом музыкальной декламации! А теперь я толькожимаю плечами, когда слышу эти чудеса: такими убогими кажутся они мне. При том темпе, каким движется вперед искусство, не знаю, куда оно придет. А пока что выпьем!

Он выпил два-три стакана, не соображая, что делает; он напился бы так же незаметно, как дошел до изнеможения, если бы я не переставил бутылку, которую он продолжал искать по рассеянности. Тогда я сказал ему:

— Как могло случиться, что при таком тонком чутье, при столь большой восприимчивости к чарам музыкального искусства вы так слепы к красотам морали, так нечувствительны к прелестям добродетели?

О п

Это, очевидно, оттого, что для них требуется чувство, какого у меня нет, струнка, которая мне не дана или не натянута, так что, сколько ее ни дергай, она не вибрирует; или, может быть, оттого, что я всегда жил с хорошими музыкантами и с плохими людьми, и мой слух стал поэтому очень тонким, а сердце — глухим.

И кроме того, тут играет роль порода. У моего отца и дяди — одна кровь; у меня кровь та же, что у отца; отцовская молекула была груба и невосприимчива, и эта проклятая молекула переделала на свой лад все остальное.

Я

Любите ли вы своего ребенка?

Он

Как же не любить этого маленького дикаря! Я без ума от него.

Я

Неужели вы не постараетесь парализовать в нем влияние проклятой отцовской молекулы?

Он

Я думаю, что из этого ничего не выйдет. Если ему суждено стать честным человеком, я ему поперек дороги не стану; если же молекуле угодно, чтобы он был негодяем, вроде его папаша, то из всех моих стараний сделать его порядочным человеком ничего, кроме вреда для него, не получилось бы. Воспитание беспрестанно встречалось бы с направлением молекулы, его словно дергали бы две противоположных силы, и он шел бы по своему жизненному пути все время криво; сколько я перевидал таких: ни богу свечка, ни чорту кочерга. Мы называем их никудышными; нет эпитета ужаснее этого, так как он означает посредственность, выражает крайнюю степень презрения. Крупный негодяй есть крупный негодяй, но ни в коем случае не никудышный. Прежде чем отцовская молекула снова взяла бы верх и превратила бы его в такого же законченного мерзавца, как и я, прошло бы очень много времени, его лучшие годы пропали бы даром; теперь я пока бездействую, даю ему подрасти, внимательно к нему приглядываюсь. Он уже обжора, подлиза, плут, лентяй, лгунишка; боюсь, что яблоко от яблони недалеко падает.

Я

И вы сделаете из него музыканта для полноты сходства?

Он

Музыканта! музыканта! Иногда я смотрю на него, скрежеща зубами, и говорю: «Если ты будешь когда-нибудь знать хоть одну ноту, я, паверняка, сверну тебе шею».

Я

Почему же,--- скажите, пожалуйста?

Он

Музыка не ведет ни к чему.

Я

Она ведет ко всему.

Он

Да, когда достигают виртуозности; но кто может надеяться, что его ребенок станет виртуозом? Десять тысяч против одного, что из него выйдет лишь жалкий струнодер, вроде меня. Знаете ли вы, что, пожалуй, легче найти ребенка, способного со временем управлять королевством, сделаться великим королем, чем такого, который мог бы стать великим скрипачом!

Я

Мне кажется, что, обладая хотя бы посредственным, но приятным талантом, можно быстро выдвинуться и преуспеть там, где народ, лишенный нравственных устоев, погряз в разврате и роскоши. Мне самому пришлось присутствовать при следующем разговоре между неким покровителем и неким ищущим покровительства; последнего направили к первому, как к человеку любезному, который мог бы оказать ему услугу.

— Что вы знаете, сударь?

— Я недурно знаю математику.

— Ну что ж, преподавайте математику: десять-две-

надцать лет вы будете месить грязь на мостовых Парижа и в итоге добьетесь дохода в триста-четырееста ливров в год.

— Я изучал право и сведущ в юриспруденции.

— Если бы воскресли Пуффендорф и Гроций, они умерли бы от голода под забором.

— Я очень хорошо знаю историю и географию.

— Если бы существовали родители, принимающие близко к сердцу воспитание своих детей, то ваша карьера была бы обеспечена, но таковых нет и в помине.

— Я довольно хороший музыкант.

— Что же вы не сказали этого с самого начала? Вы сейчас же убедитесь, какую выгоду можно извлечь из этого таланта. У меня есть дочь. Приходите каждый вечер давать ей урок от семи с половиной до девяти часов; я буду платить вам двадцать пять лундоров в год, вы будете завтракать, полдничать, обедать, ужинать с нами. Остальным временем располагайте по своему усмотрению.

Он

А что случилось с этим человеком?

Я

Он разбогател бы, если бы у него была смекалка; а это только, кажется, вас и интересует.

Он

Конечно — золото, золото! Золото — все, а остальное, без золота, — ничто. Поэтому я не начинаю своему малышу головы прекрасными правилами морали, которые он должен будет забыть, чтобы не остаться нищим; и когда у меня заводится лундор, что бывает не часто, я становлюсь перед ним, вытаскиваю лундор из кармана, с восхищением показываю его, поднимаю глаза к небу, целую золотой, а чтобы он лучше уразумел значение священной монеты, перечисляю скороговоркой, обозначая пальцем все, что можно на нее купить, — пре-

красный костюм, красивую шапочку, вкусное печенье; затем кладу луидор в карман, гордо прохаживаюсь, поднимаю полу камзола, похлопываю по кармапчику; таким образом я даю сыну понять, что находящийся там луидор — причина моего самодовольства.

Я

Лучше не придумаешь; но что, если в один прекрасный день, глубоко проникшись сознанием ценности луидора...

Он

Я вас понял... Приходится смотреть на это сквозь пальцы: нет ни одного правила морали, которое не имело бы своей оборотной стороны. На худой конец придется пережить несколько скверных минут, только и всего.

Я

Если даже согласиться со столь смелыми и мудрыми планами, то все же я остаюсь при своем мнении, что хорошо было бы сделать из него музыканта. Я не знаю лучшего способа быстро войти в милость к сильным мира, использовать их пороки и извлечь выгоду из своих собственных.

Он

Правильно, но у меня есть планы, скорее и вернее обеспечивающие успех. Ах, если бы это была девочка! Но не все делается по-нашему, а потому приходится брать то, что есть, извлекать из всего наибольшую пользу и не давать спартанского воспитания ребенку, которому предстоит жить в Париже, — не поступать по примеру большинства глупых отцов, которые словно задаются целью сделать своих детей несчастными. Если даваемое мною воспитание дурно, то виноват в этом не я, а нравы моей нации; пусть за это другие и отвечают. Я хочу, чтобы мой сын был счастлив, или — что то же самое — окружен почетом, богат, могуществен. Я знаю кое-какие самые легкие пути к достижению этой цели и за-

благовременно познакомлю его с ними. Если меня осудят такие мудрецы, как вы, то толпа и успех дадут мне отпущение грехов. У него будет золото,—помяните мое слово. А если у него будет много золота, то у него ни в чем не будет недостатка, даже в вашем уважении и почтении.

Я

Как бы вы не ошиблись.

Он

Или же он, подобно многим другим, обойдется без него.

Во всем этом было много такого, что думают, чем руководятся в своем поведении, но чего не говорят. Вот чем, действительно, мой собеседник резко отличался от большинства нас окружающих. Он выкладывал свои пороки и выкладывал чужие пороки, но лицемером он не был. Рамо был отвратителем не больше и не меньше других, но более откровенен и последователен, а порой даже глубокомыслен в своей испорченности. Я содрогнулся при мысли о том, каким станет сын подобного наставника. Нет никакого сомнения, что при системе воспитания, копировавшей наши нравы, он далеко пойдет, если только его карьера не оборвется прежде времени.

Он

О! не бойтесь ничего: самое важное, самое трудное, к чему хороший отец должен особенно стремиться, заключается не в том, чтобы привить своему ребенку пороки, которые обогатили бы его, замашки шута, которые сделали бы его находкой для сильных мира; все делают это, если не систематически, как я, то, по крайней мере, из подражания и по указке. Самое главное — научить свое детище знать меру, уметь увертываться от позора, от бесчестия и суда. Это — диссонансы в общественной гармонии; надо уметь разместить их, подготовить и сохранить в неприкосновенности. Нет ничего

бесцветнее ряда совершенных аккордов; нужно что-то острое, что расщепляет пучок света и разбрасывает лучи.

Я

Очень хорошо. Этим сравнением вы позволяете мне вернуться от правственности к музыке, от которой я невольно уклонился, и я вам очень благодарен за это, так как, по правде сказать, больше ценю в вас музыканта, чем моралиста.

Он

И однако музыкант я самый третьестепенный, а по части морали любого за пояс заткну.

Я

Сомневаюсь; но если это даже и так, я человек порядочный и не разделяю ваших принципов.

Он

Тем хуже для вас. Эх, кабы мне да ваши таланты!

Я

Оставим в покое мои таланты и вернемся к вашим.

Он

Если б я умел выражаться, как вы! Но я лопочу на каком-то несуразном наречии — не то как светский человек и литератор, не то как рыночный торговец.

Я

Я говорю плохо и умею говорить только правду; а это не всегда бывает выгодно, как вы знаете.

Он

Но я хотел бы обладать вашим талантом вовсе не для того, чтобы говорить правду, а наоборот, чтобы складно врать. О, если бы я умел писать, стряпать книги или строчить посвящения, дурманить лестью глупцов, втираться в доверие к женщинам!

Я

Все это вы умеете делать в тысячу раз лучше меня; я и в ученики вам не гожусь.

Он

Сколько великих достоинств пропадает в вас зря! Вы не знаете их настоящей цены.

Я

Я получаю за них должную цену.

Он

Если бы это было так, то вы не послали бы грубого кафтана, камзола из волоса, шерстяных чулок, толстых башмаков и старомодного парика.

Я

Согласен; кто не брезгует ничем, чтобы разбогатеть, и все-таки остается бедняком, тот человек никудышный. Но есть такие чудаки, как я, которые не думают, что богатство дороже всего на свете.

Он

Большой руки чудаки; с таким складом ума не родятся, его искусственно прививают себе; он не заложен в природе.

Я

В природе человека?

Он

Человека; все живущее, все без исключения, старается достичь благополучия, обирая кого надлежит, и я уверен, что, предоставь я своему маленькому дикарю расти, как растет трава, он захотел бы богато одеваться, есть по-царски, быть баловнем мужчин, любимцем женщин, пользоваться всеми благами жизни.

Я

Если предоставить маленького дикаря самому себе, если он останется таким же неразумным и к ребяческой глупости прибавятся буйные страсти тридцатилетнего мужчины, то он свернет шею отцу и осквернит ложе матери.

Он

Это доказывает необходимость хорошего воспитания; но кто спорит против этого? И какое воспитание можно назвать хорошим, как не то, которое ведет к всевозможным наслаждениям и позволяет безопасно и беспрепятственно пользоваться ими?

Я

Я почти готов согласиться с вами; но лучше не будем объясняться.

Он

Почему?

Я

Я боюсь, что у нас одна видимость согласия, и что мы разойдемся, как только перейдем к обсуждению опасностей и препятствий, которых следует избегать.

Он

А что за беда, если и разойдемся?

Я

Право, не стоит говорить об этом: своих познаний в этой области мне все равно вам не передать; вам легче научить меня тому, что вы знаете по части музыки, в которой я недостаточно силен. Поговорим о музыке, дорогой Рамо! Скажите, как объяснить, что вам не удалось создать ничего сколько-нибудь значительного, несмотря на легкость, с какой вы воспринимаете, запоминаете и воспроизводите прекраснейшие произведения

великих мастеров, несмотря на восторг, который они возбуждают в вас и которым вы заражаете других?

Вместо ответа он покачал головой и воскликнул, поднимая палец к небу:

— Все дело в том, под какой звездой родиться! Когда природа создавала Лео, Винчи⁹⁸, Перголезе, Дуни, она улыбалась; она приняла важный и величавый вид, творя моего дорогого дядюшку Рамо, которого лет десять еще будут называть великим Рамо, а вскоре после этого совсем забудут. Когда же природа смастерила его племянника, она состроила гримасу, и опять гримасу, и еще гримасу.

Говоря это, Рамо корчил всевозможные рожи, выражая презрение, брезгливость, проплюю; в то же время он как будто месил кусок теста и смеялся над карикатурными формами, которые ему придавал; окончив, он отшвырнул далеко от себя вылепленный чудной истуканчик и сказал:

— Вот так она сотворила меня и бросила рядом с другими истуканчиками: одни были с толстым сморщенным брюхом, с короткой шеей, с глазами навывкате — того и гляди, хватит кондрашка; другие с искривленной шеей; попадались сухопарые, с бойким взглядом, с крючковатым носом; все они принялись хохотать до упаду при виде меня, и я, схватившись за бока, покатился со смеху при виде их, так как дураки и сумасшедшие потешаются друг над другом, ищут друг друга, испытывают взаимное влечение. Если бы по прибытии туда я не нашел там готовой пословицы: *обирать дурака умному сам бог велел*, то сочинил бы ее. Я понял, что природа спрятала мою законную долю в кошелек истуканчиков, и изобрел тысячу способов возвращать ее обратно.

Я

Я знаю эти способы; вы мне о них говорили, и я отдал им дань восхищения. Но почему вы, имея такой богатый выбор, не попытались прибегнуть к созданию какого-нибудь хорошего произведения?

Он

Ваши слова напоминают мне разговор одного светского человека с аббатом Лебланом. Аббат рассказывал: «Маркиза Помпадур берет меня на руку, несет до порога Академии, там она выдергивает руку, я падаю и ломаю себе обе ноги». Светский человек ответил: «Что же, господин аббат, надо было приподняться и вышибить дверь головой». Аббат возразил: «Я попробовал, и знаете, чем это кончилось? — шишкой на лбу...»

После этого анекдота мой собеседник зашагал, покрутив голову, задумчивый и удрученный; он вздыхал, плакал, в отчаянии поднимал к небу руки и глаза, дубасил себя по голове кулаком так, что, казалось, череп треснет или пальцы не выдержат.

— И все же мне кажется, — продолжал он, — там что-то есть; но, сколько я ни колочу, сколько ни трясу, наружу ничего не выходит...

Затем он снова начал трясти головой и что есть мочи колотить себя по лбу, приговаривая: «Или там пусто, или не хотят отвечать».

Минуту спустя он принимал гордый вид, поднимал голову, прижимал руку к сердцу и повторял, расхаживая: «Я чувствую, да, я чувствую...»

Он изображал человека, который сердится, негодует, умиляется, приказывает, умоляет, и произносил без подготовки речи, полные гнева, сострадания, ненависти, любви; с поразительной верностью и тонкостью улавливал он характерные признаки различных страстей. Затем прибавил:

— Хорошо передано, не правда ли? Вот оно, вдохновение! Вот что значит найти акушера, который умеет вызвать схватки и ускорить появление на свет ребенка. Оставаясь один, я беру перо, хочу писать, грызу ногти, ломаю голову — напрасные потуги: божественного огня нет; я был убежден, что я гений, а написанная мною строка доказывает мне, что я трижды глупец. Но разве можно чувствовать, подниматься над пошлостью, мыслить,

давать мощные образы, когда якшаешься с людьми, которых видишь только для того, чтобы насытить утробу, когда сам не говоришь и не слышишь ничего, кроме сплетен, вроде следующих: «Сегодня на бульваре было прелестно... Слышали вы крошку Мармот? Она играет восхитительно... У господина такого-то была великолепная пара коней в яблоках... Красавица госпожа такая-то начинает увядать; кто же носит в сорок пять лет такую прическу?... Молодая особа такая-то усыпана брильянтами, которые ей не стоят почти ничего.--- «Вы хотите сказать, которые ей стоят... всего». — Да нет же, нет. -- «Где вы ее видели?» — В театре. Шел «Потерянный и найденный ребенок арлекина»...⁹⁹ Сцена отчаяния была сыграна бесподобно. У ярмарочного полишинеля здоровая глотка, но нет ни тонкости, ни души... Госпожа такая-то родила двойню: оба папаша возьмут каждый своего»...

Неужели вы думаете, что такой вздор, который слышишь, говоришь и пережевываешь изо дня в день, может воспламенить и вдохновить на что-нибудь великое?

Я

Нет, лучше уж запереться на своем чердаке, пить одну воду, есть сухой хлеб и стараться познать самого себя.

Он

Может быть; но у меня нехватает на это мужества. И кроме того, с какой стати жертвовать своим счастьем ради сомнительного успеха! К тому же я пошу не простое имя! Рамо!.. Зваться Рамо стеснительно. Таланты не то, что дворянский титул: дворянский титул передается, и блеск его возрастает при переходе от отца к сыну, от сына к внуку, от внука к правнуку, причем предок не навязывает потомку своих достоинств. Из старого корня вырастает огромное ветвистое дерево глупцов; но это не имеет никакого значения. С талантом дело обстоит не так просто. Чтобы достичь известности отца, надо быть еще большим мастером; надо унаследовать его жилку...

Мне недостает жилища, но рука понаторела, смычок ходит, и горшок кипит: нет славы, зато есть бульон.

Я

На вашем месте я не отчаивался бы и попробовал.

Он

А вы думаете, я не пробовал? Мне не было и пятнадцати лет, когда я впервые сказал себе: «Что с тобой, Рамо? Ты мечтаешь; о чем ты мечтаешь? Тебе очень хотелось бы удивить чем-нибудь весь мир... За чем же дело стало? Это проще простого; ты хочешь поймать птицу — насыпь ей соли на хвост». Становясь старше, я повторял, что говорил в отрочестве; я повторяю это и поныне и остаюсь около статуи Мемнона.

Я

Что вы хотите этим сказать?

Он

Кажется, догадаться нетрудно. Вокруг статуи Мемнона было множество других изваяний, на которые точно так же падали солнечные лучи; но звучала одна она. Кто поэт? — Вольтер. А кто еще? — Вольтер. А третий кто? — Вольтер. А четвертый? — Вольтер. А кто композиторы? — Ринальдо да-Капуа, Гассе¹⁰⁰, Перголезе, Альберти, Тартини¹⁰¹, Локателли, Терраделья, мой дядя, милейший Дунн, у которого ни рожи ни кожи, но зато столько чувства, такая мелодичность, такая экспрессия! А остальные по сравнению с этими немногими Мемнонами — все равно, что пара ушей на деревяшке. Мы так нищи духом, так нищи, что, конечно, вечное блаженство нас не минует. Ах, господин философ, нищета ужасна! Я вижу, как она сидит на корточках с разинутой пастью и ловит капли ледяной воды, которые сочатся из бочки Данаид. Не знаю, обостряет ли эта жидкость мысль философа, но голову поэта она дьявольски леденит; под такой боч-

кой много не напоешь! И счастлив еще тот, кто может примоститься хоть там! Я был под ней и не мог удержаться. Раз я уже сделал такую глупость. Я странствовал в Богемии, Германии, Швейцарии, Голландии, Фландрии — у чорта на куличках.

Я

Под бочкой Данаид?

Он

Под бочкой Данаид. Был один еврей-богач, соривший деньгами; он любил музыку и моп дурачества. Я играл, как бог на душу положит, паясничал и жил припеваючи. Еврей мой твердо знал закон Моисеев и соблюдал его строго: в кругу приятелей — когда придется, при посторонних — всегда. Он влип в грязную историю; я вам расскажу ее сейчас: она забавна.

В. Утрехте проживала очаровательная куртизанка. Еврей соблазнился христианкой и послал к ней сводника с векселем на кругленькую сумму. Своенравное создание отвергло его предложение. Еврей пришел в отчаяние. А сводник и говорит: «Чего вы так огорчаетесь? Если вам хочется поспать с красивой женщиной, то нет ничего легче: она будет даже красивее той, за которой вы гонитесь; за ту же цену я уступлю вам свою жену». Сказано — сделано. Сводник оставляет у себя вексель, а еврей ложится спать с его женой. Наступает срок платежа. Еврей допускает протест векселя и объявляет его подложным. Суд. Еврей говорит: «Этот человек не посмеет сказать, за что ему выдан вексель, и я не буду по нему платить». На суде еврей спрашивает сводника:

— От кого вы получили этот вексель?

— От вас.

— В обеспечение ссуды?

— Нет.

— За поставку товаров?

— Нет.

— За оказанные услуги?

— Нет; но это к делу не относится. У меня вексель, вы его подписали и извольте платить.

— Я его не подписывал.

— Значит, я его подделал?

— Вы или кто-нибудь другой, чьим агентом вы являетесь.

— Я — подлец, а вы — мошенник. Не доводите меня до крайности; уверяю вас, я все скажу — себя обещашу, но и вас утоплю...

Еврей не обратил внимания на угрозу, и в следующем судебном заседании сводник рассказал, как было дело. Суд вынес признание обом: еврей был присужден к уплате по векселю, а деньги пошли на пособия бедным¹⁰². Тогда я расстался с евреем и вернулся во-свои.

Что делать? Приходилось либо издыхать от голода, либо предпринять что-нибудь. Каких только планов у меня не было! Бывали дни, когда я намеревался завтра же поступить в какую-нибудь провинциальную труппу, одинаково пригодный и непригодный как для сцены, так и для оркестра. Бывало, я думал заказать рекламу, вроде тех, которые выставляют на перекрестке, и собирался кричать перед ней во все горло: «Вот город, где он родился; вот он прощается со своим отцом, аптекарем; вот он в столице в поисках дядина жилища... Вот он на коленях перед дядей; тот прогоняет его... Вот он у еврея...» и т. д. и т. д. Через день я вставал с твердым намерением присоединиться к уличным певцам. Это было бы вовсе не так плохо: мы устраивали бы концерты под окнами дорогого дядюшки, и тот лопался бы от злости. Я принял другое решение...

Тут он остановился и стал в позу скрипача, нажимающего на струны; потом начал изображать бедняка, изнемогающего от усталости, выбившегося из сил, у которого подкашиваются ноги и который вот-вот испустит дух, если ему не бросят куска хлеба; он давал понять свою отчаянную нужду, тыча пальцем в полуоткрытый рот. Потом снова заговорил:

— Это каждому понятно. Мне бросали подачку; а мы — трое или четверо голодных — вырывали ее друг у друга. И вот попробуйте в таком бедственном положении мыслить возвышенно, создавать прекрасные творения!

Я

Да, мудроно.

Он

Со ступеньки на ступеньку, докатился я до Юс; там было не житье, а масленица. Меня выставили оттуда. Придется снова щелкать зубами и вернуться к персту, указывающему на разинутый рот. Ничто не вечно под луною: сегодня — на вершине, завтра — повержен во прах. Проклятая случайность управляет нашей судьбой, и при этом очень скверно...

Затем он осушил бутылку до дна и обратился к соседу:

— Сударь, ради бога, дайте понюхать... Какая у вас красивая табакерка! Вы не музыкант?

— Нет.

— Тем лучше для вас: музыканты — бедняги, достойные сожаления. Волею судеб стал им такой субъект, как я; а где-нибудь на мельнице в Монмартре, может быть, есть мельник или работник мельника, который никогда не слышит ничего, кроме стука толкача, тогда как мог бы стать творцом чудесных арий. На мельницу, на мельницу, Рамо! Там для тебя самое подходящее место.

Я

Природа предназначает человека ко всему, за что он берется с усердием.

Он

Она делает странные промахи. Что до меня, то я не гляжу с такой высоты, откуда все сливается: человек, подстригающий дерево, и гусеница, гложущая лист, кажутся только двумя различными насекомыми, занятыми каждое своим делом. Коли вам охота, взбирайтесь на эппикл Меркурия и оттуда подразделяйте род людской на столяров, плотников, кровельщиков, танцоров, пев-

цов, подобно Реомюру, который дает аналогичную классификацию насекомых; это ваше дело, я в него ввязываться не стану. Я живу в этом мире и его не покину. Но ежели обладать аппетитом вполне естественно, — а у меня он возобновляется постоянно, и ощущение голода со мной неразлучно, — то, по-моему, плох тот порядок, при котором то и дело кладешь зубы на полку. Что за дьявольское устройство! Одни обжираются, а другие, у которых такой же неугомонный желудок, такой же ненасытный аппетит, не имеют ни куска. Хуже всего — угнетенное состояние, в котором нас держит нужда. Нуждающийся человек шагает не так, как другие: он ходит вприпрыжку, ползает, кривляется, пресмыкается; вся его жизнь проходит в том, что он принимает позы.

Я

Какие позы?

Он

Спросите у Новера¹⁰³. В мире гораздо больше поз, чем может воспроизвести хореография.

Я

Вот и вы также, — по вашему выражению или по выражению Монтеня, — *взобрались на энцикл Меркурия* и наблюдаете оттуда различные пантомимы человеческого рода.

Он

Нет, нет, уверяю вас, я слишком тяжел для того, чтобы залезть так высоко. Я предоставляю облака журавлям и не расстанусь с землей. Я озираюсь вокруг и принимаю позы или же забавляюсь, глядя на позы других; я превосходно исполняю пантомиму, как вы сейчас убедитесь.

Затем он стал улыбаться и изображать восторг, мольбу, угодничество: правая нога выставлена вперед, левая — отодвинута назад, спина согнута, голова приподнята, взгляд ловит чей-то взор, рот разинут, руки

протянуты к какому-то предмету; он ждет приказа, получает его, летит стрелой, возвращается, исполняет поручение, докладывает. Он все время на чеку: подымает, что упадет; подкладывает подушку и пододвигает скамеечку под ноги; держит блюдо; подает стул; отворяет дверь; затворяет окно; спускает занавески; следит за каждым движением хозяина и хозяйки; застывает на месте, навывтяжку, руки по швам; настораживает уши; старается угадать выражение лиц — и возглашает:

— Вот моя пантомима — почти такая же, как у льстецов, придворных, лакеев и нищих.

Дурачества этого человека, побасенки аббата Галиани, причудливые вымыслы Рабле иногда заставляли меня глубоко задумываться. Это три склада карикатурных масок, откуда я беру их и надеваю на лица самых важных особ: в прелате мне чудится Панталоне, президент кажется сатиром, монах — боровом, министр — страусом, его первый секретарь — гусем.

Я

Из ваших слов следует, что мир полон попрошайек, и что все поголовно знают некоторые па вашего танца.

Он

Вы правы. Во всем королевстве ходит только один человек — глава государства; все остальные принимают позы.

Я

Глава государства? Это еще большой вопрос. Неужели вы думаете, что ему не попадается иногда маленькая ножка, тоненькая шейка, носик, ради которых он также разыгрывает пантомиму? Всякий, кто нуждается в другом, — тоже неимущий и принимает позы. Король принимает позу перед любовницей и продельывает свои па в пантомиме перед богом. Министр продельывает па придворного, льстеца, лакея и нищего перед королем. Толпа карьеристов выплясывает ваши позы на сто ладов — один

омерзительнее другого — перед министром. Высокопоставленный аббат — в брыжах и в сутане — по крайней мере раз в неделю вытасцовывает перед раздатчиком бенефиций. Ваша пантомима попрошаек — великий хоровод, в котором кружится весь мир; у каждого — своя Юс и свой Берген.

Он

Это меня утешает.

В то время, как я говорил, Рамо преуморительно воспроизводил позы персонажей, которых я называл. Изображая, например, маленького аббата, он держал шляпу подмышкой, а требник в левой руке; правой приподнимал полу сутаны и подвигался вперед, склонив голову набок, потупив глаза, с таким совершенством представляя лицемера, что мне казалось, я вижу автора «Опровержений» перед епископом Орлеанским¹⁰¹. Воспроизводя позы подхалимов, карьеристов, он ползал на брюхе, точь-в-точь как Буре перед генеральным контролером.

Я

Исполнение выше похвал; однако есть существо, извавленное от пантомимы. Это философ: он ничего не имеет и ни о чем не просит.

Он

А где обитает это животное? Если он ничего не имеет, — он страдает; если ни о чем не кланчит, то ничего и не получает... и будет вечно страдать.

Я

Нет; Диоген знать не хотел человеческих потребностей.

Он

Но без одежды не обойдешься.

Я

Нет, он ходил нагишом.

Он

Но не всегда же в Афинах тепло.

Я

Там не бывает таких холодов, как здесь.

Он

Но и без пищи там не проживешь.

Я

Конечно.

Он

Кто же кормил его?

Я

Природа. Кто кормит дикаря? Земля, животные, рыбы, деревья, травы, корни, ручьи.

Он

Скверный стол.

Я

Он изобилует блюдами.

Он

Но он плохо сервирован.

Я

И тем не менее нам подают блюда со стола природы.

Он

Согласитесь все же, что мастерство наших поваров, пирожников, рестораторов, кондитеров несколько меняет вкус этих блюд. Чтобы выдержать такую строгую диету, ваш Диоген должен был обладать весьма неприхотливым желудком.

Я

Вы ошибаетесь. Киник некогда носил такую же одежду, как наши монахи, и отличался теми же добродетелями. Киники были кармелитами и францисканцами Афин.

Он

Ловлю вас на слове. Значит, Диоген тоже танцевал пантомиму, если не перед Периклом, то, по крайней мере, перед Лансой и Фриной?

Я

Вы опять ошибаетесь; другие очень дорого платили гетере, а ему она отдавалась ради удовольствия.

Он

Но когда гетера бывала занята, а кинику было невтерпеж...

Я

Он залезал в свою бочку и обходился без нее.

Он

И вы советуете мне подражать ему?

Я

Я предпочитаю умереть, нежели пресмыкаться, унижаться и продавать себя.

Он

Но мне нужны хорошая постель, хороший стол, теплая зимняя одежда, легкая летняя, покой, деньги и многое другое, и я держусь того мнения, что лучше получать это от щедрых покровителей, чем зарабатывать трудом.

Я

На то вы лодырь, лакомка, человек с низкой, грязной душой.

Он

Я, кажется, сам говорил вам это.

Я

Житейские блага, конечно, имеют цену, но вы не знаете, какую жертву приносите ради них. Вы плясали, пляшете и будете выплясывать свою гнусную пантомиму.

Он

Это правда; но я обходился без всяких жертв, обойдусь без них и в дальнейшем; а посему я совершил бы великую глупость, если бы захотел перенять другие замашки; я бы мучился только понапрасну и все равно бросил бы их. Но, слушая вас, я вижу, что моя бедная женушка была своего рода философом; она обладала львиным мужеством. Бывало, мы сидели без хлеба и без единого су; распродавали всю свою рухлядь. Я бросался на кровать, ломая голову, у кого бы занять эку; отдавать его я не собирался, конечно. А она, веселая, как зяблик, садилась за клавиши и пела, аккомпанируя себе; пела она, как соловей; жаль, что вы ее не слышали. Когда я участвовал в концерте, я брал ее с собой; дорогой я говорил ей: «Ну, сударыня, постарайтесь вызывать восторг, блесните своим талантом и своими прелестями, увлеките, вскружите головы!..» Мы приходили; она пела, увлекала, кружила головы. Увы! я потерял ее, бедную крошку! Кроме таланта, у нее был ротик, в который едва входил мизинец; зубки, как перлы; а какие глазки, ножки, кожа, щечки, какие груди! Ноги, как у оленя; бедра и ягодицы — модель для скульптора. Рано или поздно она подцепила бы генерального откупщика, а то кого-нибудь и повыше. Какая походка, какой круп! О боже, какой круп!

И вот он уже изображает походку своей жены: семенит ногами, закидывает голову, играет веером, отчаянно вертит задом, — самая забавная и уморительная карикатура на наших кокеток. Затем возвращается к прерванному рассказу:

— Я водил ее гулять всюду: в Тюильри, в Пале-Рояль, на бульвары. Она бы неминуемо от меня упорх-

нула. Когда она проходила утром по улице, простоволосая, в коротенькой кацавейке, вы бы глаз от нее не оторвали, вы могли бы обнять ее за талию четырьмя пальцами, ничуть ее не сжимая. Шедшие сзади, видя, как она перебирает своими маленькими ножками, и измеряя взглядом широкий круп, обрисовывавшийся под легкими юбками, ускоряли шаги; она подпускала их вплотную, затем внезапно оборачивалась, вперяла в них большие черные блестящие глаза, и они останавливались, как вкопанные: лицевая сторона медали не уступала оборотной. Но увь! я ее потерял, и все мои надежды на богатство улетучились вместе с нею. Я для того только на ней и женился, я посвятил ее в свои планы, и у нее хватило смекалки, чтобы постичь их мудрость, и рассудительности, чтобы их одобрить.

И вот он плачет и рыдает, приговаривая:

— Нет, нет, я никогда не утешусь. С тех пор я живу монахом.

Я

От горя?

Он

Да, если угодно, но вернее, чтобы было что жевать. Посмотрите-ка, который час: мне пора в Оперу.

Я

А что идет?

Он

Опера Доверня¹⁰⁵. Довольно хорошие мотивы; жаль, что не он их сочинил. Кто-нибудь из покойников всегда приводит в отчаяние живых. Ничего не поделаешь. *Quisque suos patimur manes**. Но уже половина шестого, я слышу звон колокола, призывающего к вечерне аббата Кане¹⁰⁶, — она же и моя. Прощайте, господин философ! Не правда ли, я неисправим?

* Каждый из нас терпит свою кару

(*Вериллий*, «Энеида», кн. VI, ст. 743).

Я

Да, к несчастью.

Он •

Пусть только это несчастье продлится еще лет сорок: смеется тот, кто смеется последним.

ЖАК ФАТАЛИСТ

и

его хозяин

«Как они встретились?» — Случайно, как все люди. — «Как их звали?» — Вам что за дело? — «Откуда они пришли?» — Из ближайшего места. — «Куда они направлялись?» — Хозяин не говорил ничего, а Жак говорил, что его капитан говорил, что все, что случается с нами хорошего или дурного на земле, предназначено свыше.

Х о з я и н

Великие слова!

Ж а к

Капитан добавлял, что у всякой пули — свой жребий.

Х о з я и н

И был прав...

Помолчав некоторое время, Жак воскликнул:
— Чорт бы побрал кабатчика вместе с его кабаком!

Х о з я и н

Зачем же посылать к чорту ближнего? Это не похристиански.

Ж а к

Так вот, напиваясь я его дрянным вином и забывая сводить лошадей на водопой. Это бросается в глаза отцу, он выходит из себя; я мотаю головой; он хватает палку и щекочет мне спину не слишком ласково. В то время

проходил мимо нас полк, направлявшийся в лагерь под Фонтенуа; я с досады поступаю в рекруты. Подходим, происходит сражение.

Х о з я и н

И пуля попадает в тебя.

Ж а к

Угадали; огнестрельная рана в колено, и одному богу известно, сколько приятных и неприятных приключений она повлекла за собой. Они цепляются друг за друга не хуже звеньев мундштучной цепочки. Так, например, не будь этого выстрела — не довелось бы мне в жизни ни влюбиться, ни хромать.

Х о з я и н

Ты, значит, был влюблен?

Ж а к

Еще как!

Х о з я и н

Благодаря выстрелу?

Ж а к

Благодаря выстрелу.

Х о з я и н

А ты мне об этом не заикнулся.

Ж а к

Разумеется.

Х о з я и н

Почему?

Ж а к

А потому, что об этом не следовало рассказывать ни раньше, ни позднее.

Х о з я и н

Пришло ли время поведать о твоих любовных приключениях?

Ж а к

Почем знать?

Х о з я и н

На всякий случай начинай...

Жак приступил к своему повествованию. Было уже за полдень; погода стояла удушливая; хозяин заснул. Ночь застала их в открытом поле, и вот они сбились с пути. Тут хозяин страшно рассвирепел и стал из всех сил стегать лакея хлыстом, а бедный малый приговаривал при каждом ударе: «И это, видимо, также было предназначено свыше...»

Вы видите, читатель, что я нахожусь на хорошем пути и что от меня зависит потомить вас и отсрочить на один, два, три года рассказ о любовных приключениях Жака, разлучив его с хозяином и подвергнув каждого из них всевозможным случайностям по моему усмотрению. Что помешает мне женить хозяина и наставить ему рога? отправить Жака на Антильские острова? послать туда же хозяина? вернуть обоих во Францию на том же корабле? Как легко сочинять побасенки! Но на сей раз и тот и другой отделаются дурно проведенной ночью, а вы — этой отсрочкой.

Занялась заря. Вот они уселись в седла и продолжают путь.

«А куда они направляются?» — Вы уже во второй раз задаете мне этот вопрос, и во второй раз я отвечаю: — Какое вам дело? Если я затрону эту тему, то прощай любовные приключения Жака...

Некоторое время они ехали молча. Когда каждый из них несколько оправился от своего огорчения, хозяин сказал лакею:

— На чем же, Жак, мы остановились в рассказе о твоей любви?

Ж а к

Кажется, на поражении неприятельской армии. Люди спасаются бегством, их преследуют, всякий думает о себе. Я лежу на поле битвы, похороненный под грудой уби-

тых и раненых, число конх было огромно. На следующий день меня кинули вместе с дюжиной других в повозку и повезли в один из наших госпиталей. Ах, сударь мой, нет более мучительного ранения, чем в колено!

Х о з я и н

Послушай, Жак, ты надо мной смеешься?

Ж а к

Нисколько, сударь, не смеюсь. Там бог весть сколько косточек, сухожилий и прочих вещей, которые не знаю уж как называются...

Позади них, везя на седле девушку, ехал человек, смахивавший на крестьянина. Он слышал их беседу и сказал:

— Господин прав...

Неизвестно, к кому относилось слово «господин», но как слуга, так и хозяин восприняли его недоброжелательно, и Жак ответил нескромному собеседнику:

— Как ты смеешь мешаться не в свое дело?

— Это именно мое дело, ибо я, с вашего дозволения,— лекарь и намерен вам доказать...

Тогда сидевшая за ним женщина заявила:

— Господин доктор, поедьте своей дорогой и оставим в покое этих людей, которые вовсе не любят, чтоб им доказывали.

— Нет,— возразил лекарь,— я хочу им доказать и докажу...

Обернувшись, чтоб приступить к доказательствам, он толкнул свою спутницу, вывел ее из равновесия и сбросил наземь, причем нога ее запуталась в полах его одежды, а задравшиеся юбки закрыли ей голову. Жак спешивается, высвобождает ногу бедной женщины и оправляет юбки. Не знаю, начал ли он с оправления юбок или с высвобождения ноги, но если судить о состоянии потерпевшей по ее крикам, то она была тяжело ранена. Тут хозяин Жака сказал лекарю:

— Вот что значит доказывать.

А лекарь отвечал:

— Вот что значит не выслушивать доказательств...

Но Жак обратился к упавшей и поднятой им женщине:

— Утештесь, любезная: тут не виноваты ни вы, ни господин доктор, ни я, ни мой хозяин; просто свыше было предначертано, что сегодня, на этой самой дороге, в этот самый час господин доктор окажется болтуном, мы с хозяином — двумя ворчунками, а вы получите ушиб головы и покажете нам свой зад...

Во что превратилось бы это приключение в моих руках, приди мне в голову фантазия вас посердить! Я воспользовался бы этой женщиной, превратил бы ее в племянницу священника из соседней деревни; взбунтовал бы тамошних поселян; смастерил бы битвы и любовные утехы, ибо у нашей крестьянки оказалось под белым прекрасное тело. Жак и его хозяин заметили это: любовь зачастую вспыхивает даже и без такой соблазнительной okazji. Почему бы Жаку не влюбиться вторично? Почему бы ему вторично не стать соперником, и даже счастливым соперником, своего хозяина?

«Разве это с ним уже бывало?» — Опять вопрос! Вы, значит, не хотите, чтобы Жак продолжал рассказ о своих любовных похождениях? Давайте объяснимся раз навсегда: доставит вам это удовольствие или не доставит? Если доставит, то посадим крестьянку на седло позади ее спутника, предоставим им ехать своей дорогой и вернемся к нашим путешественникам.

На сей раз Жак сказал хозяину:

— Вот как повелось у нас в мире! Вы никогда не бывали ранены и понятия не имеете о том, что значит получить пулю в колено, а хотите убедить меня, у которого сломана чашка и который хромает уже двадцать лет...

Х о з я и н

Быть может, ты прав. Но этот наглый лекарь виною тому, что ты застрял в повозке вместе с сотоварищами!

и находишься далеко от госпиталя, от выздоровления и от того, чтобы влюбиться.

Ж а к

Как бы вашей милости ни угодно было думать, а боль у меня в колене была отчаянная; она возрастала еще от лежания в жесткой повозке, от неровностей дороги, и при каждом толчке я выпускал громкий крик.

Х о з я и н

Так как свыше было предначертано, чтоб ты кричал.

Ж а к

Безусловно. Я истекал кровью, и мне пришел бы конец, если б наша повозка, последняя в веренице, не остановилась у хижины. Там, по моей просьбе, меня сняли и положили на землю. Молодая женщина, стоявшая в дверях хижины, вошла внутрь и почти тотчас же вернулась со стаканом и бутылкой вина. Я поспешно отпил один-два глотка. Повозки, предшествовавшие нашей, тронулись вперед. Меня хотели швырнуть обратно к товарищам, но я крепко уцепился за одежду той женщины и за окружающие предметы и заявил, что не вернусь в повозку, и что если умирать, так уж лучше умирать здесь, чем двумя милями дальше. С этими словами я упал в обморок. Очнувшись, я очутился раздетым и лежащим на постели в углу хижины, а меня окружали мужик-хозяин, его жена, оказавшая мне помощь, и несколько маленьких детей. Жена смочила край фартука уксусом и терла мне им нос и виски.

Х о з я и н

Ах, негодяй! ах, подлец!.. Вижу, бестия, куда ты гнешь!

Ж а к

И вовсе, сударь, ничего не видите.

Хозяин

Разве не в эту женщину ты влюбился?

Жак

А хотя бы и в нее; что тут такого? Разве мы властны влюбляться и не влюбляться? И разве, влюбившись, мы властны поступать так, словно этого не случилось? Если бы то, что вы собираетесь мне сказать, было предназначено свыше, я сам подумал бы об этом; я надавал бы себе пощечин, бился бы головой об стену, рвал бы на себе волосы; однако дело бы от этого ничуть не изменилось, и мой благодетель все равно обзавелся бы рогами.

Хозяин

Но если рассуждать по-твоему, то нет такого проступка, который бы сопровождался угрызениями совести.

Жак

Я уже не раз ломал себе голову над тем, что вы мне сейчас возразили; все же я против воли постоянно возвращаюсь к изречению своего капитана: «Все, что случается с нами хорошего или дурного, предназначено свыше». А разве вы знаете, сударь, какой-нибудь способ уничтожить это предназначение? Могу ли я не быть самим собой? И будучи собой, могу ли поступать иначе, чем я сам? Могу ли я быть собой и кем-либо другим? И был ли хоть один момент со дня моего рождения, когда бы это оказалось не так? Убеждайте меня, сколько вам угодно; возможно, что ваши доводы окажутся вполне резонными; но если мне свыше предназначено, чтоб я счел их необоснованными, то что прикажете делать?

Хозяин

Я думаю над тем, стал ли твой благодетель рогоносцем потому, что так было предназначено свыше, или так было предназначено свыше потому, что ты сделал рогоносцем своего благодетеля.

Ж а к

И то и другое было предначертано рядом. Оно было предначертано одновременно. Это как великий свиток, который разворачивается мало-помалу...

Вы догадываетесь, читатель, как далеко я мог бы завести беседу на тему, о которой столько говорилось, столько писалось в течение двух тысяч лет без всякого толку. Если вы мне слишком мало благодарны за то, что я рассказал, то будьте мне премного благодарны за то, о чем я умолчал.

Поспорив между собой, оба наши теолога не пришли ни к какому взаимному пониманию, как это нередко бывает при теологических спорах, а между тем наступила ночь. Места, по которым они проезжали, были небезопасны во все времена, а теперь более чем когда-либо, так как вследствие скверной администрации и нищеты число злоумышленников сильно возросло. Наши путешественники остановились на жалком постоялом дворе. Им отвели комнату с перегородкой, состоявшей из одних щелей, и постлали две постели на козлах. Они заказали ужин; их попотчевали водой из лужи, черным хлебом и прокисшим вином. У трактирщика, трактирщицы, детей, слуг, словом — у всех, вид был злобный. В одной из соседних комнат царил шумное веселье и раздавался безудержный смех дюжины разбойников, прибывших несколько раньше и завладевших всей провизией. Жак был довольно спокоен, чего далеко нельзя было сказать про его хозяина. Последний испытывал величайшую тревогу, в то время как лакей уплетал ломти черного хлеба, с гримасой запивая их несколькими стаканами дрянного вина. Они пребывали в этом состоянии, когда раздался стук в дверь: то был трактирный слуга, которого эти наглые и опасные соседи заставили отнести нашим путешественникам на тарелке все косточки от съеденной ими птицы. Жак с негодованием схватил пистолеты своего хозяина.

— Куда ты?

— Не мешайте!

— Куда ты, спрашиваю я тебя?

— Хочу урезонить этих каналий.

— Да знаешь ли ты, что их целая дюжина?

— Будь там хоть сотня: число тут ни при чем, если свыше предначертано, что их все-таки недостаточно.

— Чорт бы побрал твое дурацкое изречение!..

Жак выскальзывает из рук своего хозяина, входит в комнату душегубов, держа в каждой руке по заряженному пистолету.

— Ложись! — крикнул он им. — Быстрее! Первому, кто пошевельнется, я размозжу череп!..

У Жака был такой искренний вид и тон, что негодяи, ценившие жизнь не меньше порядочных людей, безмолвно встали из-за стола, разделись и легли. Хозяин Жака, не уверенный, чем кончится это приключение, поджидал его с трепетом. Жак вернулся, нагруженный пожитками этих людей; он завладел ими, дабы разбойникам не пришла охота встать; кроме того, он потушил свет и запер дверь на два оборота ключа, который держал в той же руке, что и пистолет.

— Теперь, сударь, — объявил он хозяину, — нам остается только заслонить эту дверь своими постелями и заснуть мирным сном...

Он тут же принялся передвигать постели, хладнокровно и кратко передавая хозяину подробности своей экспедиции.

Х о з я и н

Чорт, а не человек! Ты, значит, веришь...

Ж а к

Ни верю, ни не верю.

Х о з я и н

А если б они отказались лечь?

Ж а к

Этого не могло быть.

Х о з я и н

Почему?

Ж а к

Потому что не было.

Х о з я и н

А если б они встали?

Ж а к

Тем хуже или тем лучше.

Х о з я и н

Если... если... если...

Ж а к

Если вскипятить море, то, как говорится, сварится много рыбы. Какого чорта, сударь! Только что вы полагали, что мне угрожала большая опасность, и это было совершенно неверно; теперь вы полагаете, что вам самим угрожает большая опасность, а это, быть может, еще более неверно. Все мы в этом доме боимся друг друга, а это доказывает, что все мы — глупцы...

С этими словами он вмиг разделся, лег и заснул. Хозяин, съев в свою очередь кусок черного хлеба и залив его глотком дрянного вина, внимательно прислушался, посмотрел на храпевшего Жака и сказал: «Чорт, а не человек!» По примеру слуги растянулся он на своем одре, но спал далеко не так.

На рассвете Жак почувствовал на себе чью-то толкавшую его руку: то была рука хозяина, который звал шопотом:

— Жак! Жак!

Ж а к

Чего еще?

Х о з я и н

Светает.

Ж а к

Возможно.

Х о з я и н

Так вставай же!

Ж а к

Зачем?

Х о з я и н

Чтоб поскорее отсюда убраться.

Ж а к

Зачем?

Х о з я и н

Потому что здесь плохо.

Ж а к

Кто знает, будет ли нам лучше в другом месте?

Х о з я и н

Жак!

Ж а к

Ну что? Жак! Жак! Право, чорт, а не человек!

Х о з я и н

Сам ты чорт! Жак, друг мой, прошу тебя.

Жак протер глаза, зевнул несколько раз, размял руки, встал, оделся не спеша, отодвинул постели, вышел из комнаты, спустился вниз, отправился на конюшню, оседлал и взнуздад лошадей, разбудил спавшего еще трактирщика, уплатил издержки, забрал ключи от обеих комнат, и вот наши странники снова пустились в путь.

Хозяин желал ехать рысью, Жак желал ехать шагом, не отступая от своей системы. Когда они очутились на довольно далеком расстоянии от печального своего убежища, хозяин, услышав какой-то звон, исходивший из кармана Жака, спросил его, что это значит. Жак отвечал, что это — ключи от обеих комнат.

Х о з я и н

Почему ты их не вернул?

Ж а к

Потому что теперь придется взломать обе двери: одну — чтоб выволить наших соседей из заключения, другую — чтоб выручить их одежду; а мы пока что выиграем время.

Х о з я и н

Отлично, Жак! Но зачем нам выигрывать время?

Ж а к

Зачем? Право, не знаю.

Х о з я и н

А если ты хочешь выиграть время, то почему едешь шагом?

Ж а к

Не ведаю, что предначертано свыше, не знаешь, ни чего хочешь, ни как поступишь, а потому следуешь своей фантазии, именуемой разумом, или разуму, еще более опасному, нежели фантазия, ведущему то к добру, то к злу.

Х о з я и н

Можешь ли ты мне сказать, что такое безумец и что такое мудрец?

Ж а к

Почему нет?.. Безумец... Обождите!.. Безумец — это несчастный; а следовательно, счастливый человек — мудрец.

Х о з я и н

А что такое счастливый человек или несчастливый?

Ж а к

Ну, это совсем просто. Счастливый человек — тот, чье счастье предначертано свыше, и следовательно, тот, чье несчастье там предначертано, есть человек несчастный.

Хозяин

А кто предназначтал свыше счастье и несчастье?

Жак

А кто создал великий свиток, в котором все предназначтано? Некий капитан, друг моего капитана, охотно отдал бы целый экую, чтоб это узнать; мой капитан не дал бы ни гроша, и я тоже. Ибо к чему бы это послужило? Разве я таким путем избежал бы ямы, в которой должен сломать себе шею?

Хозяин

Полагаю, что избежал бы.

Жак

А я полагаю, что нет, ибо в таком случае одна строчка должна была бы оказаться ошибочной в великом свитке, который содержит правду, одну только правду и всю правду. Как! в великом свитке было бы написано: «Жак в такой-то день сломит себе шею», — и Жак шеи не сломит? Неужели вы предполагаете, что это возможно, кто бы ни был автором великого свитка?

Хозяин

По этому поводу можно было бы сказать многое...

Жак

Мой капитан считал, что осторожность — предположение, на основании которого опыт разрешает нам рассматривать выпавшие на нашу долю обстоятельства как причины неких последствий, ожидаемых нами в будущем с радостью или со страхом.

Хозяин

И ты что-нибудь в этом понимаешь?

Жак

Конечно; я мало-помалу привык к его речам. Кто, говорил он, вправе похвастаться, что обладает достаточным опытом? Разве тот, кто мнит себя во всеоружии

таких познаний, никогда не попадал впросак? Да существует ли на свете человек, способный правильно оценить обстоятельства, в которых находится? Вычисление, которое мы производим в своей голове, и то, которое составлено свыше — это два разных вычисления. Руководим ли мы судьбой, или она руководит нами? Сколько мудро обдуманых планов провалилось и сколько еще провалится? Сколько бессмысленных планов осуществилось и сколько еще осуществится? Вот что мой капитан повторял мне после взятия Берг-оп-Зома и Порт-Маона¹ и добавлял, что осторожность не гарантирует нам успешного исхода, но утешает и оправдывает нас в случае неуспешного, а потому спал он в своей палатке накануне батальной не хуже, чем на гарнизонной квартире, и шел в бой, как на бал. Да, глядя на него, вы могли бы воскликнуть: «Чорт, а не человек!»

Тут их беседа была прервана шумом и криками, раздавшимися неподалеку за ними; они обернулись и увидели толпу людей, вооруженных дубинами и вилами и бежавших на них со всех ног. Вы, конечно, подумаете, что то были хозяева харчевни, их слуги и разбойники, о которых мы упоминали. Вы, конечно, подумаете, что поутру за отсутствием ключей вышибли двери и что разбойники заподозрили наших путешественников в похищении пожитков. Жак тоже подумал так и процедил сквозь зубы: «Будь они прокляты, эти ключи, вместе с фантазией или разумом, заставившим меня забрать их! Будь проклята осторожность!» и т. д.

Вы, конечно, подумаете, что эта маленькая армия обрушится на Жака и его хозяина, что произойдет кровавое побоище, посыплются палочные удары, раздадутся пистолетные выстрелы. И от меня зависит, чтоб так оно и случилось; но тогда — прощай историческая правда, прощай рассказ о любовных приключениях Жака. Никто не преследовал наших путешественников: я не знаю, что произошло на постоялом дворе после их отъезда. Они продолжали путь, не зная, куда направляются, хотя при-

близительно знали, куда хотят направиться; скуку и усталость разгоняли они с помощью болтовни и молчания, как это в обычае у тех, кто ходит, а иногда и у тех, кто сидит.

Совершенно очевидно, что я не пишу романа, поскольку пренебрегаю тем, чем не преминул бы воспользоваться романист. Тот, кто счел бы написанное мною за правду, был бы в меньшем заблуждении, чем тот, который счел бы это за басню.

На сей раз первым заговорил хозяин и начал с обычного своего припева:

— Ну, Жак, рассказывай про свои любовные приключения.

Ж а к

Я не помню, на чем остановился. Меня так часто прерывали, что я с тем же успехом мог бы начать сначала.

Х о з я и н

Нет, нет. Придя в себя от обморока, случившегося с тобой перед хижиной, ты очутился в постели и тебя окружали домочадцы.

Ж а к

Хорошо. Прежде всего надлежало спешно раздобыть лекаря, а все они жили не меньше, чем за мило. Крестьянин приказал одному из ребят ссесть на лошадь и съездить за ближайшим. Тем временем крестьянка подогрела густое вино, изорвала на лоскуты старую мужнину рубаху и припарила мне колено, обложила его компрессом и обмотала повязкой. В остаток от вина, послужившего для припарок, всыпали щепотку сахара величиной с муравьиный завтрак и дали мне выпить, затем попросили меня запастись терпением. Время было позднее, и хозяева села ужинали. Вот и ужин окончился, а мальчик не возвращается и лекаря не видно. Отец рассвирепел. Человек от природы сумрачный, он дулся на жену и был всем недоволен. Он сурово отослал остальных детей спать. Жена его села на скамью и принялась за прялку. Он

стал ходить взад и вперед и, расхаживая взад и вперед, затевал с ней ссору по всякому поводу.

— Если б ты сходила на мельницу, как я тебе говорил...— и он доканчивал фразу тем, что укоризненно качал головой в сторону моей постели.

— Завтра схожу.

— Надо было пойти сегодня, как я тебе говорил... А остатки соломы в риге? Почему ты их не подобрала?

— Завтра подберу.

— Наш запас приходит к концу; тебе следовало подобрать их сегодня, как я тебе говорил... А куча ячменю, который портится в амбаре; быюсь об заклад, что ты и не подумала его поворошить.

— Дети сделали.

— Надо было самой. Если б ты была в амбаре, то не стояла бы в дверях...

Тем временем прибыл лекарь, затем другой, затем третий в сопровождении мальчугана из хижины.

Х о з я и н

Ты запасся лекарями, как св. Рок шляпами².

Ж а к

Первого не оказалось дома, когда за ним приехал мальчонка; но лекарская жена известила другого, а третий прибыл вместе с нашим гонцом. «Здорѡво, кумовья! И вы здесь?» — сказал первый остальным. Спеша ко мне изо всех сил, лекари отчаянно вспотели и испытывали жажду. Они уселись за стол, с которого еще не успели прибрать. Жена спускается в погреб и приносит бутылку. Муж ворчит сквозь зубы: «Какого чорта понесло ее к дверям!» Лекари пьют, беседуют о болезнях, свирепствующих в округе, начинают перечислять клиентов. Я выпускаю стон; мне говорят: «Мы сейчас займемся вами». После первой бутылки требуют вторую в счет моего лечения, затем третью, четвертую, все в счет моего лечения; при каждой новой бутылке муж попрежнему восклицал: «Какого чорта понесло ее к дверям!»

Как бы другой автор использовал этих трех лекарей, их беседу за четвертой бутылкой, несчетное число их чудодейственных исцелений, нетерпение Жака, дурное настроение крестьянина, растабары наших сельских эскулапов о колене Жака, их разногласия, мнение одного, что Жак умрет, если тотчас же не отрезать ему ноги, мнение другого, что необходимо извлечь пулю вместе с застрявшим куском одежды и сохранить бедняге ногу! Между тем вы увидели бы Жака, сидящего на постели, с жалостью разглядывающего свою ногу и говорящего ей последнее «прости», подобно одному из наших генералов, очутившемуся в руках Дюфуара и Луи³. Третий лекарь должен был держаться в стороне, пока первые двое не поссорились бы и не перешли от бранных слов к действиям.

Я избавлю вас от всех тех описаний, которые вы найдете в романах, в старинной комедии и в обществе. Когда я услышал восклицание крестьянина по поводу жены: «Какого чорта понесло ее к дверям!» — мне вспомнился Мольеровский Гарпагон, говорящий о своем сыне: «С какой стати понесло его на галеры!»⁴. И тут я понял, что мало быть правдивым, но необходимо еще быть забавным, что по этой-то причине люди постоянно будут повторять: «С какой стати понесло его на галеры!», а восклицание моего крестьянина: «Какого чорта понесло ее к дверям!» — никогда не станет поговоркой.

Жак поступил со своим хозяином не так деликатно, как я с вами; он не подарил ему ни малейшей подробности, рискуя вторично вогнать его в сон. Таким образом в конечном счете завладел пациентом если не самый искусный, то зато самый сильный из трех костоправов.

«Не вздумай только, — скажете вы, — вынимать на наших глазах ланцет, резать тело, проливать кровь и показывать нам хирургическую операцию!» — Как-с? Это по-вашему дурной тон?.. В таком случае опустим и хирургическую операцию; но по крайней мере разрешите Жаку сказать своему хозяину то, что он действительно ему сказал: «Ах, сударь, какой это ужас — вправлять раздроблен-

ное колено!», а хозяину — ответить ему, как раньше: «Послушай, Жак, ты надо мной смеешься...» Но ни за какие сокровища на свете я не освобожу вас от сообщения о том, что не успел хозяин Жака дать ему этот глупый ответ, как лошадь его спотыкается и падает, а сам он изо всей силы натывается коленом на острый камень и кричит благим матом: «Умираю! Раздробил колено!»

Хотя Жак, добрейшая душа на свете, был нежно привязан к своему хозяину, однако ж хотелось бы мне знать, что происходило в глубине его души, если не в первый момент, то по крайней мере тогда, когда выяснились несерьезные последствия падения, и мог ли он удержаться от легкого ощущения тайной радости по поводу события, показавшего его хозяину, каково быть раненым в колено. Я был бы также непрочь, читатель, если бы вы мне сказали, не предпочел ли бы хозяин получить хотя бы и более тяжелую рану, но только не в колено, или он был более чувствителен к боли, нежели к стыду.

Придя несколько в себя от падения и тревоги, хозяин сел в седло и раз пять-шесть прищипорил лошадь, которая помчалась с быстротой молнии; точно так же поступила и лошадь Жака, ибо между этими животными установилась такая же близость, как и между их всадниками: то были две пары друзей.

Когда обе лошади, запыхавшись, снова пошли обычным шагом, Жак сказал хозяину:

— Ну-с, сударь, что вы об этом думаете?

Х о з я и н

О чем собственно?

Ж а к

О ране в колено.

Х о з я и н

Я с тобой согласен: это одна из самых ужасных.

Ж а к

В вашем колене?

Хозяин

Нет, нет, в твоём, в моём, во всех коленях на свете.

Жак

Ах, сударь, сударь, вы это недостаточно продумали; поверьте, мы жалеём только самих себя.

Хозяин

Какая ерунда!

Жак

Ах, если б я так же умел говорить, как умею думать! Но свыше было предначертано, что в голове у меня будут вертеться мысли, а слов я не найду.

Тут Жак запутался в весьма искусных и, быть может, правильных метафизических рассуждениях. Он пытался убедить хозяина в том, что за словом «боль» не стоит никакой идеи и что оно получает смысловое значение только с того момента, когда вызывает в нашей памяти уже пережитое ощущение. Хозяин спросил Жака, рожали ли он когда-нибудь.

— Нет, — отвечал Жак.

— А как по-твоему, рожать очень больно?

— Разумеется.

— Тебе жаль рожавших женщин?

— Очень.

— Ты, значит, иногда жалеешь и других?

— Я жалею того или ту, кто ломает руки в отчаянии, кто вырывает на себе волосы, испускает крики, так как знаю по личному опыту, что этого не делают, когда не страдают; но в отношении самых болей, испытываемых женщиной, мне её несколько не жаль: ибо я, слава богу, не знаю, что это такое. Но возвращаясь к страданию, известному нам обоим, а именно к истории моего колена, ставшего также и вашим страданием благодаря падению...

Х о з я и н

Нет, Жак, возвращаясь к истории твоих увлечений, ставших и моими благодаря испытанным мною огорчениям...

Ж а к

Итак, повязка наложена, я чувствую некоторое облегчение, костоправ ушел, а мои хозяева удалились и легли спать. Их комната была отделена от моей неплотно сколоченными досками, оклеенными серыми обоями и украшенными несколькими цветными картинками. Мне не спалось, и я слышал, как жена говорила мужу:

— Перестаньте: мне не до баловства. Несчастный бедняга умирает у наших дверей!

— Жена, ты это после расскажешь.

— Не трогайте меня. Если вы не перестанете, я встану с постели. Какое в этом удовольствие, когда на душе тяжело?

— Ну, коли ты заставляешь себя просить, то сама и будешь в накладе.

— Я вовсе не заставляю себя просить, но вы иногда бываете таким черствым... таким... таким...

После короткой паузы муж заговорил и сказал:

— А теперь признай, жена, что твоим неуместным сердоболем ты поставила нас в затруднительное положение, из которого почти нет выхода. Год тяжелый; нам еле хватает на себя и на детей. Хлеб-то как дорог! И вина нет. Была бы хоть работа; но богачи жмутся; беднякам нечего делать: на один занятой день приходится четыре свободных. Долгов никто не платит; заимодавцы так ожесточились, что отчаяние берет; а ты выбрала время приоттить какого-то незнакомца, чужого человека, который останется здесь столько времени, сколько угодно будет богу и лекару, вовсе не намеревающемуся вылечить его поскорее, ибо эти господа стараются затянуть болезни как можно дольше, а с твоим нахлебником, у которого нет ни гроша, мы израсходуем вдвое или втрое больше.

Как ты отделаешься от этого человека? Да говори же, жена, объясни толком.

— Разве с вами можно говорить?

— По-твоему, я не в духе, по-твоему, я ворчу! Ну, а кто же будет в духе? кто не будет ворчать? На погребке было немного вина; а теперь один бог знает, надолго ли его хватит. Костоправы выпили за один вечер больше, чем мы с детьми за целую неделю. А лекарю кто заплатит? Ведь он, как ты легко можешь себе представить, даром ходить не станет.

— Здрово, нечего сказать. Так оттого, что мы в нужде, вы хотите наградить меня ребенком, словно их у нас нехватало?

— Не будет ребенка.

— Нет, будет; я чувствую, что понесу.

— Ты это всегда говоришь.

— И ни разу не ошиблась, когда у меня после этого в ухе свербело... А сейчас свербит, как никогда.

— Врет твое ухо.

— Не трогай меня! Оставь мое ухо! Перестань, говорю тебе! С ума ты сошел! Сам поплаতিшься.

— Да нет же, ведь почитай с ночи на святого Иоанна ничего такого не было.

— Ты добьешься того, что... А через месяц будешь дуться, точно это моя вина.

— Нет, нет.

— А через девять будет еще хуже.

— Нет, нет.

— Ты сам захотел?

— Да, да.

— Так помни! И не говори мне, как в прошлые разы.

И вот слово за слово от «нет, нет» к «да, да» этот человек, сердившийся на жену за человеколюбивый поступок...

Хозяин

Я бы тоже так рассуждал.

Ж а к

Надо сознаться, что муж этот не отличался слишком большой последовательностью; но он был молод, а жена его красива. Никогда не плодят так много детей, как в годы нужды.

Х о з я и н

В особенности нищие.

Ж а к

Лишний ребенок им нипочем: его кормит благотворительность. А кроме того, это — единственное бесплатное удовольствие; ночью без всяких расходов утешаешься от невзгод, постигших тебя днем... Впрочем, доводы этого человека не становились от этого менее разумными. Рассуждая так, я почувствовал сильнейшую боль в колене и вскричал: «Ах, колено!» А муж вскричал: «Ах, жена!..», а жена вскричала: «Ах, муженек!.. Ведь... этот человек там!»

— Ну, там! Так что ж из того?

— А он, быть может, нас слышал.

— И пусть.

— Я не посмею завтра ему показаться.

— Почему? Разве ты мне не жена? разве я тебе не муж? А зачем же жена мужу, а муж жене, если не для этого?

— Ох, ох!

— Что еще?

— Ухо!

— Ну, что — ухо?

— Свербит, как никогда.

— Спи, пройдет.

— Не смогу. Ох, ухо! ох, ухо!

— Ухо, ухо! Легко сказать — ухо!..

Не стану вам рассказывать о том, что произошло между ними; но жена, повторив несколько раз кряду тихим и торопливым голосом «ухо, ухо», принялась лепетать отрывочными слогами «у... хо...», и это «у... хо...»,

а также нечто непередаваемое, сопровождавшееся молчанием, убедило меня, что ее ушная боль утихла от той или иной причины. Это доставило мне удовольствие; а ей — и говорить нечего.

Х о з я и н

Жак, положите руку на сердце и поклянитесь, что вы влюбились не в эту женщину.

Ж а к

Клянусь.

Х о з я и н

Тем хуже для тебя.

Ж а к

Тем хуже или тем лучше. Вы, повидимому, полагаете, что женщины, обладающие таким же ухом, как она, охотно слушаются.

Х о з я и н

По моему мнению, это предначертано свыше.

Ж а к

А по-моему, там далее начертано, что они недолго слушаются того же человека и непрочь послушать и другого.

Х о з я и н

Возможно.

И вот наши собеседники затеяли бесконечный спор о женщинах: один утверждал, что они добрые, другой — что они злые, и оба были правы; один — что они глупые, другой — что они кладезь ума, и оба были правы; один — что они лживы, другой — что они искренни, и оба были правы; один — что они скупы, другой — что они щедры, и оба были правы; один — что они красивы, другой — что они безобразны, и оба были правы; один — что они болтливы, другой — что они сдержанны на язык; один — что они откровенны, другой — что скрытны; один — что они невежественны, другой — что просвещенны; один —

что они благоправны, другой — что распутны; один — что они ветреницы, другой — что рассудительны; один — что они рослые, другой — что маленькие; и оба были правы.

В то время, как они продолжали этот спор, которого хватило бы на то, чтобы обойти вокруг земли, не прерывая его ни на мгновение и не убедив друг друга, грянула гроза, заставившая их направиться...

— «Куда?» — Куда? Читатель, ваше любопытство крайне стеснительно. Что вам за дело? Какой вам прок, если вы узнаете, что направились они в Поштуаз или в Сен-Жермен, к богоматери Лоретской или к св. Якову Компостельскому? Если вы будете настаивать, то я скажу вам, что направились они к... да-с, почему бы мне вам и не сказать... к огромному замку, на фронтоне которого красовалась надпись: «Я не принадлежу никому и принадлежу всем. Вы бывали там прежде, чем вошли, и останетесь после того, как уйдете». — «Вошли ли они в замок?» — Нет, ибо надпись врал, или они бывали там, прежде чем вошли. — «Но они во всяком случае оттуда вышли?» — Нет, ибо надпись врал, или они оставались там, после того как ушли. — «А что они там делали?» — Жак говорил то, что было предначертано свыше, а хозяин — что ему хотелось; и оба были правы. — «Какое общество застали они там?» — Смешанное. — «А умные люди там были?» — Где их не бывает? Нашлись также проклятые расспрашиватели, которых избегали, как чумы. Особенно возмущались Жак и его хозяин во время всей прогулки... — «Значит, там прогуливались?» — Там только это и делали, когда не сидели или не лежали... Особенно возмущались Жак и его хозяин двадцатью смельчаками, захватившими самые роскошные апартаменты, так что нашим путешественникам почти всегда приходилось тесно; эти смельчаки, вопреки общему праву и истинному смыслу надписи, претендовали на то, что замок предоставлен им в полную собственность; с помощью известного числа подкупленных ими негодяев они убедили в этом множество других подкупленных теми негодяев, готовых за мелкую мзду повесить или убить первого, кто осмелится

им противоречить; тем не менее во времена Жака и его хозяина некоторые иногда на это осмеливались. — «Безнаказанно?» — Как когда.

Вы скажете, что я просто развлекаюсь и, не зная, куда девать своих путешественников, прибегаю к аллегориям, обычному источнику бесплодных умов. Жертвую для вас своей аллегорией и всеми выгодами, которые я мог бы из этого извлечь; готов согласиться с вами в чем угодно, лишь бы вы не приставали ко мне относительно последнего пристанища Жака и его хозяина, независимо от того, добрались ли они до большого города и почевали у шлюх, провели ли ночь у старого друга, чествовавшего их по мере своих возможностей, нашли ли приют у нищенствующих монахов, которые предоставили им скверный ночлег и скверную пищу, да и то нехотя, принимали ли их в палатах вельмож, где среди всяческого изобилия они нуждались во всем необходимом, вышли ли они поутру из большой харчевни, после того как их заставили заплатить втридорога за скверный ужин, сервированный на серебряных блюдах, и за постели с штофным пологом и сырыми, измятыми простынями, воспользовались ли гостеприимством сельского священника со скромным доходом, бросившегося облагать контрибуцией птичьих дворы прихожан, чтоб раздобыть яичницу и куриное фрикасе, или напились отличными винами, предались чревоугодию и схватили жестокое расстройство желудка в богатой бернардинской обители. Хотя вам все это представляется одинаково возможным, однако, Жак держался иного мнения: он считал реально возможным только то, что было предначертано свыше.

Но в каком бы месте дороги вам ни угодно было их застать, достоверно то, что не сделали они и двадцати шагов, как хозяин сказал Жаку, взяв перед тем, по своему обыкновению, попошку табаку:

— Ну, Жак, рассказывай про любовные приключения. Вместо ответа Жак воскликнул:

— К чорту любовные приключения! Ведь я, кажется, забыл...

Jaques le Fataliste et son Maître

*Comment s'appellent-ils rencontrés ?
Par hasard, comme tout le monde. Com-
ment s'appellent-ils ? Que vous im-
porte ? D'où viennent-ils ? Du lieu
le plus prochain. Où allaient-ils ?
Est-ce que l'on sait où l'on va ? Que
disaient-ils ? Le Maître ne disait
rien, et Jaques disait que son Cap-
itaine disait que tout ce qui nous ar-
rive de bien et de mal ici bas était
écrit là-haut.*

*Le Maître. — C'est un grand mot
que cela.*

Jaques. — Mon Capitaine ajoutait.

Хозяин

Что ты забыл?

Жак не ответил, но принялся выворачивать свои карманы и тщетно ощупывать себя повсюду. Его дорожный кошелёк остался под подушкой, и не успел он сознаться в этом хозяину, как тот вскричал:

— К чорту твои любовные приключения! Ведь часы-то мои висят над камином!

Жак не заставил просить себя; он тотчас же поворачивает и не спеша (ибо он никогда не спешил) возвращается в...

«В огромный замок?» — Вовсе нет. Из всех возможных обиталищ, которые я вам перед тем перечислил, выберите наиболее подходящее к данному случаю.

Тем временем хозяин продолжал путь, и теперь, когда он расстался со своим слугой, я, право, не знаю, кому из двух мне отдать предпочтение. Если вы хотите последовать за Жаком, то берегитесь: поиски кошелька и часов могут так затянуться и усложниться, что он долго еще не нагонит хозяина, единственного своего поверенного, и тогда — прощай любовные приключения Жака. Если, предоставив ему одному разыскивать кошелёк и часы, вы вздумаете составить компанию хозяину, то это будет вежливо, но для вас весьма скучно: вы еще не знаете этой породы. В его голове мало идей; если же ему случается сказать что-нибудь толковое, то он обязан этим памяти или вдохновению. У него такие же глаза, как у нас с вами, но глядит ли он, по большей части неизвестно. Он не спит, он также и не бодрствует: он отдается процессу существования; это его обычная функция. Автомат ехал вперед, иногда оборачиваясь, чтоб взглянуть, не возвращается ли Жак; он сходил с коня и шел пешком, снова садился в седло, скакал с четверть мили, сходил и, усевшись наземь, надевал повод на руку и подпирал голову кулаками. Устав от этой позы, он вставал и глядел в даль, ища глазами Жака. Но о Жаке не было и помину. Тогда он начинал сердиться и, не

замечая, говорит ли вслух или про себя, восклицал: «Где этот мерзавец! кобель! негодяй! Что он там возится? Неужели нужно столько времени, чтоб разыскать кошелек и часы? И вздрючу же я его! Как бог свят, вздрючу!» Затем он пытался нащупать часы в кармане, где их вовсе не было, и продолжал сокрушаться, ибо не знал, как ему быть без часов, без табакерки и без Жака: то были три главных занятия в его жизни, которая проходила в нюхании табаку, в смотрении на часы, в расспрашивании Жака, и все это в разных комбинациях. Лишившись часов, он принужден был ограничиться табакеркой, которую поминутно открывал и закрывал, как это бывает и со мной, когда я скучаю. Количество табака, которое остается к вечеру в моей табакерке, прямо пропорционально удовольствию и обратно пропорционально скуке, испытанным мною в этот день. Прошу вас, читатель, освоиться с этой манерой выражаться, заимствованной мною у математики, так как я считаю ее точной наукой и буду часто к ней прибегать.

Ну, как? Вам, вероятно, уже надоел хозяин; а так как слуга все еще к нам не идет, то не отправиться ли нам самим к нему? Бедный Жак! В ту минуту, когда мы о нем говорим, он скорбно восклицал: «Значит, свыше было предначертано, чтоб я в тот же день был задержан в качестве грабителя на большой дороге, чтоб меня грозились отправлять в тюрьму и обвиняли в обольщении девицы!»

Подъезжая шажком к замку... то есть не к замку, а к последнему месту ночлега, он поровнялся с одним из странствующих разносчиков, именуемых коробейниками, и тот крикнул ему:

— Господин кавалер, подвязки, пояса, шнурки для часов, табакерки по последней моде, настоящие жабаки⁵, кольца, брелоки, печатки! Часы, сударь, часы, прекрасные золотые часы, чеканные, с двойной крышкой, совсем как новые...

Жак отвечал:

— Я ищу часы, но не твои... — и попрежнему, не торопясь, продолжал свой путь.

Не успел он отъехать, как ему почудилось, будто свыше предначертано, что этот человек должен предложить ему хозяйские часы. Он поворачивает назад и говорит коробейнику:

— Эй, приятель, покажи-ка мне свои золотые часы; сдается мне, что они в моем вкусе.

— Честное слово, — возразил коробейник, — тут не будет ничего удивительного: это прекрасные, распрекрасные часы, работы Жюльена Леруа⁶. Нет и минуты, как они у меня; достались мне задешево, и я не стану дорожиться. По-моему, лучше наживать по грошам, да зато часто. Плохие нынче пришли времена: мне теперь такой оказии в три месяца не представится. Вы смахиваете на честного человека, и лучше уж вам, нежели кому-либо другому, воспользоваться этим случаем...

Тем временем разносчик поставил свой короб на землю, раскрыл его и вынул часы, которые Жак тут же признал без всякого удивления, ибо, как он никогда не торопился, так он почти никогда и не удивлялся. Внимательно рассмотрев часы, он сказал про себя: «Да, они самые...», а затем обратился к коробейнику:

— Вы правы: прекрасные, распрекрасные часы, и, насколько мне известно, отлично ходят... — Он сунул часы в кармашек и добавил: — Большое спасибо, приятель!

— Как, большое спасибо!

— Да-с, это часы моего хозяина.

— Я не знаю вашего хозяина. Это мои часы; я их честно купил и честно за них заплатил...

Схватив Жака за шиворот, он принялся вырывать у него часы. Жак подходит к своей лошади, достает пистолет и приставляет его к груди нападающего.

— Прочь, или ты покойник! — говорит он ему.

Испуганный коробейник выпускает врага. Жак снова садится на лошадь и неторопливо направляется к городу, думая про себя: «Часы найдены, пошлем теперь наш кошелек».

Разносчик поспешно закрывает короб, вскидывает его на плечи и кричит, преследуя Жака:

— Вор! вор! убийца! Помогите! ко мне! ко мне!..

Пора была страдная, и поля усеяны хлебопашцами. Все побросали серпы, столпились вокруг этого человека и спрашивали, где же вор, где же убийца.

— Вот он! вот он!

— Как! Вот тот, что, не торопясь, едет к городским воротам?

— Он самый.

— Бросьте, вы с ума сошли; разве воры так ездят?

— Вор, вор, говорю я вам; он силой отнял у меня золотые часы...

Хлебопашцы не знали, как им согласовать крики торговца со спокойным аллюром Жака.

— Ах, дорогие мои,— восклицал тем временем коробейник,— я разорен, если вы мне не поможете; они стоят тридцать луидоров и ни одного лиара меньше. Помогите, он увозит мои часы, и если ударит, то часы пропали...

За дальностью расстояния Жаку не слышны были эти крики, но зато он мог легко разглядеть скопление народа; тем не менее это не побудило его прибавить шагу. Наконец, посулив крестьянам награду, коробейник уговорил их пуститься в догонку за Жаком. И вот куча мужчин, женщин и детей двинулась вперед, крича: «Вор! вор! убийца!», а за ними следом коробейник (насколько позволяла ему ноша) с теми же криками: «Вор! вор! убийца!..»

Они входят в город, ибо Жак и его хозяин ночевали накануне в городе; я только что об этом вспомнил. Жители покидают дома, присоединяются к крестьянам и коробейнику и бегут, крича: «Вор! вор! убийца!..» Все они одновременно нагоняют Жака. Коробейник бросается на него. Жак ударом сапога сваливает его наземь, а тот тем не менее орет:

— Мошенник! жулик! мерзавец! Отдай часы! Ты мне их отдашь, но тебя все равно повесят...

Жак, сохраняя хладнокровие, обращается к ежеминутно растущей толпе и говорит:

— Здесь есть полицейский чиновник; пусть меня от-

ведут к нему: там я докажу, что мошенник не я, а, быть может, этот человек. Правда, я отнял у него часы, но это часы моего хозяина. Меня знают в этом городе: позавчера вечером мы с хозяином приезжали сюда и гостили у окружного судьи, его старого друга.

Если я не сказал вам, что Жак и его хозяин проезжали через Консиз и останавливались у тамошнего окружного судьи, то лишь потому, что это не пришло мне в голову раньше.

Пусть отведут меня к господину окружному судье, сказал Жак и тут же снесился.

Он находился в центре шествия: он, лошадь и корабейник. Они идут и приходят к воротам окружного судьи. Жак, лошадь и корабейник входят внутрь, причем Жак и корабейник держат друг друга за петли камзолов. Толпа остается снаружи.

Что же тем временем делал хозяин Жака? Он дремал на краю проезжей дороги, надев повод на руку, а лошадь паслась вокруг спящего, насколько позволяла длина привязи.

Не успел окружной судья увидеть Жака, как он воскликнул:

— Ах, это ты, мой бедный Жак! Что привело тебя сюда одного?

— Часы моего хозяина, забытые им на камне и обнаруженные мною в коробе этого человека, а также наш кончелек, который я оставил под подушкой и который найдется, если вы прикажете.

И если это предначертано свыше...— добавил судья.

Тут же он приказал позвать своих слуг, и тут же корабейник, указав на рослого малого с подозрительной физнею, недавно поступившего к судье, воскликнул:

— Вот этот продал мне часы!

Судья, приняв строгий вид, обратился к корабейнику и своему слуге:

— Оба вы заслуживаете галер: ты — за то, что продал часы, а ты — за то, что купил...

Затем он сказал слуге:

— Верни купцу деньги и сейчас же снимай ливрею! —

А корабейнику:

— Поторопись выбраться из этого края, если не хочешь повиснуть здесь навсегда. У вас обоих такое ремесло, которое не может кончиться добром...

— А теперь, Жак, займемся твоим кошельком.

Тогда выступила без всякого зова особа, присвоившая себе кошелек: она оказалась высокой, стройной девицей.

— Кошелек, сударь, у меня, — сказала она хозяину, — но я не крада, а он сам дал мне его.

— Я дал вам кошелек?

— Да.

— Это возможно, но чорт меня возьми, если я помню...

Судья сказал Жаку:

— Знаешь, Жак, не будем распространяться дальше.

— Сударь...

— Я вижу, что она хорошенькая и покладистая.

— Сударь, клянусь вам...

— Сколько денег было в кошельке?

— Около девяносто семнадцати ливров.

— Ах, Жавота! Девятьсот семнадцать ливров за одну почь — это слишком много и для вас и для него. Дайте-ка сюда кошелек!

Девица отдала кошелек судье, который вынул оттуда эку в шесть франков.

— Вот вам за труды, — сказал он, бросая ей эку, — вы стоите дороже для всякого другого, кроме Жака. Желаю вам ежедневно получать вдвое, но вне моего дома; вы меня поняли?.. А ты, Жак, поторопись сесть на лошадь и вернуться к своему хозяину.

Жак отвесил судье поклон и удалился без возражений, говоря самому себе:

«Плутовка, бесстыдница! Видно, свыше было предназначено, что поспит с ней другой, а платить буду я... Ну, Жак, утешься; разве с тебя не довольно и того, что

ты нашел кончелек и часы и что это так дешево тебе обошлось?»

Жак садится на лошадь и расталкивает народ, скопившийся у дома судьи; по так как ему было обидно, что столько людей принимают его за вора, то он вынул часы из кармана и нарочно проверил время; затем он прищипорил лошадь, не привыкшую к этому, а потому помчавшуюся во весь опор. Жак имел обыкновенные предоставлять ей полную свободу, ибо находил одинаково стеснительным останавливать ее, когда она скакала, как и торонить ее, когда она плелась шагом. Мы думаем, что управляем судьбой, а на самом деле она всегда управляет нами; судьбой же для Жака было все, что его касалось или с ним сталкивалось: его лошадь, его хозяин, монах, собака, женщина, мул, ворона. Итак, лошадь понесла его полным ходом к хозяину, который дремал на краю дороги, надев повод на руку, как я вам уже говорил. В то время повод сдерживал лошадь; но когда Жак подъехал, повод находился на месте, а лошади уже не было. Видно, какой-то жулик подкрался к спящему, тихонько перерезал повод и увел лошадь. Топот коня, доставившего Жака, разбудил хозяина, и первое слово его было:

— Вернись только, вернись только, бездельник! Я тебя!..

Тут он принялся зевать во весь рот.

— Зевайте, сударь, зевайте, — заметил Жак, — а где ваша лошадь?

— Моя лошадь?

— Да, ваша лошадь...

Хозяин, тут же сообразив, что у него украли лошадь, вздумал было оттузить Жака поводом, но тот сказал:

— Потише, сударь, я сегодня не в настроении терпеть удары; один — куда ни шло, но после второго я удеру и оставляю вас здесь...

Эта угроза тотчас же смягчила гнев хозяина, и он спросил более мягким тоном:

— Мои часы?

— Вот они.

— А кошелек?

Вот он.

— Ты долго провозился.

— Не слишком для всего того, что проделал. Выслушайте меня. Я отправился туда, дрался, взбудоражил всех крестьян, взбудоражил всех горожан, меня сочли за грабителя с большой дороги, отвели к судье, подвергли двум допросам, я чуть было не подвел под виселицу двух молодцов, заставил прогнать лакея, выставить из дому служанку, подвергся обвинению в том, что переночевал с особой, которой никогда не видал, но которой мне, тем не менее, пришлось заплатить, и вот я здесь.

— Пока я тебя дожидался...

— Пока вы меня ждали, свыше было предначертано, что вы заснете и что у вас стащат лошадь. Ну что же, забудем об этом. Лошадь потеряна, но, быть может, свыше предначертано, что она найдется.

— Ах, лошадь! бедная моя лошадь!

— Скулите хоть до утра, дело от этого не поправится.

— Как же нам быть?

— Садитесь позади меня, или, если предпочитаете, то давайте оба снимем сапоги, привяжем их к седлу моей лошади и будем продолжать путь пешком.

— Ах, лошадь! бедная моя лошадь!

Они порешили идти пешком, причем хозяин время от времени восклицал: «Ах, лошадь! бедная моя лошадь!», а Жак вкратце излагал свои приключения. Когда он дошел до обвинения, предъявленного ему девицей, хозяин спросил:

— И ты, действительно, с ней не ночевал?

Жак

Нет, сударь.

Хозяин

Но заплатил?

Жак

Именно так.

Х о з я и н

Со мной однажды был худший случай.

Ж а к

Вы заплатили после того, как переночевали?

Х о з я и н

Угадал.

Ж а к

Не расскажете ли вы мне об этом?

Х о з я и н

Прежде чем перейти к моим любовным приключениям, покончим сперва с твоими. Ну-с, Жак, рассказывай про свою любовь, которую я готов считать первой и единственной в твоей жизни, несмотря на приключение со служанкой конспизского окружного судьи, ибо если ты и ночевал с ней, то это еще не значит, что ты в нее влюблен. Мы ежедневно ночуем с женщинами, которых не любим, и не почуем с женщинами, которых любим. Но ах!..

Ж а к

Что еще за «ах»?.. В чем дело?

Х о з я и н

Ах, моя лошадь!.. Не сердись, друг мой Жак; стань на место моей лошади, представь себе, что я тебя потерял, и скажи, разве не стал бы ты ценить меня больше, если б я восклицал: «Ах, Жак! бедный мой Жак!»?

Жак улыбнулся и сказал:

-- Я остановился, если не ошибаюсь, на беседе крестьянина с женой в ночь после перевязки. Я немного поспал. Супруги встали позднее обыкновенного.

Х о з я и н

Надо думать.

Ж а к

Проснувшись, я тихоенько раздвинул полог и увидел у дверей крестьянина, его жену и лекаря, устроивших там тайное совещание. После того, что я подслушал ночью, мне не трудно было угадать, о чем шла речь. Я кашлянул. Лекарь сказал мужу:

— Он проснулся. Сходите-ка, кум, на погреб; хлебом по глотку: это придаст руке уверенность; затем я сниму повязки, и мы позаботимся об остальном.

Вино принесли и рдснули, ибо на профессиональном наречии хлебнуть по глотку значит осушить по меньшей мере бутылку; после чего лекарь подошел к моей постели и спросил:

— Как провели ночь?

— Недурно.

— Дайте руку... Так, так, пульс неплохой, лихорадка почти прошла. Посмотрим колено... Пособите-ка нам, кума,— добавил он, обращаясь к хозяйке, стоявшей за пологом у постели.

Она кликнула одного из ребятишек.

— Нам не ребенок нужен, а вы: одно неверное движение причинит лишнюю возню на целый месяц. Подойдите ближе.

Хозяйка подошла, опустив глаза.

— Держите вот эту ногу, здоровую, а я займусь другой. Тише, тише... Ко мне, еще немного... Повернитесь слегка направо, приятель... направо, говорю я вам... вот так...

Я вцепился обеими руками в простыню, скрежетал зубами, а пот катился с моего лица.

— Не сладко, приятель?

— Совсем не сладко.

— Вот так. Отпустите ногу, кума, возьмите подушку; пододвиньте стул и положите ее туда... Слишком близко... Немножко подальше... Дайте руку, приятель, жмите крепче. Ступайте за кровать, кума, и возьмите его под-

мышки... Превосходно!.. Как, кум, осталось там еще что-нибудь в бутылке?

— Пет.

— Станьте на место жены, и пусть она сбегает за другой. Так, так, лейте полней... Кума, оставьте своего мужа там, где он находится, и подойдите ко мне...

Хозяйка снова позвала ребенка.

— Ах, чорта с два, я же вам говорил, что ребенок здесь не годится. Опуститесь на колени, подсуньте руку под икру... Вы дрожите, кума, словно совершили преступление; ну-с, смелее!.. Поддержите левой ляжку выше перевязки... Отлично!

И вот швы разрезаны, повязка разбинтована, корпия снята, и рана моя обнажена. Лекарь щупает сверху, снизу, с боков и при каждом прикосновении повторяет:

— Невежда! осел! олух! Тоже сует свой нос в хирургию! Отрезать ногу, эту ногу! Да она проживет столько же, сколько и другая: я вам за это отвечаю.

— Значит, я выздоровею?

— И не такие у меня выздоравливали.

— И буду ходить?

— Будете.

— Не хромая?

— Это, приятель, другое дело; ишь, чего захотели! Разве не довольно того, что я спас вам ногу? Впрочем, если будете хромать, то не слишком. Вы любите плясать?

— Очень.

— Если и будете немножко хуже ходить, то зато лучше будете плясать... Принесите-ка, кума, подогретое вино... Нет, дайте сперва обыкновенного... еще стаканчик: это помогает при перевязке.

Он пьет; приносят подогретое вино, делают мне припарку, накладывают корпию, кладут меня в постель, уговаривают вздремнуть, если удастся, затягивают полог; допивают начатую бутылку, достают с погреба вторую, и опять начинается совещание между лекарем, крестьянином и его женой.

Крестьянин

Это надолго, кум?

Лекарь

Очень надолго... Ваше здоровье!

Крестьянин

На сколько? на месяц?

Лекарь

На месяц! Кладите два, три, четыре, -- трудно сказать. Задета коленная чашка, бедренная кость, берцовая... Ваше здоровье, кума!

Крестьянин

Господи помилуй, четыре месяца! Зачем его сюда пустили? Какого чорта понесло ее к дверям!

Лекарь

А теперь за мое здоровье; я хорошо поработал.

Крестьянка

Ты опять за свое, друг мой. А что ты мне обещал сегодня ночью? Но терпение, ты еще ко мне вернешься.

Крестьянин

Ну, посуди сама: как нам быть с этим человеком? Будь хоть год-то не такой плохой.

Крестьянка

Позволь мне сходить к священнику.

Крестьянин

Посмей только, я обломаю тебе бока.

Лекарь

Почему, кум? Моя к нему ходит.

Крестьянин

Это ваше дело.

Лекарь

За здоровье моей крестницы! Как она поживает?

Крестьянка

Спасибо, хорошо.

Лекарь

Ну, кум, за здоровье вашей жены и моей! Обе они — прекрасные жены.

Крестьянин

Ваша поумней: она не сделала бы такой глупости и не...

Крестьянка

Послушайте, кум, его можно отвезти к серым сестрам⁷.

Лекарь

Что вы, кума! Мужчину, мужчину к монахиням! Тут есть маленькое препятствие, так чуть-чуть побольше мизинца... Выпьем за монахинь, они славные девушки.

Крестьянка

Какое же препятствие?

Лекарь

А вот какое: ваш муж не хочет, чтоб вы ходили к священнику, а моя жена не хочет, чтоб я ходил к монахиням... Еще глоток, кум! Может быть, вино нас надоумит. Вы не расспрашивали этого человека? Возможно, что он не без средств.

Крестьянин

Это солдат-то!

Лекарь

У солдата бывают отец, мать, братья, сестры, родные, друзья, словом — кто-нибудь под небесами... Хлебнем

еще по глотку, а теперь удалитесь и позвольте мне орудовать.

Я передал вам слово в слово беседу лекаря, крестьянина и крестьянки; но разве не в моей власти было присоединить к этим добрым людям какого-нибудь негодяя? Жак увидел бы, как его — или вы увидели бы, как Жака — стаскивают с постели, оставляют на большой дороге или кидают в яму. — «И наверно убивают?» — Нет, не убивают. Я сумел бы позвать кого-нибудь на помощь, скажем солдата из того же отряда; но это так пахло бы «Кливлендом»⁸, что хоть нос зажимай. Правдивость! прежде всего правдивость! — «Правдивость, — скажете вы, — зачастую бывает холодна, обыденна и плоска; например, ваш рассказ о перевязке Жака правдив, но что в нем интересного? Ничего!» — Согласен. — «Если уж быть правдивым, то как Мольер, Реньяр, Ричардсон, Седен; правдивость не лишена пикантных черт, которые можно уловить, если обладаешь гениальностью». — Да, если обладаешь гениальностью; а если не обладаешь? — «Тогда не надо писать». — А если, по несчастью, походишь на того поэта, которого я отправил в Пондишерн⁹? — «Что это за поэт?» — Этот поэт... Но если вы будете меня перебивать, читатель, или если я буду перебивать себя сам, то что же станет с любовными похождениями Жака? Поверьте мне, оставим в покое поэта... Крестьянин и крестьянка удалились... — «Нет, нет, историю про пондишерийского поэта». — Лекарь приблизился к постели Жака... — «Историю пондишерийского поэта! историю пондишерийского поэта!»

— Однажды пришел ко мне молодой поэт; такие навещают меня ежедневно... Но послушайте, читатель, какое это имеет отношение к путешествию Жака Фаталиста и его хозяина?.. — «Историю пондишерийского поэта!» — После обычных комплиментов насчет моего ума, таланта, вкуса, доброжелательства и после прочих любезностей, которым я не верю, но которые мне повторяют уже свыше двадцати лет и, быть может, искренно, молодой поэт

вытащил из кармана бумажку. «Это стихи», сказал он. — Стихи? — «Да, сударь, и я надеюсь, что вы будете так добры высказать свое мнение». — Любите ли вы правду? — «Да, сударь, и жду ее от вас». — Вы ее услышите... — Тут читатель спросит: «Как! неужели вы так глупы и полагаете, что поэты ходят к вам за правдой?» — Да. — «И у вас хватит глупости ее высказывать?» — Безусловно. — «Не прибегая ни к каким околичностям?» — Разумеется; всякие околичности, даже хорошо замаскированные, — не что иное, как грубое оскорбление; при точном истолковании они означают, что вы скверный поэт, а раз у вас нехватает силы духа, чтоб выслушать правду, то вы всего-навсего пошляк. — «Ваша откровенность всегда приводила к успешным результатам?» — Почти всегда... Прочитываю стихи молодого поэта и говорю ему: — Ваши стихи плохи, и кроме того, я убедился в том, что вы никогда не сочините лучших. — «В таком случае мне придется писать скверные, так как я не в силах от этого отказаться». — Какое ужасное проклятье! Поймите, сударь, как низко вы падете! Ни боги, ни люди, ни колонны не прощают поэтам посредственности: так говорил Гораций. — «Знаю». — Вы богаты? — «Нет». — Бедны? — «Очень беден». — И вы собираетесь присоединить к бедности смехотворное ремесло бездарного поэта? Вы испортите свою жизнь, наступит старость: старый, нищий и скверный поэт, — ах, сударь, какая роль! — «Сознаю, но ничего не могу с собой поделать...» (Тут Жак сказал бы: «Так предначертано свыше».) — Есть ли у вас родные? — «Есть». — Чем они занимаются? — «Они ювелиры». — Сделают ли они что-нибудь для вас? — «Возможно». — В таком случае ступайте к вашим родным и предложите им дать вам заимообразно несколько драгоценностей. Садитесь на корабль и отправляйтесь в Пондшери; воспойте дорогу в скверных стихах, а по прибытии составьте себе состояние. Составив состояние, возвращайтесь обратно сочинять столько скверных стихов, сколько вам заблагорассудится, но только не печатайте их, ибо нехорошо разорять ближнего... — Прошло около двенадцати лет после этого со-

вета, и молодой человек снова явился ко мне; я его не узнал. — «Сударь, — сказал он мне, — вы послали меня в Пондишери. Я побывал там, скопил тысяч сто франков. Вернулся обратно; снова пишу стихи и принес вам показать... Они всё еще плохи?» — Всё еще; но ваша судьба устроена, а потому я согласен, чтоб вы продолжали писать плохие стихи. — «Я так и намерен поступить»...

Лекарь приблизился к постели Жака, но тот не дал ему рта раскрыть.

— Я все слышал, — сказал он.

Затем, обращаясь к своему хозяину, Жак добавил... вернее, собирался добавить, ибо тот прервал его. Хозяин устал от ходьбы; он уселся на краю дороги и взглядывался в путешественника, который направлялся в их сторону, надев на руку повод лошади, следовавшей за ним.

Вы, вероятно, подумаете, читатель, что это та самая лошадь, которую украли у хозяина, и вы ошибетесь. Так бы должно было случиться в романе немножко раньше или немножко позже, тем или иным манером; но это не роман; я, кажется, уже говорил вам об этом и повторяю еще раз. Хозяин сказал Жаку:

— Видишь ли ты воп того человека?

Ж а к

Вижу.

Х о з я и н

У него, по-моему, отличная лошадь.

Ж а к

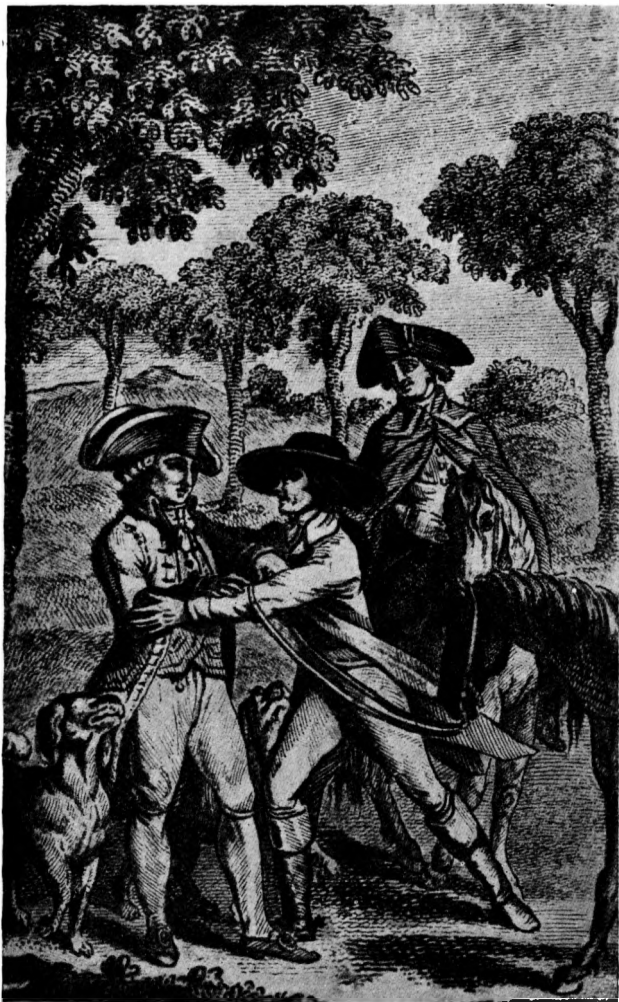
Я служил в инфантерии и ничего не смыслю в лошадях.

Х о з я и н

А я командовал в кавалерии и смыслю.

Ж а к

А дальше что?

Фронтиспис I тома «Жак Фаталист»
парижского изд. 1797 года

Х о з я и н

А вот что. Я хочу, чтоб ты отправился к этому человеку и предложил ему уступить нам лошадь, разумеется — за деньги.

Ж а к

Это безумие, но я все-таки пойду. Сколько вы намерены дать за нее?

Х о з я и н

До ста экю...

Посоветовав своему хозяину не засыпать, Жак направляется навстречу путешественнику, просит продать ему лошадь, расплачивается и уводит ее.

— Вы видите, Жак,— сказал ему хозяин,— что если у вас есть свои предчувствия, то у меня свои. Хороша лошадка. Наверно продавец клялся, что она безукоризненна, но в отношении лошадей все люди — барышники.

Ж а к

А в каком же отношении они не барышники!

Х о з я и н

Ты сядешь на нее и уступишь мне свою.

Ж а к

Пусть так.

Вот они оба верхами, и Жак добавляет:

— Когда я покидал родительский дом, отец, мать, крестный подарили мне каждый что-нибудь в меру своих скромных средств; кроме того у меня было отложено пять луидоров, которые Жан, мой старшой, дал мне перед злосчастной своей поездкой в Лиссабон... (Тут Жак принялся плакать, а хозяин — уверять его, что так было предначертано свыше.) Я и сам сотни раз говорил себе это, и тем не менее не могу удержаться от слез...

И вот Жак всхлипывает и начинает рыдать во-всю, а его хозяин берет понюшку табаку и смотрит на часы.

Накопец, взяв повод в зубы и вытерши глаза обеими руками, Жак продолжал:

— Пять лундоров Жана, рекрутский задаток да подарки родных и друзей составили сумму, из которой я не тронул еще ни гроша. Эти сбережения оказались весьма кстати; как вы думаете, сударь?

Х о з я и н

Тебе невозможно было дольше оставаться в хижине?

Ж а к

Даже за деньги.

Х о з я и н

А что понесло твоего брата в Лиссабон?

Ж а к

Вы, кажется, нарочно меня сбиваете. Ведь с вашими вопросами мы скорее объедем вокруг земли, нежели я успею досказать вам про свои любовные приключения.

Х о з я и н

Не все ли равно, лишь бы ты говорил, а я тебя слушал! Разве это не два основных пункта? Чего ты сердишься, ты бы лучше меня поблагодарил.

Ж а к

Брат отправился в Лиссабон искать вечного покоя. Жан, брат мой, был парень со смекалкой: это принесло ему несчастье; родился он таким же дураком, как я, ему пришлось бы лучше; но так было предначертано свыше. Было предначертано, что нищенствующий кармелит, каждый сезон приходивший в нашу деревню выпрашивать яйца, шерсть, коноплю, фрукты, вино, остановится у моего отца, собьет с толку Жана, брата моего, и что Жан, брат мой, примет постриг.

Х о з я и н

Жан, брат твой, был кармелитом?

Ж а к

Да, сударь, и даже босоногим кармелитом¹⁰. Жан был делец, умница, сутяга; его почитали за стряпчего нашей деревни. Он умел читать и писать и с юных лет занимался расшифровкой и перепиской старинных грамот. Он прошел через все должности ордена, будучи поочередно привратником, келарем, садовником, ризничим, помощником эконома и казначеем; он так удачно продвигался вперед, что не преминул бы составить благосостояние всей нашей семьи. Он выдал замуж — и удачно — двух своих сестер и нескольких деревенских девушек. Когда он шел по улицам, то отцы, матери и дети подходили к нему и кричали: «Добрый день, брат Жан! Как поживаете, брат Жан?» Нет никакого сомнения, что когда он входил в какой-нибудь дом, то вместе с ним входила небесная благодать; а если там была дочь, то спустя два месяца после его посещения она шла под венец. Бедный брат Жан! Честолюбие сгубило его. Монастырский эконом, к которому его приставили в качестве помощника, был стар. Монахи передавали, будто Жан, замыслив унаследовать ему после его кончины, перевернул вверх дном весь архив, сжег старые реестры и изготовил новые, так что по смерти старого эконома сам черт не разобрался бы в грамотах общины. Если нужен был какой-нибудь документ, то приходилось терять месяц на его розыски, да и то он не всегда находился. Отцы раскусили уловку брата Жана и ее цель: они приняли дело всерьез, и брат Жан, вместо того, чтоб стать экономом согласно своим расчетам, был посажен на хлеб и на воду и подвергся изрядному бичеванию, пока не сообщил ключа реестров другому брату. Монахи безжалостны. Выведав у брата Жана все необходимые сведения, они заставили его носить уголь в лабораторию, где дистиллируют кармелитскую воду¹¹. И вот брат Жан, бывший казначей ордена и помощник эконома, в должности угольщика! Брат Жан был самолюбив, он не смог вынести потери влияния и величия и только выжидал случая избавиться от этого унижения.

О ту пору прибыл в обитель молодой монах, прославивший чудом ордена за речн в церковном суде и с амвона: звали его отцом Ангелом. У него были красивые глаза, красивое лицо, а руки и кисти — достойные резца скульптора. И вот он проповедует, проповедует, исповедует, исповедует; старые духовники покинуты святошами; святоши перешли к молодому отцу Ангелу; накануне воскресенья и праздничных дней лавочка отца Ангела облеплена исповедующимися мужчинами и женщинами, а старые духовники тщетно поджидают клиентов в своих опустелых исповедальнях; особенно огорчило их... Но не оставить ли мне, сударь, историю брата Жана и не вернуться ли к своим любовным приключениям: это, быть может, будет повеселее.

Х о з я и н

Нет, нет; понюхаем табачку, посмотрим на часы и давай продолжать.

Ж а к

Пусть так, если вам хочется...

Но лошадь Жака была другого мнения: она ни с того ни с сего закусывает удила и несется в овраг. Как Жак ни сжимает колени, как ни осаживает ее, а упрямая скотина выскакивает из оврага и карабкается во всю прыть по пригорку, где внезапно останавливается, и Жак, оглянувшись во все стороны, видит себя окруженным висельниками.

Всякий на моем месте, любезный читатель, не преминул бы снабдить эти висельницы добычей и уготовить Жаку печальную «сцену узнавания». Поступи я так, вы, может статься, мне бы и поверили, ибо бывают и более удивительные случайности; но это не приблизило бы нас к истине: висельницы были пусты.

Жак дал лошади отдышаться, и она по своей воле спустилась с пригорка, выкарабкалась из оврага и подвезла Жака к его хозяину, который воскликнул:

— Ах, мой бедный друг, как ты меня напугал!

Я уже считал тебя мертвым... Но ты задумался; о чем ты задумался?

Жак

О том, на что я там наткнулся.

Хозяин

На что же ты наткнулся?

Жак

На виселицы, на эшафот.

Хозяин

Чорт подери! дурная примета. Но не забывай своей доктрины. Если свыше так предначертано, то как ни вертись, любезный друг, а ты будешь повешен; если же это свыше не предначертано, то лошадь соврала. Либо она вдохновлена свыше, либо она с поровом; будь осторожен!..

После короткого молчания Жак потер лоб и жестом как бы отмахнулся от неприятной мысли, а затем неожиданно продолжал:

— Старые монахи держали совет и порешили какой бы то ни было ценой и каким бы то ни было способом отделаться от посрамлявшего их молокососа. Знаете ли, что они предприняли?.. Да вы меня, сударь, не слушаете.

Хозяин

Слушаю, слушаю; продолжай.

Жак

Они подкупили привратника, такого же старого негодяя, как они сами. Старый негодяй обвинил молодого монаха в непристойных вольностях с одной из святош в монастырской приемной и клятвенно подтвердил, что сам это видел. Может быть, это было правда, а может и неправда: почему знать? Самое забавное заключается

в том, что на другой день после этого обвинения приора обители вызвали в суд по иску некоего лекаря, который требовал уплаты за лечение от дурной болезни того самого мерзавца привратника, а также за отпущенные ему лекарства... Сударь, вы меня не слушаете, и я угадываю причину вашей рассеянности: бьюсь об заклад, что это — виселицы.

Х о з я н н

Не стану отрицать.

Ж а к

Вы не спускаете глаз с моего лица; разве у меня зловещий вид?

Х о з я н н

Нет, нет.

Ж а к

Это значит: да, да. Ну что ж, если я вас пугаю, мы можем расстаться.

Х о з я н н

Вы начинаете сходить с ума, Жак; разве вы не уверены в себе?

Ж а к

Нет, сударь; а кто же уверен в себе?

Х о з я н н

Всякий порядочный человек. Неужели Жак, честный Жак не испытывает отвращения к преступлению?.. Однако, милый друг, бросим спорить и продолжайте ваш рассказ.

Ж а к

Воспользовавшись клеветой или злословием привратника, монахи сочли себя вправе устраивать тысячи дьявольских штук, тысячи каверз отцу Ангелу, рассудок которого, повидимому, помутился. Они вызвали врача, подкупили его, и тот удостоверил, что монах рехнулся и что

ему необходимо подышать воздухом родины. Если бы вопрос шел о том, чтоб удалить или запереть отца Ангела, то это было бы делом мгновения; но среди носившихся с ним святош были важные дамы, с которыми приходилось считаться. Им говорили об их духовнике с лицемерной жалостью: «Увы, бедный отец Ангел! какая жалость!.. А был цветом нашей обители!» — «Что же с ним такое случилось?» На этот вопрос отвечали не иначе, как со вздохом и воздев глаза к небу; если же вопрошавшая настаивала, то опускали взоры и умолкали. Иногда после этих кривляний добавляли: «О господи! что с нами будет!.. У него еще бывают ясные минуты... проблески гения... Быть может, это вернется, но надежды мало... Какая потеря для обители!..» Тем временем обращение с отцом Ангелом все ухудшалось; монахи всячески старались довести его до того состояния, которое ему приписывали, и им бы это удалось, если бы над ним не сжалился брат Жан. Да что вам долго рассказывать! Однажды вечером, когда все мы улеглись спать, раздался стук в дверь; мы встаем, отпираем: перед нами отец Ангел и мой брат в переодетом виде. Они провели у нас весь следующий день, а на другое утро спозаранку дали стрекача. Уезжали они не с пустыми руками, ибо Жан, обнимая меня, сказал: «Я выдал замуж твоих сестер; если б я остался в монастыре еще два года тем, кем был, то ты стал бы самым богатым мызником в нашем округе; но все перевернулось, и вот то, что я могу для тебя сделать. Прощай, Жак, если мне и отцу Ангелу повезет, ты получишь свою долю...» Затем он сунул мне в руку пять лундоров, о коих я вам говорил, и другие пять для той девушки, которую он последней выдал замуж и которая перед тем произвела на свет толстого мальчишка, как две капли воды походившего на брата Жана.

*Хозяин (раскрыв табакерку и
кладя часы в карман)*

А зачем они отправились в Лиссабон?

Ж а к

Чтоб наткнуться на землетрясение, которое не могло случиться без них; чтоб оказаться раздавленными, поглощенными землей, сожженными, как было предназначено свыше.

Х о з я и н

Ах, монахи! монахи!

Ж а к

Лучший из них не стоит медного гроша.

Х о з я и н

Я знаю это лучше тебя.

Ж а к

Разве вы побывали в их руках?

Х о з я и н

Я расскажу тебе в другой раз.

Ж а к

Но почему они такие злые?

Х о з я и н

Вероятно, потому, что они монахи... А теперь вернемся к твоим любовным приключениям.

Ж а к

Нет, сударь, не стоит.

Х о з я и н

Разве ты не желаешь, чтоб я их знал?

Ж а к

Я-то желаю, а вот судьба не желает. Неужели вы не замечаете, что всякий раз, как я открываю рот, чорт впутывается в это дело и случается какое-нибудь про-

исшествие, которое затыкает мне глотку? Я не кончу, говорю вам; это предначертано свыше.

Х о з я и н

Попытайся, дружок.

Ж а к

А не лучше ли вам начать свои? Может быть, это прогнало бы наваждение, и тогда мой рассказ пошел бы глаже. Я думаю, что вся причина в этом; знаете, сударь, иногда мне кажется, что со мной говорит судьба.

Х о з я и н

И тебе помогает, когда ты ее слушаешься?

Ж а к

Ну да; помните день, когда она мне сказала, что ваши часы находятся на спине корабейника?..

Хозяин стал зевать; зевая, он ударял пальцем по табакерке, и, ударяя пальцем по табакерке, глядел в даль, и, глядя в даль, сказал Жаку:

— Что там налево от тебя? Ты не видишь?

Ж а к

Вижу и бьюсь об заклад, что это помешает мне продолжить, а вам начать свой рассказ...

Жак был прав. Так как то, что они заметили, двигалось к ним, а они двигались к нему, то вследствие такого встречного движения расстояние скоро сократилось, и они увидели колымагу, затянутую черной материей и запряженную четверкой черных лошадей в черных пополах, которые покрывали им головы и ниспадали до подков; на запятках двое лакеев в черном, за колымагой двое других, тоже в черном, верхом на черных же конях с черными чепраками; на козлах черный кучер в шляпе с опущенными полями, повязанной черным крепом, который свисал вдоль его левого плеча; кучер этот опустил голову

на грудь, еле держал вожжи, а потому не столько управлял лошадьми, сколько они управляли им. Вот оба наши путешественника поровнялись с похоронными дрогами. Тотчас же Жак испускает крик, скорее падает, нежели сходит с лошади, рвет на себе волосы, катается по земле и кричит: «Капитан! мой бедный капитан! это он! Он, вне всякого сомнения! Вот его герб!..» Действительно, на колымаге находился гроб, прикрытый покровом, на покрове шпага с перевязью, а подле гроба священник, распевавший псалмы с молитвенником в руках. Колымага продолжала двигаться, Жак следовал за ней с сетованиями, хозяин следовал за Жаком с проклятиями, а слуги подтверждали Жаку, что это похоронная процессия его капитана, скончавшегося в соседнем городе, откуда его везли в усыпальницу предков. С тех пор как этот офицер вследствие смерти другого офицера, своего друга, капитана того же полка, лишился удовольствия драться хотя бы раз в неделю, он впал в меланхолию, от которой угас в несколько месяцев. Жак, отдав капитану должную дань в форме похвал, сожалений и слез, извинился перед своим хозяином, сел на лошадь, и они поехали дальше.

«Но, ради господа, автор, — скажете вы, — куда же они направлялись?..» — Но, ради господа, читатель, — отвечу я вам, — разве кто-нибудь знает, куда он направляется? А вы сами, куда вы направляетесь? Не напомнить ли мне вам приключение Эзопа? Однажды вечером, летом или зимою, — ибо греки купаются во все времена года, — его хозяин Ксантипп сказал ему: «Эзоп, наведайся в баню; если там мало народу, мы пойдем и выкупаемся...» Эзоп уходит. По дороге он встречает афинский дозор. — «Куда ты идешь?» — «Куда иду? — отвечает Эзоп. — Не знаю». — «Не знаешь? Ступай в тюрьму!» — «Значит, я прав, — возразил Эзоп: — ведь я же говорил вам, что не знаю, куда иду; я хотел пойти в баню, а вот иду в тюрьму...» Жак следовал за своим хозяином, как вы — за вашим; хозяин Жака следовал за своим хозяином, как Жак — за ним. — «Кто же был хозяином Жака?» — Послушайте, разве в мире мало хозяев? У хозяина Жака их

приходилось сто на одного, как и у вас. Но среди стольких хозяев хозяина Жака, видимо, не было ни одного хорошего, так как он менял их изо дня в день. — «Ведь он человек». — Такой же страстный человек, как вы, читатель; такой же любопытный человек, как вы, читатель; такой же назойливый человек, как вы, читатель; такой же любитель задавать вопросы, как вы, читатель. — «А зачем же он задавал вопросы?» — Чудной вопрос! Он задавал их, чтоб узнавать и пересказывать, как вы, читатель...

Хозяин Жака сказал:

— Ты, повидному, не расположен продолжать рассказ о своих похождениях.

Жак

Ах, бедный капитан! Он отправился туда, куда мы отправляемся все и куда только по странной случайности не отправились раньше. Ой!.. ой!.. ой!..

Хозяин

Вы, кажется, плачете, Жак?.. «Плачьте без стеснения, ибо вы вправе плакать без стыда; смерть освобождает вас от щепетильной благопристойности, мешавшей вам при жизни покойного. У вас нет тех оснований скрывать свое горе, какие были бы, чтоб скрывать свое счастье: никто не сделает из ваших слез выводов, которые сделали бы из вашей радости. К несчастным — снисходительны. А к тому же в подобных случаях надлежит выказывать себя либо сердечным, либо бесчувственным, и, рассуждая здраво, лучше обнаружить сердечную склонность, нежели навлечь на себя подозрение в пороке. Плачьте безудержно, дабы меньше терзаться; плачьте сильнее, дабы скорее наплакаться. Вспоминайте о нем, преувеличивайте сами его достоинства: его проницательность при исследовании глубочайших материй, его ловкость при обсуждении наиболее деликатных из них, его безупречный вкус при выборе особенно важных, его способность вкладывать содержание в самые бесплодные; а с каким искусством он защищал обвиняемых: его снисходительность внушала

ему в тысячу раз больше мыслей, нежели обвиняемому — шкурный интерес и самолюбие; он был строг лишь к себе самому: не только не искал оправданий для легких оплошностей, случайно им совершенных, но старался раздуть их со злобностью врага, старался с придирчивостью ревнильца принизить ценность своих достоинств, строго расследуя мотивы, побудившие его к этому поступку, быть может, против воли. Не предписывайте своим сожалениям другого срока помимо того, который предпишет им время. Подчинимся мировому порядку, когда теряем своих друзей, как мы подчиняемся ему, когда он располагает нами; примиримся без отчаянья с приговором судьбы, их осудившим, как мы примиримся без сопротивления с тем, который она произнесет над нами. Долг погребения — не последний долг души. Земля, которую разгребают в данную минуту, закроется над могилой вашего любовника; но ваша душа сохранит все свои чувства».

Ж а к

Все это прекрасно, сударь, но какое мне до этого дело? Я потерял своего капитана, я в отчаянии, а вы, как попугай, повторяете мне обрывок утешения, сказанного каким-то мужчиной или женщиной другой женщине, которая потеряла любовника.

Х о з я н н

Полагаю, что это говорила женщина.

Ж а к

А я полагаю, что мужчина. Но все равно, мужчина ли или женщина, а я вторично спрашиваю вас, какое мне до этого дело? Что я, по-вашему, любовница своего капитана? Мой капитан, сударь, был порядочным человеком, а я всегда был честным малым.

Х о з я н н

Кто же это оспаривает, Жак?

Ж а к

Так на кой же чорт мне ваше утешение, сказанное мужчиной или женщиной другой женщине? Может быть, на сотый раз вы мне ответите.

Х о з я и н

Нет, Жак, вы должны сами догадаться.

Ж а к

Я могу ломать себе голову всю свою жизнь и все-таки не догадаюсь; так проканистелнись до страшного суда.

Х о з я и н

Мне показалось, Жак, что, пока я читал, вы слушали меня со вниманием.

Ж а к

Все смехотворное обычно привлекает внимание.

Х о з я и н

Вот и прекрасно, Жак.

Ж а к

Я чуть было не расхохотался, когда вы упомянули о строгой благопристойности, которая стесняла меня при жизни капитана и от которой я избавился после его смерти.

Х о з я и н

Вот и прекрасно, Жак. Этого я и добивался. Скажите сами, можно ли было найти лучший способ для вашего утешения? Вы плакали; заговори я о причине вашей печали, что б из этого вышло? Вы бы еще больше расплакались, и я бы вас окончательно расстроил. Но я отвлек ваше внимание смехотворным надгробным словом и маленькой ссорой, последовавшей после этого между нами. Признайте, что в данный момент мысль о вашем капитане так же далека от вас, как катафалк, который

его везет в последнее его обиталище. А потому я думаю, что вы можете продолжать рассказ о своих любовных приключениях.

Ж а к

Я тоже так думаю.

-- Доктор, -- сказал я костоправу, -- далеко ли отсюда до вашего дома?

-- С добрую четверть миль; не меньше.

-- Вы живете с удобствами?

-- Да, неплохо.

-- Найдется ли у вас свободная кровать?

-- Нет.

Как! а если заплатить, и хорошо заплатить?

О, если заплатить, и хорошо заплатить, то другое дело. Но, дружнице, у вас не такой вид, чтоб вы могли платить, а к тому же еще и хорошо.

- Это мое дело. А найду ли я у вас уход?

-- Самый наилучший. Моя жена все время ходила за больными; а старшая дочь бреет встречного и поперечного и снимает повязки не хуже меня самого.

-- Сколько же вы возьмете с меня за постой, харчи и уход?

Лекарь почесал за ухом:

-- За постой... за харчи... за уход... А кто за вас поручится?

-- Я буду платить по дням.

-- Вот золотые слова!..

Кажется, сударь, вы меня не слушаете?

Х о з я н н

Да, Жак, свыше было предначертано, что ты на сей раз -- и вероятно, не в последний -- будешь говорить, а тебя не будут слушать.

Ж а к

Когда не слушают собеседника, то либо вовсе не думают, либо думают не о том, о чем он говорит; что из двух вы делали?

Х о з я и н

Последнее. Я размышлял о словах черного слуги, сопровождавшего колымагу; он сказал тебе, что вследствие смерти приятеля твой капитан лишился удовольствия драться хотя бы раз в неделю. Тебе это понятно?

Ж а к

Конечно.

Х о з я и н

А мне представляется загадкой, и ты меня обяжешь, если объяснишь.

Ж а к

А какое вам дело?

Х о з я и н

Никакого; но когда ты разговариваешь, то, вероятно, хочешь, чтоб тебя слушали.

Ж а к

Разумеется.

Х о з я и н

Так вот! Скажу тебе по совести, что не могу за себя поручиться, пока эти непонятные слова сверлят мне мозг. Избавь меня, пожалуйста, от этого.

Ж а к

Хорошо. Но поклянитесь, по крайней мере, что вы больше не будете меня перебивать.

Х о з я и н

Клянусь, на всякий случай.

Ж а к

Дело в том, что мой капитан, славный человек, честный человек, достойный человек, один из лучших офицеров корпуса, но человек несколько чудаковатый, познакомился и сдружился с другим офицером, тоже славным человеком,

тоже честным человеком, тоже достойным человеком, тоже хорошим офицером, но таким же чудаковатым человеком, как он сам...

Жак собрался было приступить к рассказу о своем капитане, как они вдруг услышали, что их нагоняет множество людей и лошадей. Это оказалось то же похоронное шествие, возвращавшееся по собственным следам. Его окружали... — «Стражники откупного ведомства?» — Нет. — «Верховые объездной команды?» — Может быть. Но как бы то ни было, а впереди процессии шли: священник в сутане и стихаре со связанными за спиной руками, черный кучер со связанными за спиной руками и два черных лакея со связанными за спиной руками. Если кто был поражен, то это Жак. «Мой капитан, — воскликнул он, — мой бедный капитан жив! Слава тебе, господи!..» Вслед за тем Жак поворачивает лошадь, прищипривает ее и скачет во всю прыть навстречу мнимым похоронам. Он был уже в тридцати шагах от процессии, когда стражники откупного ведомства или верховые объездной команды целятся в него из ружей и кричат: «Стой! Поворачивай — или смерть!..» Жак тотчас же остановился, мысленно вопросил судьбу, и ему показалось, что она отвечала: «Поезжай назад». Он так и поступил. А его хозяин сказал:

— Ну, Жак, что там такое?

Жак

Право, не знаю.

Хозяин

Но что за причина?

Жак

Тоже не знаю.

Хозяин

Вот увидишь, что это контрабандисты, набившие гроб запрещенными товарами, и что их предали откупному ведомству те же самые мерзавцы, у которых они купили товар.

Ж а к

Но при чем тут колымага с гербом моего капитана?

Х о з я и н

А может быть, это — похищение. Возможно, что в гробу спрятана женщина или девушка, или монахиня; не савал делает мертвеца.

Ж а к

Но при чем тут колымага с гербом моего капитана?

Х о з я и н

Пусть это будет все, что тебе угодно, только кончай историю о капитане.

Ж а к

Вы все еще интересуетесь этой историей? Но мой капитан, быть может, еще жив.

Х о з я и н

Какое это имеет отношение к делу?

Ж а к

Я не люблю говорить о живых, так как сплошь да рядом приходится краснеть за то хорошее или дурное, что о них сказал: за хорошее, которое они портят, за дурное, которое они исправляют.

Х о з я и н

Не подражай ни тусклому панегиристу, ни едкому хулителю; говори так, как оно есть.

Ж а к

Это вовсе не просто. Ведь у всякого свой характер, своя корысть, свой вкус, свои страсти, побуждающие его преувеличивать или смягчать. «Говори так, как оно есть!...» Да этого, быть может, не случится и двух раз на день в целом большом городе! Разве тот, кто вас слу-

шает, обладает лучшими данными, чем тот, кто говорит? Отнюдь нет. А потому едва ли и два раза на день в целом большом городе вас понимают так, как вы говорите.

Хозяин

Какого чорта, Жак! Твои правила запрещают пользоваться языком и ушами, говорить что бы то ни было, слушать что бы то ни было и верить чему бы то ни было! Тем не менее, говори по-своему, я буду слушать по-своему и поверю, как смогу.

Жак

Дорогой хозяин, жизнь проходит в недоразумениях. Бывают недоразумения в любви, недоразумения в дружбе, недоразумения в политике, в денежных делах, в религии, в литературе, в коммерции, недоразумения с женами, с мужьями...

Хозяин

Брось свои недоразумения и пойми, что величайшее недоразумение — вдаваться в мораль, когда дело касается исторических фактов. Валяй историю капитана.

Жак

Если в этом мире не говорится почти ничего, что было бы понято так, как оно сказано, то и не делается (а это еще хуже!) почти ничего, что было бы воспринято так, как оно сделано.

Хозяин

Весьма возможно, что на всей земле не найдется головы, наполненной столькими парадоксами, как твоя.

Жак

Что же тут дурного? Парадоксы не всегда лживы.

Хозяин

Конечно.

Ж а к

Мы с капитаном приехали в Орлеан. Во всем городе только и было разговоров, что о происшествии, недавно случившемся с одним горожанином, по имени Лепелетье, человеком, настолько проникнутым сожалением к несчастным, что благодаря чрезмерным пожертвованиям у него от довольно большого состояния остались только крохи на жизнь, и он переходил из дома в дом, стараясь раздобыть в суме ближнего те милостыни, которые уже не мог черпать из своей.

Х о з я и н

И ты полагаешь, что относительно поступков этого человека существовало два мнения?

Ж а к

Нет, среди бедных не существовало; но богачи почти без исключения считали его вроде сумасшедшего, а родные чуть было не отдали под опеку за расточительство. В то время как мы подкреплялись в харчевне, толпа праздных людей окружила брадобрея с той же улицы, разыгравшего из себя оратора, и кричала ему:

— Вы же там были: расскажите, как все произошло.

— Охотно, — возразил местный оратор, только и ждавший случая, чтоб развязать язык. — Мой клиент, господин Оберто, стоял на пороге своего дома, что против церкви Капуцинов. Господин Лепелетье подходит к нему и говорит:

— Господин Оберто, не пожертвуете ли чего-нибудь моим друзьям? — ибо, как вам известно, он так называет бедных.

— Нет, господин Лепелетье.

Тот продолжает настаивать.

— Если б вы только знали, в чью пользу я ходатайствую о вашем милосердии! Это бедная женщина; она только что родила, и у нее нет тряпки, чтоб завернуть ребенка.

— Не могу.

— Это молодая и красивая девушка, которая лишилась работы и куска хлеба: ваша щедрость, быть может, спасет ее от распутной жизни.

— Не могу.

— Это ремесленник, живший только собственным трудом; он намерении сломал ногу, сорвавшись с лесов.

— Не могу, говорю вам.

— Проникнитесь сожалением, господин Оберто, и будьте уверены, что вам никогда не представится случая совершить более достойный поступок.

— Не могу, никак не могу.

— Мой добрый, мой милосердный господин Оберто...

— Господин Лепелетье, оставьте меня в покое; когда я хочу жертвовать, то не заставляю себя просить.

С этими словами господин Оберто поворачивается к нему спиной и входит в свою лавку, куда господин Лепелетье следует за ним; из лавки они идут в заднее помещение, из заднего помещения в квартиру; тут господин Оберто, наскучив приставаниями господина Лепелетье, дает ему пощечину...

Мой капитан порывисто вскакивает и обращается к оратору:

— И тот его не убил?

— Что вы, сударь! Разве ни с того ни с сего убивают человека?

— Пощечина, чорт возьми! Пощечина! Он-то что сделал?

— Что он сделал после пощечины? Он принял веселый вид и сказал господину Оберто: «Это — мне, а что же моим беднякам?..»

Ответ Лепелетье привел в восторг всех слушателей, за исключением моего капитана, который заявил:

— Ваш Лепелетье, господа, просто прохвост, низкая личность, трус, подлец, за которого, впрочем, заступилась бы вот эта шпага, если б я оказался там; а ваш Оберто был бы рад, если бы отделался только потерей ушей.

Оратор возразил:

— Вижу, сударь, что вы не дали бы этому пагленцу

времени раскаяться в своей ошибке, броситься к ногам господина Лепелетье и предложить ему свой кошелек.

— Конечно, нет.

— Вы — воин, а господин Лепелетье — христианин; у вас разные взгляды на пощечину.

— Щеки у всех людей, дорожащих честью, одинаковы..

— Евангелие держится несколько иных воззрений.

— Мое евангелие находится в сердце и в пожнях; другого я не знаю...

Где ваше евангелие, хозяин, мне неизвестно; мое начертано свыше; каждый расценивает обиду и благодеяние по-своему; и может статься, мы сами меняем взгляды на расстоянии двух мгновений нашей жизни.

Х о з я и н

Дальше, проклятый болтун, дальше...

Когда хозяин сердился, Жак умолкал, погружался в мечты и зачастую прерывал молчание только каким-нибудь словом, связанным с его мыслями, но имевшим такое же отношение к их беседе, какое имеют между собой отдельные выхваченные из книги отрывки. Это самое и случилось, когда он сказал:

— Дорогой хозяин...

Х о з я и н

Ага, заговорил наконец! Радуюсь за нас обоих, ибо я уже начинал скучать, оттого что тебя не слушаю, а ты — оттого, что не говоришь. Рассказывай дальше...

Жак приготовился было начать историю капитана, как вдруг лошадь его, во второй раз метнулась вправо от проезжей дороги и, проскакав с добрую четверть мили по длинной равнине, остановилась посреди виселиц... Посреди виселиц!.. Странные повадки у этой лошади: возить своего всадника к эшафоту!..

Что б это значило? — спросил Жак. — Не предостережение ли судьбы?

Х о з я и н

Не иначе, друг мой. Ваша лошадь обладает даром предвидения, и самое худшее — это то, что все предвещения, внушения, предупреждения свыше при помощи снов и видений не ведут ни к чему: событие все равно свершается. Советую вам, друг мой, очистить свою совесть, привести в порядок делишки и как можно скорее досказать мне историю своего капитана и своих любовных приключений, так как я был бы крайне огорчен потерять вас, не дослушав их до конца. Терзайтесь хотя бы еще больше, чем сейчас, к чему это приведет? Ровно ни к чему. Приговор судьбы, дважды произнесенный вашей лошадью, будет приведен в исполнение. Вспомните, не должны ли вы кому-нибудь. Сообщите мне свою последнюю волю и будьте покойны, она будет свято выполнена. Если вы что-нибудь похитили у меня, то я вам это дарю; испросите только прощение у господ и не обкрадывайте меня больше в течение того более или менее короткого срока, который нам остается жить вместе.

Ж а к

Сколько ни роюсь в своем прошлом, не вижу, чем бы я мог провиниться перед мирским правосудием. Я не крал, не убивал, не насиловал.

Х о з я и н

Тем хуже; по зрелом размышлении я предпочел бы — и не без основания, — чтобы преступление уже было совершено, а не чтоб тебе предстояло его совершить.

Ж а к

Помилуйте, сударь, может быть, меня повесят не за свою, а за чужую вину.

Х о з я и н

Вполне мыслимо.

Ж а к

Возможно также, что меня повесят только после моей смерти.

Х о з я и н

И это мыслимо.

Ж а к

Возможно также, что меня вовсе не повесят.

Х о з я и н

Сомневаюсь.

Ж а к

Возможно, впрочем, что мне предначертано свыше только присутствовать при повешении кого-нибудь другого, и почем знать, кого именно? Может статься, он близко, а может статься, и далеко.

Х о з я и н

Пусть вас повесят, господин Жак, раз того хочет судьба и так говорит ваша лошадь; но не будьте нахалом: бросьте свои наглые предположения и расскажите мне историю капитана.

Ж а к

Не сердайте, сударь: бывали случаи, что вешали вполне порядочных людей; это называется судебной ошибкой.

Х о з я и н

Это огорчительные ошибки. Поговорим о чем-нибудь другом.

Жак, несколько утешенный разнообразными толкованиями, которые придумал для пророчеств лошади, продолжал:

— Когда я поступил в полк, то застал там двух офицеров приблизительно одинакового возраста, происхождения, ранга и достоинства. Одним из них был мой капитан. Отличались они друг от друга только тем, что один был богачом, а другой нет. Богачом был мой капитан. Такое

сходство обычно порождает сильнейшую симпатию или антипатию; оно вызвало и то и другое...

Тут Жак остановился, и это происходило с ним во время повествования всякий раз, как его лошадь поворачивала голову направо или налево. Затем для продолжения рассказа он повторял свою последнюю фразу, словно после нкоты.

— ...Оно вызвало и то и другое. В иные дни они были лучшими друзьями на свете, в другие — смертельными врагами. В дни симпатии они искали друг друга, потчевали, обнимали, взаимно поверяли горести, радости, пужды, советовались по поводу секретнейших дел, домашних обстоятельств, упований, страхов, шансов на служебные повышения. Но случись им встретиться на другой день, они, не глядя, проходили мимо, гордо скрещивали взгляды, называли друг друга «государь мой», обменивались резкими словами, хватались за шпаги и вступали в поединок. Стоило однако кому-нибудь из них получить рану, как другой кидался к приятелю, плакал, отчаивался, сопровождал его домой и дежурил у изголовия пострадавшего до его выздоровления. Неделю, две недели, месяц спустя все начиналось сызнова, и с минуты на минуту этим двум славным людям... двум славным людям, двум искренним приятелям грозила гибель от дружеской руки, причем убитого едва ли пришлось бы жалеть больше, нежели уцелевшего. Им неоднократно указывали на неуместность такого поведения; да и я сам, получив на то разрешение от своего капитана, говорил ему: «А что будет, сударь, если вам случится убить его?» При этих словах он принимался плакать и прикрывал глаза руками, а затем метался по комнате, как сумасшедший. Два часа спустя либо приятель приводил его домой раненым, либо он оказывал ту же услугу приятелю. Ни мои увещевания... ни мои увещевания, ни увещевания других не приводили ни к чему; не нашлось иного средства, как их разлучить. Военный министр узнал об удивительном упорстве, с которым они переходили от одной крайности к другой, и мой капитан был назначен комендантом

крепости со строгим приказом немедленно отправиться к месту службы и с запрещением его покидать; другое запрещение приковывало его приятеля к полку... Кажется, эта проклятая лошадь сведет меня с ума!.. Не успели эти распоряжения дойти до моего капитана, как он, сославшись на желание поблагодарить министра за оказанную ему честь, отправился ко двору, заявил, что он богат и что его закадычный приятель имеет такие же права на королевские милости, что полученный им пост вознаградил бы его друга за службу, поправил бы его дела и что он лично был бы этому весьма рад. Поскольку у министра не было других намерений, как разлучить этих странных людей, а великодушные поступки к тому же всегда вызывают умиление, то было решено... Перестанешь ли ты вертеть головой, проклятая скотина!.. Было решено, что капитан останется в полку, а его приятель займет должность коменданта крепости.

Едва их разлучили, как они поняли потребность, которую испытывали друг в друге; оба впали в тяжелую меланхолию. Мой капитан испросил полугодовой отпуск, чтоб подышать воздухом родины; но в двух милях от гарнизона он продает свою лошадь, переодевается крестьянином и идет пешком к крепости, над которой начальствовал его друг. Видимо, они уже прежде сговорились насчет этой затеи. Он приходит... Ступай, куда хочешь! Опять что ли нашлась поблизости виселица, которую тебе угодно навестить?... Смейтесь, смейтесь, сударь; это действительно очень забавно... Он приходит; но свыше было предначертано, что, какие бы меры предосторожности они ни приняли, дабы скрыть удовольствие от встречи и общаться с теми внешними признаками подчинения, какие крестьянину подобает оказывать коменданту, солдаты и несколько офицеров, которые случайно окажутся при этом свидании и будут в курсе их отношений, возмемут подозрение и предупредят плац-майора.

Плац-майор, человек осторожный, улыбнулся при этом сообщении, но тем не менее отнесся к нему с должным вниманием. Он окружил коменданта шпионами. Их первое

донесение гласило, что комендант редко выходит из дому, а крестьянин вовсе не выходит. Было совершенно невероятно, чтобы эти два человека жили неделю вместе и не поддались своей странной мании; это и не преминуло случиться.

Видите, читатель, как я предупредителен; от меня одного зависело стегнуть лошадей, тащивших задрапированную черным колымагу, собрать у ближайшего жилища Жака, его хозяина, стражников откупного ведомства и верховых объездной команды вместе с прочей процессней, прервать историю капитана и изводить вас, сколько захочется; но для этого пришлось бы солгать, а я не признаю лжи, разве только когда она полезна или вынужденна. Между тем остается фактом, что ни Жак, ни его хозяин не видели больше задрапированной колымаги и что Жак, попрежнему беспокоясь о повадках своей лошади, продолжал рассказ:

— Однажды шпионы донесли майору, что комендант и крестьянин сильно между собой повздорили, что затем они вышли вместе, причем крестьянин шел первым, а комендант с видимым сожалением следовал за ним, что оба они вошли к местному банкиру, где всё еще находятся.

Впоследствии выяснилось, что, не надеясь больше увидеться, они решили драться до смертельного исхода, и что в самый момент этой неслыханно жестокой затеи верный долгу нежнейшей дружбы мой капитан, который был богат, как я вам уже говорил... мой капитан, который был богат, потребовал, чтоб приятель принял от него вексель на двадцать четыре тысячи ливров, который обеспечил бы ему жизнь за границей в случае смерти капитана, и не соглашался драться без этого условия; тот же отвечал на это предложение: «Неужели, друг мой, ты думаешь, что, убив тебя, я смогу еще жить?»... Надеюсь, хозяин, вы не заставите меня закончить наше путешествие на этой причудливой скотшине...

Они вместе вышли от банкира и направились к городским воротам, но тут их окружили майор с несколькими офицерами. Хотя эта встреча носила как бы случайный

характер, однако же наши два друга, или, если хотите, наши два недруга, не дались в обман. Крестьянин не стал скрывать, кто он такой. Эту ночь они провели в уединенном доме. На другой день, чуть засверкала заря, мой капитан, обняв несколько раз приятеля, расстался с ним, чтоб никогда больше не увидеться. Не успел он прибыть на родину, как скончался.

Х о з я и н

Откуда ты взял, что он умер?

Ж а к

А гроб? а колымага с его гербом? Мой бедный капитан умер,—я в этом уверен.

Х о з я и н

А священник со связанными за спиной руками? А эти люди со связанными за спиной руками? А стражники откупного ведомства или верховые объездной команды? А возвращение процессии в город? Нет, твой капитан жив; я в этом уверен. Но не знаешь ли ты, что случилось с его приятелем?

Ж а к

История его приятеля — это дивная строка великого свитка, или того, что предначертано свыше.

Х о з я и н

Надеюсь...

Лошадь Жака не позволила хозяину продолжать; она понеслась с быстротой молнии прямо по проезжей дороге, не сворачивая ни направо, ни налево. Жак исчез; хозяин же его, убежденный, что дорога ведет к виселицам, держался за бока от смеха. А поскольку Жак и его хозяин хороши только вместе и ничего не стоят порознь, как Дон-Кихот без Санчо или Ричардетто без Феррагута (чего недооценили ни продолжатели Сервантеса¹², ни подра-

жатель Ариосто, монсеньёр Форти-Герра¹³, то давайте, читатель, побеседуем между собой, покамест они снова не встретятся.

Вы намерены принять историю капитана за басню, по вы неправы. Уверяю вас, что в том самом виде, в каком Жак рассказывал ее своему хозяину, я слышал ее в Доме Инвалидов, не помню в каком году, в день св. Людовика за столом у господина Сент-Этьена, тамошнего майора; а рассказчик, который говорил в присутствии нескольких других офицеров из того же учреждения, знавших это дело, был человек степенный и вовсе не походил на шутника. А посему повторяю вам, как в отношении данного момента, так и на будущее: будьте осмотрительны, если не хотите в разговоре Жака с его хозяином принять правду за ложь и ложь за правду. Я вас должным образом предупредил, а дальше умываю руки. — «Какая странная пара!» — скажете вы. — Так вот что вызывает в вас недоверие? Во-первых, природа столь разнообразна, особенно в отношении инстинктов и характеров, что даже воображение поэта не в состоянии создать такой диковины, образчика которой вы не нашли бы в природе с помощью опыта и наблюдения. Я сам, говорящий с вами, встретил двойника «Лекаря поневоле», которого считал до тех пор сумасброднейшим и забавнейшим измышлением. — «Как! двойника того мужа, которому жена говорит: «У меня трое детей на руках» и который отвечает ей: «Поставь их на землю...» — «Они просят хлеба...» — «Накорми их березовой кашей»¹⁴. — Именно так. Вот его беседа с моей женой:

— Это вы, господин Гус?

— Да, сударыня, — я, а не кто-нибудь другой.

— Откуда вы идете?

— Оттуда, куда ходил.

— Что вы там делали?

— Чинил испортившуюся мельницу.

— Чью мельницу?

— Не знаю; я не подрядился чинить мельника.

— Вы отлично одеты в противность своему обыкнове-

нию; отчего же под столь опрятным платьем вы носите такую грязную рубашку?

— У меня только одна рубашка.

— Почему же у вас только одна?

— Потому что у меня одновременно бывает только одно тело.

— Мужа нет дома, но надеюсь, это не помешает вам у нас пообедать?

— Нисколько: я ведь не одалживал ему ни своего желудка, ни своего аппетита.

— Как поживает ваша супруга?

— Как ей угодно; это не мое дело.

— А дети?

— Превосходно.

— А тот, что с такими красивыми глазами, такой пухлый, такой гладенький?

— Лучше других: он умер.

— Учите вы их чему-нибудь?

— Нет, сударыня.

— Как! ни читать, ни писать, ни закону божьему?

— Ни читать, ни писать, ни закону божьему.

— Почему же?

— Потому что меня самого ничему не учили, и я не стал от этого невежественнее. Если у них есть сметка, они поступят, как я; если они дураки, то от моего учения они еще больше поглупеют...

Повстречайся он вам, вы можете заговорить с ним, не будучи знакомы. Затащите его в кабачок, изложите ему свое дело, предложите отправиться с вами за двадцать миль, — он отправится; используйте его и отошлите, не заплатив ни гроша, — он уйдет вполне довольный.

Слыхали ли вы о некоем Премонвале¹⁵, дававшем в Париже публичные уроки математики? Он был его другом... Но, может быть, Жак и его хозяин уже встретились; хотите, чтоб мы пошли к ним, или предпочитаете остаться со мной?.. Гус и Премонваль вместе содержали школу. Среди учеников, толпами посещавших их заведение, была молодая девушка, мадемуазель Пижон¹⁶,

дочь искусного мастера, изготовившего те две великолепных планисферы, которые перенесли из Королевского сада в залы Академии наук. Каждое утро мадемуазель Пижон отправлялась в школу с папкой подмышкой и готовальной в муфте. Один из профессоров, Премонваль, влюбился в свою ученицу, и в промежутки между теоремами о телах, вписанных в сферу, поспел ребенок. Папаша Пижон был не такой человек, чтоб терпеливо выслушать правильность этого короллярия. Положение любовников становится затруднительным, они держат совет; но поскольку у них нет ни гроша, ни единого гроша, то какой же может быть результат от такого совещания? Они призывают на помощь своего приятеля Гуса. Тот, не говоря ни слова, продает всё, что имеет, — белье, платье, машины, мебель, книги; сколачивает некоторую сумму, впахивает влюбленных в почтовую карету, сопровождает их верхом до Альп, там он высыпает из кошелька оставшуюся мелочь, передает ее друзьям, обнимает их, желает им счастливого пути, а сам, прося милостыню, идет пешком в Лион, где расписывает внутренние стены мужского монастыря и на заработанные деньги, уже без попрошайничества, возвращается в Париж.

«Это просто прекрасно». — Безусловно! И судя по этому героическому поступку, вы полагаете, что Гус был образцом нравственности? Так разуверьтесь: он имел о ней не больше понятия, чем щука. — «Быть не может!» — А между тем это так. Я беру его к себе в дело; даю ему ассигновку в восемьдесят ливров на своих доверителей; сумма была проставлена цифрами; как же он поступает? Приписывает нуль и получает с них восемьсот ливров. — «Что за гнусность!» — Гус в такой же мере бесчестен, когда меня обкрадывает, в какой честен, когда отдает все ради друга; это беспринципный оригинал. Восьмидесяти ливров ему было недостаточно, он росчерком пера добыл восемьсот, в которых нуждался. А ценные книги, которые он мне преподнес! — «Что это за книги?..» — Но как быть с Жаком и его хозяином? как быть с любовными приключениями Жака? Ах, читатель, терпение, с которым

вы меня слушаете, доказывает, как мало вы интересуетесь моими героями, и я испытываю искушение оставить их там, где они находятся... Мне нужна была ценная книга, он мне ее приносит; спустя несколько времени мне нужна другая ценная книга, он снова мне ее приносит; я хочу платить, он не берет денег. Мне нужна третья ценная книга.

— Этой я вам не достану, — говорит он. — Вы слишком поздно сказали: мой сорбонский доктор умер.

— Что общего между вашим сорбонским доктором и книжкой, которая мне нужна? Разве вы первые две книги взяли в его библиотеке?

— Разумеется.

— Без его согласия?

— А зачем мне нужно было его согласие, чтобы совершить акт справедливого распределения? Я только переместил книги к лучшему, перенес их оттуда, где они были бесполезны, туда, где для них найдут хорошее применение...

Вот и судите после этого о людских поступках! Но что замечательно, так это история Гуса и его жены... Понимаю вас, вам наскучило, и вы бы непрочь вернуться к нашим двум путешественникам. Читатель, вы обращаетесь со мной, как с автоматом, это невежливо... «Рассказывайте про любовные приключения Жака, — не рассказывайте про любовные приключения Жака... Выкладывайте историю Гуса, — мне наскучила ис...» Я, конечно, иногда должен следовать вашим прихотям, но необходимо также, чтоб я иногда следовал и своим, не говоря уже о том, что всякий слушатель, позволивший мне начать рассказ, тем самым обязуется дослушать его до конца.

Я сказал вам: «во-первых», а сказать «во-первых» — значит обещать, что вы скажете по меньшей мере «во-вторых». Итак, во-вторых... Слушайте меня!.. Не слушаете, я буду говорить для себя... Может статься, капитана и его приятеля терзала слепая и скрытая ревность; дружба не всегда в силах погасить это чувство. Труднее всего простить другому его достоинства. Не опасались ли они какой-

нибудь несправедливости по службе, которая одинаково оскорбила бы обоих? Сами того не подозревая, они старались заранее отделаться от опасного соперника, испытать его на предстоящий случай. Но как можно подумывать это о человеке, который великодушно уступает комендантскую должность неимущему приятелю! Да, уступает; но если б его лишили этой должности, он, может быть, потребовал бы ее с обнаженной шпагой. Когда в военной среде кого-нибудь обходят назначением, это не приносит никакой чести удачнику, но бесчестит его соперника. Однако оставим все это и скажем, что таков был их пунктик. Разве не у всякого человека свой пунктик? Пунктик наших двух офицеров был в течение нескольких веков пунктиком всей Европы; его называли рыцарским духом. Все эти блестящие витязи, вооруженные с головы до ног, носящие различные цвета своих дам, восседающие на парадных конях, с копьём в руке, с поднятым или опущенным забралом, обменивающиеся гордыми и вызывающими взглядами, угрожающие, опрокидывающие друг друга в пыли, усеивающие обширное турнирное поле обломками раздробленного оружия, были лишь друзьями, завидовавшими чьей-либо одержавшей победу доблести. В тот момент, когда эти друзья на противоположных концах ристалища держали копьё наперевес и всаживали шпоры в бока боевых коней, они превращались в смертельных врагов и нападали друг на друга с таким же бешенством, как на поле битвы. Так вот, эти два офицера были лишь палатинами, родившимися в наши дни, но со старинными нравами. Всякая добродетель и всякий порок появляются и выходят из моды. Было время телесной силы, было и время физической ловкости. Храбрость пользуется то большим, то меньшим почетом; чем она становится обыденней, тем меньше ею хващаются, тем меньше ее восхваляют. Последите за склонностями людей — и вы найдете таких, которые как будто родились слишком поздно: они принадлежат к другому веку. И почему бы нашим двум воинам не затевать ежедневные и опасные поединки исключительно из желания нащупать

Jakob und sein Herr

aus

Diderots ungedrucktem Nachlasse.

Erster Theil.

Berlin.

Bei Johann Friedrich Unger.

1792.

Титульный лист немецкого издания «Жак Фаталист» 1792 года
с гравюрой Ходовецкого

слабую сторону противника и одержать над ним верх? Дуэли повторяются во всяких видах в обществе: среди священников, судейских, литераторов, философов; у каждого звания свои копы и свои рыцари, и самые почтенные, самые занимательные из наших ассамблей суть только маленькие турниры, где иногда носят цвета своей дамы, если не на плече, то в глубине сердца. Чем больше зрителей, тем жарче схватка; присутствие женщины доводит пыл и упорство до крайних пределов, и стыд перенесенного на их глазах поражения никогда не забывается.

А Жак?... Жак въехал в городские ворота, проскакал по улицам под клики детей и достиг противоположного предместья, где лошадь его ринулась в маленькие низкие ворота, причем между перекладиной этих ворот и головой Жака произошло страшное столкновение, от которого либо перекладина должна была податься, либо Жак упасть навзничь; как передают, случилось последнее. Жак падает с проломленной головой и теряет сознание. Его поднимают, приводят в чувство с помощью ароматического спирта; мне даже кажется, что владелец дома пустил ему кровь. — «Он был лекарем?» — Нет. Между тем подросел хозяин Жака и осведомлялся о нем у всех встречных:

— Не видели ли вы высокого, сухопарого человека на пегой лошади?

— Он только что промчался, да с такой быстротой, словно его нес сам черт; вероятно, он уже доехал до своего хозяина.

А кто его хозяин?

— Палач.

- Палач?

— Да; ведь это его лошадь.

- А где живет палач?

— Довольно далеко, но не трудитесь туда ходить; вот его слуги тащат, кажется, того сухопарого человека, о котором вы спрашивали и которого мы приняли за одного из его лакеев.

Но кто же разговаривал так с хозяином Жака? Без сомнения — трактирщик, у дверей которого тот остано-

вился; он был низкоросл и пугат, как бочка; рукава рубашки отворочены до локтей, миткалевый колпак на голове, живот повязан кухонным фартуком, а на боку большой нож.

— Скорей, скорей, кровать для этого несчастного! Костоправа, врача, аптекаря! — крикнул ему хозяин Жака.

Тем временем Жака положили перед ним на землю; лоб его был покрыт большим, толстым компрессом, а веки опущены.

— Жак, Жак!

— Это вы, сударь?

— Да, я; взгляни на меня.

— Не могу.

— Что случилось?

— Да все эта лошадь! проклятая лошадь! Завтра вам расскажу, если только не умру за ночь.

В то время как его вносили и поднимали в верхнюю горницу, хозяин Жака распоряжался шествием и кричал:

— Осторожно! Тише! Тише, чорт подери! Вы его ушибете! Эй, ты, который держит ноги, поворачивай направо, а который держит голову, сворачивай налево!

Между тем Жак шептал:

— Значит, свыше было предназначено...

Не успели Жака уложить, как он глубоко заснул. Хозяин провел ночь у его изголовья, щупал ему пульс и беспрестанно смачивал компресс примочкой от ран. Жак застал его за этим занятием при своем пробуждении и спросил:

— Что вы тут делаете?

Х о з я и н

Ухаживаю за тобой. Ты мне слуга, когда я болен или здоров; но я твой слуга, когда ты чувствуешь себя плохо.

Ж а к

Очень рад узнать, что вы человеколюбивы; это свойство в отношении слуг присуще далеко не всем господам.

Х о з я и н

Как поживает твоя голова?

Ж а к

Не хуже перекладыны, против которой она устояла.

Х о з я и н

Возьми простыню в зубы и береги покрепче... Что ты чувствуешь?

Ж а к

Ничего; кувшин как будто цел.

Х о з я и н

Тем лучше. Ты, кажется, хочешь встать?

Ж а к

А как же по-вашему? .

Х о з я и н

По-моему, тебе следует лежать.

Ж а к

А я думаю, что нам следует позавтракать и ехать дальше.

Х о з я и н

Где твоя лошадь?

Ж а к

Я оставил ее у прежнего владельца, честного человека, порядочного человека, который взял ее назад за ту же цену, за какую нам ее продал.

Х о з я и н

А знаешь ли ты, кто этот честный, кто этот порядочный человек?

Ж а к

Нет.

Хозяин

Я скажу тебе по дороге.

Жак

Почему не сейчас? Что за тайна?

Хозяин

Тайна или не тайна, а не все ли равно узнать о чем-нибудь в данный или в другой момент?

Жак

Да, все равно.

Хозяин

Но тебе нужна лошадь.

Жак

Трактирщик, вероятно, с охотой уступит одну из своих.

Хозяин

Поспи еще немного, а я об этом позабочусь.

Хозяин спускается вниз, заказывает завтрак, покупает лошадь, возвращается к Жаку и застает его одетым. Вот они насытились и пускаются в путь, — Жак, утверждая, что неприлично уезжать, не отдав благодарственного визита горожанину, у ворот которого он чуть было не лишился жизни и который так любезно оказал ему помощь, хозяин, успокаивая его по поводу такой щепетильности заверением, что он хорошо вознаградил служителей горожанина, донесших раненого до трактира, Жак же в свою очередь возражая, что деньги, данные слугам, не снимают с него обязательств перед их господином, что таким поведением вызывают в людях сожаление о совершенном благодеянии и отвращение к нему, а на себя накликают славу неблагодарного человека.

— Я слышу, сударь, все, что этот горожанин говорит обо мне, ибо он сам сказал бы то же, будь он на моем, а я на его месте...

Они выезжали из города, когда им повстречался высокий, крепкий мужчина в отороченной тесьмой шляпе, в платье с галуном на любой рост; он шел один, если не считать двух предшествовавших ему собак. Не успел Жак его заметить, как соскочить с лошади, воскликнуть «Это он!» и броситься ему на шею было для него делом мгновения. Ласки Жака, казалось, очень смущали хозяина собак; он тихонько его отпихивал и говорил:

— Сударь, вы оказываете мне слишком много чести.

— Нисколько; я обязан вам жизнью и, право, не знаю, как вас отблагодарить.

— Вы не знаете, кто я.

— Разве вы не тот предупредительный горожанин, который оказал мне помощь, пустил кровь и сделал перевязку, когда моя лошадь...

— Да, это так.

— Разве вы не тот честный горожанин, что купил у меня назад лошадь за ту же цену, по которой мне ее продал?

— Тот самый.

И Жак снова принимается целовать его то в одну щеку, то в другую; хозяин улыбается, а собаки, задрав морды, стоят как бы в удивлении от сцены, которую видят впервые. Жак, добавив к выражениям благодарности множество поклонов, на которые его благодетель ему не ответил, и множество пожеланий, принятых весьма холодно, садится снова на лошадь и говорит своему хозяину:

— Я питаю глубочайшее почтение к этому человеку, о котором вы должны меня осведомить.

Х о з я и н

А почему он представляется вам таким почтенным?

Ж а к

Потому что человек, не придающий значения своим услугам, должен быть обязательным от природы и обладать длительной привычкой к благотворительности.

Х о з я и н

По каким признакам вы судите об этом?

Ж а к

По безразличному и холодному виду, с которым он отнесся к моей благодарности; он мне не поклонился, не сказал ни слова, казалось, не узнал меня, и теперь, быть может, думает с презрением: «Вероятно, этому путнику чужды благодеяния и стоит больших усилий совершить справедливый поступок, раз он так расчувствовался»... Что же такого дурацкого в моих речах, от чего вы так искренне покатываетесь со смеху? Как бы то ни было, скажите мне имя этого человека, дабы я занес его в свои таблички.

Х о з я и н

Охотно; пишите.

Ж а к

Я вас слушаю.

Х о з я и н

Пишите: человек, к которому я питаю глубочайшее почтение...

Ж а к

Глубочайшее почтение...

Х о з я и н

Это...

Ж а к

Это...

Х о з я и н

Палач из ***.

Ж а к

Палач?

Х о з я и н

Да, да, палач.

Ж а к

Не откажите объяснить мне значение этой шутки?

Х о з я и н

Я не шучу. Последите за звеньями этого происшествия. Вам нужна лошадь: судьба направляет вас к прохожему, а прохожий оказывается палачом. Его лошадь дважды тащит вас к виселицам; на третий она везет вас к палачу; там вы падаете, лишившись чувств; вас несут и куда же? — в трактир, в убежище, во всеобщее пристанище. Знаете ли вы, Жак, историю смерти Сократа?

Ж а к

Нет.

Х о з я и н

Он был афинским мудрецом. Уже с давних времен роль мудреца опасна среди глупцов. Сограждане Сократа приговорили его выпить цикуту. Так вот, Сократ поступил, как вы: он обошелся весьма любезно с палачом, предложившим ему этот яд. Признайте, Жак, что вы своего рода философ. Я знаю, что эта порода людей ненавистна сильным мира сего, перед которыми те не преклоняют колен; ненавистна судейским, являющимся по своему званию защитниками предрассудков, против которых те борются; ненавистна священникам, которые редко видят их у своих алтарей; ненавистна поэтам, людям беспринципным и по глупости смотрящим на философию как на топор для изящных искусств, не считаясь с тем, что даже те из них, кто подвизался на гнусном поприще сатиры, были только льстецами; ненавистна народам, бывшим во все времена рабами тиранов, которые их угнетали, мошенников, которые их надували, и шутов, которые их потешали. Таким образом, я сознаю, как видите, всю опасность вашей профессии и всю важность признания, которого от вас требую, но я не стану злоупотреблять вашей тайной. Жак, друг мой, вы — философ; скорблю за вас; и если только возможно прочесть в настоящем то, чему предстоит когда-нибудь случиться, и если то, что предначертано свыше, иногда может быть предвидено людьми задолго до события, то ваша смерть будет философской,

и вы позволите накинуть на себя петлю так же охотно, как Сократ принял чашу с цикутой.

Ж а к

Вы говорите не хуже любого пророка; но, по счастью, сударь...

Х о з я н н

Кажется, вы не слишком верите тому, что я сказал; а это окончательно подкрепляет мои предчувствия.

Ж а к

А вы-то сами, сударь, верите?

Х о з я н н

Верю; но если б даже и не верил, то это ничего бы не изменило.

Ж а к

Почему?

Х о з я н н

Потому что опасность грозит только тем, кто говорит; а я молчу.

Ж а к

А в предчувствия вы верите?

Х о з я н н

Я смеюсь над ними, но, по правде говоря, с трепетом. Некоторые так удивительно совпадают. К этим сказкам привыкаешь с такого раннего детства. Если ваши сны раз пять-шесть осуществляются и вам после этого приснится, будто ваш друг умер, то вы наутро пойдете к нему, чтобы навести справки. Но в особенности трудно отделаться от тех предчувствий, которые вы испытываете, когда событие происходит на расстоянии, и которые носят символический характер.

Ж а к

Иногда вы рассуждаете так глубокомысленно и мудро, что я вас не понимаю. Не поясните ли вы свою мысль примером?

Х о з я и н

Это не трудно сделать. Одна женщина жила в деревне со своим восьмидесятилетним мужем, страдавшим каменной болезнью. Муж покидает ее и отправляется в город, чтоб удалить камни. Накануне операции он пишет жене: «В тот момент, когда ты получишь это письмо, я буду лежать под ланцетом брата Козьмы¹⁷...» Ты знаешь эти обручальные кольца, которые разнимаются на две части: на одной выгравировано имя мужа, на другой — имя жены. Так вот, у этой женщины было на пальце такое кольцо, в то время как она читала письмо мужа. В самый этот момент кольцо распалось: половинка с ее именем осталась на пальце, а половинка с именем мужа скатилась на письмо и разлетелась на части... Как потрошему, Жак, найдется ли такой человек, который обладал бы достаточной рассудительностью, достаточной твердостью души, чтобы подобное происшествие и при подобных обстоятельствах так или иначе его не потрясло? И действительно, женщина чуть было не умерла от этого. Ее страх прошел только тогда, когда письмо от мужа, полученное со следующей почтой, известило ее, что операция сошла благополучно, что он вне опасности и надеется обнять ее к концу месяца.

Ж а к

И он в самом деле обнял ее?

Х о з я и н

Да.

Ж а к

И задал вам этот вопрос, так как несколько раз замечал, что предчувствия лукавы. Спервоначала обвиняешь их в том, что они сбываются, а минуту спустя ока-

зывается, что они сказали правду. Таким образом, сударь, по-вашему, случай с символическим предчувствием относится ко мне, и вы полагаете, против вашего желания, что мне грозит смерть того философа?

Хозяин

Не стану скрывать от тебя; но чтоб отогнать эту печальную мысль, не мог ли бы ты...

Жак

Продолжать рассказ о своих любовных приключениях?

Жак продолжал рассказ. Мы покинули его, если не ошибаюсь, в обществе лекаря.

Лекарь

Боюсь, как бы ваша история с коленом не затянулась больше чем на один день.

Жак

Не все ли равно; она затянется ровно настолько, насколько это предначертано свыше.

Лекарь

Но столько-то в день за постой, харчи и уход составят кругленькую сумму.

Жак

Речь, доктор, идет не о сумме за все время; сколько в день?

Лекарь

Двадцать пять су; недорого?

Жак

Слишком дорого; я бедный малый, доктор; скиньте половину и позаботьтесь как можно скорее, чтобы меня перенесли к вам.

Лекарь

Двенадцать с половиной су это ни то ни се; кладите тринадцать.

Жак

Двенадцать с половиной, тринадцать... По рукам!

Лекарь

И вы будете платить по дням?

Жак

Как сказано.

Лекарь

Дело в том, что жена моя чертовская баба; она, видите ли, не понимает шуток.

Жак

Ах, доктор! прикажите поскорее перенести меня к вашей чертовской бабе.

Лекарь

Месяц по тринадцати су в день составит девятнадцать ливров десять су. Кладите двадцать франков.

Жак

Пусть будет двадцать.

Лекарь

Вы хотите получить хороший стол, хороший уход и быстро выздороветь. Помимо пищи, помещения и услуг, надо считать еще медикаменты, белье и...

Жак

Словом?

Лекарь

Словом, за всё про всё двадцать четыре франка.

Жак

Пусть двадцать четыре; но без хвостика.

Лекарь

Один месяц — двадцать четыре франка; два месяца — сорок восемь ливров; три месяца — семьдесят два ливра. Ах, как докторша была бы довольна, если б вы авансировали при приезде половину семидесяти двух ливров!

Жак

Согласен.

Лекарь

Но она была бы еще довольней...

Жак

Если б я заплатил за весь квартал? Хорошо.

Затем Жак добавил:

— Лекарь разыскал хозяев, предупредил их о нашем соглашении, и минуту спустя муж, жена и дети собрались вокруг моей кровати в безмятежном настроении; тут посыпались бесчисленные вопросы о моем здоровье и колене, похвалы их куму-лекарю и его жене, потоки пожеланий, — и какая приветливость, какое сочувствие, какое рвение мне услужить! Хотя лекарь и не говорил им, что у меня водятся кое-какие деньжонки, но они знали своего куманька; он брал меня к себе, и этого было достаточно. Я расплатился с хозяевами; подарил детям немного мелочи, которую, однако, родители не надолго оставили в их руках. Было утро. Крестьянин отправился в поле; жена скинула на плечи корзину и удалилась; дети, опечаленные и недовольные тем, что у них отняли деньги, исчезли, так что, когда понадобилось поднять меня с лежанки, одеть и положить на носилки, то не оказалось никого кроме лекаря, который принялся звать во всю глотку и которого никто не слышал.

Хозяин

А Жак, который любит разговаривать сам с собой, вероятно, сказал: не плати никогда вперед, если не хочешь, чтобы тебе плохо служили.

Ж а к

Нет, сударь, момент был более подходящим для того, чтобы выйти из себя и выругаться, чем для того, чтобы морализировать. Я выхожу из себя, ругаюсь, а затем уже делаю моральные выводы; но, пока я морализировал, лекарь вернулся с двумя крестьянами, напятами им для того, чтобы перенести меня за мой же счет, о чем он не преминул меня уведомить. Эти люди оказали мне первые услуги при моем водворении на доморощенных носилках, которые состояли из тюфяка, положенного на шести.

Х о з я и н

Слава тебе господи! Наконец-то ты в доме лекаря и влюблен в его жену или дочь.

Ж а к

Кажется, сударь, вы ошибаетесь.

Х о з я и н

И ты думаешь, что я буду дожидаться три месяца в доме лекаря, прежде чем услышу от тебя первое слово о твоих любовных приключениях? Нет, Жак, это невозможно! Избавь меня, пожалуйста, от описания дома, характера лекаря, нрава его жены и перипетий твоего исцеления; перескочи через всё это. К делу, любезный, к делу! Колено твое почти выздоровело, ты в достаточной мере поправился и влюблен.

Ж а к

Хорошо, я влюблен, раз уж вы так торопитесь.

Х о з я и н

В кого влюблен?

Ж а к

В высокую восемнадцатилетнюю брюнетку: прекрасно сложена, крупные черные глаза, маленький алый рот, красивые руки, дивные пальчики. Ах, сударь, какие пальчики! Эти самые пальчики...

Х о з я и н

Тебе кажется, что ты все еще держишь их.

Ж а к

Эти самые пальчики вы не раз брали украдкой в руки и держали, и только от них зависело позволить вам то, что вы хотели с ними сделать.

Х о з я и н

Этого, Жак, я никак не ожидал.

Ж а к

И я тоже.

Х о з я и н

Сколько ни ломаю себе головы, а не могу вспомнить ни высокой брюнетки, ни дивных пальчиков; попробуй говорить яснее.

Согласен; но при условии, что мы вернемся обратно и вступим в дом лекаря.

Х о з я и н

Ты полагаешь, что это предначертано свыше?

Ж а к

Решайте сами; во всяком случае здесь на земле предначертано, что *chi va piano, va sano**.

Х о з я и н

И что *chi va sano, va lontano***; а я хотел бы уже прехать.

Ж а к

Что же вы решили?

Х о з я и н

Поступай, как знаешь.

* Кто идет медленно, идет уверенно.

** Кто идет уверенно, идет далеко. (Обе итальянские поговорки соответствуют русской пословице: «Тихо едешь—дальше будешь».)

Ж а к

В таком случае мы снова у костоправа, и выше было предначертано, что мы туда вернемся. Лекарь, его жена и дети так удачно сговорились опустошить мой кошелек всякого рода мелкими грабежами, что это им вскоре удалось. Колено мое хотя и не зажило, но казалось на пути к исцелению, рана почти что затянулась, я мог ходить с помощью костыля, и у меня оставалось восемнадцать франков. Никто так не любит говорить, как запки, никто так не любит ходить, как хромоножки. Как-то в хороший осенний день задумал я совершить длинную прогулку; из деревни, где я жил, до соседней было около двух миль.

Х о з я и н

Как она называлась?

Ж а к

Если я вам скажу, вы догадаетесь обо всем. Прибыв туда, я вошел в харчевню, отдохнул, освежился. День клонился к концу, и я собирался вернуться во-свояси, когда в харчевне, где я находился, слышались снаружи резкие крики, выпускаемые какой-то женщиной. Я вышел. Люди столпились вокруг нее. Она лежала на земле, рвала на себе волосы и говорила, указывая на осколки большой кринки:

— Без денег, целый месяц без денег! Кто же будет в это время кормить моих бедных детей? Управитель, у которого душа черствее камня, мне гроша не уступит. Как я несчастна! Без денег, целый месяц без денег!..

Все жалели ее; вокруг нее только и раздавалось «бедная женщина, бедная женщина», но никто не полез в карман за деньгами. Я внезапно подошел к ней и сказал:

— Что с вами случилось, милая моя?

— Что со мной случилось? Разве вы не видите? Меня послали купить кринку масла; я поскользнулась, упала, кринка разбилась, и вот масло, которым она была полна доверху...

Тут подросли крохотные ребятишки этой женщины; они были полуголые, а скверная одежонка матери свидетельствовала о нищете всего семейства. И мать и дети принялись вопить. Вы меня знаете: достаточно было бы и десятой части такого зрелища, чтоб меня растрогать; все во мне прониклось жалостью, слезы выступили у меня на глазах. Прерывающимся голосом спросил я у женщины, на сколько денег было в кувшине масла. «На сколько? — отвечала она, воздевая руки вверх. — На девять франков; это больше, чем я могу заработать в месяц...» Тотчас же развязав кошелек и бросив ей два полных эю¹⁸, я сказал: «Вот вам, милая моя, двенадцать франков...» и, не дожидаясь благодарственных излияний, направился по дороге в деревню.

Х о з я и н

Жак, вы совершили прекрасный поступок.

Ж а к

Я совершил глупость, с вашего разрешения. Не успел я отойти и ста шагов, как признался себе в этом; на полпути я повторил то же самое, но выразительнее, а придя к лекарю с пустым карманом, испытал последствия на собственной шкуре.

Х о з я и н

Может быть, ты прав, и моя похвала была так же неуместна, как твоя жалость... Нет, нет, Жак, я настаиваю на своем первом мнении; пренебрежение собственными пущами — вот главная заслуга твоего поступка. Предвижу последствия: ты будешь жертвою бесчеловечности лекаря и его жены; они прогонят тебя; но если б даже тебе пришлось умирать перед их дверью на навозной куче, ты будешь умирать на ней довольный собой.

Ж а к

Такой силой духа, сударь, я не обладаю. С трудом продвигался я вперед, сожалея (должен вам сознаться)

о своих двух эку, которые уже нельзя было вернуть, и портя этим сожалением доблесть своего поступка. Я был на равном расстоянии от обеих деревень, и день уже окончательно угас, когда трое грабителей выходят из кустов, окаймлявших дорогу, бросаются на меня, опрокидывают, обшаривают мои карманы и крайне удивляются, найдя у меня столь незначительную сумму. Они рассчитывали на большую добычу; будучи свидетелями оказанного мною в деревне благодеяния, они вообразили, что у того, кто так легко швыряет луидор, таких луидоров должно быть по меньшей мере двадцать. Рассердившись на то, что их надежды не осуществились и что из-за пригоршни жалких су они подвергли себя опасности попасть на дыбу, если по моему доносу их изловят и я их опознаю, грабители колебались с минуту, не прикончить ли меня. По счастью, они услышали шум и бросились бежать, а я отделался несколькими ушибами, полученными во время падения и ограбления. По уходе бандитов я пошел своим путем и, как мог, добрался до деревни; прибыл я в два часа ночи, бледный, без сил, страдая от увеличившейся боли в колене и от ударов, полученных мною в разных частях тела. Лекарь... Что с вами, сударь? Вы стиснули зубы, вы жестикулируете, словно перед вами враг.

Х о з я и н

Да, да; я схватился за шпагу; кидаюсь на разбойников и мщу за тебя. Скажи мне, как могло случиться, чтоб составитель великого свитка предназначил такую награду за великодушный поступок? Почему я, жалкий человек, преисполненный недостатков, бросаюсь на твою защиту, а его, который спокойно позволил напасть на тебя, сбить с ног, терзать, топтать, называют средоточием всех совершенств?

Ж а к

Тише, тише, сударь: то, что вы сказали, чертовски пахнет костром.

Хозяин

Что ты разглядываешь?

Жак

Разглядываю, нет ли вокруг кого-нибудь, кто бы нас подслушал... Лекарь пощупал мне пульс и определил лихорадку. Я улегся, не обмолвившись ни словом о происшествии, и предался размышлениям на своем одре, ибо имел дело с двумя душонками... и, боже, какими душонками! У меня не было ни гроша и ни малейшего сомнения в том, что на другой день, после моего пробуждения, от меня потребуют условленную поденную плату.

Тут хозяин, обхватив руками шею своего слуги, воскликнул:

— Бедный Жак, как ты поступишь? Что с тобой будет? Твое положение меня пугает.

Жак

Успокойтесь, сударь, ведь я здесь.

Хозяин

Совсем забыл; мне казалось, что наступило утро, что я подле тебя, у лекаря, в момент твоего пробуждения и что пришли требовать с тебя денег.

Жак

Не знаешь, сударь, ни чему радоваться, ни чем огорчаться в этой жизни. Добро влечет за собой зло, зло влечет добро. Мы шествуем в ночи под покровом того, что предначертано свыше, одинаково неразумные как в своих пожеланиях, так и в своих радостях и горестях. Когда я плачу, то иногда убеждаюсь, что я дурак.

Хозяин

А когда смеешься?

Жак

Опять-таки убеждаюсь, что я дурак; между тем я не могу удержаться от того, чтобы не плакать или не смеяться, и это меня бесит. Я тысячу раз пытался... Во всю ночь я не сомкнул глаз...

Хозяин

Постой, скажи, что ты такое пытался?

Жак

Смеяться над всем. Ах, если бы мне это удалось!

Хозяин

А зачем тебе?

Жак

Чтоб избавиться от забот, не нуждаться ни в чем, быть самому себе хозяином, чувствовать себя одинаково хорошо, прислонив голову к тумбе на углу улицы или положив ее на мягкую подушку. Таким я и бываю иногда; но, черт его знает, это долго не длится: твердый и непреклонный, как скала, в важных случаях, я нередко становлюсь втупик при малейшем противоречии или от любого пустяка; так и хочется надавать себе пощечин. В конце концов я отказался от этой мысли и решил остаться таким, каким был; а поразмыслив немного, пришел к убеждению, что это сводится к тому же самому, ибо не все ли равно, каковы мы? Это другой вид покорности судьбе, но более легкий и удобный.

Хозяин

Удобный, это несомненно.

Жак

Поутру, лекарь отдергивает полог моей кровати и говорит:

— Ну, дружище, покажите колено, а то я сегодня далеко уезжаю.

— Доктор,— говорю я страдальческим тоном,— мне хочется спать.

— Тем лучше, хороший признак.

— Дайте мне выспаться, не стоит менять повязки.

— Ничего не имею против, спите...

С этими словами он задергивает полог, а я бодрствую. Час спустя лекарша отдергивает полог и говорит:

— Ну, дружище, вот ваши обсахаренные гренки.

— Госпожа лекарша,— отвечал я страдальческим тоном,— у меня нет аппетита.

— Кушайте, кушайте, все равно не заплатите ни больше, ни меньше.

— Мне не хочется кушать.

— Тем лучше! Останется мне и детям.

С этими словами она задергивает полог, зовет детей, и они принимаются уплетать мои обсахаренные гренки.

Читатель, мне очень хочется знать, что вы скажете, если я сделаю паузу и вернусь к истории человека, обладавшего одновременно только одной рубахой, так как у него было одновременно только одно тело? Вы скажете, что я залез, говоря по-вольтеровски, в тупик, или, выражаясь грубо, на задворки¹⁹, откуда не знаю как выбраться, и что я прибегаю к несуразным побасенкам, чтоб выиграть время и отвертеться от тех, которые начал. Нет, читатель, вы заблуждаетесь по всем статьям. Мне известно, как Жак избавится от беды; а то, что я вам скажу о Гусе, человеке, обладавшем одновременно только одной рубахой, так как у него было одновременно только одно тело,— вовсе не басня.

Дело было в Троицын день, когда я поутру получил записку от Гуса, умолявшего меня навестить его в тюрьме, куда его заточили. Одеваясь, я раздумывал над его заключением и решил, что его портной, булочник, вино-торговец или домохозяин добились приказа об аресте и что приказ был исполнен. Прихожу и застаю его сожительствующим в одной камере с другими лицами зловещей наружности. Я спрашиваю, кто эти люди.

— Старик с очками на носу — человек ловкий и

большой калькулятор, пытающийся пригнать книги, которые ведет, к своим собственным счетам. Это трудновато; мы говорили об этом, но не сомневалась, что он своего добьется.

— А вот тот?

— Это глупец.

— Нельзя ли пояснее?

— Глупец, изобретший машину для подделки кредитных билетов, дрянную машинку, которая обладает кучей недостатков.

— А третий, в ливрее, который играет на виолончели?

— Он здесь не надолго; быть может, сегодня вечером или завтра утром его отправят в Бисетр²⁰, так как его дело — пустяковое.

— А ваше?

— Мое еще незначительней.

После этого он встает, кладет свой колпак на постель, и в мгновение ока его тюремные сотоварищи исчезают. Войдя в комнату, я застал Гуса в халате, за маленьким столом; он чертил геометрические фигуры и работал так же спокойно, как если б был у себя дома. Вот мы одни.

— А что вы здесь делаете?

— Работаю, как видите.

— Кто вас сюда засадил?

— Я сам.

— Вы сами?

— Да, сударь.

— Как же вы это сделали?

— Так же, как сделал бы с другим. Я затеял тяжбу против самого себя, выиграл ее, и в силу решения, состоявшегося не в мою пользу, а также последовавшего за ним постановления меня взяли и отвели сюда.

— Вы спятили?

— Нет, сударь; я рассказываю вам все так, как оно есть.

— Не можете ли вы затеять против себя другую

тяжбу, выиграть ее и в силу нового решения и постановления выйти на свободу?

— Нет, сударь.

У Гуса была хорошенькая служанка, которая служила ему половиной гораздо чаще, чем его законная половина. Это перовное распределение нарушило семейный мир. Хотя трудно было досадить этому человеку, которого не пугали никакие скандалы, однако же он решил покинуть жену и поселиться со служанкой. Но все его состояние состояло из мебели, машин, рисунков, орудий и домашней утвари; он же предпочитал оставить жену голышом, нежели уйти с пустыми руками, и вот что он задумал. Он решил выдать служанке векселя, дабы она предъявила их ко взысканию и добилась описи и продажи его вещей, которые должны были от моста Сен-Мишель перекочевать на квартиру, где он собирался обосноваться со своей возлюбленной. В восторге от идеи, он выписывает векселя, подает их ко взысканию, нанимает двух поверенных. И вот он бежит от одного к другому, преследует самого себя с всемерным рвением; превосходно нападает и слабо защищается; вот его приговаривают к уплате со всеми законными последствиями; вот он мысленно завладевает всем, что было у него в доме; но дело обернулось не так. Он нарвался на прехитрую мерзавку, которая, вместо того чтоб описывать мебель, взялась за него самого, добилась его ареста и заключения в тюрьму. Таким образом, какими бы странными ни показались те загадочные ответы, которые он мне дал, они, тем не менее, были правдивы.

В то время как я рассказывал вам эту историю, которую вы сочтете за сказку...— «А история человека в яврее, иликавшего на виолончели?» — Обещаю сообщить ее, читатель; честное слово, она от вас не уйдет, а покамест позвольте мне вернуться к Жаку и его хозяину. ...Жак и его хозяин достигли жилища, где им предстояло провести ночь. Было поздно; городские ворота оказались запертыми, и путешественникам пришлось остановиться в предместьи. И вот я слышу шум...— «Вы слы-

шите? Да вас там вовсе не было! При чем тут вы?» — Вы правы... Итак, Жак... его хозяин... Раздается страшный шум. Я вижу двух мужчин... — «Вы ничего не видите; при чем тут вы? Вас там вовсе не было». — Вы правы. ...Двое мужчин сидели за столом, разговаривая довольно спокойно подле двери занимаемой ими комнаты; какая-то женщина, подбоченившись, выплевывала на них потоки браниных слов, а Жак пытался успокоить эту женщину, причем она так же мало обращала внимания на его миролюбивые уговоры, как и те двое, к которым она обращалась, — на ее поношения.

— Погодите, любезная, немного терпения, придите в себя! — говорил Жак. — Что собственно случилось? Эти господа похожи на вполне порядочных людей.

— Они-то порядочные люди! Это злодеи без жалости, без человечности, без всякого чувства. Что им сделала эта бедная Николь, почему они так зверски с ней обошлись? Ее, паверно, изуродовали на всю жизнь.

— Может статься, беда не так велика, как вам кажется.

— Удар был ужасный, говорю я вам; они ее изуродовали.

— Надо проверить; надо послать за врачом.

— Послали.

— Надо уложить в постель.

— Ее уже уложили, и она стонет так, что сердце раздирается. Бедная Николь!

Во время этих сетований звонили с одной стороны и кричали: «Хозяйка, вина!..» Она отвечала: «Иду». Звонили с другой и кричали: «Хозяйка, белье!» Она отвечала: «Иду, иду».

А из другого угла дома рассвирепевший человек вопил:

— Проклятый болтун! неудержимый болтун! Во что ты вмешиваешься? Или ты хочешь, чтоб я прождал здесь до утра? Жак! Жак!

Трактирщица, горе и раздражение которой несколько улеглись, сказала Жаку:

— Сударь, оставьте меня, вы слишком добры.

— Жак! Жак!

— Поторопитесь. Ах, если б вы знали обо всех несчастиях этого бедного существа!..

— Жак! Жак!

— Ступайте же; кажется, вас хозяин кличет.

— Жак! Жак!

Действительно, это был хозяин Жака, который разделся сам, умерал от голода и выходил из себя, оттого что ему не подавали. Жак поднялся к нему, а минуточку спустя пришла трактирщица, которая в самом деле выглядела подавленной.

— Тысячу извинений, сударь,— сказала она хозяину Жака.— Бывают такие случаи в жизни, которые нелегко переварить. Что прикажете подать? У меня есть куры, голуби, отличная заячья корейка, кролики: наш край славится хорошими кроликами. А может быть, вам угодно речной птицы?

Согласно своему обычаю Жак заказал хозяину такой же ужин, как и себе. Блюда подали, и во время еды хозяин говорил Жаку:

— Чорт тебя возьми, что ты делал там внизу?

Ж а к

Быть может, хорошее, быть может, дурное; почем знать?

Х о з я и н

Что же хорошее или дурное ты делал внизу?

Ж а к

Я помешал этой женщине быть избитой двумя мужчинами, которые сидели там и по меньшей мере сломали руку служанке.

Х о з я и н

А может быть, для нее было бы лучше, если б ее избил...

Ж а к

По десяти равно основательным причинам. Величайшее счастье, случившееся со мной в жизни...

Х о з я и н

Это то, что тебя избили?.. Налей!

Ж а к

Да, сударь, избили ночью на большой дороге, когда я возвращался, как сказано, из деревни, после того как отдал свои деньги и сделал, по моему мнению, глупость, а по вашему — прекрасный поступок.

Х о з я и н

Помню... Налей!.. А какая причина ссоры, которую ты старался прекратить, и дурного обращения с дочерью или со служанкой хозяйки?..

Ж а к

Право, не знаю.

Х о з я и н

Ты не знаешь сути дела и вмешиваешься! Это не вяжется ни с осторожностью, ни со справедливостью, ни с принципами... Налей!..

Ж а к

Не знаю, что такое принципы, если это не правила, устанавливаемые для других в отношении самого себя. Я думаю так, а не могу удержаться, чтоб не поступить иначе. Все проповеди напоминают мотивировки королевских эдиктов; все проповедники хотели бы, чтобы мы исполняли их поучения, так как нам от этого, может быть, будет лучше, а им — безусловно... Добродетель...

Х о з я и н

Добродетель, Жак, прекрасная вещь; и злые и добрые отзываются о ней хорошо.. Налей!..

Ж а к

Ибо она выгодна для тех и для других.

Х о з я и н

А почему ты считаешь за счастье, что тебя избил?

Ж а к

Время позднее; вы поужинали, и я тоже; мы оба устали; поверьте мне, ляжем спать.

Х о з я и н

Это невозможно: трактирищица не все еще подала нам. А пока что продолжай рассказ о своих любовныхключениях.

Ж а к

На чем я остановился? Прошу вас, сударь, на сей раз и на будущее время напоминать мне об этом.

Х о з я и н

Хорошо; и чтоб вступить в свою суфлерскую должность, скажу, что ты лежал в постели, без денег, с сильным недомоганием, в то время как лекарша с детьми уплетала твои обсахаренные гренки.

Ж а к

Тут послышался шум экипажа, остановившегося у дверей дома. Входит лакей и спрашивает:

— Не здесь ли живет бедный солдат с костылем, который вчера вечером вернулся из соседней деревни?

— Здесь, — ответила лекарша. — А зачем он вам?

— Хочу взять его в коляску и увезти с собой.

— Он в постели; отдерните полог и поговорите с ним.

Жак дошел до этого места, когда появилась трактирищица и спросила:

— Что вам угодно на сладкое?

Х о з я и н

То, что у вас найдется.

Трактирщица, даже не дав себе труда спуститься, крикнула из комнаты:

— Напон, принесите фрукты, бисквиты, варенье...

При этих словах Жак сказал про себя: «Верно, изуродовали ее дочь; тут, пожалуй, и не так еще расшереешь...»

А хозяин обратился к трактирщице:

— Вы только что были очень сердиты?

Т р а к т и р щ и ц а

А кто бы не рассердился? Бедное существо ничего им не сделало; не успела она войти в их комнаты, как я слышу визг, но какой визг!.. Слава богу! я немножко успокоилась: лекарь полагает, что все обойдется; все же у нее два сильных ушиба: один — в голову, другой — в лопатку.

Х о з я и н

Давно ли она у вас?

Т р а к т и р щ и ц а

Не больше двух недель. Ее бросили на соседней почте.

Х о з я и н

Как, бросили?

Т р а к т и р щ и ц а

Ну да, бросили. Есть люди, которые жестче камня. Она чуть было не утонула, переплывая здешнюю речку; ее точно чудом к нам занесло, и я взяла ее из жалости.

Х о з я и н

Сколько ей лет?

Т р а к т и р щ и ц а

Вероятно, года полтора...

При этих словах Жак покотился со смеху:

— Это сучка!

Трактирщица

Прелестнейшее животное на свете: я не отдам своей Николь и за десять луидоров. Бедная Николь!

Хозяин

У вас нежное сердце, сударыня.

Трактирщица

Вы правы, я дорожу своими животными и слугами.

Хозяин

Отлично делаете. Кто же те люди, которые так обошлись с Николь?

Трактирщица

Два дворянина из соседнего города. Они не перестают шушукаться между собой и воображают, будто никто не знает, о чем они говорят и что с ними случилось. Нет и трех часов, как они здесь, а все их дело мне уже доподлинно известно. Оно очень забавно; если вы торопитесь спать не больше меня, то я передам вам эту историю так, как их слуга поведал ее моей служанке, своей землячке, а та сообщила моему мужу, который пересказал ее мне. Теща младшего из них проезжала здесь нет еще и трех месяцев; она против воли отправлялась в провинциальный монастырь, где протянула недолго; там она вскоре умерла, и вот почему наши молодые люди в трауре... Но вот я и сама не заметила, как принялась за их историю. Прощайте, господа, доброй ночи! Хорошее у меня вино?

Хозяин

Очень хорошее.

Трактирщица

Вы довольны ужином?

Хозяин

Очень довольны. Только шпинат был несколько пересолен.

Трактирщица

У меня иногда бывает тяжелая рука. Постели отличные и белье стирающее; оно служит не больше двух раз.

С этими словами трактирщица удалилась, а Жак и его хозяин легли в постель, смеясь над недоразумением, заставившим их принять сучку за дочь или служанку хозяйки и над страстью этой последней к брошенной собачонке, находившейся у нее две недели. Жак сказал хозяину, затягивая тесьму на его почном колпаке:

— Бьюсь о заклад, что эта женщина предпочитает свою Николь всем живым существам в харчевне.

Его хозяин ответил:

— Возможно, Жак; но давай спать.

Покамест Жак и его хозяин отдыхают, я выполню свое обещание и расскажу об арестанте, пиликавшем на виолончели, или вернее — о его сотоварище, съёре Гусе.

— Этот третий арестант, — сказал он мне, — служит управителем в знатном доме. Он влюбился в пирожницу с Университетской улицы. Пирожник — простофиля, который больше следил за своей печкой, нежели за поведением жены. Но если нашим любовникам не мешала ревность мужа, то зато им мешало его постоянное присутствие. Что ж они сделали, чтоб избавиться от такого препятствия? Управитель подает своему вельможе челобитную, в которой выставляет пирожника человеком дурного нрава, пьяницей, не выходящим из кабака, злодеем, который бьет жену, честнейшую и несчастнейшую из женщин. По этой челобитной он добился предписания об аресте, и это предписание, располагавшее свободой мужа, было передано в руки полицейскому для немедленного исполнения. Случилось так, что этот полицейский приходился другом пирожнику. Они иногда вместе заходили к виноторговцу; пирожник приносил пирожки, а полицейский платил за

бутылку. Этот последний, захватив предписание, проходит мимо дверей пирожника и делает ему условный знак. Вот они вдвоем уселись за еду и запивают пирожки; тут полицейский спросил у приятеля, как идет торговля.

— Отлично.

— Не впутался ли ты в какое-нибудь скверное дело?

— Нет.

— А враги у тебя есть?

— Не замечал.

— Ладно ли живешь со своими родными, с соседями, с женой?

— Живу в дружбе и в мире.

— Как же ко мне попал приказ о твоём аресте? — добавил полицейский. — Если б я хотел исполнить свой долг, то схватил бы тебя за шиворот, приготовил бы карету здесь поблизости и отвез бы тебя в место, указанное в этом приказе. Возьми-ка почитай!..

Пирожник прочел и побледнел. Полицейский сказал ему:

— Успокойся, подумаем-ка лучше вместе, что нам предпринять для моей и для твоей безопасности. Кто у тебя бывает?

— Никого.

— Жена твоя кокетлива и красива.

— Я предоставляю ей полную волю.

— Кто-нибудь зарится на нее?

— Как будто нет, если не считать некоего управителя, который иногда заходит, чтоб пожимать ей руки и молоть вздор; но все это делается в моей лавке, при мне, в присутствии подмастерьев, и я думаю, что между ними не происходит ничего, противного добродетели и чести.

— Ты простофиля!

— Возможно; но выгоднее всего считать свою жену порядочной женщиной, и я так и поступаю.

— А чей это управитель?

— Господина де-Сен-Флорантена ²¹.

— А из чьей канцелярии, как ты думаешь, исходит приказ об аресте?

— Вероятно, из канцелярии господина де-Сен-Флорантена.

— Ты угадал.

— Как! есть мои пирожки, обнимать мою жену и засадить меня под стражу! Это слишком гадкий поступок: не могу поверить.

Ты простофиля! Как выглядит твоя жена за последние дни?

— Скорее грустной, чем веселой.

— А управитель давно у тебя был?

Кажется, вчера... да, именно вчера.

Ты ничего не заметил?

— Я мало примечаю; но мне казалось, что при прощании они делали друг другу знаки головой, как если бы один говорил «да», а другой — «нет».

— Чья же голова говорила «да»?

— Управителя.

— Либо они неповинны, либо они соучастники. Послушай, друг мой, не ходи домой, спасайся в какое-нибудь безопасное место — в Тампль, в Аббатство²², или куда хочешь, и дай мне орудовать; но только смотри...

— Не показываться и молчать.

— Именно.

В это же самое время шпионы снуют вокруг дома пирожника. Ищейки, переряженные в разное платье, обращаются к пирожнице и спрашивают, где ее муж; она отвечает одному, что он болен, другому — что он отправился на именины, третьему — что он на свадьбе. Когда вернется — она не знает.

На третий день к двум часам утра пришли предупредить полицейского, что какой-то человек, завернувшийся в плащ по самый нос, тихохонько отворил парадную дверь и тихохонько проскользнул в дом пирожника. Тотчас же полицейский в сопровождении комиссара, слесаря, извозничьей кареты и нескольких стражников отправляется к месту происшествия. Открывают отмычкой дверь; полицейский и комиссар без шума поднимаются по лестнице. Стучат в спальню пирожницы; никакого ответа. Стучат

вторично; никакого ответа. На третий раз изнутри спрашивают:

— Кто там?

— Откройте.

— Кто там?

— Откройте! Именем короля.

— Хорошо, — говорит управитель пирожнице, с которой лежал в постели. — Опасности нет: это полицейский пришел выполнить приказ об аресте. Откройте; я назовусь, он удалится, и все будет кончено.

Пирожница в рубашке отпирает дверь и снова ложится в постель.

П о л и ц е й с к и й

Где ваш муж?

П и р о ж н и ц а

Его нет.

П о л и ц е й с к и й *(раздвигая полог)*

А кто же это здесь?

У п р а в и т е л ь

Это я, управитель господина де-Сен-Флорантена.

П о л и ц е й с к и й

Лжете! Вы — пирожник, ибо пирожник тот, кто спит с пирожницей. Вставайте, одевайтесь и следуйте за мной!

Пришлось повиноваться; его привели сюда. Министр, узнав о злодействе управителя, одобрил поступок полицейского, который должен придти за ним сегодня в сумерки, чтоб из этой тюрьмы препроводить его в Бисетр, где благодаря экономности наших администраторов он будет получать свою четвертку хлеба, унцию говядины и сможет пикивать на виолончели с утра до вечера...

А что, если и мне тоже приложить голову к подушке в ожидании, пока Жак и его хозяин проснутся; как вы думаете?

На другой день Жак поднялся на рассвете, высунул голову в окно, чтоб узнать, какая погода, убедился, что

она отвратительна, снова улегся и предоставил своему хозяину и мне спать, сколько душе угодно.

Жак, его хозяин и прочие путешественники, остановившиеся в том же доме, думали, что небо прояснится к полудню; но ничуть не бывало; и так как ручей, отделявший предместье от города, настолько разбух от дождя, что опасно было переправляться, то те, чей путь лежал в этом направлении, решили потерять день и переждать. Одни принялись беседовать, другие — ходить взад и вперед, высовывать нос паружу, разглядывать небо и возвращаться обратно, ругаясь и топая ногами; некоторые разговаривали о политике и пили; многие забавлялись игрой, а остальные курили, спали и бездельничали. Хозяин сказал Жаку:

— Надеюсь, что Жак вернется к рассказу о своих любовных приключениях и что небо хочет задержать меня здесь в дурную погоду, дабы доставить мне удовольствие дослушать их до конца.

Ж а к

Небо хочет! Никогда не знаешь, что оно хочет и чего не хочет, да и оно само, быть может, не знает. Мой бедный капитан, которого уже нет в живых, повторял мне это сотни раз; и чем больше я живу, тем больше признаю, что он прав... За вами дело, сударь!

Х о з я и н

Помню. Ты остановился на экипаже и лакее, которому лекарша позволила отдернуть полог кровати и поговорить с тобой.

Ж а к

Лакей подошел к постели и сказал мне:

— Ну, приятель, вставайте, одевайтесь и едем.

Я отвечал ему из-под одеяла, не видя его и не видимый им:

— Не мешайте мне спать, приятель, и уезжайте.

Лакей возражает, что у него есть приказ от господина и что он должен его исполнить.

— А ваш хозяин, распоряжающийся незнакомым ему человеком, распорядился ли уплатить то, что я здесь задолжал?

— С этим уже покончено. Торопитесь: вас ждут в замке, и поверьте, вам будет там гораздо лучше, чем здесь, если только вы оправдаете возбужденное вами любопытство.

Я дал себя уговорить; встаю, одеваюсь и меня ведут под руки. Я уже простился с лекаршей и собрался сесть в экипаж, когда эта женщина, подойдя ко мне, дернула меня за рукав и попросила отойти с ней в угол комнаты, чтобы сказать мне несколько слов.

— Вот что, друг мой, — добавила она, — вы, кажется, не можете на нас пожаловаться; доктор спас вам ногу, я хорошо ходила за вами и надеюсь, что вы не забудете нас в замке.

— А что я могу для вас сделать?

— Попросить, чтобы моего мужа позвали вас пере-вязывать. Там куча народу. Это лучшая клиентура в округе. Сеньёр — человек щедрый; он жирно платит; от вас зависит составить наше счастье. Муж несколько раз пытался туда втереться, но без толку.

— Разве в замке нет лекаря, госпожа докторша?

— Конечно, есть.

— А будь этот лекарь вашим мужем, понравилось ли бы вам, если б ему повредили и выгнали его вон?

— Этому лекарю вы ничем не обязаны, а моему мужу, кажется, кое-чем обязаны: если вы, как раньше, ходите на обеих ногах, то это — его рук дело.

— А если ваш муж сделал мне добро, то я должен сделать другому зло? Будь хотя бы это место свободным...

Жак собрался продолжать, когда вошла трактирщица, держа на руках завернутую в пеленки Николь, целуя ее, жалея, лаская и приговаривая над ней, как над ребенком:

— Бедная моя Николь, она всю ночь напролет про-визжала. А вы, господа, хорошо спали?

Х о з я и н

Отлично.

Т р а к т и р щ и ц а

Тучи заволокли небо со всех сторон.

Х о з я и н

Очень досадно.

Т р а к т и р щ и ц а

Господа далеко едут?

Ж а к

Мы сами не знаем.

Т р а к т и р щ и ц а

Господа следуют за кем-нибудь?

Ж а к

Мы ни за кем не следуем.

Т р а к т и р щ и ц а

Господа едут или останавливаются в зависимости от дел, встречающихся им по дороге?

Ж а к

У нас нет никаких дел.

Т р а к т и р щ и ц а

Господа путешествуют для своего удовольствия?

Ж а к

Или для своего неудовольствия.

Т р а к т и р щ и ц а

Желаю вам первое.

Ж а к

Ваше желание не стоит выеденного яйца; будет то, что предначертано свыше.

Т р а к т и р щ и ц а

Ага! значит, женитьба?

Ж а к

Быть может, — да, быть может, — нет.

Т р а к т и р щ и ц а

Будьте осторожны, господа. Тот человек, что находится внизу и так зверски обошелся с моей бедной Николь, вступил в нелепейший брак... Дай, бедная собачонка, дай я тебя поцелую, обещаю, что ничего подобного больше не случится. Видите, как она дрожит всем телом!

Х о з я и н

А что особенного в женитьбе этого человека?

На этот вопрос хозяйка отвечала:

— Там, внизу, какой-то шум; пойду сделаю распоряжения и вернусь, чтобы вам рассказать...

Муж ее, устав кричать: «Жена! жена!», поднимается наверх, не замечая, что за ним следует его кум. Трактирщик сказал жене:

— Какого чорта вы здесь околачиваетесь?

Затем, обернувшись, он заметил кума:

— Вы принесли мне денег?

К у м

Нет, кум, вы отлично знаете, что у меня их нет.

Т р а к т и р щ и к

У тебя нет? Я сумею смастерить их из твоего плуга, твоих лошадей, твоих быков и твоей кровати. Как, негодяй!..

К у м

Я не негодяй.

Т р а к т и р щ и к

А кто же ты? Ты нуждаешься, не знаешь, чем засеять поле; твой помещик, которому надоело тебе одалживать,

не хочет больше ничего давать. Ты приходишь ко мне; эта женщина за тебя вступается; проклятая болтушка, причина всех совершенных мною в жизни глупостей, угоривает меня осудить тебя; я даю тебе в долг; ты обещаешь вернуть и десять раз канителишь. Но будь покоен, я канитель не буду. Вон отсюда!..

Жак и его хозяин собрались было ходатайствовать за беднягу, но трактирщик, приложив палец к губам, подала им знак, чтоб они молчали.

Т р а к т и р щ и к

Вон отсюда!

К у м

Все, что вы сказали, кум, — сущая правда; но правда также и то, что судебные пристава находятся у меня и что спустя несколько минут мы будем доведены до нищенской суммы, — дочь моя, сын и я сам.

Т р а к т и р щ и к

Этой участи ты и заслуживаешь. Зачем ты приходил сегодня утром? Я бросаю доливку бочек, выхожу из погреба, а тебя нет. Вон отсюда, говорю тебе!

К у м

Да, я заходил, кум; но побоялся дурного приема, повернул назад и сейчас тоже ухожу.

Т р а к т и р щ и к

Хорошо сделаешь.

К у м

А теперь бедная моя Маргарита, такая благоразумная, такая хорошенькая, пойдет в Париж в услужение.

Т р а к т и р щ и к

В Париж, в услужение! Ты хочешь сделать из нее шлюху?

К у м

Не я хочу, а тот суровый человек, который со мной говорит.

Т р а к т и р щ и к

Я — суровый человек! Ничего подобного; никогда им не был, ты это отлично знаешь...

К у м

Я больше не в состоянии кормить ни дочь, ни сына; дочь пойдет в услужение, а сын в солдаты.

Т р а к т и р щ и к

И я буду причиной! Ни под каким видом. Ты жестокий человек; пока я жив, ты будешь моим мучением. Ну, сколько тебе надо?

К у м

Ничего мне не надо. Я в отчаянии оттого, что вам должен, по отныне этому не бывать. Своими оскорблениями вы причиняете больше зла, чем делаете добра услугами. Будь у меня деньги, я швырнул бы их вам в лицо; но у меня нет ни гроша. Моя дочь станет тем, чем богу угодно; мальчик даст себя убить, если так нужно; я буду нищенствовать, но не у ваших дверей. Нет, нет, никаких больше обязательств по отношению к такому дурному человеку, как вы. Выручайте деньги за моих волов, лошадей и орудия; подавитесь ими! Вы родились, чтобы плодить неблагодарных, а я не хочу им быть. Прощайте!

Т р а к т и р щ и к

Жена, он уходит; удержи его.

Т р а к т и р щ и ц а

Ну, кум, обсудим, как вам помочь.

К у м

Мне не нужна такая помощь: она слишком дорого обходится...

Трактирщик шопотом повторял жене:

— Да не пускай же его, удержи! Дочь в Париж! сына в армию! сам он на паперти! Не допущу!

Тем временем жена прилагала тщетные усилия: крестьянин был человек с гонором, не хотел ничего принимать и всячески упирался. Трактирщик со слезами на глазах обращался к Жаку и его хозяину: и говорил:

— Господа, постарайтесь его урезонить...

Жак с хозяином вмешались в дело; все зараз умоляли крестьянина. Я никогда не видел человека... — «Вы никогда не видели! Да вас там и не было! Скажите лучше: никто никогда не видел». — Пусть так. Никто не видел человека более огорченного отказом и более обрадованного согласием взять от него деньги, чем этот гостиник; он обнимал жену, обнимал кума, обнимал Жака и его хозяина и кричал:

— Пусть поскорее сбегают к нему: и выгонят этих ужасных приставов.

Кум

Согласитесь все же...

Трактирщик

Соглашаюсь с тем, что я все порчу. Но что ты хочешь, кум? Я таков, каков есть. Природа сделала меня самым жестоким и самым нежным человеком; я не умею ни соглашаться, ни отказывать.

Кум

Не могли ли бы вы стать другим?

Трактирщик

Я уже в том возрасте, когда не исправляются; но если бы те, кто обратились ко мне первыми, распекли меня так, как ты, я, вероятно, стал бы лучше. Благодарю тебя, кум, за урок; может статься, он пойдет мне на пользу... Жена, спустись вниз поскорее и дай ему то, что нужно. Жена, поторопись немного и не заставляй его ждать; можешь потом вернуться к этим господам, с которыми ты, кажется, отлично спелась...

Жена и кум сошли вниз; трактирщик остался еще минутку; когда он удалился, Жак сказал хозяину:

— Вот странный человек! Небо послало эту дурную погоду и задержало нас здесь, так как ему было угодно, чтоб вы выслушали мои любовные приключения; но что оно теперь хочет?

Хозяин, зевая и пощелкивая по табакерке, растянулся в кресле и ответил:

— Жак, нам предстоит не один день жить вместе, разве только...

Ж а к

Словом, небу угодно, чтоб я сегодня молчал, а говорила трактирщица; это — болтуня, которой ничего лучшего и не надо; пускай же говорит.

Х о з я и н

Ты сердисься?

Ж а к

Дело в том, что я тоже люблю поговорить.

Х о з я и н

Твоя очередь придет.

Ж а к

Или не придет.

Понимаю вас, читатель: «Вот, — говорите вы, — настоящая развязка для «Ворчливого благодетеля»²³! Согласен с вами. Будь я автором этой пьесы, я ввел бы в нее персонаж, который приняли бы за эпизодический, но который бы им не был. Этот персонаж появлялся бы несколько раз, и присутствие его было бы мотивировано. Сперва он пришел бы просить о пощаде; но страх дурного приема заставил бы его удалиться до возвращения Жеронта. Побуждаемый вторжением судебных приставов в его жилище, он набрался бы храбрости и вторично отправился бы к Жеронту; но тот бы отказался его принять. Наконец, я вывел бы его при развязке, где бы он сыграл точно такую же роль, как крестьянин у трактир-

щика; у него тоже была бы дочка, которую он собирался бы пристроить у торговки дамскими нарядами, тоже был бы сын, которого он брал бы из школы, чтоб поместить на службу, а сам бы он тоже решил собирать милостыню до тех пор, пока ему не опостылит жизнь. Публика узрела бы ворчливого благодетеля у ног этого человека; его распекали бы по заслугам; он был бы принужден обратиться к окружающей его семье, чтоб умиловить своего должника и заставить его снова принять помощь. Ворчливый благодетель был бы наказан; он обещал бы исправиться, но в последнюю минуту опять вернулся бы к своей привычке, рассердившись на действующих лиц, которые любезно уступали бы друг другу дорогу при входе в дом; он крикнул бы им резко: «Чорт бы побрал церемо...», но тут же остановился бы на полуслове и сказал бы своим племянницам: «Ну-с, племянницы, дайте мне руку и войдем». — «А дабы связать этот персонаж с основным стержнем, вы сделали бы его ставленником Жеронтова племянника?» — Отлично. — «И дядя одолжил бы деньги по просьбе этого племянника?» — Превосходно. — «И это послужило бы причиной, почему дядя разгневался на племянника?» — Именно так. — «А развязка этой пьесы не была ли бы публичным повторением в присутствии всей семьи того, что каждый из них перед тем делал в отдельности?» — Вы угадали. — «Если я встречу когда-нибудь господина Гольдони, то расскажу ему сцену в харчевне». — И хорошо поступите; он такой искусник, что лучше не надо, и использует это как следует.

Трактирщица вернулась, продолжая держать на руках Николь, и сказала:

— Надеюсь, что у вас будет хороший обед; только что пришел браконьер; стражник сеньёра не замедлит...

С этими словами она взяла стул. И вот она садится и принимается за рассказ.

Трактирщица

(Слуг надо остерегаться: у хозяев нет худших врагов...

Ж а к

Сударыня, вы не знаете, что говорите; есть хорошие, есть и плохие; и может быть, хороших слуг больше, чем хороших хозяев.

Х о з я и н

Жак, вы несдержанны и допускаете точно такую же нескромность, как та, которая вас возмутила.

Ж а к

Ведь хозяйева...

Х о з я и н

Ведь слуги...

Ну-с, читатель, почему бы мне не затеять сильнейшей ссоры между этими тремя лицами? Почему бы Жаку не взять хозяйку за плечи и не вышвырнуть ее из комнаты; почему бы хозяйке не взять Жака за плечи и не выгнать его; и почему бы мне не сделать так, чтоб вы не услышали ни истории хозяйки, ни истории любовных приключений Жака? Успокойтесь, этого не будет. А потому трактирщица продолжала:

— Надо признать, что если есть много злых мужчин, то есть также немало злых женщин.

Ж а к

И незачем далеко бегать, чтоб их найти.

Т р а к т и р щ и ц а

Как вы смее вмешиваться! Я — женщина и могу говорить о женщинах, что захочу; мне не нужно вашего одобрения.

Ж а к

Мое одобрение не хуже всякого другого.

Т р а к т и р щ и ц а

У вас, сударь, слуга, который корчит из себя умника и не оказывает вам должного уважения. У меня тоже есть слуги, и пусть только кто-нибудь из них посмеет...

Хозяин

Жак, замолчите и дайте сударыню рассказать.

Трактирщица, ободренная этими словами, встает, ополчается на Жака, подбочивается, забывает, что держит Николь, роняет ее, и вот Николь, ушибленная и барахтающаяся в пеленках, лает на полу во всю мочь, трактирщица присоединяет свои крики к лаю Николь, Жак присоединяет свои взрывы хохота к лаю Николь и к крикам трактирщицы, а хозяин Жака открывает табакерку, берет поношку и не может удержаться от смеха. На постоялом дворе полный переполох.

— Нанон, Нанон, скорей, скорей, принесите бутылку с водкой!.. Бедная Николь умерла... Распеленайте ее... Какая вы неловкая!

— Лучше не умею.

— Как она визжит! Оставьте, пустите меня... Она умерла... Смейся, большой балбес; есть, действительно, над чем смеяться!.. Моя бедная Николь умерла!

— Нет, сударыня, нет; она оправится, вот уже шевелится.

Нанон пришлось тереть водкой нос собаки и вливать ей в пасть этот напиток; хозяйка стонала и обрушивалась на наглых лакеев, а служанка говорила:

— Взгляните, сударыня: она открыла глаза; вот уже на вас смотрит.

— Бедное животное, ну, просто говорит! Кто тут не расчувствуется!

— Да приласкайте же ее, сударыня, хоть немного; ответьте ей что-нибудь.

— Пойди сюда, бедная Николь! Кричи, дитя мое, кричи, если тебе от этого легче. Как у людей, так и у животных своя судьба; она посылает счастье сварливому, крикливому, обжорливому тунеядцу и несчастье какому-нибудь достойнейшему на свете существу.

— Сударыня права, нет справедливости на этом свете.

— Молчите! Спеленайте ее снова, положите ее под мою подушку и помните, что при малейшем ее визге

я возьмусь за вас. Пойди сюда, бедный зверек, я поцелую тебя еще раз, перед тем как тебя унесут. Да поднесите же ее поближе, дура вы этакая!.. Собаки такие добрые: они лучше...

Ж а к

...отца, матери, братьев, сестер, детей, слуг, мужа...

Т р а к т и р щ и ц а

Ну да; не смейтесь, пожалуйста; они невинны, они верны, они никогда не приписывают вам зла, тогда как остальные...

Ж а к

Да здравствуют собаки! Нет никого совершеннее под небесами.

Т р а к т и р щ и ц а

Если есть кто-нибудь совершеннее, то это во всяком случае не человек. Я хотела бы, чтобы вы видели пса нашего мельника; это возлюбленный моей Николь; нет среди вас никого, сколько бы вас ни было, кого бы он не посрамил. Едва рассветет, он приходит сюда за версту; становится за окном, и начинаются вздохи, такие вздохи, что жалость берет. Какая бы ни была погода, он тут; дождь струится по его телу; тело уходит в песок: едва видны уши и кончик носа. Разве вы способны на нечто подобное даже ради самой любимой женщины?

Х о з я и н

Это очень галантно.

Ж а к

А с другой стороны, где женщина, достойная таких же ухаживаний, как ваша Николь?..

Но страсть к животным не являлась, как можно подумать, главной страстью хозяйки; таковой была страсть к болтовне. Чем охотнее и терпеливее вы ее слушали, тем больше достоинств она вам приписывала; а потому она не заставила себя дважды просить, чтобы возобновить

прерванный рассказ об удивительном браке; единственным ее условием было молчание Жака. Хозяин поручился за своего слугу. Слуга этот небрежно развалился в уголке, закрыл глаза, нахлобучил шапку на уши и наполовину повернулся спиной к трактирщице. Хозяин кашлянул, сплюнул, высморкался, вынул часы, взглянул на время, вытащил табакерку, щелкнул по крышке, взял понюшку, а хозяйка приготовилась вкусить сладостное удовольствие многоглаголанья.

Она собралась было пачать, как вдруг услышала вой собачонки.

— Нанон, присмотрите за этим бедным зверьком... Я так взволнована, что не помню, на чем остановилась.

Ж а к

Да вы еще не начинали.

Т р а к т и р щ и ц а

Те двое мужчин, с которыми я бранилась из-за своей несчастной Николь, когда вы приехали, сударь...

Ж а к

Говорите: господа.

Т р а к т и р щ и ц а

Почему?

Ж а к

Потому что нас до сих пор так величали, и я к этому привык. Мой хозяин зовет меня Жак, а прочие — господин Жак.

Т р а к т и р щ и ц а

Я не называю вас ни Жак, ни господин Жак, я с вами не разговариваю... («Сударыня!» — Что тебе? — «Счет пятого номера». — Посмотри на камине.) Эти двое мужчин — дворяне; они едут из Парижа и направляются в поместье старшего.

Ж а к

Откуда это известно?

Трактирщица

Они сами сказали.

Жак

Вот так доказательство!

Хозяин сделал знак трактирщице, по которому она поняла, что у Жака в голове не все дома. Она ответила хозяину сочувственным пожатием плеч и добавила:

— В его возрасте! Это печально.

Жак

Печально никогда не знать, куда едешь.

Трактирщица

Старшего зовут маркизом Дезарси. Он был охотником до развлечений, человеком весьма галантным и не верившим в женскую добродетель.

Жак

Он был прав.

Трактирщица

Господин Жак, не перебивайте меня.

Жак

Госпожа хозяйка «Большого оленя», я с вами не разговариваю.

Трактирщица

Тем не менее господин маркиз наткнулся на особу, весьма своеобразную, которая оказала ему сопротивление. Ее звали госпожа де-ла-Помере. Она была женщиной нравственной, родовой, состоятельной и высокомерной. Господин Дезарси порвал со всеми знакомыми, общался только с госпожой де-ла-Помере, ухаживал за ней с величайшим усердием, старался всяческими жертвами доказать свою любовь, предлагал ей даже жениться; но эта женщина была так несчастна с первым своим мужем, что... («Сударыня!» — Что тебе? — «Ключ от ящика с овсом». —

Посмотри на гвозде, а если нет, то не торчит ли в ящике.) ...что предпочла бы подвергнуться любым несчастьям, чем опасностям второго брака.

Ж а к

Значит, так было предначертано свыше.

Т р а к т и р щ и ц а

Госпожа де-ла-Помере жила очень уединенно. Маркиз был старым другом ее мужа; он бывал у нее раньше, и она продолжала его принимать. Если не считать его сластолюбивой склонности к ухаживаниям, то был он, что называется, человеком чести. Настойчивые преследования маркиза, подкрепленные его личными достоинствами, молодостью, приятной внешностью, проявлениями самой искренней страсти, одиночеством, потребностью ласки, словом — всем тем, что заставляет нас поддаться обольщению мужчины... («Сударыня!» — Что тебе? — «Почтарь пришел». — Отведи в зеленую комнату и угости, как всегда.) ...возымели свое действие. Оказав, против своей воли, сопротивление маркизу в течение нескольких месяцев, потребовав от него, согласно обычаю, самых торжественных клятв, госпожа де-ла-Помере осчастливила поклонника, и он наслаждался бы сладчайшей участью, если бы сумел сохранить чувства, в которых клялся своей возлюбленной и которые она питала к нему. Да, сударь, любить умеют одни только женщины; мужчины ничего в этом не смыслят... («Сударыня!» — Что тебе? — «Монах за подающим». — Дай ему двенадцать су за этих господ, шесть за меня, и пусть обойдет остальные номера.) По истечении нескольких лет жизнь госпожи де-ла-Помере показалась маркизу слишком однообразной. Он предложил ей бывать в обществе, она согласилась; он предложил ей принимать у себя некоторых дам и кавалеров, и она согласилась; он предложил ей устраивать парадные обеды, и она согласилась. Мало-помалу он стал пропускать день-другой, не заглядывая к ней, мало-помалу он перестал являться на парадные обеды, которые сам устраивал, мало-

помаду он сократил свои посещения: у него появились неотложные дела; приходя к своей даме, он бросал вскользь какое-нибудь слово, разваливался в кресле, брал брошюру, отбрасывал ее, разговаривал со своей собакой или дремал. По вечерам же его расстроенное здоровье требовало, чтоб он уходил спозаранку: так предписал Троншен²⁴. «Великий человек этот Троншен, честное слово! Не сомневаюсь, что он спасет нашу приятельницу, которую остальные врачи считают безнадежной». С этими словами он брал трость и шляпу и уходил, иногда забывая поцеловать свою возлюбленную. Госпожа де-ла-Помере... («Сударыня!» — Что тебе? — «Пришел бочар». — Пусть спустится в погреб и осмотрит винные бочки.) ...госпожа де-ла-Помере догадывалась, что ее не любят; необходимо было удостовериться, и вот как она за это взялась... («Сударыня!» — Иду, иду.)

Трактирщица, которой надоели эти помехи, сошла вниз и, повидимому, приняла меры, чтоб положить им конец.

Т р а к т и р щ и ц а

Однажды после обеда она сказала маркизу:

— Друг мой, вы мечтаете.

— И вы тоже, маркиза.

— Да, и мечты мои довольно грустные.

— Что с вами?

— Ничего.

— Неправда. Расскажите же мне, маркиза, — добавил он, зевая: — это развлечет и вас и меня.

— Разве вам скучно?..

— Нет; но бывают дни...

— Когда скучаешь.

— Ошибаетесь, друг мой; клянусь, вы ошибаетесь; но, действительно, бывают дни... Сам не знаешь, от чего это зависит.

— Друг мой, я уже давно собираюсь поговорить с вами откровенно, но боюсь вас огорчить.

— Что вы! Разве вы можете меня огорчить?

— Может быть; но это не моя вина, и небо в том

Фронтиспис II тома «Жак Фаталист»
парижского изд. 1797 года

свидетель... («Сударыня!.. Сударыня! сударыня!» — Да я же запретила звать меня ради кого бы или ради чего бы то ни было; позови мужа.— «Он ушел».) Не взывайте, господа, я сейчас вернусь.

Хозяйка сходит вниз, возвращается обратно и продолжает рассказ:

— ...Случилось это без моего согласия, без моего ведома, благодаря проклятью, тяготеющему, повидимому, над всем родом человеческим, ибо даже я, даже я не убереглась от него.

— Ах, это исходит от вас... Чего же мне бояться!.. О чем идет речь?..

— Маркиз, речь идет... Я в отчаянии; я приведу вас в отчаяние, и, взвесив все, может быть, будет лучше, если я ничего не скажу.

— Нет, друг мой, говорите; неужели вы скроете от меня что-либо в глубине своего сердца? Ведь первое условие нашего соглашения заключалось в том, чтоб моя и ваша душа без всякой утайки исповедывались друг другу.

— Да, это так, и вот что особенно меня тяготит: ваш упрек завершает тот более важный упрек, который я делаю самой себе. Неужели вы не заметили, что я уже не так весела, как прежде? Я потеряла аппетит; я пью и ем только потому, что этого требует рассудок; сон меня не берет. Самые интимные наши встречи перестали доставлять мне удовольствие. По почам я спрашиваю себя и говорю: разве он менее обходителен? Нет. Разве вы можете упрекнуть его в каких-нибудь подозрительных связях? Нет. Разве любовь его к вам ослабела? Нет. Но раз ваш друг остался прежним, то почему же изменилось ваше сердце? Ведь это так, вы не можете скрыть это от себя: вы дожидаетесь его уже не с прежним терпением; вы уже не так радуетесь его приходу. Где беспокойство, когда он, бывало, запоздает, где сладостное волнение, когда грохотал его экипаж, когда о нем докладывали, когда он появлялся? Вы его больше не испытываете.

— Как, сударыня?

Тогда маркиза де-ла-Помере закрыла глаза руками, склонила голову и умолкла на некоторое время, а затем добавила:

— Маркиз, я ожидала вашего удивления и всех тех горьких слов, которые вы мне скажете. Пощадите меня, маркиз... Нет, не щадите, скажите их мне: я выслушаю с покорностью, ибо я их заслужила. Да, дорогой маркиз, это правда... Да, я... Но разве недостаточно большое несчастье то, что это случилось, и стоит ли, скрывая его, прибавлять к нему позорную и низкую фальшь? Вы остались тем же, а ваша подруга переменялась; ваша подруга уважает вас, почитает вас так же и даже больше, чем когда-либо; но... но женщина, привыкшая, как она, изучать переживания глубочайших тайников своей души и ни в чем себя не обманывать, не может скрывать от себя то, что любовь оттуда ушла. Это открытие ужасно, но тем не менее соответствует действительности. Маркиза де-ла-Помере, я, я оказалась непостоянной! легкомысленной!.. Маркиз, придите в бешенство, ищите самые отвратительные названия, я уже заранее обзывала себя ими; обзывайте и вы меня, я готова принять их все... все, кроме клички фальшивой женщины, от которой, надеюсь, вы меня избавите, ибо я поистине никогда таковой не была... («Жена!» — Что тебе? — «Ничего».)

В этом доме не имеешь ни минуты покоя, даже в такие дни, когда почти нет народу, и кажется, что делать нечего. Печальное дело быть трактирщицей, да еще с таким олухом мужем!

...С этими словами госпожа де-ла-Помере откинулась в кресле и заплакала. Маркиз упал перед ней на колени и воскликнул:

— Вы очаровательная женщина, восхитительная женщина, женщина, каких нет на свете! Ваша прямота, ваша честность привели меня в смущение, и я должен был бы умереть от стыда. Ах! какое преимущество надо мной дает вам эта минута! Какой великой вы являетесь в моих глазах и каким маленьким я кажусь самому себе! Вы

заговорили первой, но первым провинился я. Друг мой, ваша искренность побуждает меня к тому же; я был бы чудовищем, если б она меня не побуждала, и признаюсь вам, что история вашего сердца — это слово в слово история моего собственного. Все, что вы себе говорили, я тоже себе говорил; но я молчал, я страдал и не знаю, когда бы у меня хватило духу сказать вам.

— Да так ли это, друг мой?

— Без всякого сомнения. И нам остается только взаимно поздравить друг друга: мы одновременно избавились от того хрупкого и обманчивого чувства, которое нас соединяло.

— Правда; какое это было бы ужасное несчастье, если б моя любовь длилась, в то время как ваша уже остыла!

— Или если б она сперва умерла во мне.

— Вы правы, я это чувствую.

— Никогда вы не казались мне такой привлекательной, такой прелестной, как в эту минуту, и если б прошлый опыт не внушил мне осмотрительности, я подумал бы, что люблю вас больше, чем когда-либо.

С этими словами маркиз взял ее за руки и стал целовать их... («Жена!» — Что тебе? — «Пришел торговец с сеном». — Посмотри в счетную книгу. — «А где книга?.. Сиди, сиди, — нашел».)

Скрыв смертельную досаду, разрывавшую ее сердце, госпожа де-ла-Помере обратилась к маркизу:

— Как же мы поступим, маркиз?

— Мы не обманывали друг друга; вы имеете право на полное мое уважение, а я, думается мне, не окончательно еще потерял право на ваше; мы будем видаться попрежнему и наслаждаться доверчивостью нежнейшей дружбы. Это избавит нас от всех неприятностей, от всех мелких обманов, всех упреков, всех дрызг, обычно сопутствующих кончающейся любви; мы будем посещать свет; я стану поверенным ваших побед и не скрою от вас своих, если мне случится одержать таковые, в чем, впрочем, я весьма сомневаюсь, ибо вы сделали меня приве-

редой. Это будет прелестно! Вы поможете мне советами, я не откажу вам в своих, если произойдут какие-либо угрожающие обстоятельства, при которых они могут вам понадобиться. Кто знает, что может случиться?..

Жак

Никто.

Трактирщица

...Вероятнее всего, чем дальше я зайду в своих приключениях, тем больше вы выиграете от сравнения, и я вернусь более влюбленным, более нежным, более убежденным, нежели когда-либо, в том, что госпожа де-ла-Помере была единственной женщиной, созданной для моего счастья; а после этого возвращения можно биться о заклад, что я останусь при вас до конца своей жизни.

— А если случится, что по вашем возвращении вы меня больше не застанете? Ведь человек, маркиз, не всегда бывает справедлив; нет ничего невозможного в том, что я почувствую склонность, каприз, даже страсть к кому-нибудь, кто вас не стоит.

— Я безусловно буду в отчаянии; но не посмею жаловаться; я буду винить судьбу, разъединившую нас, когда мы были соединены, и сблизившую нас, когда мы уже не сможем сблизиться...

После этой беседы они принялись рассуждать о непостоянстве человеческого сердца, о непрочности клятв, об узах брака... («Сударыня!» — Что тебе? — «Дорожная карета».)

— Господа,— сказала хозяйка,— я должна вас почитать. Сегодня вечером, справившись со всеми делами, я вернусь и dokonчу рассказ об этом происшествии, если вам любопытно послушать... («Сударыня!» — «Жена!» — «Хозяйка!..» — Иду, иду.)

По уходе трактирщицы хозяин сказал своему слуге:

— Жак, заметил ли ты одно обстоятельство?

Жак

Какое именно?

Х о з я и н

А то, что эта женщина рассказывает гораздо складнее, чем подобает хозяйке заезжего дома.

Ж а к

Действительно так! Постоянные помехи со стороны домочадцев выводили меня из терпения.

Х о з я и н

И меня тоже.

А вы, читатель, говорите без притворства, ибо мы находимся в разгаре полной откровенности: не желаете ли вы бросить эту изысканную и многословную хозяйку-болтунью и вернуться к любовным похождениям Жака? Я лично не стою ни за то, ни за другое. Когда эта женщина возвратится, Жак-болтун охотно вернется к своей роли и захлопнет дверь у нее под носом; он только скажет ей в замочную скважину: «Покойной ночи, сударыня, хозяин спит; я тоже ложусь: придется отложить остальное до другого нашего приезда».

«Первая взаимная клятва двух телесных существ была дана у подножья скалы, рассыпавшейся в пыль; в свидетели своего постоянства они призвали небо, которое ни минуты не бывает одинаковым; все и в них и вокруг них было преходяще, а они верили, что их сердца не подвержены переменам. О дети! вечные дети!..» Не знаю, чьи это рассуждения: Жака ли, его хозяина или мои; несомненно, что они принадлежат кому-нибудь из трех и что им предшествовали и за ними последовали многие другие, которые заняли бы нас, то есть Жака, его хозяина и меня, до ужина, до послеужина, до возвращения трактирщицы, если б Жак не сказал своему хозяину:

— Знаете, сударь, все великие сентенции, приведенные вами только что ни к селу ни к городу, не стоят старой басни, которую рассказывают на посиделках в нашей деревне.

Хозяин

А что это за басня?

Жак

Это басня о Ноже и Ножнах. Однажды Нож и Ножны повздорили; Нож и говорит Ножнам: «Ножны, подруга моя, вы — негодяйка, так как каждый день впускаете новые Ножи...» Ножны ответили Ножу: «Друг мой Нож, вы — негодяй, так как каждый день меняете Ножны...» — «Не то вы мне обещали, Ножны...» — «Нож, вы первый меня обманули...» Спор этот происходил за столом; тот, кто сидел между ними, обратился к ним и сказал: «И вы, Нож, и вы, Ножны, хорошо поступили, изменив друг другу, ибо вам хотелось изменить; но вы были неправы, обещая не изменять. Разве вы не видите, Нож, что господь создал вас для многих Ножен, а вас, Ножны, для многих Ножей? Вы считали безумцами те Ножи, которые клялись совершенно отказаться от Ножен, и те Ножны, которые давали обет обойтись без Ножей; и вы не подумали о том, что вы, Ножны, были почти так же безумны, обещая ограничиться одним Ножом, а вы, Нож, — обещая ограничиться одними Ножнами».

Тут хозяин сказал Жаку:

— Твоя басня не слишком нравственна, но зато веселая. Знаешь, какая страшная мысль пришла мне в голову? Я женю тебя на нашей трактирщице, и размышляю над тем, как поступал бы муж, любящий поговорить, при жене, которая только то и делает.

Жак

Он поступал бы так же, как я в первые двенадцать лет своей жизни, когда жил у бабушки и дедушки.

Хозяин

Как их звали? Чем они занимались?

Ж а к

Они были старьевщиками. У моего деда Язона было несколько детей. Вся семья состояла из людей серьезных: они вставали, одевались, шли по делам; возвращались, обедали и отправлялись назад, не проронив ни слова. Вечером они усаживались на стулья: мать и дочери ткали, шили, вязали, не проронив ни слова; сыновья предавались отдыху; отец читал Ветхий завет.

Х о з я и н

А ты что делал?

Ж а к

Я бегал по комнате с кляпом во рту.

Х о з я и н

Как, с кляпом?

Ж а к

Да, с кляпом; и этому проклятому кляпу я обязан страстью к болтовне. Иногда проходила целая неделя, и никто в доме Язона не открывал рта. В течение своей жизни, — а жизнь ее была долгой, — бабушка не сказала ничего кроме: «Продается шляпа», а дедушка, который ходил на аукционах прямо, заложив руки под редингот, — ничего кроме: «Один су». Бывали дни, когда он чуть было не переставал верить в Библию.

Х о з я и н

Почему?

Ж а к

Из-за повторений, которые он считал суесловием, недостойным святого духа. Он говорил, что повторяющие одно и то же — глупцы, которые считают, что их слушатели тоже глупцы.

Х о з я и н

Жак, не хочешь ли ты искупить долгое молчание, которое из-за кляпа хранил в течение двенадцати лет у твоего дедушки, а также пока рассказывала хозяйка, и...

Жак

Вернуться к истории моих любовных приключений?

Хозяин

Нет, к той, на которой ты меня покинул: о приятеле твоего капитана.

Жак

Ах, сударь, какая у вас жестокая память!

Хозяин

Жак, мой миленький Жак!..

Жак

Чему вы смеетесь?

Хозяин

Тому, чему буду еще смеяться не раз: как ты в детстве бегал у своего дедушки с кляпом во рту.

Жак

Бабушка вынимала его, когда никого не было, и если дедушка это замечал, то бывал недоволен и говорил: «Продолжайте в том же духе, и этот малый сделается величайшим болтуном, который когда-либо существовал». Его предсказание сбылось.

Хозяин

Ну, Жак, мой миленький Жак,— историю приятеля твоего капитана!

Жак

Я не отказываюсь; но вы не поверите.

Хозяин

Разве она такая диковинная?

Жак

Нет, но она уже однажды случилась с другим: с французским военным, которого, кажется, звали господином де-Герши²⁵.

Х о з я и н

Ну что ж, я скажу, как тот французский поэт, который сочинил довольно удачную эпиграмму и заявил другому, приписавшему ее себе в его присутствии: «Почему бы, сударь, вам ее и не сочинить? Ведь я же ее сочинил...» Почему бы приключению, рассказанному Жаком, и не случиться с приятелем его капитана, раз оно случилось с французским военным де-Герши. Но, рассказывая о нем, ты разом убьешь двух зайцев, ибо передашь мне историю и того и другого, которой я не знаю.

Ж а к

Тем лучше! Но поклянитесь, что это так.

Х о з я и н

Клянусь.

Читатель, меня подмывает потребовать от вас такой же клятвы; но я только обращаю ваше внимание на одну странность в характере Жака, видимо унаследованную им от своего деда Язона, молчаливого старьевщика; а именно, Жак, хотя и любил поговорить, но, в противоположность болтунам, не выносил повторений. А потому он не раз говаривал своему хозяину:

— Сударь, вы готовите мне печальное будущее; что станется со мной, когда мне нечего будет больше сказать?

— Ты повторишь.

— Чтоб Жак стал повторять! Свыше предначертано противное, и если б мне когда-либо случилось повториться, я не удержался бы, чтоб не воскликнуть: «Ах, если б дед тебя услышал!..» и пожалел бы о кляпе.

Ж а к

В те времена, когда играли в азартные игры на Сен-Жерменской и Сент-Лоретской ярмарках...

Х о з я и н

Да ведь эти ярмарки в Париже, а приятель твоего капитана был комендантом пограничной крепости.

Ж а к

Ради бога, сударь, дайте же мне сказать... Несколько офицеров вошли в лавку и застали там другого офицера, беседовавшего с хозяйкой. Один из вошедших предложил ему сыграть в пас-дис²⁶, а надобно вам знать, что после смерти моего капитана его приятель, став богачом, стал также и игроком. Итак, приятель моего капитана (или господин де-Герши) соглашается. Судьба присуждает стаканчик противнику, который выигрывает, выигрывает, так что конца не видно. Игра разгорелась, играли уже на квит, квит на квит, на меньшую часть, на большую часть, на полный квит, на полный квит на квит, когда одному из присутствовавших вздумалось сказать господину де-Герши (или приятелю моего капитана), что ему следовало бы остановиться и прекратить игру, так как есть люди половчее его. Услыхав это замечание, которое было только шуткой, приятель капитана (или господин де-Герши) решил, что связался с мошенником; он внезапно полез в карман, вытащил преострый нож, и когда его противник положил руку на кости, чтоб вложить их в стакан, он воткнул ему нож в руку и, пригвоздив ее к столу, сказал: «Если кости плутовские, то вы — шулер; если они правильные, то я виноват...» Кости оказались правильными. Господин де-Герши заявил: «Очень сожалею и предлагаю любую сатисфакцию...» Но приятель моего капитана отнесся к делу иначе; он сказал: «Я потерял свои деньги; я пронзил руку порядочного человека; но в качестве компенсации я снова приобрел приятное право драться, сколько душе угодно...» Пригвожденный офицер удаляется и идет перевязывать рану. Выздоровев, он отыскивает пригвоздившего его офицера и требует у него удовлетворения; тот (или господин де-Герши) находит требование спра-

ведливым. Приятель моего капитана обнимает его за шею и говорит: «Я ждал вас с невыразимым нетерпением...» Они отправляются на место поединка. Пригвоздивший, то есть господин де-Герши (или приятель моего капитана), падает пронзенный насквозь шпагой противника; пригвожденный поднимает его, велит отнести домой и говорит: «Государь мой, мы еще увидимся...» Господин де-Герши не ответил; приятель же моего капитана сказал: «Государь мой, я на это рассчитываю». Они дрались во второй, в третий и до восьми или десяти раз, и пригвоздивший постоянно оставался на месте поединка. Оба они были выдающимися офицерами, оба — достойными людьми; их дуэль наделала много шума; вмешалось министерство. Одного удержали в Париже, другого приковали к его посту. Господин де-Герши подчинился требованиям двора; приятель моего капитана впал в отчаяние; такова разница между двумя храбрыми по характеру личностями, из которых одна разумна, а у другой не все винтики в порядке.

До этого момента приключения господина де-Герши и приятеля моего капитана одинаковы; и вот почему (заметьте, хозяин!) я упоминал и того и другого. Но тут я их разделю и буду говорить только о приятеле моего капитана, ибо остальное касается только его. Ах, сударь, вот где вы увидите, как мало мы распоряжаемся своей судьбой и какие странные вещи написаны в великом свитке!

Приятель моего капитана, или пригвоздивший, просит позволения съездить в родную провинцию; ему разрешают. Путь его лежит через Париж. Он занимает место в пассажирской карете. В три часа ночи этот экипаж проезжает мимо Оперы; публика выходит с бала. Три или четыре юных вертопраха в масках решают позавтракать вместе с путешественниками; на рассвете подкатывают к станции. Вматриваются друг в друга. Неописуемое удивление! Пригвожденный узнает пригвоздившего. Тот протягивает ему руку, обнимает его и рассыпается перед ним в комплиментах по поводу столь счастливой встречи;

точас же они заходят за сарай, хватаются за шпаги, один в рединготе, другой в домино; пригвоздивший, то есть приятель моего капитана, снова остается на поле битвы. Его противник посылает к нему на помощь, а сам садится за стол с приятелями и прочими путешественниками, весело пьет и закусывает. Одни уже собирались продолжать путь, другие вернуться в столицу на почтовых, не снимая масок, — когда трактирщица снова появилась и положила конец рассказу Жака.

Вот она, тут, и предупреждаю вас, читатель, что уже не в моих силах выслать ее. — «Почему?» — Потому что она предстала с двумя бутылками шампанского, по одной в каждой руке; а свыше предначертано, что всякий оратор, который обратится к Жаку с подобным вступлением, непременно заставит себя слушать.

Она входит, ставит обе бутылки на стол и говорит: — Ну-с, господин Жак, давайте мириться...

Хозяйка была уже не первой молодости, но женщина рослая и дородная, подвижная, приятной наружности, полная, с несколько крупным ртом, но красивыми зубами, широкими скулами, глазами навывкате, высоким лбом, прекраснейшей кожей, открытым лицом, живым и веселым, несколько крупными руками, но восхитительными пальцами, тонкими, что хоть рисуй их или лепи. Жак взял ее за талию и крепко поцеловал; его злопамятство никогда не могло устоять против бутылки доброго вина и пригожей женщины; так было предначертано свыше ему, вам, читатель, мне и многим другим.

— Сударь, — обратилась она к хозяину Жака, — разве вы нас не поддержите? Поверьте, отсюда хоть сто миль скажи, не найдешь лучшего винца на всей дороге.

С этими словами она сунула одну бутылку между коленями и вытащила пробку; при этом она с удивительной ловкостью зажала большим пальцем горлышко, не упустив ни одной капли вина.

— Скорей, скорей, ваш стакан! — кричит она Жаку. Жак подносит стакан; трактирщица, слегка отведя палец в сторону, выпускает из бутылки воздух и вот все лиш-

Жака покрыто пеной. Жак поддался на эту проказу; трактирщица смеется, Жак смеется, его хозяин смеется. Выпили по несколько стаканов один за другим, чтоб убедиться в качестве вина, после чего трактирщица сказала:

— Слава богу, все улеглись по кроватям; меня не будут прерывать, и я смогу продолжать свой рассказ.

Жак посмотрел на нее глазами, природный огонь которых разгорелся еще сильнее под влиянием шампанского, и сказал ей или своему господину:

— Наша хозяйка была хороша, как ангел; как вы думаете, сударь?

Х о з я и н

Была! Чорт подери, Жак, да она все еще хороша!

Ж а к

Вы правы, сударь; но я сравниваю ее не с другой женщиной, а с ней самой, когда она была молода.

Т р а к т и р щ и ц а

Теперь я не многого стою; а вот надо было на меня посмотреть, когда двух больших и двух указательных пальцев было достаточно, чтоб обхватить мою талию. За четыре мили сворачивали, чтоб здесь погостить. Но оставим в покое все разумные и неразумные головы, которые я вскружила, и вернемся к госпоже де-ла-Помере.

Ж а к

А не выпить ли нам сперва по стаканчику за неразумные головы, которые вы вскружили, или за мое здоровье?

Т р а к т и р щ и ц а

С большим удовольствием; были среди них такие, которые этого стоили, включая вашу или не включая. Знаете ли вы, что в течение десяти лет я помогала разным офицерам по-честному и по-благородному? Я выручила очень многих, которым без меня трудно было бы снарядиться в поход. Всё это были славные люди;

я не могу на них пожаловаться, да и они на меня. Никогда никаких расписок; правда, они иногда заставляли меня ждать подолгу; но через два, три, четыре года я получала назад свои денежки...

Тут она принимается за перечисление офицеров, оказавших ей честь черпать из ее кошелька, а именно: господин такой-то, полковник такого-то полка, господин такой-то, капитан такого-то полка, как вдруг у Жака вырывается крик:

— Капитан! мой бедный капитан! Так вы его знали!

Т р а к т и р щ и ц а

Знала ли я его? Высокий, хорошо сложенный человек, несколько сухопарый, лицо благородное и строгое, ноги упругие, две крошечных родинки на правом виске. Вы, значит, служили?

Ж а к

Служил ли я!

Т р а к т и р щ и ц а

Я еще больше люблю вас за это; от вашего прежнего ремесла у вас должны были сохраниться добрые задатки. Выпьем за здоровье вашего капитана.

Ж а к

Если только он жив.

Т р а к т и р щ и ц а

Мертв или жив, не все ли равно. Разве военный человек не создан на то, чтоб быть убитым? Ведь после десяти осад и шести сражений ему страстно хочется умереть на руках этих черных каналов... Но вернемся к нашей истории и выпьем еще по глотку.

Х о з я и н

Честное слово, хозяйка, вы правы.

Т р а к т и р щ и ц а

Очень рада, что вы так думаете.

Хозяин

Да, вино у вас превосходное.

Трактирщица

Ах, вот как! Вы говорите о моем вине. Ну что ж, и здесь вы тоже правы. Не припоминаете ли, на чем мы остановились?

Хозяин

Помню: на окончании вероломнейшего признания.

Трактирщица

Маркиз Дезарси и госпожа де-ла-Помере с восторгом обняли друг друга и расстались. Чем больше эта дама сдерживала себя в его присутствии, тем сильнее оказались ее страдания после его ухода. «Увы, это правда, — воскликнула она: — он меня больше не любит!..» Не стану вдаваться в подробности по поводу переживаемых нами безумств, когда нас покидают; вы слишком зазнаетесь. Я уже говорила вам, что эта женщина отличалась гордостью; но, кроме того, она была мстительна. Когда первые порывы бешенства улеглись, и она могла спокойно распоряжаться своим негодованием, ей пришлось на ум отомстить, но отомстить жестоко, так жестоко, чтобы испугать всех, кто в будущем вздумает соблазнить и обмануть честную женщину. И она отомстила, жестоко отомстила; ее месть осуществилась, но ничего не исправила; с той поры нас соблазняли и обманывали не менее гнусно.

Жак

Это касается других; но вас!..

Трактирщица

Увы, и меня в первую очередь! Ах, как мы глупы! Хотя бы эти гадкие мужчины выгадывали от перемен!.. Но оставим это. Как же она поступит? Она еще не знает; она обдумает; она думает.

Ж а к

Что, если, пока она думает...

Т р а к т и р щ и ц а

Правильно сказано. Обе наши бутылки пусты... (Жак! — «Что прикажете, сударыня?» — Принеси две бутылки из тех, что стоят в глубине за дровами. — «Слушаюсь».) И вот, подумавши, пришла госпожа де-ла-Помере к такой мысли. Она знавала некогда одну провинциалку, ради тяжбы приехавшую в Париж вместе со своей дочерью, молодой, прекрасной и хорошо воспитанной девицей. По дошедшим до маркизы слухам, эта женщина, разоренная потерей процесса, дошла до того, что открыла притон. У нее собирались, играли, ужинали, и обычно один или два гостя оставались и проводили ночь либо с матерью, либо с дочерью, по своему выбору. Маркиза приказала одному из своих людей разыскать этих особ. Их нашли, пригласили к госпоже де-ла-Помере, которую они едва помнили. Эти женщины, принявшие имя госпожи и мадемуазель д'Энон, не заставили себя ждать: на другой же день мать отправилась к маркизе. После первых учтивостей госпожа де-ла-Помере спросила у д'Энон, что она поддельвала и что поддельвает после потери тяжбы.

— Признаюсь вам откровенно, — возразила та, — что я занимаюсь опасным, гнусным, неприбыльным ремеслом, которое мне претит; но нужда крушит закон. Я уже было решилась поместить дочь в Оперу, но у нее только маленький камерный голос, и она всегда была посредственной танцовщицей. Во время и после тяжбы я водила ее к судейским, к вельможам, к прелатам, к откупщикам, которые брали ее на время, а затем бросали. Не то чтоб она не была хороша как ангел, не обладала изысканностью и грацией, но у нее нет никакой склонности к разврату, никакого таланта оживлять бессилье пресыщенных мужчин. Но больше всего повредило нам то, что моя дочь влюбилась в одного аббатишку из благородных, нечестивого, неверующего, распутного, лице-

мерного и вдобавок противника философии, которого я вам не стану называть; но это самый гнусный из всех тех, кто для достижения епископства избрал дорогу наиболее верную и притом меньше всего требующую таланта. Не знаю, что именно он внушал моей дочери, приходя каждое утро читать ей пасквили, конми выслуживал себе обед, ужин и скверное рагу. Будет ли он или не будет епископом? По счастью, они поссорились. Моя дочь спросила его как-то, знает ли он тех, против кого пишет, и он отвечал: нет; придерживается ли он других взглядов, чем те, над которыми смеется, и он отвечал: нет; тогда она поддалась горячности своего характера и заявила ему, что он играет самую злобную и фальшивую роль.

Госпожа де-ла-Помере осведомилась, пользуются ли они большой известностью.

— К сожалению, слишком большой.

— Насколько я вижу, вы не очень дорожите своим ремеслом?

— Совсем не дорожу, а моя дочь ежедневно говорит, что самое жалкое положение кажется ей предпочтительнее нашего; ее меланхолия окончательно удаляет от нее...

— А если бы мне вздумалось устроить вам обоим самую блестящую судьбу, вы бы согласились?

— Мы бы согласились и на гораздо меньшее.

— Но надобно сперва знать, обещаете ли вы строго слушаться тех советов, которые я вам дам.

— Какие бы они ни были, вы можете на это рассчитывать.

— И вы подчинитесь моим указаниям по первому требованию?

— Мы будем ждать их с нетерпением.

— Этого с меня достаточно; возвращайтесь домой; вы не замедлите их получить. Пока что отделайтесь от своей обстановки, продайте все, не оставляйте себе даже платьев, если они яркие; это противоречило бы моим видам...

Жак, который начал заинтересовываться, сказал хозяйке:

— Не выпить ли нам за здоровье госпожи де-ла-По-мере?

Трактирщица

Охотно.

Жак

А также госпожи д'Энон.

Трактирщица

Идет.

Жак

Вы не откажетесь также выпить и за мадемуазель д'Энон, у которой приятный камерный голос, мало способностей к танцам и меланхолия, побуждающая ее к печальной необходимости принимать каждый вечер нового любовника.

Трактирщица

Не смейтесь. Нет ничего хуже. Если б вы знали, какая это пытка, когда не любишь...

Жак

За мадемуазель д'Энон по случаю пытки!

Трактирщица

Выпьем.

Жак

Хозяйка, любите ли вы вашего мужа?

Трактирщица

Нет.

Жак

В таком случае вы достойны сожаления, так как, насколько мне кажется, он пользуется прекрасным здоровьем.

Трактирщица

Не все то золото, что блестит.

Жак

За прекрасное здоровье нашего трактирщика!

Трактирщица

Пейте один.

Хозяин

Жак! Жак, друг мой, ты слишком усердствуешь.

Трактирщица

Не беспокойтесь, сударь, это честное вино; завтра и следа не останется.

Жак

Ну, раз завтра не останется следа, а сегодня вечером мне наплевать на свой рассудок, то разрешите, сударь, разрешите, прекрасная хозяйка, еще один тост, который близок моему сердцу, — тост в честь аббата мадемуазель д'Энон.

Трактирщица

Фи, господин Жак! Ведь это же лицемер, честолюбец, невежда, клеветник, истерпимый человек; так, кажется, называют тех, кто охотно удавил бы инакомыслящих.

Хозяин

Вам неизвестно, любезная хозяйка, что этот самый Жак — своего рода философ и что он очень интересуется мелкими глупцами, позорящими самих себя и то дело, которое они так плохо защищают. Жак говорит, что его капитан называл их противоядием от всяких Юэ, Николей, Боссюэ²⁷. Он ничего в этом не понимал, да и вы тоже... Ваш муж уже лег?

Трактирщица

Давным-давно.

Хозяин

И он позволяет вам беседовать таким образом?

Трактирщица

Наши мужья уже закалены... Госпожа де-ла-Помере садится в карету, разъезжает по предместьям, наиболее отдаленным от околотка д'Энон, снимает маленькую квартиру в приличном доме, поблизости от приходской церкви, меблирует ее со всей возможной поспешностью, приглашает д'Энон с дочерью к обеду и водворяет их там в тот же день или несколько дней спустя, оставив им предписание относительно поведения, которого они должны были держаться.

Жак

Хозяйка, мы забыли выпить за здоровье госпожи де-ла-Помере и маркиза Дезарси; это непристойно.

Трактирщица

Пейте, пейте, господин Жак, погреб еще не опустел... Вот ее предписание, или по крайней мере то, что я из него запомнила:

«Вы не будете посещать публичных гуляний, дабы вас не узнали.

Вы не будете никого принимать, ни даже соседей и соседок, дабы казалось, что вы живете в полном уединении.

Вы с завтрашнего дня прикинетесь ханжами, дабы вас почитали за таковых.

Вы обзаведетесь одними только благочестивыми книгами, дабы ничто в вашем окружении не могло вас выдать.

Вы не пропустите ни одного богослужения в вашем приходе, как в праздники, так и в будни.

Вы добьетесь доступа в приемную какой-нибудь обители; болтовня затворниц может принести нам пользу.

Вы сведете близкое знакомство с викарием и священниками вашего прихода, так как мне могут понадобиться их свидетельские показания.

Вы никого из них, как правило, принимать не будете.

Вы потрудитесь исповедаться и причащаться по меньшей мере два раза в месяц.

Вы примете свое родовое имя, так как оно звучит благородно и так как рано или поздно о вас наведут справки в вашей провинции.

Вы изредка будете раздавать мелкие пожертвования, но сами ни под каким предлогом ничего не примете. Надо, чтоб вас считали ни богатыми, ни бедными.

Вы будете прясть, вязать, вышивать и передадите свою работу для продажи дамам-патронессам.

Вы будете соблюдать величайшую умеренность: две крошечных порции из харчевни — и это все.

Ваша дочь не выйдет без вас, ни вы без нее. Вы не пренебрежете никаким средством, чтоб, без особых усилий, служить для других назидательным примером.

Особливо, повторяю вам, вы не должны пускать к себе ни священников, ни монахов, ни святош.

По улицам вы будете ходить с опущенными глазами; в церкви для вас не будет существовать никого, кроме бога.

Согласна с тем, что это суровый образ жизни, но он продлится недолго, и я обещаю вам крупнейшую награду. Подумайте, посоветуйтесь; если эти стеснительные условия превышают ваши силы, то скажите мне откровенно: я не обижусь и не удивлюсь. Я забыла вам также напомнить, чтоб вы приучили себя к мистическому пустословию и освоились с историей Ветхого и Нового завета, дабы вас принимали за давнишних святош. Притворитесь яansenистками или молинистками, по вашему усмотрению; но лучше всего придерживаться взглядов вашего священника. Не забудьте при всяком случае ополчаться ни к селу ни к городу против философов; кричите, что Вольтер антихрист; заучите наизусть произведение вашего аббата и цитируйте его, если понадобится...»

К этому госпожа де-ла-Помере присовокупила:

— Я не буду вас навещать, ибо недостойна общаться со столь святыми особами; пусть, однако, это

вас не тревожит: вы иногда будете тайно сюда приходить, и мы в тесном кругу вознаградим себя за ваш покаянный режим. Но, играя в благочестие, берегитесь действительно впасть в него. Что касается расходов на ваше маленькое хозяйство, то я беру их на себя. Если моя затея удастся, вы не будете нуждаться во мне; если она провалится не по вашей вине, то я достаточно богата, чтоб обеспечить вам приличную или более приятную участь, чем та, которой вы ради меня пожертвовали. Но главное — это повиновение, повиновение моей воле, абсолютное, неограниченное, без которого я ни за что не ручаюсь в настоящем и ни к чему не обязываюсь на будущее.

Хозяин (щелкая по своей табакерке и глядя на часы)

Дьявольская баба! Упаси меня господь повстречаться с такой!

Трактирщица

Терпение, терпение! Вы ее еще не знаете.

Жак

А в ожидании этого, прекрасная хозяйшка, не перекинуться ли нам словечком с бутылкой?

Трактирщица

Господни Жак, мое шампанское придаст мне красоту в ваших глазах.

Хозяин

Мне уже давно хочется задать вам один, быть может, нескромный, вопрос, и я больше не могу удержаться.

Трактирщица

Задайте.

Хозяин

По-моему, вы родились не в харчевне.

Трактирщица

Да, это так.

Хозяин

Вы принадлежали к более высокому званию и попали сюда в силу необычайных обстоятельств.

Трактирщица

Не отрекаюсь.

Хозяин

Но прервать ли нам на минутку историю госпожи де-ла-Помере?..

Трактирщица

Невозможно. Я охотно рассказываю чужие приключения, но не свои. Скажу вам только, что я воспитывалась в Сен-Сире, где мало читала Евангелие и много читала романы. От королевского аббатства до харчевни — большой путь.

Хозяин

Я удовлетворен; будем считать, что я у вас ничего не спросил.

Трактирщица

В то время, как обе наши ханжи служили назидательным примером и добрая слава о благочестии их и святости распространилась по округе, госпожа де-ла-Помере внешне выказывала маркизу уважение, дружбу и полное доверие. Он неизменно встречал радушный прием, его не бранили, на него не дулись даже после долгих отсуствий; он посвящал ее в свои любовные похождения, и она притворялась, будто ее это искренно забавляет. Она давала ему советы в случаях, чреватых затруднениями, и изредка заговаривала о браке, но таким безразличным тоном, что нельзя было заподозрить с ее стороны никаких личных мотивов. Когда маркиз иногда обращался к ней с теми нежными и галантными речами, которых нельзя избежать по отношению к бывшей возлюбленной, она либо улыбалась, либо не обращала на

них внимания. Если ее послушать, то сердце ее безмолвствовало: она-де сама не подозревала, что для ее счастья достаточно было такого друга, как он, а кроме того, годы якобы брали свое и темперамент ее притупился.

— Как! вам нечего мне поверить?

— Нет.

— А молодой граф, дорогая моя, который так настойчиво ухаживал за вами в эпоху моего владычества?

— Я перестала его принимать, и мы больше не видимся.

— Необычайные причуды! За что вы его отстранили?

— Он мне больше не нравится.

— Ах, сударыня, я, кажется, угадал: вы меня все еще любите.

— Возможно.

— Вы надеетесь, что я вернусь.

— Почему бы нет?

— И хотите обеспечить за собой безупречное поведение.

— Пожалуй.

— И если бы, по счастью или по несчастью, я снова оказался у ваших ног, вы вменили бы себе в заслугу молчание о моих провинностях.

— Вы прекрасного мнения о моей деликатности и моем великодушии.

— После такого поступка я считаю вас способной на любое проявление героизма.

— Я непрочь, чтоб вы так думали.

— Честное слово, вы для меня опаснейшая жепщина: я в этом уверен.

Ж а к

И я тоже.

Т р а к т и р щ и ц а

Это положение длилось примерно месяца три, когда госпожа де-ла-Помере решила, что наступило время нажать главную пружину. В один прекрасный летний день, когда маркиз должен был у нее обедать, она приказала

передать д'Энон и ее дочери, чтоб они отправились в Королевский сад. Маркиз явился, обед был ранний; покушали, и покушали весело. Затем госпожа де-ла-Помере предложила маркизу прогулку, если только он не имел в виду ничего более приятного. В тот день не было ни оперы, ни комедии; маркиз сам упомянул об этом, и судьбе было угодно, чтоб он же, желая заменить веселое зрелище полезным, пригласил маркизу посетить Королевскую кунсткамеру. Приглашение это, как вы легко можете себе представить, не встретило отказа. И вот заложили лошадей; едут; приехали в Королевский сад и смешались с толпой, разглядывая все и не видя ничего, как и все прочие.

Читатель, я забыл описать вам мизансцену, в которой действуют указанные здесь персонажи: Жак, хозяин и трактирщица; ввиду этого упущения вы слышали, что они говорят, но вы их не видели; однако лучше поздно, чем никогда. Хозяин — налево, в ночном колпаке и в халате, небрежно развалился в большом ковровом кресле, положив платок на локотник и держа табакерку в руке. Трактирщица — в глубине, против дверей, у стола, на котором стоит ее стакан. Жак, без шляпы, оперся локтем о стол и склонил голову между двумя бутылками; две другие — на полу, рядом с ним.

Выйдя из кунсткамеры, маркиз и его приятельница отправились гулять по саду. Не успели они свернуть в первую аллею направо от входа, поблизости от ботанической школы, как госпожа де-ла-Помере воскликнула с удивлением:

— Это они! Я не ошиблась: это действительно они.

Тотчас же покидает она маркиза и направляется навстречу к двум нашим ханжам. Младшая д'Энон была очаровательна в своем простеньком наряде, который, не бросаясь в глаза, тем не менее приковывал к себе внимание.

— Ах, это вы, сударыня?

— Да, я.

— Как вы поживаете? Я не видала вас целую вечность.

— Вы знаете о постигших нас несчастиях: пришлось покориться участи и жить по нашим скромным средствам; нельзя бывать в свете, когда не можешь поддерживать свой ранг с достоинством.

— Но покинуть меня, меня, которая удалилась от света и со свойственной мне рассудительностью всегда считала его скучным!

— Недоверие — одно из печальных свойств нищеты: бедняки боятся быть назойливыми.

— Назойливыми, по отношению ко мне! Такое подозрение равносильно обиде.

— Сударыня, я в этом неповинна; много раз напоминала я о вас матушке, но она говорила: «Госпожа де-ла-Помере... Нет, дочь моя, никто о нас не думает».

— Какая несправедливость! Присядем, побеседуем. Вот маркиз Дезарси: это мой друг, и его присутствие нас не стеснит. Как ваша барышня выросла; как она похорошела, с тех пор как мы не видались!

— Наше положение обладает тем преимуществом, что ограждает нас от многого вредного для здоровья; взгляните на ее лицо, на ее руки; вот что значит умеренная и правильная жизнь, нормальный сон, работа, чистая совесть; а это немало...

Присели; завели дружескую беседу. Мать говорила хорошо; дочь говорила мало. И та и другая выдерживали благочестивый тон, но без натяжки и жеманничанья. Они собрались удалиться задолго до наступления сумерек. Им заявили, что время раннее; но мать шепнула довольно громко на ухо госпоже де-ла-Помере, что им предстоит еще служба в церкви и что они ни в коем случае не могут дольше остаться. Они уже отошли на некоторое расстояние, когда госпожа де-ла-Помере упрекнула себя за то, что не спросила их, где они живут, и не сказала им, где живет сама.

— Такой оплошности, — добавила она, — я бы в прежнее время не сделала.

Маркиз побежал ее исправить; они заметили себе адрес госпожи де-ла-Помере, но, несмотря на все настояния маркиза, не пожелали сообщить своего. Он не посмел предложить им свою карету, но признался госпоже де-ла-Помере, что испытал такое искушение.

Маркиз не преминул спросить у своей приятельницы, кто были ее знакомые.

— Это два существа — более счастливые, чем мы с вами. Посмотрите, каким здоровьем они пользуются, какая безмятежность написана на их лицах! Какой благопристойностью дышат их речи! В наших кругах не видно ничего похожего. Мы относимся с сожалением к набожным людям; набожные люди относятся с сожалением к нам, и в конечном счете я склонна думать, что они правы.

— Неужели, маркиза, вы собираетесь стать набожной?

— А почему бы нет?

— Берегитесь, мне не хотелось бы, чтоб наш разрыв, если вообще можно говорить о разрыве, завел вас так далеко.

— А вы предпочли бы, чтоб я снова пустила к себе молодого графа?

— Предпочел бы.

— И вы мне это советуете?

— Без колебаний.

Госпожа де-ла-Помере рассказала маркизу с величайшей сердечностью и патетичностью все, что знала о семье, родине, прежнем состоянии и процессе обеих святош; затем она добавила:

— Эти женщины отличаются исключительными достоинствами, в особенности дочь. Не трудно догадаться, что с ее красотой легко обеспечить себя, если захочешь; но они предпочли честное убожество позорному достатку; их средства так ограничены, что я, право, не знаю, чем они существуют. Они работают и день и ночь. Переносить бедность, в которой родился, умеют многие, но перейти от большого богатства к нищенскому существо-

ванню, довольствоваться им, находить в нем радость, — вот чего я не понимаю. Это последствия веры. Что бы ни говорили наши философы, а вера — прекрасная вещь.

— В особенности для несчастных.

— А кто же в той или иной мере не несчастен?

— Готов ручаться, что вы станете святошей.

— Велика беда! Наша жизнь такая малость по сравнению с вечностью.

— Да вы уже говорите, как миссионер.

— Я говорю, как убежденная женщина. Ответьте, маркиз, положив руку на сердце, разве все наши богатства не казались бы нам жалким хламом, если бы мы больше думали о будущих благах и больше бы опасались кар грядущего мира? Было бы чистейшим безумием соблазнить молодую девушку или женщину, любящую мужа, и сознавать при этом, что можешь умереть в ее объятиях и неожиданно подвергнуться вечным мукам.

— Тем не менее ежедневно кого-нибудь соблазняют.

— Оттого, что нет веры; оттого, что люди стараются забыться.

— Дело в том, что наши религиозные воззрения очень мало влияют на наши нравы. Но уверяю вас, дорогая моя, вы полным ходом направляетесь к исповедальне.

— Это лучшее, что я могла бы предпринять.

— Какое безумие! Вам остается грешить с приятностью еще добрых двадцать лет; не упускайте этого; затем вы раскаетесь и, если захотите, похвастаетесь этим, упав к ногам священника... Но вот поистине невеселый разговор; вы носитесь с мрачными фантазиями; это последствия ужасного одиночества, на которое вы себя обрекли. Поверьте, призовите молодого графа; вам не будут мерещиться ни ад, ни дьявол, и вы останетесь такой же очаровательной, как были раньше. Вы опасаетесь, что я попрекну вас этим, если мы снова сойдемся, и на основании более или менее обоснованного предположения лишаете себя сладчайшего из удовольствий; право, честь оказаться безупречнее меня не стоит такой жертвы.

-- Конечно; но не это меня удерживает...

Они говорили еще о многом, но я всего не припомню.

Ж а к

Хозяйка, выпьем по стакачку: это освежает память.

Т р а к т и р щ и ц а

Выпьем... Пройдись несколько раз по аллеям, госпожа де-ла-Помере и маркиз сели в карету. Она сказала:

-- Как это меня старит! Ведь когда мы жили в Париже, она еще под стол пешком ходила.

— Вы говорите о дочери той дамы, которую вы встретили на прогулке?

— Да. Это как в саду, где свежие розы смеяются увядшие. Вы присмотрелись к ней?

— Не преминул.

— Как вы ее находите?

— Это голова мадонны Рафаэля на теле его же Галатеи; а кроме того, какой сладостный голос!

— Какая скромность во взгляде!

— Какие прекрасные манеры!

— Таких нравственных речей я не слышал ни от одной девушки. Вот что значит воспитание!

— Или хорошие задатки.

Маркиз довез госпожу де-ла-Помере, которая поспешила сообщить нашим святошам, что они прекрасно исполнили свою роль и что она ими чрезвычайно довольна.

Ж а к

Если они будут продолжать, как начали, то господину маркизу не отвертеться, будь он хоть самым чортом.

Х о з я и н

Я хотел бы знать их намерения.

Ж а к

А я не хотел бы: это испортило бы все дело.

Трактирщица

С того дня маркиз стал чаще навещать госпожу де-ла-Помере, которая заметила это, но не подала виду. Она никогда первая не заговаривала об обеих святошах, а дожидалась, пока он коснется этого предмета, что он и делал с плохо скрываемым от нетерпения равнодушием.

Маркиз

Виделись ли вы с вашими друзьями?

Госпожа де-ла-Помере

Нет.

Маркиз

Знаете, это не особенно великодушно. Вы богаты; они находятся в нужде, а вы даже не приглашаете их изредка откусать с вами.

Госпожа де-ла-Помере

Я полагала, что господин маркиз знает меня несколько лучше. Любовь некогда приписывала мне достоинства; ныне дружба приписывает мне недостатки. Я приглашала их десять раз и ничего не добилась. Они отказываются приехать ко мне по каким-то странным соображениям, а когда я их навещаю, то мне приходится оставлять карету на углу и являться к ним не иначе как в простом платье, без румян и алмазов. Не надо слишком удивляться их осторожности: достаточно одного ложного слуха, чтоб восстановить против них некоторых благотворителей и лишить их поддержки. Повидимому, маркиз, делать добро стоит больших усилий.

Маркиз

В особенности ханжам.

Госпожа де-ла-Помере

Поскольку они пользуются малейшим предложением, чтоб от этого освободиться. Если б узнали, что я принимаю

з них участие, то сказали бы: «Госпожа де-ла-Помере им покровительствует... они ни в чем не нуждаются...» И всем благодеяниям конец.

Маркиз

Благодеяниям!

Госпожа де-ла-Помере

Да, сударь, благодеяниям.

Маркиз

Вы с ними знакомы, а они дошли до благодеяний?

Госпожа де-ла-Помере

Еще раз, маркиз, я вижу, что вы меня не любите и что часть вашего уважения растаяла вместе со страстью. Кто вам сказал, что если эти женщины дошли до приходских благодеяний, то это по моей вине?

Маркиз

Прошу тысячу извинений, сударыня, я неправ. Но по какой причине отказываются они от доброжелательства приятельницы?

Госпожа де-ла-Помере

Ах, маркиз, мы, светские люди, весьма далеки от щепетильных деликатностей, свойственных робким душам. Они не от всякого согласны принять помощь.

Маркиз

Тем самым они лишают нас лучшего способа искупить безумства нашей рассеянной жизни.

Госпожа де-ла-Помере

Нисколько. Предположим, что господин маркиз Дезарси умилен их несчастьем, почему бы ему не передать им своего дара через более достойные руки.

Маркиз

И менее верные.

Госпожа де-ла-Помере

Бывает.

Маркиз

А как вы думаете, если я пошлю им двадцать луидоров, они откажутся?

Госпожа де-ла-Помере

Уверена. Неужели этот отказ покажется вам неуместным со стороны матерн, у которой прелестная дочь?

Маркиз

А знаете ли вы, что у меня было искушение их навестить?

Госпожа де-ла-Помере

Охотно верю. Маркиз, маркиз, берегитесь! Вот порыв великодушия, который и очень внезапен, и очень подозрителен.

Маркиз

Пусть так, но как по-вашему: они приняли бы меня?

Госпожа де-ла-Помере

Конечно, нет. Одной роскоши вашего выезда, вашей одежды, ваших лакеев было бы достаточно, чтобы при чарах этой молодой особы вызвать сплетни соседей и соседок и погубить их.

Маркиз

Вы меня огорчаете, так как это, конечно, не входит в мои намерения. Значит, мне нельзя будет ни помочь им, ни видеть их?

Госпожа де-ла-Помере

Полагаю, что так.

«Жак Фаталист»
С гравюры и рисунка Ходовецкого
(фронτισмис немецкого изд. 1792 года)

Маркиз

Но не могли бы я передать им вспомоществование через вас?

Госпожа де-ла-Помере

Я не считаю ваши побуждения достаточно целомудренными, чтоб принять такое поручение.

Маркиз

Это жестоко!

Госпожа де-ла-Помере

Да, жестоко; вы правильно выразились.

Маркиз

Какое предположение! Маркиза, вы надо мной смеетесь. Молодая девушка, которую я видел всего лишь раз...

Госпожа де-ла-Помере

Но она из числа тех немногих, которых не забываешь, если увидишь.

Маркиз

Правда, такие лица не забываются.

Госпожа де-ла-Помере

Берегитесь, маркиз: вы готовите себе огорчения, и я предпочитаю уберечь вас от них, чем утешать впоследствии. Не равняйте ее с теми, кого вы знали: она на них не похожа; таких не ослепишь, к ним не приступишься, они вас слушать не будут, и с ними ничего не поделаешь.

После этой беседы маркиз внезапно вспомнил о неотложном деле; он поспешно встал и удалился в задумчивости.

В течение довольно продолжительного времени маркиз не пропускал ни одного дня, чтоб не навестить госпожи де-ла-Помере; но он приходил, усаживался, хранил мол-

чание; госпожа де-ла-Помере говорила одна; по прошествии четверти часа он вставал и удалялся.

Затем он сделал месячный перерыв, после которого снова явился, но грустный, меланхолический, расстроенный. Увидав его, маркиза сказала:

— Какой у вас вид! Откуда вы? Можно подумать, что вы провели это время в уединенном домике.

Маркиз

Примерно так. С отчаяния я окунулся в ужасающий разврат.

Госпожа де-ла-Помере

Как! с отчаяния?

Маркиз

Да, с отчаяния...

Вслед за тем он молча принялся разгуливать взад и вперед; он подходил к окнам, глядел на небо, оставался перед госпожой де-ла-Помере; приближался к дверям, звал своих людей, которым ему нечего было сказать; отсылал их назад, возвращался в комнату, к тому месту, где работала госпожа де-ла-Помере, не обращавшая на него внимания, пытался заговаривать, не решался. Наконец госпожа де-ла-Помере сжалась над ним и сказала:

— Что с вами? Вы пропадаете на целый месяц, возвращаетесь с лицом покойника и бродите, как проклятая душа.

Маркиз

Я больше не в силах сдерживаться и должен вам все сказать. Дочь вашей подруги произвела на меня глубокое впечатление; я предпринял все, решительно все, чтоб ее забыть; но чем больше я старался, тем чаще ее вспоминал. Образ этого ангельского существа неотступно преследует меня; окажите мне важную услугу.

Госпожа де-ла-Помере

Какую?

Маркиз

Мне необходимо снова свидеться с нею, и ваше содействие крайне бы меня обязало. Я пустил в ход своих слуг. Эти дамы только ходят из дому в церковь и из церкви домой. Десять раз я становился на их пути; они меня даже не заметили; я тщетно дежурил около их дверей. Благодаря им я стал сперва развратен, как обезьяна сапажу, затем благочестив, как ангел: за две недели я не пропустил ни одной обедни. Ах, друг мой, какое лицо! как она прекрасна!..

Госпоже де-ла-Помере все это было известно.

— Иначе говоря, — ответила она маркизу, — после того как вы сделали все, чтоб исцелиться, вы не упустили ничего, чтоб натворить безумств, и в этом вы преуспели.

Маркиз

Да, преуспел, и в такой мере, что не смогу вам описать. Неужели вы не сжалитесь надо мной и откажете мне в счастья ее повидать?

Госпожа де-ла-Помере

Дело трудное, но я им займусь, однако при одном условии: вы оставите этих несчастных в покое и перестанете им докучать. Не скрою от вас, они с горечью пожаловались мне на ваши преследования, и вот их письмо...

Письмо, показанное маркизу, было составлено ими сообща. Дочь якобы написала его по приказу матери: оно было насыщено достоинством, кротостью, умилительно-стью, изяществом и умом, словом — всем, что могло вскружить голову маркизу. А потому он каждое слово сопровождал восклицанием, каждую фразу перечитывал и плакал от радости; он говорил госпоже де-ла-Помере:

— Согласитесь, сударыня, что лучше написать нельзя...

Госпожа де-ла-Помере

Пожалуй.

Маркиз

...и что от каждой строчки проникаешься восхищением и почтением к женщинам такого склада.

Госпожа де-ла-Помере

Так оно и должно быть.

Маркиз

Я готов дать слово, но и вы не отступитесь от своего.

Госпожа де-ла-Помере

Право, маркиз, я не благодарнее вас. Должно быть, вы сохранили надо мной ужасную власть; это меня пугает.

Маркиз

Когда я увижу ее?

Госпожа де-ла-Помере

Не знаю. Прежде всего надо найти способ устроить это так, чтоб не возбудить подозрений. Они не могут заблуждаться насчет ваших намерений; подумайте только, какого мнения будут они о моих предложениях, если заподозрят, что я с вами заодно!.. Но между нами говоря, маркиз, к чему мне все эти хлопоты? Какое мне дело до того, любите вы или нет, безумствуете ли?.. Распутывайте сами этот клубок. Роль, которую вы хотите мне навязать, носит какой-то странный характер.

Маркиз

Друг мой, если вы меня покинете, я погиб. Не буду говорить о себе, ибо это вас обидит; но заклиная вас теми увлекательными и достойными существами, которые вам так дороги; вы знаете меня; уберегите их от всех тех безумств, на которые я способен. Я пойду к ним; да, я пойду, предупреждаю вас; я высажу дверь, ворвусь против их воли, усядусь, не знаю, что скажу, что сделаю; ибо нет ничего такого, чего бы вы не могли

опасаться от того бешеного состояния, в котором я нахожусь...

— Заметьте, господа, — добавила хозяйка, — что с первого до последнего момента этой истории маркиз Де-Варси не сказал ни одного слова, которое не было бы ножом в сердце госпожи де-ла-Помере. Она задыхалась от негодования и гнева; а потому ответила маркизу дрожащим и прерывающимся голосом:

— Да, вы правы. Если б я была любима так, как она, то, быть может... Но оставим это... Не ради вас я буду хлопотать; однако надеюсь, маркиз, что вы предоставите мне достаточно времени.

Маркиз

Как можно меньше, как можно меньше.

Жак

Ах, хозяйюшка, какая чертовская женщина! Хуже самого ада! Я просто дрожу: необходимо выпить глоток, чтоб оправиться... Неужели вы хотите, чтоб я пил один?

Трактирщица

Я ничуть не напугана... Госпожа де-ла-Помере промолвила про себя: «Я страдаю, но страдаю не одна. Жестокий человек! Не знаю, как долго продлятся мои терзания, но твои я постараюсь сделать вечными...». Она промучила маркиза целый месяц в ожидании обещанной встречи, иначе говоря — предоставила ему изнывать и опьяняться, и под предлогом смягчения тяжести столь долгой отсрочки позволила ему говорить ей о своей страсти.

Хозяин

И говоря о ней, разжигать ее.

Жак

Какая женщина! какая чертовская женщина! Хозяйка, мой страх удвоился.

Трактирщица

Итак, маркиз ежедневно приходил беседовать с госпожой де-ла-Помере, которая ухитрилась лукавейшими речами довести его до белого каления, ожесточить и окончательно погубить. Он справлялся о родине, о происхождении, о воспитании, о достатках и несчастьях этих женщин, постоянно возвращался к этому предмету, все считал, что он еще недостаточно обо всем осведомлен, и не переставал умиляться. Маркиза указывала ему на рост его страсти и, под предлогом внушить ужас, подготавливала его к последствиям.

— Маркиз, — говорила она ему, — берегитесь: как бы это не завело вас слишком далеко; в один прекрасный день может случиться, что моя дружба, которой вы так странно злоупотребляете, не оправдает меня ни в моих, ни в ваших глазах. Конечно, ежедневно совершаются еще большие безумства, но я боюсь, маркиз, что вы получите эту девушку только на условиях, которые до сих пор не были в вашем вкусе.

Когда госпожа де-ла-Помере сочла маркиза достаточно подготовленным для осуществления задуманного предприятия, она сговорила с обеими женщинами, что они придут к ней обедать; маркиз же должен был их обмануть и застать врасплох, явившись одетый так, как это принято в деревне. Все это было приведено в исполнение.

Не успели подать второе блюдо, как доложили о маркизе. И он, и госпожа де-ла-Помере, и обе д'Энон мастерски разыграли смущение.

— Сударыня, — сказал маркиз госпоже де-ла-Помере, — я приехал из имения; уже слишком поздно, чтобы возвращаться домой, где меня не ждут сегодня вечером, и я льщу себя надеждой, что вы не откажетесь накормить меня обедом...

С этими словами он взял кресло и присел к столу. Прибор поставили так, что маркиз оказался рядом с матерью и напротив дочери. Он глазами поблагодарил гос-

пожу де-ла-Помере за этот знак внимания. После первой минуты замешательства наши ханжи оправились. Завязался разговор, стало даже весело. Маркиз оказывал глубочайшее внимание матери и проявлял сдержанную вежливость по отношению к дочери. Старания маркиза не сказать ничего лишнего и не позволить себе ничего такого, что могло бы отпугнуть гостей, доставляло всем трем женщинам тайное, но весьма забавное развлечение. Они оказались настолько бесчеловечными, что заставили маркиза битых три часа говорить о благочестии, и госпожа де-ла-Помере сказала ему:

— Такие речи служат лучшей похвалой вашим родителям; первые уроки никогда не изглаживаются из памяти. Вы отлично усвоили все тонкости божественной любви: можно подумать, что вы питались одним только Франциском Сальским. Не были ли вы часом квиетистом?

— Не могу припомнить...

Излишне говорить, что наши ханжи вложили в разговор весь запас грации, ума, обольщения и хитрости, каким обладали. Коснулись мимоходом и вопроса о страстях, причем мадемуазель Дюкенуа (таково было ее настоящее имя) высказала мысль, что есть только одна опасная страсть. Маркиз ее поддержал. Между шестью и семью обе женщины удалились, причем удержать их не было никакой возможности; госпожа де-ла-Помере и госпожа Дюкенуа сошлись на том, что необходимо строго блюсти религиозные обязанности, дабы умять сладость каждого дня раскаянием. И вот они уехали, к великому огорчению маркиза, и маркиз остался один-на-один с госпожой де-ла-Помере.

Госпожа де-ла-Помере

Итак, маркиз, разве я не бесконечно добра? Найдите-ка в Париже такую женщину, которая согласилась бы сделать что-либо подобное!

Маркиз *(падая перед ней на колени)*

Признаю; нет ни одной, которая бы походила на вас. Ваша доброта приводит меня в смущение: вы единственная истинная подруга, какая существует на свете.

Госпожа де-ла-Помере

Уверены ли вы, что всегда будете одинаково чувствовать цену моей любезности?

Маркиз

Я был бы чудовищем неблагодарности, если б отступился от этого.

Госпожа де-ла-Помере

Перейдем на другую тему. Каково состояние вашего сердца?

Маркиз

Не скрою от вас: эта девушка должна быть моей, или я погибну.

Госпожа де-ла-Помере

Она безусловно будет вашей, но вопрос, в качестве кого.

Маркиз

Посмотрим.

Госпожа де-ла-Помере

Маркиз, маркиз, я знаю вас, я знаю их; смотреть больше нечего.

Около двух месяцев маркиз не показывался у госпожи де-ла-Помере, и вот что он предпринял за это время. Он познакомился с духовником матери и дочери. Тот был другом миленького аббата, о котором я вам говорила. Духовник этот, используя сперва все лицемерные отговорки, к концу обычно прибегают в нечистых делах,

и продав возможно дороже святость своего сана, согласился на все желания маркиза.

Каверзы свои этот божий человек начал с того, что отвратил от подопечных госпожи де-ла-Помере расположение приходского священника и убедил его лишить их пособия, выдаваемого общиной, так как они нуждались меньше других. Он рассчитывал, что лишения заставят их подчиниться его намерениям.

Затем он постарался на исповеди посеять рознь между матерью и дочерью. Выслушивая жалобы матери на дочь, он преувеличивал вины одной и разжигал недовольство другой. Если дочь жаловалась на мать, он намекал на то, что власть родителей над детьми ограничена и что, если преследования матери перейдут известные границы, можно будет избавить дочь от ее тиранни. В качестве наказания он приказывал ей вернуться на исповедь.

В другой раз он мимоходом коснулся ее чар, которые, по его словам, были одним из опаснейших даров господ: они даже произвели сильное впечатление на одного достойного человека, которого он не назвал, но имя которого было нетрудно угадать. Затем он перешел на беспредельность небесного милосердия и на снисхождение к грехам, вызываемым особыми обстоятельствами, на слабости человеческой природы, которым всякий находит в себе оправдание, на силу и обычность некоторых наклонностей, от которых не свободны даже самые святые люди. Он спросил ее также, не испытывает ли она желаний, не бывает ли у нее страстных снов, не смущает ли ее присутствие мужчин. Он ставил вопрос, должна ли женщина уступить или противиться желаниям мужчины и тем самым погубить и осудить на вечные муки существо, за которое была пролита кровь Христова, причем сам он не брался решить эту проблему. Затем он выпускал тяжелые вздохи, воздевал глаза к небу, молился за заблудшие души... Девушка не мешала ему ораторствовать. Мать и госпожа де-ла-Помере, которым она подробно передавала речи своего духовного отца, внушали ей признания, клонившиеся к тому, чтоб его подстрекать.

Ж а к

Ваша де-ла-Помере — презлобная женщина!

Х о з я и н

Жак, не торопись осуждать. Кто причина ее злобы? Маркиз Дезарси. Сделай его таким, каким он клялся и должен был быть, — и ты не найдешь, в чем упрекнуть госпожу де-ла-Помере. Когда мы пустимся в путь, ты возьмешь на себя ее обвинение, а я — защиту. Что касается этого презренного священника-соблазнителя, то поступай с ним, как хочешь.

Ж а к

Священник — такой дурной человек, что после этого случая я, пожалуй, больше не пойду на исповедь. А вы, хозяйка?

Т р а к т и р щ и ц а

Я не перестану навещать своего старика-священника: он не любопытен и не спрашивает больше того, что ему говорят.

Ж а к

Не выпить ли нам за здоровье вашего священника?

Т р а к т и р щ и ц а

На этот раз я вас поддержу, так как он человек хороший: по воскресеньям и праздничным дням он разрешает девкам и парням плясать, а мужикам и бабам приходить ко мне в харчевню, лишь бы только они не выходили оттуда пьяными. За здоровье моего священника!

Ж а к

За его здоровье!

Т р а к т и р щ и ц а

Наши дамы не сомневались, что божий человек сделает попытку вручить письмо своей прихожанке; он так и поступил, но с какими предосторожностями! Он не

знал, от кого оно; он не сомневался, что послал его какой-нибудь благотворитель и милостивец, узнавший об их нужде и предлагающий им помощь. «Впрочем, вы девушка благонравная, мать ваша осторожна, и я требую, чтобы вы вскрыли письмо не иначе, как в ее присутствии». Мадемуазель Дюкенуа приняла послание и передала матери, которая тотчас же направила его госпоже де-ла-Помере. Та, заручившись такой бумагой, послала за священником, осыпала его заслуженными упреками и пригрозила пожаловаться на него начальникам, если еще раз услышит о подобных проделках.

В этом письме маркиз рассыпался в похвалах самому себе, в похвалах мадемуазель Дюкенуа; он описывал все неистовства своей страсти и делал решительные предложения, вплоть до похищения.

Отчитав священника, госпожа де-ла-Помере пригласила к себе маркиза, изложила ему, насколько такое поведение недостойно галантного кавалера, до какой степени это может ее скомпрометировать, показала ему письмо и заявила, что, несмотря на соединявшую их дружбу, она будет вынуждена представить письмо в суд или передать его госпоже Дюкенуа, если ее дочь станет жертвой какого-нибудь скандала.

— Ах, маркиз, — говорила она ему, — любовь развратила вас; вы рождены порочным, ибо создатель всего великого внушает вам одни лишь мерзостные поступки. Чем провинились перед вами эти бедные женщины, что вы стараетесь прибавить к их нищете еще и позор? Вы преследуете молодую девушку за то, что она красива и хочет остаться добродетельной? Вы хотите, чтоб она возненавидела один из ценнейших небесных даров? А я, — чем я заслужила роль вашей соучастницы? Нет, маркиз, падите к моим ногам, просите прощения и поклянитесь оставить в покое моих печальных приятельниц.

Маркиз обещал не предпринимать ничего без ее согласия, но заявил, что добьется этой девушки любой ценой.

Он не сдержал своего слова. Мать была осведомлена

обо всем, а потому маркиз не поколебался обратиться к ней. Он признал преступность своих намерений, предложил значительную сумму, а в будущем все, что позволят обстоятельства; к его письму была приложена шкатулка с крупными драгоценностями.

Дамы держали совет. Мать и дочь склонялись к тому, чтобы принять; но это не входило в расчеты госпожи де-ла-Помере. Она напомнила о данном ей обещании, пригрозила все разоблачить, и к великому огорчению наших святош, а особенно дочери, которой пришлось вынуть из ушей очень шедшие ей серьги с подвесками, шкатулка и письмо были отосланы обратно в сопровождении гордого и негодующего письма.

Госпожа де-ла-Помере пожаловалась маркизу на то, как мало можно доверяться его обещаниям. Он отговорился невозможностью впутать ее в столь неприятное посредничество.

— Маркиз, маркиз! — сказала госпожа де-ла-Помере, — я уже предупреждала вас и повторяю: вы просчитались; но теперь уже поздно читать вам проповеди, это было бы излишней тратой слов: все средства исчерпаны.

Маркиз согласился с ней и попросил разрешения предпринять последнюю попытку, а именно: обеспечить рентой обеих женщин, разделить с ними свое состояние и предоставить им в пожизненное владение один городской и один загородный дом.

— Пусть так, — сказала маркиза, — я не допущу только насилия; но знайте, друг мой, что подлинная порядочность и добродетель стоят дороже всего в глазах тех, кто имеет счастье обладать ими. Ваши новые предложения будут столь же безуспешны, как и прежние: я знаю этих женщин и готова биться об заклад.

Маркиз делает новое предложение. Новое совещание трех дам. Мать и дочь молча ждут решения госпожи де-ла-Помере. Маркиза безмолвно прогуливается взад и вперед, а затем говорит:

— Нет, нет, этого недостаточно для моего изъязвленного сердца.

Она тотчас же приказала отказать маркизу, и обе женщины тотчас же залились слезами, бросились к ее ногам и принялись объяснять, как ужасно в их положении отвергнуть такое огромное состояние, которое они могли принять без опасных последствий. Госпожа де-ла-Помере сухо ответила им:

— Неужели вы воображаете, что все это я делаю для вас? Кто вы такие? Чем я вам обязана? Не от меня ли зависит отправить вас обратно в ваш притон? Если то, что вам предлагают, для вас слишком много, то для меня это слишком мало. Пишите, сударыня, ответ, который я вам продиктую; я хочу, чтоб он был отослан при мне.

Мать и дочь вернулись домой более напуганные, чем огорченные.

Ж а к

Вот бешеная женщина! Что ей еще надо? Как! пожертвовать половиной огромного состояния, по ее мнению, недостаточно, чтоб искупить любовное охлаждение?

Х о з я и н

Жак, вы никогда не были женщиной, а тем более порядочной женщиной и судите по своему характеру, вовсе не сходному с характером госпожи де-ла-Помере. Знаешь, что я тебе скажу? Боюсь, что брак маркиза Дезарси со шлюхой предначертан свыше.

Ж а к

Если он там предначертан, то свершится.

Т р а к т и р щ и ц а

Маркиз не замедлил появиться у госпожи де-ла-Помере.

— Ну, как? — спросила она. — Что с вашими новыми предложениями?

Маркиз

Они были сделаны и отвергнуты. Я в отчаянии. Мне хотелось бы вырвать из сердца эту злосчастную страсть, вырвать самое сердце, и я не могу. Взгляните на меня, маркиза: не находите ли вы некоторого сходства между мной и этой девушкой?

Госпожа де-ла-Помере

Я вам не говорила, но я это уже заметила. Дело, однако, не в том; на что вы решились?

Маркиз

Я ни на что не решился. Иногда мне хочется сесть в дорожную карету и ехать, пока земля носит; минуточку спустя силы меня покидают, я чувствую себя уничтоженным, в голове туман, полное отупение, и я не знаю, что предпринять.

Госпожа де-ла-Помере

Не советую вам путешествовать; не стоит доезжать до Вильжюифа, чтоб тотчас же вернуться.

На другой день маркиз написал маркизе, что отправляется в свое поместье, что останется там возможно дольше и умоляет ее похотатайствовать за него перед ее приятельницами, если представится случай. Отсутствие его длилось недолго; он вернулся с намерением жениться.

Жак

Мне жаль этого бедного маркиза.

Трактирщица

Он подъехал к дому госпожи де-ла-Помере. Ее не было. Вернувшись, она застала его в кресле, с закрытыми глазами и погруженным в глубокую задумчивость.

— Ах, это вы, маркиз! Чары деревни недолго вас удержали.

— Нет,— отвечал он,— мне везде не по себе, и я

вернулся, чтоб совершить величайшую глупость, на какую только может решиться человек моего звания, возраста и характера. Но лучше жениться, чем изнывать. Я женюсь.

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

Маркиз, это серьезное дело и требует размышлений.

М а р к и з

Я уже размышлял, и размышлял серьезно: несчастнее, чем теперь, я никогда не буду.

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

Вы можете и ошибаться.

Ж а к

Ах, предательница!

М а р к и з

Вот, наконец, дорогая моя, поручение, которое я, как мне кажется, могу передать вам, не оскорбляя вашего достоинства. Повидайтесь с матерью и дочерью; расспросите мать, исследуйте сердце дочери и сообщите им о моем намерении.

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

Не торопитесь, маркиз. Я думала, что знаю их в той мере, в какой мне до сих пор было нужно. Но когда дело идет о счастье моего друга, он позволит мне осведомиться о них поподробнее. Я справлюсь на их родине и обещаюсь проследить их жизнь в Париже шаг за шагом.

М а р к и з

Эти предосторожности представляются мне излишними. Нуждающиеся женщины, не поддавшиеся соблазнам, которые я им предлагал, могут быть только исключительными существами. Перед такими обещаниями не устояла бы даже какая-нибудь герцогиня. К тому же, не сами ли вы говорили...

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

Да, я вам говорила; но разрешите мне удовлетворить свое желание.

Ж а к

Сука! мерзавка! бешеная тварь! И зачем только сходится с такой женщиной!

Х о з я н н

А зачем ее соблазнять и с ней расходиться?

Т р а к т и р щ и ц а

Зачем бросать ее без всякой причины?

Ж а к *(указуя на небо)*

Сударь!

М а р к и з

Почему бы и вам, маркиза, не выйти замуж?

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

За кого прикажете?

М а р к и з

За юного графа; он умен, знатен, богат.

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

А кто поручится мне за его верность? Не вы ли?

М а р к и з

Нет; но мне кажется, что верность мужа — вещь второстепенная.

Г о с п о ж а д е - л а - П о м е р е

Согласна; но при моих странностях я могу обидеться, а я мстительна.

М а р к и з

Ну что ж! Вы отмстите: это в порядке вещей. Мы сообща снимем особняк и составим вчетвером приятнейшее общество.

Госпожа де-ла-Помере

Все это прекрасно; но я не выхожу замуж. Единственный человек, которого я, быть может, могла выбрать в мужья...

Маркиз

Это я?

Госпожа де-ла-Помере

Могу сознаться в этом теперь, когда все кончено.

Маркиз

А почему вы не сказали мне этого раньше?

Госпожа де-ла-Помере

Факты доказывают, что я поступила благоразумно. Та, которую вы избрали, подходит вам во всех отношениях лучше меня.

Трактирщица

Госпожа де-ла-Помере навела справки так тщательно и быстро, как ей хотелось. Она предъявила маркизу самые лестные отзывы, одни из Парижа, другие из провинции. Затем она потребовала у него еще две недели, чтоб он окончательно обдумал. Эти две недели показались ему вечностью; наконец маркиза была вынуждена уступить его нетерпению и просьбам. Первое свидание происходит у приятельниц; улаиваются обо всем, оглашают помолвку, подписывают брачный договор; маркиз преподносит госпоже де-ла-Помере великолепный алмаз, и брак завершен.

Жак

Какие козни и какая месть!

Хозяин

Она непостижима.

Жак

Избавьте меня от разочарования первой брачной ночи, и я до этого момента не вижу никакой особенной беды.

Х о з я и н

Молчи, простофиля!

Т р а к т и р щ и ц а

Брачная ночь сойдет отлично.

Ж а к

А я думал...

Т р а к т и р щ и ц а

Думайте то, что сказал вам хозяин... (И говоря это, она улыбалась и, улыбаясь, провела рукой по лицу Жака и прищемила ему пальцами нос.) Но это случилось на следующий день...

Ж а к

Разве на следующий день не повторилось то же самое?

Т р а к т и р щ и ц а

Не совсем. На следующий день госпожа де-ла-Помере написала маркизу письмо, приглашавшее его заехать к ней по важному делу. Маркиз не заставил себя ждать.

Когда маркиза приняла его, лицо ее выражало сильнейшее негодование. Речь ее была недолга. Вот она.

— Маркиз, — сказала госпожа де-ла-Помере, — узнайте меня поближе. Если бы прочие женщины достаточно уважали себя, чтоб испытывать обиду так, как я, то люди вашего пошиба были бы редкостью. Вам досталась честная женщина, которую вы не сумели сохранить; эта честная женщина — я; она отомстила, женив вас на особе, которая вполне вас достойна. Уходите отсюда и наведайтесь на улицу Травестьер, в гостиницу «Гамбург»; вам расскажут там про грязное ремесло, которым ваша жена и теща занимались в течение десяти лет под именем д'Энон.

Трудно передать изумление и смущение бедного маркиза. Он не знал, что подумать; но его сомнения дли-

лись не больше времени, чем ему было нужно, чтоб проскакать от одного конца города до другого. Домой он в этот день не возвращался; он бродил по улицам. Теща и жена возымели некоторые подозрения относительно того, что случилось. При первом ударе стукальца теща бросилась в свои покои и заперлась на ключ; жена стала ждать одна. Увидев супруга, она прочитала на его лице овладевшее им бешенство. Она упала перед ним на колени и молча прижалась головой к паркету.

— Удалитесь, подлая женщина! — произнес он. — Прочь от меня!..

Она попыталась подняться, но упала, ударившись лицом об пол и раскинув руки между погами маркиза.

— Сударь, — простионала она, — попирайте меня, топчите меня: я этого заслуживаю; делайте со мной все, что угодно, но пощадите мою мать...

— Удалитесь, — повторил маркиз, — удалитесь! Достаточно того позора, которым вы меня покрыли; избавьте меня от преступления...

Несчастливая особа осталась в том положении, в котором была, и ничего не ответила. Маркиз сидел в кресле, сжимая голову руками; тело его полусвисало к ножкам постели, и он то и дело ревел:

— Удалитесь!

Молчание и неподвижность бедняжки поразили его; он повторил еще громче:

— Удалитесь! Разве вы меня не слышите?..

Затем он нагнулся, крепко толкнул ее и, замстив, что она без чувств и почти без жизни, схватил ее за талию, положил на диван и на мгновение остановил на ней взгляд, в котором поочередно сменялись гнев и жалость. Он позвонил; вошли лакеи; позвали служапок, и маркиз сказал им:

— Возьмите вашу госпожу: ей дурно; отнесите ее в опочивальню и позаботьтесь о ней...

Спустя несколько минут он тайком послал узнать, как она себя чувствует. Ему сказали, что она пришла в себя от первого обморока, но что припадки продол-

жаются, что они часты и длительны и что ни за что нельзя поручиться. Час или два спустя он снова послал украдкой проведать о ее состоянии. На этот раз ему сообщили, что она задыхается и что у нее появилась какая-то очень громкая икота, которую слышно на весь двор. В третий раз — дело было под утро — ему доложили, что она много плакала, что икота утихла и больная как будто задремала.

На следующий день маркиз приказал заложить лошадей в карету и исчез на две недели; никто не знал, куда он девался. Однако перед отъездом он позаботился обо всем необходимом для матери и дочери и приказал слушаться жену, как самого себя.

В течение этого промежутка обе женщины пребывали наедине друг с другом и почти не разговаривали; дочь плакала, иногда начинала вопить, рвала на себе волосы, а мать не смела к ней приблизиться и ее утешить. У одной на лице отражалось отчаяние, у другой — ожесточение. Дочь двадцать раз говорила матери: «Мама, уйдем отсюда, бежим». И столько же раз мать противилась этому и возражала: «Нет, дочь моя, надо остаться; посмотрим, что будет. Не убьет же нас этот человек!..» — «Ах, господи, — стонала дочь, — пусть бы он нас уже убил». Мать ответила: «Ты бы лучше молчала, чем говорить глупости».

По возвращении маркиз заперся в своем кабинете и написал два письма: одно — жене, другое — теще. Последняя уехала в тот же день и поселилась в кармелитском монастыре соседнего города, где умерла несколько дней тому назад. Дочь оделась и дотащилась до покоев мужа, куда он, повидимому, приказал ей явиться. Переступив порог, она упала на колени.

— Встаньте, — сказал ей маркиз.

Но, вместо того чтоб подняться, она потащилась к нему ползком, дрожа всем телом; волосы ее разметались, корпус несколько перегнулся вперед, руки свисали, голова была откинута назад, взгляд устремлен в его глаза, а лицо в слезах.

— Мне кажется,— сказала она, прерывая каждое слово рыданием,— что ваше сердце, справедливо разгневанное, смягчилось и что, быть может, со временем я заслужу прощение. Сударь, умоляю вас, не торопитесь меня миловать. Столько честных девушек стали бесчестными женами; быть может, я явлю собой пример противного. Я еще недостойна того, чтобы вы со мной сблизились; повремените, но оставьте мне надежду на прощение. Удалите меня от себя; вы увидите мое поведение; вы сможете судить о нем: я буду счастлива, безмерно счастлива, если вы удостоите изредка звать меня. Укажите мне самый отдаленный угол в вашем доме, где мне будет позволено жить; я останусь там безропотно. Ах! если б я могла сорвать с себя имя и титул, которые меня заставили украсть, и после этого умереть,— я тотчас же сделала бы это, чтобы угодить вам. Слабость, соблазн, чужой авторитет, угрозы побудили меня согласиться на гнусный поступок; но не думайте, сударь, что у меня злобный нрав: нет, это не так, раз я не поколебалась явиться к вам, когда вы меня позвали, и смею теперь поднять глаза на вас и говорить с вами. Ах, если бы вы могли читать в моем сердце и видеть, как далеки от меня прежние прегрешения, как чужды нравы мне подобных! Разврат коснулся меня, но не прилип. Я знаю себя и отдаю себе справедливость в том, что по своим вкусам, чувствам, характеру я родилась достойной чести вам принадлежать. О! если б в ту пору я могла с вами свободно видаться, то стоило бы сказать одно только слово, и кажется, у меня хватило бы на это мужества. Сударь, располагайте мной по своему усмотрению; прикажите своим людям войти; пусть отнимут у меня все, пусть бросят на улицу: я на все согласна. Какую бы судьбу вы мне ни уготовили, я подчиняюсь: отдаленное поместье, мрак монастыря удалят меня с ваших глаз навсегда; прикажите, и я отправлюсь туда. Ваше счастье еще не погублено навеки, и вы можете меня забыть...

— Встаньте,— ласково сказал маркиз,— я вас про-

стил: даже в минуту нанесенного мне оскорбления я уважал в вас свою супругу; с уст моих не сорвалось ни одного слова, которое унизило бы ее, или во всяком случае я в этом раскаивалось, и ей никогда не придется услышать ничего унизительного, если она запомнит, что нельзя сделать своего супруга несчастным, не разделив его участи. Будьте честны, будьте счастливы и постарайтесь, чтоб и мне выпала та же доля. Встаньте, прошу вас, жена моя, встаньте и поцелуйте меня; встаньте, маркиза, вам не пристало такое положение; встаньте, госпожа Дезарси!..

Во время этой речи она закрыла лицо руками и склонила голову на колени маркиза; но при словах «моя жена», «госпожа Дезарси» она привскочила, бросилась к мужу и обняла его, почти задыхаясь от страдания и восторга; затем она отпустила его, упала наземь и принялась целовать ему ноги.

— Ах! — воскликнул маркиз, — ведь я сказал вам, что простил; но я вижу, что вы этому не верите.

— Суждено, чтоб это было так и чтоб я никогда вам не поверила, — отвечала она.

Маркиз же добавил:

— Право, я ни в чем не раскаиваюсь, и эта Помере, вместо того чтоб отомстить, оказала мне великую услугу. Жена моя, пойдите оденьтесь; тем временем уложат ваши чемоданы. Мы отправимся в мое поместье и останемся там, пока не сможем показаться здесь без всяких последствий для вас и для меня...

Они почти три года отсутствовали из столицы.

Ж а к

Бьюсь об заклад, что эти три года протекли, как один день, что маркиз Дезарси оказался превосходнейшим мужем и что ему досталась превосходнейшая жена.

Х о з я и н

Участвую в половине, хотя, право, не знаю — почему, так как я был далеко не в восторге от нее во

время всех махинаций ее матери и госпожи де-ла-Помере. Ни минуты боязни, никаких колебаний, никаких угрызений; она подчинилась этому бесконечному ужасу без всякого отвращения. Все, что от нее требовали, она беспрекословно исполняла; она исповедуется, причащается, смеется над религией и ее служителями. Она казалась мною такой же живой, такой же презренной, такой же злобной, как и обе другие... Хозяйка, вы недурно рассказываете, но вы еще не проникли во все глубины драматического искусства. Если вы хотите, чтоб эта молодая девушка заинтересовывала, то надо было наделить ее чистосердечием и показать нам ее в роли невинной жертвы, действующей под давлением матери и госпожи де-ла-Помере; надо было сделать так, чтоб жесточайшее обращение принудило ее против воли участвовать в ряде непрерывных злодеяний в течение года, и таким образом подготовить примирение мужа и жены. Когда вводят на сцену персонаж, то роль его должна быть цельной; а потому, прекрасная хозяйка, разрешите вас спросить: неужели девушка, строящая козни вместе с двумя негодяйками,—это та самая жена, которую мы видели у ног мужа? Вы погрешили против правил драматургии: все это было бы дико и для Аристотеля, и для Горация, и для Лебоссю, и для Вида²⁸.

Т р а к т и р щ и ц а

Я рассказывала не для Вида, а так, как все было, ничего не опуская, ничего не прибавляя. Но кто знает, что происходило в глубине сердца этой молодой девушки и не грызло ли ее тайное отчаяние в те самые моменты, когда она, казалось, поступала особенно дурно!

Ж а к

На сей раз, хозяйка, я согласен с мнением моего господина и надеюсь, что он мне простит, так как это редко со мной случается; я согласен также с его Видом, которого не знаю, и с прочими названными им господами, тоже мне неизвестными. Если бы мадемуазель Дю-

кенау, бывшая д'Энон, была порядочной девушкой, то это было бы заметно.

Т р а к т и р щ и ц а

Порядочная или непорядочная, а из нее вышла отличная жена; муж доволен ею, как король, и не обменяет ее ни на кого.

Х о з я и н

Поздравляю его: он более удачлив, чем благоразумен.

Т р а к т и р щ и ц а

Пожелаю вам доброй ночи. Уже поздно, а мне полагается лечь последней и вставать первой. Проклятое ремесло! Спокойной ночи, господа, спокойной ночи! Я обещала вам, не помню уже по какой причине, историю нелепого брака и, кажется, сдержала свое слово. Господин Жак, вам нетрудно будет заснуть: у вас глаза уже наполовину слипаются. Прощайте, господин Жак.

Х о з я и н

Неужели, хозяйшка, никак нельзя узнать ваших собственных походов?

Т р а к т и р щ и ц а

Нет.

Ж а к

Вы страстный любитель рассказов.

Х о з я и н

Это правда; я нахожу их поучительными и забавными. Хороший рассказчик — редкое явление.

Ж а к

Вот почему я и не люблю рассказов, разве только когда сам рассказываю.

Х о з я и н

Ты предпочитаешь плохо рассказывать, чем молчать.

Ж а к

Пожалуй.

Х о з я и н

А я предпочитаю, чтобы плохо рассказывали, чем вовсе ничего не слушать.

Ж а к

Это устраивает нас обоих.

Не знаю, каковы были мысли трактирщицы, Жака и его хозяина, если они не нашли ни одного оправдания для мадемуазель Дюкенуа. Разве эта девушка могла понимать злостные затеи госпожи де-ла-Помере? Разве она не была готова принять предложения маркиза и не предпочла бы сделаться его любовницей, нежели женой? Разве она не находилась непрерывно под угрозами и деспотической властью маркизы? Можно ли осуждать ее за сугубое отвращение к гнусному ремеслу? А если проникнуться к ней за это уважением, то вправе ли мы требовать от нее особенной деликатности, особенной щепетильности в выборе способов, чтобы с ним развязаться?

Но не полагаете ли вы, читатель, что апологию госпоже де-ла-Помере состряпать труднее? Вы, может быть, предпочли бы послушать по этому поводу беседу Жака и его хозяина; но им предстояло переговорить о стольких более интересных предметах, что они, вероятно, пренебрегли бы этой темой. Позвольте же мне на минутку заняться ею. Вас охватывает бешенство при имени госпожи де-ла-Помере, и вы восклицаете: «Ах, ужасная женщина! ах, лицемерка! ах, злодейка!..» Оставьте восклицания, оставьте возмущение, оставьте пристрастие; давайте обсудим. Ежедневно совершаются еще более гнусные поступки, но без всякой изобретательности. Вы можете ненавидеть госпожу де-ла-Помере, вы можете ее бояться; однако презирать ее вы не станете. Мсть ее страшна, но не запятнала никакими корыстными мотивами. Вам не сказали, что она бросила маркизу в лицо прекрасный алмаз, который он ей преподнес; однако она

так именно и поступила: я знаю это из вернейших источников. Она не стремилась ни увеличить свое состояние, ни приобрести какой-либо почетный титул. Как! если б эта женщина совершила подобный поступок, чтобы раздобыть мужу награду за его заслуги, если б она отдалась министру или даже правителю канцелярии ради орденской ленты или майорского чина, хранителю списка бенефиций ради богатого аббатства,— это показалось бы вам естественным, и вы сослались бы на обычай; а когда она мстит за вероломство, вы возмущаетесь, не отдавая себе отчета в том, что вы просто неспособны почувствовать такое же глубокое негодование, как она, или почти не цените женской добродетели. Подумали ли вы о жертвах, которые госпожа де-ла-Помере принесла маркизу? Не стану говорить вам о том, что ее кошелек был для него всегда открыт и что в течение ряда лет он жил и кушал только у нее,— это заставит вас покачать головой; но гораздо важнее то, что она подчинилась всем его прихотям, всем его вкусам, для него перестроила свою жизнь. Она пользовалась в обществе величайшим уважением благодаря чистоте своего права; а теперь она спустилась до общего уровня. Когда она уступила ухаживаниям маркиза, про нее говорили: «Накопец-то эта дивная госпожа де-ла-Помере стала такая же, как мы...» Она замечаларонические улыбки, слышала шутки, нередко краснела от них и опускала взоры; она испила всю чашу горечи, уготованной женщинам, чье безукоризненное поведение являлось упреком для окружавших ее дурных нравов; ей пришлось перенести скандальную огласку, при помощи которой мстят неосторожным святошам, притворяющимся честными женщинами. Она была гордой и предпочла бы умереть от боли, нежели появиться в свете осмеянной и заклеянной позором отвергнутой добродетели и брошенной любовницы. Такой был у нее характер, что это происшествие осуждало ее на тоску и уединение. Мужчине закаляет мужнину из-за жеста, из-за улыбки, а порядочной женщине,— загубленной, обесчещенной, обманутой,— нельзя бросить предателя в объятия куртизанки? Ах,

читатель, вы очень легкомысленны в своих похвалах и очень строги в своих порицаниях! Но, может быть, вы скажете, что упрекаете маркизу не столько за самый акт, сколько за прием, что не одобряете этой длительной злобы, всего этого клубка обманов и лжи, продолжавшихся чуть ли не целый год. Ни я, ни Жак, ни его хозяин, ни трактирщица тоже этого не одобряем. Но вы прощаете всё первому побуждению, а я замечу вам, что если оно у одних бывает коротко, то у госпожи де-ла-Помере и женщины с ее характером оно длится долго. Душа их иногда всю жизнь остается под впечатлением первой минуты обиды; а что в этом дурного или несправедливого? Я усматриваю в ее поступке только менее рядовую месть; я готов признать закон, который осуждал бы на общение с куртизанками мужчину, соблазнившего и бросившего порядочную женщину: развратный мужчина принадлежит развратным женщинам.

Пока я рассуждаю, хозяин Жака храпит так, словно он меня слушает, а сам Жак, которому пожные мускулы отказываются служить, бродит босиком и в рубаше по комнате, опрокидывает все, что подвертывается, и будит своего хозяина.

— Жак, ты пьян, — говорит хозяин сквозь полог.

— Вроде того.

— В котором часу ты намерен лечь спать?

— Сейчас, сударь. Дело в том... дело в том...

— В чем дело?

— В бутылке есть еще остаток, который может выдохнуться. Я ненавижу початые бутылки; они будут мне мерещиться, как только я лягу, и тогда — прощай сон. Честное слово, наша хозяйка — отличная женщина, и ее шампанское — отличное вино; было бы жаль, если б оно выдохлось... Вот оно почти все уже и в безопасности... теперь не выдохнется...

И, продолжая болтать, Жак в рубаше и босой хватил два или три глотка без знаков препинания, как он выражался, то есть из бутылки в стакан и из стакана в глотку. Существуют две версии о том, что случилось после

того, как он потушил свечу. Одни утверждают, будто он стал пробираться ощупью вдоль стены, не находя кровати, и говорил: «Право слово, ее нет, а если она есть, то свыше предначертано, что я ее не найду; в обоих случаях придется обойтись без нее», после чего он решил расположиться на двух креслах. По заверениям других, свыше было предначертано, что Жак запутается ногами между креслами, упадет на пол и пролежит там. Завтра, послезавтра вы трезво обсудите, которая из этих двух версий вам более по душе.

Оба наши путешественника, улегшиеся поздно и несколько отуманенные вином, спали долго: Жак — на полу или на двух креслах, в зависимости от версии, которую вы предпочтете, хозяин с большими удобствами, на своей постели. Трактирщица поднялась к ним и объявила, что день не обещает быть хорошим, но что если бы даже погода позволила им продолжать путь, то они рисковали бы жизнью или были бы задержаны разлившимся потоком, через который им предстояло переправиться: несколько всадников, не пожелавших ей поверить, уже вернулись. Хозяин спросил Жака:

— Как быть?

Жак отвечал:

— Сперва позавтракаем с нашей хозяйкой: это нас надоумит.

Та поклялась, что это мудрая мысль. Подали завтрак. Трактирщица не прочь была повеселиться; хозяин готов был ее поддержать; но Жак страдал: он ел нехотя, пил мало, молчал. Последний симптом особенно внушал тревогу: это было последствием дурно проведенной ночи и скверной постели, на которой он спал. Он жаловался на боль во всем теле; его охрипший голос указывал на воспаление горла. Хозяин посоветовал ему прилечь; он не пожелал. Трактирщица предложила ему луковый суп. Он попросил, чтоб протопили комнату, так как его знобит, приготовили ему ячменный отвар и принесли бутылку белого вина; все это было незамедлительно исполнено. И вот трактирщица ушла, и Жак со своим хозяином

остались наедине. Хозяин подходил к окну, говорил: «Чертовская погода!», смотрел на свои часы (единственные, которым он доверял), брал попошку табаку, не переставал повторять всякий раз свое восклицание: «Чертовская погода!», обращаясь к Жаку и добавляя: «Отличный случай закончить историю твоих любовных приключений! Но когда страдаешь, плохо рассказываешь о любви и прочих вещах. Посмотри, проверь себя; если можешь продолжать, то продолжай; а если нет, то выпей свой отвар и спи».

Жак полагал, что молчание ему вредно, что он животное болтливое и что важнейшее преимущество его службы, особенно им ценимое, заключалось в возможности наверстать те двенадцать лет, которые он провел с кляпом во рту у своего дедушки,— да смилуется над ним господь!

Х о з я и н

Так рассказывай же, раз это доставляет удовольствие нам обоим. Ты остановился на каком-то бесчестном предложении лекарской жены: дело шло, кажется, о том, чтобы выставить того, кто пользовал обитателей замка, и посадить на его место ее мужа.

Ж а к

Вспомнил! Но простите минуточку. Надо промочить горло.

Он наполнил большой кубок отваром, налил туда немного белого вина и выпил до дна. Этот рецепт он заимствовал у своего капитана, а господин Тиссо²⁹, заимствовавший его у Жака, рекомендует это снадобье в своем трактате о народных болезнях. Белое вино, говорят Жак и господин Тиссо, способствует мочеиспусканию, является мочегонным средством, придает вкус отвару и поддерживает тонус желудка и кишок. Выпив стакан своего лекарства, Жак продолжал:

— Итак, я вышел из лекарского дома, сел в коляску, прибыл в замок и очутился среди его обитателей.

Х о з я и н

А тебя там знали?

Ж а к

Конечно. Помните некую женщину с кринкой масла?

Х о з я и н

Отлично помню.

Ж а к

Эта женщина была поставщицей управителя и челяди. Жанна превознесла в замке мое милосердие к ней; это дошло до владельца; от него не скрыли удары ногами и кулаками, коими я был вознагражден за свою доброту ночью на большой дороге. Он приказал разыскать меня и перенести к нему. И вот я там. Меня рассматривают, спрашивают, мной восхищаются. Жанна обнимает меня и благодарит.

— Устройте его поудобнее,—говорит сеньёр слугам,—и пусть у него ни в чем не будет недостатка... А вы,—обратился он к врачу,—навещайте его аккуратно...

Все было в точности исполнено. Ну-с, сударь, кто знает, что предначертано свыше? И пусть теперь рассудят, хорошо ли, плохо ли отдавать свои деньги, несчастье ли быть избитым... Не случись этих двух обстоятельств, господин Деглан никогда бы не слышал о Жаке.

Х о з я и н

Господин Деглан, сеньёр де-Мирмон! Так ты был в Мирмонском замке? у моего старого друга, отца господина Дефоржа, начальника края?

Ж а к

Совершенно верно. И юная брюнетка со стройной талией, с черными глазами...

Х о з я и н

Это Дешпа, дочь Жанны?

Жак

Она самая.

Хозяин

Ты прав, это одно из самых красивых и добродетельных созданий на двадцать миль в окружности. Я и большинство посетителей замка Деглапов тщетно предприняли всё, чтоб ее соблазнить; не было среди нас ни одного, кто не наделал бы для нее величайших глупостей, при условии, что она сделает ради него одну маленькую.

Так как Жак молчал, то хозяин спросил его:

— О чем ты задумался? Что ты бормочешь?

Жак

Я бормочу молитву.

Хозяин

Разве ты молишься?

Жак

Иногда.

Хозяин

Что же ты говоришь?

Жак

Я говорю: «О создатель великого свитка, чей перст начертил свыше все писмена! Кто бы ты ни был, ты всегда знал то, что мне суждено; да будет благословенна воля твоя! Аминь».

Хозяин

Ты с тем же успехом мог бы помолчать.

Жак

Быть может,— да, быть может,— нет. Я молюсь на всякий случай, и что бы ни случилось, не стану ни радоваться этому, ни жаловаться, если только буду владеть собой; но, к сожалению, я непоследователен и порывист, я забываю принципы своего капитана, я смеюсь и плачу, как дурак.

Хозяин

Разве твой капитан никогда не плакал и не смеялся?

Жак

Редко... Однажды утром Жанна привела свою дочь и, обращаясь сперва ко мне, сказала: «Сударь, вы находитесь в прекрасном замке, где вам будет лучше, чем у вашего лекаря. О, в особенности вначале: за вами будут превосходно ухаживать; но я знаю прислугу, я достаточно долго служу сама: мало-помалу их рвение остывает. Хозяева не будут больше думать о вас; и если ваша болезнь затянется, то вас забудут, да так забудут, что придти вам фантазия умереть с голоду, вы в этом преуспеете...» Затем, обернувшись к дочери, она продолжала: «Слушай, Дениза, я хочу, чтобы ты навещала этого человека четыре раза в день: утром, в обеденное время, в пять часов и за ужином. Я хочу, чтоб ты повиновалась ему, как мне самой. Поняла? Смотри, чтоб это было исполнено!»

Хозяин

Знаешь ли ты, что случилось с бедным Догланом?

Жак

Нет, сударь; но если мои пожелания о его благополучии не осуществились, то не потому, что были неискренни. Он пристроил меня к командору де-Лабуле, погибшему по пути на Мальту; командор пристроил меня к своему старшему брату, капитану, который, быть может, умер теперь от свища; капитан пристроил меня к младшему брату, товарищу прокурора в Тулузе, который сошел с ума и которого семья поместила в сумасшедший дом. Господин Паскаль, товарищ прокурора в Тулузе, поместил меня к графу Турвиль, предпочитавшему отрастить бороду в капуцинской рясе, нежели рисковать жизнью; граф Турвиль поместил меня к маркизу дю-Белуа, бежавшему в Лондон с иностранцем; маркиз дю-Белуа поместил меня к одному из своих двоюродных братьев,

разорившемуся на женщины и удравшему на Антильские острова; этот двоюродный брат рекомендовал меня господину Герисаму, завязтому ростовщику, размещавшему деньги господина де-Рузе, сорбонского доктора, а де-Рузе пристроил меня к мадемуазель Ислеп, вашей содержанке, поместившей меня к вам, которому я, согласно вашему обещанию, буду обязан куском хлеба на старости лет, если останусь вам предан; а для нашей разлуки как будто нет оснований. Жак создан для вас, а вы — для Жака.

Х о з я и н

Ты переменял немало хозяев за короткий срок.

Ж а к

Да, меня иногда прогоняли.

Х о з я и н

За что?

Ж а к

Я родился болтливым, а все эти люди хотели, чтоб я молчал; не так, как вы, который уволил бы меня на следующий же день, если б я умолк. Я обладаю пороком, который вам по душе. Но что случилось с господином Дегланом? Расскажите мне, пока я приготавливаю себе глоток отвара.

Х о з я и н

Ты жил у него в замке и никогда не слышал про его пластырь?

Ж а к

Нет.

Х о з я и н

Эту историю мы прибережем на дорогу; а другая коротка. Он составил себе состояние игрой. Любовь спутала его с одной женщиной, которую ты, быть может, видел в замке, женщиной умной, серьезной, молчаливой, оригинальной и суровой. Однажды она сказала ему: «Или вы любите меня больше игры, тогда дайте слово, что не

будете играть; или вы любите игру больше меня, и тогда не говорите мне о ваших чувствах и играйте, сколько угодно». Деглан дал слово, что не будет больше играть. — «Ни по крупной, ни по маленькой?» — Ни по крупной, ни по маленькой. Лет десять жили они в известном тебе замке, когда Деглану, отправившемуся в город по делу, выпало несчастье повстречать у нотариуса старого своего партнера по брелану, который затащил его обедать в какой-то притон. Там Деглан в один присест проиграл все свое состояние. Его возлюбленная оказалась неумолима; она была богата; назначив Деглану скромную пенсию, она рассталась с ним навсегда.

Ж а к

Жаль, он был порядочным человеком.

Х о з я и н

Как горло?

Ж а к

Плохо.

Х о з я и н

Оттого что ты много говоришь и мало пьешь.

Ж а к

Я не люблю ячменного отвара и люблю говорить.

Х о з я и н

Итак, Жак, ты у Деглана, возле Денизы, а Денизе мать разрешила навещать тебя по меньшей мере четыре раза в день. Ах, плутовка! Предпочесть какого-то Жака!

Ж а к

Какого-то Жака! Какой-то Жак, сударь, — такой же человек, как и всякий другой.

Х о з я и н

Ошибаешься, Жак: какой-то Жак не такой же человек, как всякий другой.

Ж а к

Иногда он лучше всякого другого.

Х о з я и н

Жак, вы забываетесь! Продолжайте историю своих любовных приключений и помните, что вы есть и всегда будете только каким-то Жаком.

Ж а к

Если бы в лачуге, где мы наравлись на грабителей, Жак не оказался чуть-чуть потолковей своего господина...

Х о з я и н

Жак, вы нахал! Вы злоупотребляете моей добротой. Если я имел глупость снять вас с места, то сумею водворить вас обратно. Жак, возьмите вашу бутылку и ваш котелок и ступайте вниз.

Ж а к

Хорошо вам говорить, сударь; я чувствую себя здесь отлично и не сойду вниз.

Х о з я и н

А я говорю тебе, чтоб ты сошел.

Ж а к

Я уверен, что вы сказали это не всерьез. Как, сударь, после того, как в течение десяти лет вы приучили меня жить с вами запанибрата...

Х о з я и н

Мне угодно, чтоб это прекратилось.

Ж а к

После того, как вы вытерпели все мои наглости...

Х о з я и н

Я не хочу их больше терпеть.

Ж а к

После того, как вы сажали меня за свой стол, называли своим другом...

Х о з я и н

Вы не знаете, что значит слово «друг», когда старший применяет его к подчиненному.

Ж а к

Все знают, что ваши приказания не стоят ломаного гроша, если они не одобрены Жаком. И после того, как вы связали свое имя с моим так, что одно не отделимо от другого и никто иначе не говорит, как «Жак и его хозяин», вам вдруг вздумалось их разъединить! Нет, сударь, этому не бывать. Свыше предначертано, что пока жив Жак, пока жив его хозяин, и даже после того, как оба они умрут, всегда будут говорить: «Жак и его хозяин».

Х о з я и н

А я говорю, Жак, что вы сойдете вниз, и сойдете немедленно, так как я вам приказываю.

Ж а к

Сударь, прикажите мне что угодно, кроме этого, если хотите, чтоб я послушался.

Тут хозяин встал, взял Жака за петлю камзола и сказал серьезно:

— Ступай вниз!

Жак невозмутимо ответил:

— Не пойду.

Хозяин, крепко встряхнув его, повторил:

— Ступай вниз, грубиян! Слушайся!

Жак снова возразил:

— Грубиян, если вам так угодно; но грубиян не сойдет. Вот что, сударь: что я себе раз втемяшил, того колом не выбьешь, как говорит пословица. Напрасно вы беленитесь: Жак останется там, где был, и не сойдет вниз.

Тут Жак и его хозяин, которые сдерживались до этого момента, теряют власть над собой и кричат во всю глотку:

— Сойдешь!

— Не сойду!

— Сойдешь!

— Не сойду!

На этот шум прибежала трактирщица и осведомилась о случившемся; но сперва ей на это ничего не ответили, а продолжали кричать: «Сойдешь!» — «Не сойду!» Затем хозяин, у которого было тяжело на сердце, стал прохаживаться по комнате и цедить сквозь зубы: «Видано ли что-нибудь подобное?» Удивленная трактирщица стояла перед ними: «Господа, что случилось?»

Жак с прежним хладнокровием ответил:

— У хозяина неладно в голове, он сумасшедший.

Х о з я и н

Ты хочешь сказать: «дурак»?

Ж а к

Как угодно вашей милости.

Х о з я и н (*обращаясь к трактирщице*)

Слышали?

Т р а к т и р щ и ц а

Он неправ; но мир, господа, мир! Пусть говорит кто-нибудь один; чтоб я поняла, о чем идет речь.

Х о з я и н (*Жаку*)

Говори, грубиян.

Ж а к (*хозяину*)

Говорите сами.

Т р а к т и р щ и ц а (*Жаку*)

Ну-с, господин Жак, начинайте; хозяин вам приказывает: в конце концов хозяин — это хозяин...

Жак дал разъяснение трактирщице. Выслушав его, она сказала:

— Господа, согласны ли вы взять меня в посредники?

Жак и его хозяин *(в один голос)*

Охотно, охотно, хозяйюшка.

Трактирщица

И обязуетесь честным словом исполнить решение?

Жак и его хозяин

Честное слово, честное слово!..

Тогда трактирщица, усевшись за стол и приняв тон и позу строгого судьи, сказала:

— Заслушав заявление господина Жака и приняв во внимание факты, доказывающие, что его хозяин — добрый, очень добрый, слишком добрый хозяин, а Жак — недурной слуга, хотя и несколько склонный смешивать полное и неотчуждаемое владение с временным и безосновательным пользованием, я аннулирую равенство, установившееся между ними с течением времени, и тотчас же его восстанавливаю. Жак сойдет вниз и, сойдя вниз, снова поднимется; ему будут возвращены все прерогативы, кои он до сих пор пользовался. Хозяин протянет ему руку и скажет дружески: «Здравствуйте, Жак, очень рад снова вас видеть...» Жак ему ответит: «А я, сударь, рад снова снова найти...» И я запрещаю им когда-либо говорить об этом деле и впредь возвращаться к вопросу о прерогативах хозяина и слуги. Нам благоугодно, чтоб один приказывал, а другой повиновался, каждый по своему разумению, и чтобы права одного и обязанности другого оставались так же неопределенны, как это было прежде.

Вынесен это постановление, которое она заимствовала из современного произведения, написанного по поводу точно такой же ссоры и где от одного конца королевства до другого хозяин кричал слуге: «Сойди вниз!», а слуга кричал в свою очередь: «Не сойду!», трактирщица сказала Жаку:

— Дайте мне руку, без дальнейших рассуждений...

Жак с прискорбием воскликнул:

— Значит, свыше было предначертано, что я сойду вниз!..

Трактирщица (Жаку)

Свыше предначертано, что когда поступаешь в услужение к хозяину, то надо слушаться, подчиняться, идти вперед, отступать назад, останавливаться, причем поги не властны ослушаться приказаний головы. Дайте мне руку и выполняйте то, что велят...

Жак подал руку хозяйке, но не успели они переступить порог, как хозяин бросился к Жаку, обнял его, отпустил Жака, обнял трактирщицу и, обнимая того и другую, воскликнул:

— Свыше предначертано, что я никогда не отделаюсь от этого оригинала и что, пока я буду жив, он останется моим господином, а я его слугой...

А трактирщица добавила:

— И насколько можно судить, вы оба в этом не раскаетесь.

Трактирщица, уладя ссору, которую она приняла за первую и которая была сотою такого же характера, усадила Жака и отправилась по своим делам, а хозяин сказал Жаку:

— Теперь, когда мы обрели хладнокровие, то, по здравом рассуждении, не следует ли...

Жак

Следует, давши слово, его держать; и раз мы обязались честью не возвращаться к этому делу, то незачем о нем и говорить.

Хозяин

Ты прав.

Жак

Но, не возвращаясь к этому делу, не могли ли бы мы разумным соглашением предотвратить в будущем сотни других таких же размовок?

Х о з я и н

Согласен.

Ж а к

Пункт первый: поскольку свыше предначертано, что я вам необходим и что вы, как мне о том ведомо, не можете обойтись без меня, я буду злоупотреблять этими преимуществами всякий раз, как мне представится случай.

Х о з я и н

Помилуй, Жак, кто же устанавливал подобные оговорки?

Ж а к

Устанавливал или не устанавливал, а так повелось с давних времен, так ведется теперь и будет вестись до окончания века. Неужели вы думаете, что другие не пытались избавиться от этого постановления и что вы хитрее их? Откажитесь от этой мысли и подчинитесь закону необходимости, послушаться которого не в ваших силах.

Пункт второй: поскольку Жак не может не знать своего влияния и своей власти над хозяином, а хозяин — не признавать своей слабости и отделаться от снисходительности, то Жак должен пахальничать, а хозяин, в целях сохранения мира, — не замечать этого. Все это устроено без нашего ведома, все скреплено свыше в тот момент, когда природа создала Жака и его хозяина. Предначертано, что вы получите звание, а я — права. Не думайте воспротивиться воле природы; это пустая фантазия.

Х о з я и н

Но в таком случае твоя доля лучше моей.

Ж а к

А кто это оспаривает?

Х о з я и н

Но в таком случае мне остается только занять твое место, а тебе — мое.

Ж а к

Знаете, что бы тогда случилось? Вы потеряли бы звание и не приобрели бы прав. Останемся же такими, какими мы были; честное слово, мы оба недурны, и пусть остаток нашей жизни послужит для создания поговорок.

Х о з я и н

Какой поговорки?

Ж а к

«Жак правит своим хозяином». Мы будем первыми, про которых это скажут, а затем начнут повторять про тысячи других, гораздо лучших, чем мы с вами.

Х о з я и н

И нахожу это тягостным, очень тягостным.

Ж а к

Хозяин, дорогой хозяин, вы напрасно топчете шипы: они лишь больней врежутся. Итак, мы договорились.

Х о з я и н

Какая цена такому договору, раз закон непреложен?

Ж а к

Большая. Разве бесполезно раз навсегда четко и ясно установить, чего держаться? Все наши ссоры происходили до сих пор по одной причине: мы недостаточно определенно сговорились, что вы будете называться моим хозяином, а что на самом деле я буду вашим. Но теперь мы договорились и нам остается только применить это к жизни.

Х о з я и н

Но где, чорт возьми, ты все это вычитал?

Ж а к

В великой книге. Ах, сударь, сколько ни размышляй, сколько ни думай, сколько ни ройся во всех книгах мира,

вы останетесь неучем, если не заглянете в великую книгу...

После обеда погода прояснилась. Несколько путешественников сообщили, что поток можно перейти вброд. Жак сошел вниз; хозяин самым щедрым образом рассчитался с трактирщицей. У ворот харчевни собралась довольно большая толпа людей, задержанных там непогодой и намеревавшихся пуститься в дальнейший путь, в том числе Жак и его хозяин, целепо женившийся человек и его сотоварищ. Пешеходы берут свои пакки и котомки, другие устраиваются в повозках и колясках, всадники сажаются на лошадей и пьют посошок на дорогу. Предупредительная хозяйка держит бутылку в руке, подает и наполняет стаканы, не забывая и себя самой; ей говорят любезности, она отвечает на них учтиво и весело. Пришпоривают коней, кланяются и уезжают.

Случилось так, что Жаку с его хозяином и маркизу Дезарен с его сотоварищем пришлось ехать по одной дороге. Из этих четырех лиц вы незнакомы только с последним. Ему едва минуло двадцать два или двадцать три года. На его лице была написана робость; голова несколько свисала к левому плечу; он был молчалив и не особенно освоился со светскими маперами. Отвешивая поклон, он наклонял туловище, но не сгибал ног; сидя, он имел привычку хвататься за полы кафтана и скрещивать их на коленях, просовывать руки в прорезы и слушать других почти что с закрытыми глазами.

Жак разгадал его по этим повадкам и, наклонившись к уху своего хозяина, шепнул:

— Бьюсь об заклад, что этот молодой человек носил монашескую рясу.

— Почему, Жак?

— Увидите.

Четверо наших путешественников ехали вместе, беседуя о дожде, о хорошей погоде, о трактирщице, о трактирщике, о ссоре маркиза Дезарен по поводу Николь. Эта прожорливая и грязная сука то и дело терлась об

его чулки; тщетно попытавшись несколько раз прогнать ее салфеткой, он вышел из себя и довольно сильно пихнул ее ногой... И вот тотчас же завязывается разговор о страшном пристрастии женщины к животным. Каждый высказывает свое мнение. Хозяин, обращаясь к Жаку, говорит:

--- А как ты об этом думаешь, Жак?

В ответ на это Жак спросил хозяина, не заметил ли тот, что, как бы ни была велика нужда бедных людей, они, тем не менее, всегда держат собак, что эти собаки, будучи выучены проделывать фортели, ходить на задних лапах, плясать, прыгать в честь короля, прыгать в честь королевы, прикидываться мертвецами, оказывались благодаря этой дрессировке несчастнейшими существами на свете. Отсюда он заключал, что всякий человек хочет командовать над другим и что так как животное стоит ниже последнего класса граждан, коими командовали все прочие классы, то люди заводят зверей, чтобы командовать хотя бы над кем-нибудь.

— Словом, — добавил Жак, — у всякого есть своя собака. Министр — собака короля, правитель канцелярии — собака министра, жена — собака мужа или муж — собака жены; Любимчик — это ее собака, а Тибо — собака нищего с угла. Когда хозяин заставляет меня говорить, в то время как мне хочется молчать, что бывает редко, — продолжал Жак, — когда он заставляет меня молчать, в то время как мне хочется говорить, что ему нелегко сделать; когда он просит меня рассказать историю моих любовных приключений, а мне хочется побеседовать о чем-нибудь другом; когда я начинаю историю своих любовных приключений, а он меня перебивает, — что я такое, если не его собака? Слабовольные люди — это собаки стойких людей.

Х о з я и н

Эту привязанность к животным я замечал не у одних бедных людей; многие важные дамы, Жак, окружают себя целой сворой собак, не говоря уже о кошках, попугаях, птицах.

Ж а к

Это происходит по их вине и по вине окружающих. Они не любят никого, никто их не любит, и они бросают собакам чувство, которое им некуда девать.

М а р к и з Д е з а р с и

Любить животных или бросать сердце собакам, — странное сравнение.

Х о з я и н

Того, что отдают этим животным, хватило бы на пропитание двум или трем беднякам.

Ж а к

А вас это удивляет?

Х о з я и н

Нет.

Маркиз Дезарси поглядел на Жака, улыбнулся по поводу его рассуждений и, обращаясь к хозяину, сказал: — У вас довольно необыкновенный лакей.

Х о з я и н

Лакей! Вы очень снисходительны: это я его лакей, и не далее как сегодня утром он чуть было не доказал мне этого по всей форме.

Беседуя таким образом, они добрались до ночлега и заночевали вместе. Хозяин Жака ужинал с господином Дезарси. Жаку же и молодому человеку сервировали отдельно. Хозяин в нескольких словах изложил маркизу историю Жака и его фаталистический образ мыслей. Маркиз поведал о своем спутнике. Тот был прежде премонстрантом³⁰ и покинул орден в связи со странным приключением; приятели рекомендовали этого молодого человека маркизу, который взял его в секретари за немением лучшего. Тогда хозяин Жака сказал:

— Странно!

М а р к и з Д е з а р с и

Что вы тут находите странного?

Хозяин

Я говорю о Жаке. Не успели мы прибыть в ту харчевню, которую только что покинули, как Жак шепнул мне: «Сударь, взгляните на этого молодого человека; бьюсь об заклад, что он был монахом».

Маркиз Дезарси

Он угадал, не знаю только — по какому признаку. Вы рано ложитесь?

Хозяин

Обычно нет; а сегодня меня тем менее клонит ко сну, что мы ехали только полдня.

Маркиз Дезарси

Если вы не можете заполнить время чем-либо более полезным или приятным, я расскажу вам историю моего секретаря; она не из обычных.

Хозяин

Я послушаю ее с удовольствием.

Понимаю вас, читатель; вы говорите: «А где же любовные приключения Жака?..» Вы думаете, я любопытен менее вашего? Разве вы забыли, что Жак любил говорить, и в особенности о себе, — мания, общая людям его ремесла, мания, извлекающая их из ничтожества, возводящая их на трибуну и превращающая одним мановением в интересную личность? Какая причина, по-вашему, привлекает чернь на публичные казни? Бесчеловечность? Заблуждаетесь: народ вовсе не бесчеловечен; будь у него возможность, он вырвал бы из рук правосудия несчастного, вокруг эшафота которого столпился. Он отправляется на Гревскую площадь смотреть зрелище, о котором сможет по возвращении рассказать в своем предместьи; каково зрелище, ему безразлично, лишь бы он играл роль, лишь бы он мог собрать соседей и его бы слушали. Дайте на бульварах интересное представление, — и площадь казни будет пустовать. Народ падок до зрелищ, так как он

забавляется, когда их видит, и еще больше забавляется, когда о них после рассказывает. Народ страшен в бешенстве; но оно длится недолго. Собственная нужда сделала его сардобольным; он отвращает взгляд от ужасного зрелища, ради которого пришел, умиляется и идет домой с плачем... Все, что я вам сейчас говорю, заимствовано мною у Жака, в чем охотно признаюсь, так как не люблю рядиться в чужие перья. Понятие порока, понятие добродетели были неизвестны Жаку; он полагал, что человек рожден счастливо или несчастливо. Когда при нем проносили слова «награда» или «кара», он пожимал плечами. По его представлениям, награда была поощрением для добрых, кара — пугалом для злых. Что же еще могут они представлять собой, — говорил он, — раз нет свободы, а судьба наша предначертана свыше? Человек, по его мнению, с такой же неизбежностью шествует по пути славы или позора, как шар, который обладал бы сознанием, катится по откосу горы; и если бы цепь причин и следствий, составляющих жизнь человека с момента рождения до последнего вздоха, была бы нам известна, мы убедились бы, что человек поступает лишь так, как вынужден поступать. Я не раз спорил с ним без пользы и толка. Действительно, что возразить тому, кто говорит: «Какова бы ни была сумма элементов, которые меня составляют, я един; но одна причина влечет только одно следствие; я всегда был единой причиной, а потому мог произвести только одно следствие, и мое существование — только ряд неизбежных следствий»? Так рассуждал Жак, следуя урокам своего капитана. Различие между миром физическим и миром духовным он почитал бессмыслицей. Капитан пашпиговал ему голову всеми этими идеями, заимствуя их сам у Спинозы, которого знал наизусть. Можно подумать, что при такой системе Жак ничему не радовался, ничем не огорчался; но это было не так. Он вел себя примерно как мы с вами. Благодарил своего благодетеля, чтоб он продолжал делать ему добро. Сердился на несправедливого человека; а когда ему замечали, что в таких случаях он походит на собаку, кусающую камень, которым

в нее бросили, он отвечал: «Камень, укушенный собакой, не исправится, а несправедливого человека палка проучит». Нередко он бывал так же непоследователен, как мы с вами, и склонен забывать свои принципы, за исключением особых обстоятельств, где его философия явно брала над ним верх; тогда он заявлял: «Так должно было случиться, ибо это предначертано свыше». Он старался предотвратить зло и был осторожен, несмотря на величайшее презрение к осторожности. Когда событие совершалось, он возвращался к своему припеву, и это его утешало. В остальном же он был славным человеком, откровенным, честным, смелым, преданным, верным, очень упрямым, еще более болтливым и так же, как мы с вами, огорчался тем, что лишен был надежды когда-либо досказать до конца историю своих любовных приключений. А поэтому советую вам, читатель, примириться с этим и взамен любовных приключений Жака удовольствоваться приключениями секретаря маркиза Дезарсп. К тому же он, как живой, стоит у меня перед глазами, этот бедный Жак, у которого шея обмотана большим платком; его дорожная кубышка, прежде наполненная добрым вином, содержит теперь только ячменный отвар; он кашляет, проклиная покинутую ими хозяйку и ее шампанское, чего бы он не сделал, если бы вспомнил, что все предначертано свыше, даже его простуда.

А кроме того, читатель, всё любовные побасенки да любовные побасенки! Одну, две, три, четыре я вам уже рассказал, три или четыре еще предстоят; слишком много любовных побасенок! Правда, поскольку мы пишем для вас, надо либо отказаться от вашего одобрения, либо руководствоваться вашим вкусом, а вы решительно стоите за любовные побасенки. Все ваши новеллы в стихах и в прозе — любовные побасенки; почти все ваши поэмы, элегии, эклоги, идиллии, песни, послания, комедии, трагедии, оперы — любовные побасенки. Со дня своего рождения вы питаетесь одними только любовными побасенками и всё еще не пресытились. Всех вас, мужчины и женщины, взрослые и дети, держат и еще долго будут держать на этой диете, и она вам не надоест. Поистине,

это изумительно! Мне хотелось бы, чтобы история секретаря маркиза Дезарси тоже оказалась любовной побасенкой, но боюсь, что это не так и что вы поскучаете. Тем хуже для маркиза Дезарси, для хозяина, для Жака, для вас, читатель, а также для меня.

— Наступает момент, когда все девочки и мальчики впадают в меланхолию; их мучит смутное беспокойство, которое распространяется на все и не находит успокоения. Они ищут одиночества, плачут, умиляются монастырской тишиной; картина мирной жизни, якобы царящей в обители, соблазняет их. Они принимают за голос божий, зовущий их к себе, первые вспышки пробуждающегося темперамента; и именно тогда, когда природа предъявляет к ним свои требования, они избирают путь, противный ее велениям. Заблуждение длится недолго: настояния природы становятся отчетливее; они узнают их, и заключенное существо испытывает сожаления, томление, истерики, безумие и отчаяние...

Так начал маркиз Дезарси свое повествование.

— Охваченный в семнадцать лет отвращением к свету, Ришар (так зовут моего секретаря) бежал из дому и стал премонстрантом.

Х о з я и н

Префектом? Это хорошо. Они белы, как лебеди, и основатель их ордена, св. Норберт, упустил в своем статуте только одно...

М а р к и з Д е з а р с и

Дать каждому из монахов по визави.

Х о з я и н

Если б у амуров не было в обычае ходить голышом, они оделись бы префектами. Этот орден усвоил совсем особую политику. Разрешается общаться с герцогинями, маркизами, графинями, женами председателей и купцов, но отнюдь не с мещанками; как бы ни была хороша купчиха, вы редко увидите префекта в лавке

Маркиз Дезарси

Ришар говорил мне это. Он принял бы схиму после двух лет послушничества, если бы родители не воспротивились. Отец потребовал его возвращения домой и предложил проверить свое призвание, соблюдая монастырский образ жизни в течение года: договор был честно соблюден обеими сторонами. По прошествии этого срока Ришар попросил разрешения постричься. Отец отвечал: «Я предоставил вам год для принятия окончательного решения; надеюсь, что вы не откажетесь отложить его еще на такой же срок; при этом я согласен, чтобы вы провели его вне дома». В течение этой второй отсрочки аббат ордена приблизил Ришара к себе. В это-то время он и был втянут в происшествие, которое случается только в монастырях. Во главе одной из обителей ордена стоял человек совсем особого склада; звали его отцом Гюдсоном. Отец Гюдсон обладал весьма интересной внешностью: открытый лоб, овальное лицо, орлиный нос, большие синие глаза, красивые широкие щеки, красивый рот, красивые зубы, очень тонкая улыбка, лес седых волос, прибавлявших достоинства его очаровательным чертам; он был умен, образован, весел, отличался приятными манерами и речами, любовью к порядку и к труду; но в то же время ему были свойственны бешеные страсти, неудержимое влечение к удовольствиям и женщинам, склонность к питриге, доведенная до высшего предела, самые распутные нравы, безграничный деспотизм при управлении обителью. Когда ему вверили попечение о ней, там царил невежественный янсенизм, ученье шло плохо, мирские доходы духовенства были в беспорядке, религиозные обязанности находились в забвении, службы отправлялись без должной пристойности, свободные помещения были заняты распутными школярами. Отец Гюдсон обратил или удалил янсенистов, взял в свои руки учение, наладил доходы, восстановил дисциплину, изгнал беспутных школяров, ввел порядок и пристойность в отправлении богослужений — и превратил свою общину в одну из примернейших. Гюдсон применял стро-

гости к другим, но не к себе; он был не так глуп, чтобы нести то железное ярмо, которое наложил на подчиненных; за это они питали к Гюдсону скрытую, а потому особенно сильную и опасную злобу. Всякий был ему враг и соглядатай; всякий исподтишка старался проникнуть за завесу его поведения; всякий вел счет его тайным распутствам; всякий думал его погубить; он не мог сделать шагу, чтобы за ним не следили; он не успевал завести любовную связь, как о ней уже знали.

Аббату ордена был отведен дом, прилегавший к монастырю. В доме имелось две двери; одна выходила на улицу, другая вела в обитель. Гюдсон взломал замки этих дверей; аббатство превратилось в арену его ночных оргий, а постель аббата — в ложе его развлечений. С наступлением ночи он самолично впускал через наружную дверь в апартаменты аббата женщин всякого звания: там устраивались изысканные ужины. У Гюдсона была исповедаля, и он совратил всех тех из своих прихожанок, кто того стоил. Среди них была одна премпенльская кондитерша, славившаяся в околотке своим кокетством и прелестями; Гюдсон, не имевший возможности ходить к ней, запер ее в своем серале. Этот своеобразный способ увода не преминул возбудить подозрение у родных и у супруга. Они направились к нему. Гюдсон опешил. Но в то время как эти люди излагали ему свое горе, зазвонил колокол; было шесть часов вечера; Гюдсон приказывает им умолкнуть, обнажает голову, встает, осеняет себя крестным знамением и произносит прочувствованным и проникновенным голосом: *Angelus Domini nuntiavit Mariae...**. И вот отец и братья кондитерши сконфужены своим подозрением и, спускаясь с лестницы, говорят супругу: «Сын мой, вы дурак!..», «Брат мой, как вам не стыдно? Человек, который читает *Angelus*, да это же святой!»

Как-то зимой, когда он возвращался под вечер в монастырь, к нему пристала одна из тех особ, которые ловят прохожих; она кажется ему хорошенькой; он следует

* Ангел господень возвестил Марии...

за ней, но не успевает войти, как дозор — тут как тут. Такая пезадача погубила бы всякого другого; но Гюдсон был человек с головой и благодаря этому пропшествоию снискал благоволение и покровительство начальника полиции. Представ перед ним, он сказал следующее:

— Меня зовут Гюдсон; я настоятель обители. Когда я в нес вступил, там царил полный беспорядок: ни наук, ни дисциплины, ни благонравия; службой пренебрегали до непристойности; расстройство дел грозило разорением в скором будущем. Я все восстановил; но я человек и предпочел обратиться к совращенной жепщине, нежели к порядочной. А теперь можете располагать мною по своему усмотрению...

Начальник полиции посоветовал ему впредь быть поосмотрительнее, обещал сохранить в тайне это происшествие и выразил желание познакомиться с ним поближе.

Тем временем окружавшие его враги послали, каждый с своей стороны, генералу ордена донесения, в которых излагали все, что знали о дурном поведении Гюдсона. Сопоставление этих донесений увеличивало их значение. Генерал был янсенистом, а потому был непрочь отомстить за преследования, которым Гюдсон подверг его единомышленников. Он с удовольствием распространил бы па всю секту обвинение в разврате, падавшее на защитника буллы и распущенной морали. Вследствие этого он передал донесения о разных поступках и повадках Гюдсона в руки двух официалов, которых отправил с тайным поручением расследовать и юридически засвидетельствовать их; при этом он наказал им соблюдать в этом деле исключительную осмотрительность как единственное средство внезапно уличить виновного и лишить его покровительства двора и епископа Мнрепуаского³¹, в глазах которого янсенизм был величайшим грехом, а подчинение булле *Unigenitus*³² — первойшей добродетелью. Мой секретарь Ришар был одним из этих двух официалов.

И вот оба они уезжают из послушнического дома, останавливаются у Гюдсона и келейно приступают к расследованию. Вскоре им удается составить список стольких

прегрешений, что их хватило бы для заключения in расе * пятидесяти монахов. Пребывание их длилось долго, но действовали они так ловко, что ничего не вышло наружу. Гюдсон, несмотря на всю свою прозорливость, был близок к гибели, о которой ничего не подозревал. Тем не менее недостаточное уважение, оказанное ему пришлецами, тайна их приезда, их приходы и уходы, то вместе, то порознь, частые совещания с другими монахами, лица, которых они навещали и которые их навещали, возбудили в нем сомнения. Он стал следить за ними и сам и через других; вскоре цель их миссии сделалась для него очевидной. Нисколько не смутившись, он старательно занялся изысканием способа не столько избежать угрожавшей ему беды, сколько навлечь ее на головы обоих официалов; и вот удивительный прием, к которому он прибег.

Незадолго перед тем он совратил молодую девушку, которую укрывал в маленькой квартирке Сен-Медарского квартала. Явившись туда, он обратился к ней со следующей речью:

— Дитя мое, все обнаружено, мы погибли; не пройдет и недели, как вас заточат, а что будет со мной, право, не знаю. Не отчаивайтесь, не печальтесь; поборите свою тревогу. Выслушайте меня, сделайте то, что я вам скажу, сделайте это как следует, а я позабочусь об остальном. Завтра я уезжаю за город. Во время моего отсутствия сходите к двум монахам, которых я вам назову. (И он назвал ей обоих официалов.) Попросите разрешения переговорить с ними по секрету. Придя к ним, бросьтесь на колени, молитесь о помощи, взывайте к чувству справедливости, просите их содействия перед генералом, на которого они, как вам известно, имеют большое влияние, плачьте, рыдайте, рвите на себе волосы, и плача, рыдая, вырывая на себе волосы, расскажите им всю нашу историю и расскажите таким образом, чтобы вызвать в них жалость к вам и отвращение ко мне.

— Как, сударь! Рассказать им?..

* В монастырском carcere.

— Да, вы расскажете, кто вы, из какой семьи, как я совратил вас на исповеди, как похитил у родителей и скрыл в этом доме. Вы скажете, что, отняв у вас честь и введя во грех, я бросил вас в нищете, и вы не знаете, как быть дальше.

— Помилуйте, отец мой...

— Исполните то, что я вам предписал, и то, что мне остается предписать, или готовьтесь к своей и моей гибели. Эти двое монахов не премнут отнестись к вам с сочувствием, заверить вас в своем содействии и попросить второго свидания, на которое вы согласитесь. Они осведомятся о вас и ваших родных, а так как вы расскажете им одну только правду, то у них не возникнет никаких подозрений. После первого и второго свидания я сообщу вам, как надо поступить на третьем. Постарайтесь только хорошо сыграть свою роль.

Все произошло так, как задумал Гюдсон. Он принял вторую поездку. Официалы известили об этом молодую девушку; она снова зашла в обитель. Они попросили ее повторить свою злосчастную историю. Пока она рассказывала ее одному, другой записывал в записной книжке. Они скорбели о ее судьбе, сообщили ей о горе ее родителей, которое было далеко не притворным, и обещали полную безопасность и быструю кару соблазнителью, но при условии, что она подпишет свое разоблачение. Это, казалось, возмутило ее; они стали настаивать, она согласилась. Оставалось только установить день, час и место для составления акта, что требовало времени и удобного случая... «Здесь невозможно: приор может вернуться и меня заметить... Свое помещение я не решаюсь вам предложить...» Девушка и официалы расстались, предоставив друг другу время для устранения этих препятствий.

В тот же день Гюдсон узнал обо всем, что случилось. Он в восторге; близится момент его торжества: вскоре он покажет молокососам, с кем они имеют дело!

— Возьмите перо, — сказал он девушке, — и назначьте им свидание в месте, которое я укажу. Я уверен, что они

найдут его подходящим. Это — приличный дом, и занимающая его женщина пользуется среди соседей и жильцов наилучшей репутацией.

Женщина эта, однако, принадлежала к числу тех тайных интриганок, притворяющихся святошами, которые втираются в самые достойные семьи, прибегают к елейному, сердечному, вкрадчивому тону и обманывают доверие матерей и дочерей, чтобы свести их с пути добродетели. Гюдсон пользовался ею для этой цели, она была его сводней. Посвятил ли он ее или не посвятил в свою тайну, сказать не могу.

Действительно, оба посланца генерала согласились на свидание. И вот они в обществе молодой девушки. Посредница удаляется. Приступают к составлению дознания, как вдруг в доме поднимается страшный шум.

— Вы к кому, господа?

— К тетке Симион. (Так звали сводню.)

— Вот ее двери.

Раздается сильный стук.

— Отвечать мне? — спрашивает девушка монахов.

— Ответьте.

— Открыть?

— Откройте!..

Последнее приказание произнес полицейский надзиратель, состоявший в дружеских отношениях с Гюдсоном, ибо кого только приор не знал! Он открыл надзирателю про козни официалов и продиктовал ему его роль.

— Ого! — сказал полицейский, входя, — два монаха наедине с девицей! Недурненькая.

Молодая девушка была так непристойно одета, что невозможно было усомниться в ее ремесле и в том, какие дела свели ее с монахами, из которых старшему не было тридцати лет. Те же клялись в своей невинности. Надзиратель ухмылялся, взяв за подбородок девушку, бросившуюся к его ногам и молившую о пощаде.

— Мы в приличном доме, — заявляли монахи.

— Да, да, в приличном, — отвечал надзиратель.

— Мы пришли по важному делу.

— Знаем мы, за какими важными делами сюда ходят. А вы что скажете, барышня?

— Сударь, эти господа говорят истинную правду.

Тем не менее надзиратель принялся в свою очередь составлять дознание, и так как в его протоколе было приведено только голое и простое изложение факта, то монахам пришлось подписать. Спускаясь вниз, они увидели жильцов, высыпавших на площадки лестниц перед квартирами, многочисленную толпу перед домом, экипаж и стражников, которые усадили их в коляску, под глухой гул проклятий и гиканья. Монахи прикрыли лица плащами и впали в отчаяние; вероломный же надзиратель воскликнул:

— Ах, отцы мои, зачем посещать такие места и этих тварей? Впрочем, дело пустяковое; полиция приказала мне передать вас в руки вашего настоятеля, а он любезный и снисходительный человек; он не станет придавать этому делу большего значения, чем оно заслуживает. Не думаю, чтобы в ваших обителях поступали так же, как у жестоких капуцинов. Вот, если бы вам пришлось отвечать перед ними, я бы вас пожалел.

Во время этой речи надзирателя экипаж продвигался к монастырю; толпа росла, окружала его, бежала перед ним и за ним во всю прыть. В одном месте раздавалось: «Что такое?..», в другом — «Это монахи...» — «Что они натворили?» — «Их застали у девочек...» — «Премонстранты у девочек?..» — «Ну да; они идут по стопам кармелитов и францисканцев».

И вот они приехали. Надзиратель выходит из экипажа, стучит раз, стучит два, стучит три; наконец ему отпирают. Докладывают Гюдсону, который заставляет прождать себя добрых полчаса, чтоб раздуть скандал во-всю. В конце концов он является. Надзиратель шепчет ему на ухо, делает вид, будто заступается за монахов, а Гюдсон будто сурово отклоняет его ходатайство; затем приоткрыл строгим лицом твердо говорит ему:

— В моей обители нет развратных монахов; эти

люди — приезжие и мне неизвестны; быть может, это переодетые негодяи; поступайте с ними, как вам угодно.

После этих слов двери за ним захлопываются; надзиратель возвращается в экипаж и заявляет беднягам, которые ни живы ни мертвы:

— Я сделал, что мог; никогда бы не подумал, что отец Гюдсон так суров. И зачем только чорт посыл вас к шлюхам!

— Если та, у которой вы нас застали, принадлежит к их числу, то мы отправились к ней не для распутства.

— Ха, ха, ха! И это вы рассказываете старому надзирателю, отцы мои! Кто вы такие?

— Мы монахи и посим рясу нашего ордена.

— Помните, что завтра ваше дело разъяснится; говорите правду; может быть, я смогу вам услужить.

— Мы сказали правду... Но куда нас везут?

— В Малый Шатле.

— В Малый Шатле! в тюрьму!

— Мне очень жаль...

Действительно, туда и отвезли Риншара и его сотоварища; но в намерения Гюдсона не входило оставить их там. Он сел в дорожную карету, отправился в Версаль, переговорил с министром, представил ему дело в таком освещении, какое нашел нужным.

— Вот, монсеньёр, чему подвергаешь себя, когда преобразуешь распущенную обитель и изгоняешь оттуда еретиков! Еще минута — и я погиб бы, я был бы обесчещен. Но травля этим не ограничится: вы еще услышите все мерзости, которыми мыслимо очернить порядочного человека; прошу вас, однако, вспомнить, что наш генерал...

— Знаю, знаю и скорблю за вас. Услуги, оказанные вами церкви и вашему ордену, не будут забыты. Избранники господни во все времена терпели гонения, они умели их сносить; научитесь подражать их доблести. Рассчитывайте на милость и покровительство короля. Ах, монахи, монахи! Я сам был монахом и знаю по опыту, на что они способны.

— Если ради блага церкви и государства вашему преосвященству суждено меня пережить, то я не боюсь продолжать свое дело.

— Я не премину выручить вас из беды. Ступайте.

— Нет, монсеньёр, нет, я не уйду, пока не добьюсь именного повеления выпустить этих заблудших монахов...

— Вижу, что вы близко принимаете к сердцу честь религии и вашего одеяния и готовы даже ради этого позабыть личные обиды; это вполне по-христиански, и хотя я умлен, однако несколько не удивляюсь этому со стороны такого человека, как вы. Дело не получит огласки.

— Ах, монсеньёр, вы преисполнили мою душу радостью! В настоящую минуту я больше всего опасался именно этого.

— Я сейчас же приму меры.

В тот же вечер Гюдсон получил приказ об освобождении узников, а на другой день, едва наступило утро, Ришар с сотоварищем находились в двадцати милях от Парижа, эскортируемые полицейским чином, который доставил их в орденскую обитель. Он также привез с собой письмо, в котором предписывалось генералу прекратить подобные затеи и подвергнуть наших обоих монахов дисциплинарному взысканию.

Это происшествие смутило врагов Гюдсона. Не было во всей обители такого монаха, который не дрожал бы под его взглядом. Спустя несколько месяцев ему дали богатое аббатство. Это преисполнило генерала смертельной досадой. Он был стар, и приходилось опасаться, что Гюдсон станет его преемником. Ришара же он очень любил.

— Мой бедный друг, — сказал он ему однажды, — что станет с тобой, если ты попадешь под власть Гюдсона? Меня это пугает. Ты еще не принял пострига; поверь мне, скинь рясу...

Ришар последовал его совету и вернулся в отчий дом, находившийся неподалеку от того аббатства, где обосновался Гюдсон.

Гюдсон и Ришар посещали те же дома, а потому им трудно было не встретиться; и действительно, они встре-

тились. Однажды Ришар находился у владелицы замка, расположенного между Шалонем и Сен-Дизье, но ближе к Шалону, чем к Сен-Дизье, и на расстоянии ружейного выстрела от Гюдсоновского аббатства.

Эта дама сказала ему:

— Здесь живет ваш бывший приор; он очень приятный человек, но что он в сущности собой представляет?

— Лучший из друзей и опаснейший из врагов.

— А вам не хотелось бы повидаться с ним?

— Нисколько.

Но успел он ответить, как раздался грохот въезжавшего во двор кабриолета, и оттуда вышел Гюдсон в сопровождении одной из прелестнейших женщин округа.

— Вы увидите с ним против своей воли,— сказала владелица замка,— ибо это он.

Хозяйка и Ришар идут навстречу аббату Гюдсону и особе, вышедшей из кабриолета. Дамы обнимаются. Гюдсон, подойдя к Ришару и узнав его, восклицает:

— Ах, это вы, мой любезный Ришар! Вы хотели меня погубить: прощаю вас; простите и вы мне вашу поездку в Малый Шатле; и забудем об этом.

— Согласитесь, господин аббат, что вы поступили, как отъявленный негодяй.

— Возможно.

— И что если бы с вами поступили по справедливости, то вы, а не я, совершили бы поездку в Шатле.

— Возможно... Но угрожавшей мне тогда опасности я, повидному, обязан своим обращением. Ах, дорогой Ришар, как много я об этом думал и как переменялся!

— Вы приехали с очаровательной женщиной.

— Я не замечаю более этих чар.

— Какая фигура!

— Мне это безразлично.

— Какие пышные формы!

— Рано или поздно начинаешь питать отвращение к удовольствию, которым наслаждался на коньке кровли с риском ежеминутно сломать себе шею.

— У нее чудеснейшие руки!

— Я больше не дотрагиваюсь до этих рук. Здравый ум постоянно возвращает нас к канонам нашего звания, в коих и заключается истинное счастье.

— А глаза, которые она украдкой направляет на вас! Признайте как знаток, что никто не глядел на вас таким сверкающим, таким ласковым взором. Какая грация, какая воздушность, какое благородство в походке, в движениях!

— Мне не до мирской суеты; я читаю Писание, размышляю над отцами церкви.

— И изредка над совершенствами этой дамы. Далеко ли она живет от Монсепа? Молод ли ее супруг?..

Гюдсон, рассердившись на эти вопросы и видя, что Ришар не принимает его за святого, вдруг воскликнул:

— Дорогой Ришар, вы....., но вы смеетесь надо мной, и вы правы.

Любезный читатель, простите мне это крепкое словцо и согласитесь, что здесь, как и в большинстве хороших побасенок, вроде беседы Пирона с покойным аббатом Ватри, приличные выражения испортили бы все.— «Что это за беседа Пирона с аббатом Ватри?» — Спросите о ней у издателя его произведений, который не решился ее обнародовать; но он не станет упрячиться вам ее рассказать.

Наши четверо путешественников снова соединились в замке; пообедали, и пообедали весело, а вечером разошлись с обещанием увидаться... Пока маркиз Дезарси беседовал с хозяином Жака, Жак со своей стороны не играл в молчанку с господином секретарем Ришаром, который счел его за исключительного оригинала; оригиналы встречались бы среди людей гораздо чаще, если бы с одной стороны воспитание, а с другой — обращение в свете не стирали бы их, как хождение по рукам стирает чекан с монеты. Было поздно; часы уведомили и господ и слуг о том, что пора отдохнуть, и все последовали их совету.

Раздевая своего хозяина, Жак спросил:

— Сударь, любите ли вы картины?

Хозяин

Да, но только в рассказах; когда же вижу их в красках и на полотне, то, хотя и высказываю свое мнение с апломбом любителя, однако же, признаюсь, равно ничего в них не смыслю; я бы сильно затруднился отличить одну школу от другой; готов принять Буше за Рубенса или за Рафаэля, дрянную копию за неподобный оригинал, оценил бы в тысячу эку шестифранковую мазию и в шесть франков тысячефранковую вещь; я покупал картины только на мосту Нотр-Дам, у некоего Транблена, который в мое время породил немало нищеты и разврата и погубил талант молодых учеников Ван-Ло.

Жак

Как же это?

Хозяин

Какое тебе дело? Описывай свою картину и будь краток, так как меня клонит ко сну.

Жак

Станьте насупротив фонтана Невинных Младенцев или неподалеку от ворот Сен-Дени; это два аксессуара, которые обогатят композицию.

Хозяин

Я уже там.

Жак

Взгляните на карету посреди улицы; ремень у нее порван, и она лежит на боку.

Хозяин

Виджу.

Жак

Из нее выбирается монах с двумя девицами. Монах улепетывает во-всю. Кучер торопится сойти с козел. Его собака преследует монаха и вцепилась ему в рясу; монах прилагает все усилия, чтоб избавиться от животного. Одна из девиц, в задравшемся платье, с обнаженной

грудью, схватилась за бока от смеха. Другая, которая ударилась лбом и набила себе шишку, опирается о дверцы и сжимает голову обеими руками. Тем временем собралась чернь, с криком сбежались мальчишки, торговцы и торговки высыпали на пороги лавок, а прочие зрители высовываются из окон.

Х о з я и н

Ах ты, чорт, Жак! Твоя композиция отменно стройна, богата, забавна, разнообразна и полна движения. По нашем возвращении в Париж отнеси ее Фрагонуру, и ты увидишь, что он из этого смастерит.

Ж а к

После признания о степени вашей компетентности в живописи я могу принять вашу похвалу, не опуская глаз.

Х о з я и н

Бьюсь об заклад, что это одно из похождений аббата Гюдсона.

Ж а к

Угадали.

Пока эти добрые люди почивают, я хочу предложить вам, читатель, один вопрос, который вы можете обсудить на своей подушке, а именно: что вышло бы из младенца, родившегося от аббата Гюдсона и госпожи де-ла-Помере? — «Может быть, порядочный человек. Может быть, бесподобный мошенник». — Вы скажете мне это завтра утром.

Утро это наступило, и наши путешественники расстались, ибо маркиз Дезарси должен был ехать не по той дороге, по которой ехали Жак и его хозяин. — «Мы, значит, вернемся к любовным приключениям Жака?» — Надеюсь; несомненно, однако, что хозяин уже посмотрел на часы, взял понюшку табаку и сказал Жаку:

— Ну, Жак, продолжай рассказ.

Вместо ответа Жак сказал:

— Чорт их знает! с утра до вечера они не пере-

стают дурно отзываться о жизни и тем не менее не решаются с ней расстаться! Потому ли, что эта жизнь в конечном счете не так плоха, или потому, что они в будущем опасаются еще худшей?

Х о з я и н

И то и другое. Кстати, Жак, веришь ли ты в загробную жизнь?

Ж а к

И не верю, и не не верю; просто я о ней не думаю. Я по возможности наслаждаюсь той, которая нам отпущена в задаток грядущей.

Х о з я и н

Я чувствую себя, как в коконе, и мне хочется думать, что когда-нибудь бабочка или моя душа, разорвав оболочку, вылетит навстречу искуплению.

Ж а к

Вы придумали прелестный образ.

Х о з я и н

Не я; он попался мне в книге итальянского поэта Данте, именуемой «Комедия об аде, чистилище и рае»³³.

Ж а к

Странный сюжет для комедии!

Х о з я и н

Там есть дивные места, в особенности в «Аде». Данте заключает ереспархов в огненные могилы, откуда вырывается пламя и разносит гибель на далекое расстояние; неблагодарных — в ниши, где они проливают слезы, леденеющие на их щеках; ленивцев — тоже в ниши, и говорит об этих последних, что кровь течет у них из вен и что ее подбирают презренные черви... Но по какому поводу твой выпад против нашего презрения к жизни, которую мы боимся потерять?

Ж а к

По поводу того, что рассказал мне секретарь маркиза Дезарси о муже хорошенькой женщины, приехавшей в кабриолете.

Х о з я и н

Да ведь она вдова!

Ж а к

Она потеряла мужа во время своего путешествия в Париж; этот чудака и слушать не хотел о соборовании. Примирить его с колпачком поручили владелице того замка, где Ришар встретился с аббатом Гюдсоном.

Х о з я и н

Что ты имеешь в виду под своим колпачком?

Ж а к

Я имею в виду колпачок, который надевают на новорожденных.

Х о з я и н

Понимаю. Так как же они его околпачили?

Ж а к

Все разместились вокруг камина. Врач, пощупав пульс, показавшийся ему очень слабым, тоже подсел к остальным. Дама, о которой идет речь, подошла к кровати и задала несколько вопросов, однако не поднимая голоса больше, нежели это было необходимо, чтоб умирающий не пропустил ни одного слова из того, что ему надлежало услышать; после этого завязался разговор между дамой, доктором и несколькими присутствующими, о чем я вам сейчас и поведаю.

Д а м а

Итак, доктор, какие новости вы сообщите нам про герцогиню Пармскую?

Доктор

Я только что был в одном доме, где мне сказали, что состояние ее безнадежно.

Дама

Герцогиня всегда была богобоязненной. Почувствовав опасность, она тотчас же пожелала исповедаться и приобщиться святых тайн.

Доктор

Священник церкви св. Рока везет ей в Версаль священную реликвию; но она прибудет слишком поздно.

Дама

Не одна инфанта подает подобные примеры. Герцог де-Шеврез, который был очень болен, не стал ждать, чтобы ему предложили святые дары, а сам попросил об этом, чем весьма порадовал всю семью.

Доктор

Ему стало гораздо лучше.

Один из присутствовавших

Несомненно, что это не способствует смерти, а наоборот.

Дама

Право, этот долг необходимо исполнить, как только наступает опасность. Больные, повидимому, не сознают, как тяжело окружающим и в то же время как необходимо сделать им подобное предложение.

Доктор

Я выхожу от пациента, который два дня тому назад спросил меня:

— Как вы меня находите, доктор?

— Сильная лихорадка, сударь, и частые припадки.

— Скоро ли у меня будет припадок?

— Пет; но возможно, что к вечеру.

— Раз так, то я уведомлю одного человека, с которым должен уладить некое дельце, пока у меня голова в порядке...

Он исповедался и причастился. Возвращаюсь вечером, никакого рецидива. Вчера ему было лучше; сегодня он совсем в порядке. За время своей практики я не раз видел такое действие святых тайн.

Б о л ь н о й (лакею)

Принесите мне курицу.

Ж а к

Ему подают курицу, он хочет ее разрезать, но у него нехватает сил; тогда ему кромсают крылышко на мелкие кусочки; он требует хлеба, набрасывается на него, делает усилие, чтоб разжевать кусок, который не может проглотить, и выплевывает его в салфетку; затем он просит чистого вина, пригубливает и говорит: «Я чувствую себя отлично...» Но полчаса спустя его не стало.

Х о з я и н

Эта дама все же ловко взялась за дело... Ну-с, а твои любовные приключения?

Ж а к

А наше условие?

Х о з я и н

Помню... Ты в замке Дегланов, и старуха-поставщица Жаппа приказала своей юной дочери Денизе навещать тебя четыре раза в день и ухаживать за тобой. Но прежде чем продолжать, скажи мне, сохраняла ли до этого Дениза свою невинность?

Ж а к (покашливая)

Полагаю, что да.

Х о з я и н

А ты?

Жак

От моей и след простыл.

Хозяин

Значит, Дениза не была твоей первой любовью?

Жак

Почему?

Хозяин

Потому что невинность отдают той, которую любят, как бывают любимы той, у которой ее похищают.

Жак

Иногда — да, иногда — нет.

Хозяин

А как ты ее потерял?

Жак

Я не терял ее, а, собственно говоря, сбыл.

Хозяин

Расскажи-ка мне про эту сделку.

Жак

Это будет первой главой из св. Луки, бесконечный ряд *genuit*³⁴, начиная от первой и кончая Денизой.

Хозяин

Которая думала сорвать твою невинность и не сорвала?

Жак

И до Денизы — две соседки по хижине.

Хозяин

Которые думали сорвать твою невинность и не сорвали?

Ж а к

Нет.

Х о з я и н

Вдвоем проморгать одну невинность! Этакая косолапость!

Ж а к

Вижу, сударь, по приподнятому правому уголку вашей губы и по сморщенной левой лоздре, что мне лучше добровольно исполнить ваше желание, чем заставлять себя просить; к тому же горло у меня еще больше разболелось, а продолжение моих любовных приключений будет длинным, и у меня хватит духу разве только на один или два рассказа.

Х о з я и н

Если бы Жак хотел доставить мне большое удовольствие...

Ж а к

То что бы он сделал?

Х о з я и н

Он начал бы с потери своей невинности. Знаешь, я всегда интересовался описанием этого великого события.

Ж а к

Разрешите узнать, почему?

Х о з я и н

Ибо из всех подобных актов только этот обладает известной остротой; остальные же являются плоскими и пошлыми повторениями. Я уверен, что из всех грехов хорошенькой парижанки духовник внимательно выслушивает только этот.

Ж а к

Ах, сударь, сударь, у вас извращенное воображение; боюсь, что на смертном одре дьявол явится вам с тем же атрибутом, с каким он явился к Феррагуту ³⁵.

Х о з я и н

Возможно. Но быюсь об заклад, что тебя научила умудразуму какая-нибудь распутная старуха из твоей деревни?

Ж а к

Не бейтесь об заклад: проиграете.

Х о з я и н

Значит, служанка твоего священника?

Ж а к

Не бейтесь об заклад: снова проиграете.

Х о з я и н

В таком случае ее племянница?

Ж а к

Она отличалась сварливостью и ханжеством, — два свойства, которые отлично сочетаются, но оба они не в моем вкусе.

Х о з я и н

На этот раз я, кажется, угадал.

Ж а к

Не думаю.

Х о з я и н

В один ярмарочный или базарный день...

Ж а к

Это не было ни в ярмарочный, ни в базарный день.

Х о з я и н

Ты отправился в город.

Ж а к

Я не отправлялся в город.

Х о з я и н

И свыше было предначертано, что ты повстречаешь в харчевне одну из таких уступчивых особ, что ты напьешься...

Ж а к

Дело было патошак; а свыше было предначертано, что вы будете сегодня тратить силы на неверные догадки и приобретете недостаток, от которого меня отучили, а именно страсть к угадыванию — и всегда мимо. Таков, сударь, каким вы меня видите, я был однажды крещен.

(Х о з я и н

Если ты намерен начать рассказ о потере невинности с момента твоего крещения, то мы не скоро дойдем до дела.

Ж а к

Итак, у меня были крестный и крестная. Дядюшка Чорт, самый лучший тележник в деревне, имел сына. Чорт-отец был моим крестным, Чортов сын моим другом. В возрасте восемнадцати-девятнадцати лет мы оба влюбились одновременно в миленькую портниху, по имени Жюстина. Она не слыла жестокосердной, но вздумала почему-то поючевряжиться первым отказом и оставила свой выбор на мне.

Х о з я и н

Это одно из тех женских чудачеств, в которых невозможно разобраться.

Ж а к

Все жилище моего крестного, тележника Чорта, состояло из лавки и чердака. Его кровать помещалась в глубине лавки. Чортов сын, мой приятель, спал на чердаке, куда забирался с помощью лестницы, находившейся приблизительно на одинаковом расстоянии от постели отца и от входной двери.

Когда Чорт, мой крестный, погружался в глубокий сон, Чортов сын, мой приятель, тихонько отворял двери,

и Жюстина поднималась на чердак по маленькой лестнице. На другое утро, спозаранку, до пробуждения Чорта-отца, Чорт сын спускался с чердака, отворял дверь, и Жюстина исчезала, как приходила.

Х о з я и н

Чтобы отправиться на какой-нибудь другой чердак, свой или чужой.

Ж а к

Почему бы и нет? Связь Чортова сына и Жюстины протекала довольно гладко; но ей суждено было прекратиться; так было предначертано свыше, и так оно случилось.

Х о з я и н

Ее прекратил отец?

Ж а к

Нет.

Х о з я и н

Мать?

Ж а к

Ее не было в живых.

Х о з я и н

Соперник?

Ж а к

Да нет же, нет, чорт возьми! Сударь, свыше предначертано, что вы не угомонитесь до конца своей жизни: вы будете угадывать и, повторяю, — каждый раз мимо.

Однажды под утро, когда друг мой Чорт сын, более утомленный, чем обычно, то ли работой предыдущего дня, то ли ночными удовольствиями, мирно почивал в объятиях Жюстины, у подножья лестницы раздался громовой голос:

— Чорт! чорт! Проклятый лентяй! Благовестили к «Ангелу господню»; уже пол-шестого, а он — еще на чердаке! Не намерен ли ты прохладиться до полудня?

Или мне слазить и спустить тебя оттуда скорей, чем бы тебе хотелось? Чорт! чорт!

— Что, батюшка?

— Где ось, которую ждет этот ворчун мызник; ты хочешь, чтоб он опять поднял шум?

— Ось готова, он может получить ее через четверть часа...

Предоставляю вам судить о тревоге Жюстины и моего бедного друга, Чортова сына.

Х о з я и н

Я уверен, что Жюстина поклялась больше не ходить на чердак и вернулась туда в тот же вечер. Но как выбралась она в это утро?

Ж а к

Если вы намереваетесь строить догадки, то я умоляю... Между тем Чортов сын соскочил с кровати на босу ногу, схватил штаны, перекинул камзол через руку. Пока он одевается, Чорт-отец бормочет сквозь зубы:

— С тех пор как он втюрился в эту шлюху, все юшло шиворот-навыворот. Но надо положить этому конец: дольше терпеть нельзя; мне надоело. Будь это еще девка, которая бы того стоила; а то мразь, бог ведает какая мразь! Ах, если б увидела это покойница, которая до ногтей была пропитана устоями, то давно бы отдубасила она одного, а другой выцарапала бы глаза при всем честном народе на паперти после большой обедни, ибо ее ничем нельзя было остановить; но если я до сих пор был добрым, и они думают, что это будет продолжаться то они сильно ошибаются.

Х о з я и н

А Жюстина слышала все это со своего чердака?

Ж а к

Несомненно. Тем временем Чортов сын отправился к мызнику, перекинув ось через плечо, а Чорт-отец при

нялся за работу. Ударив два-три раза топором, он почувствовал, что пос его требует понюшки; он ищет табакерку в кармане, ищет у изголовья постели и не находит.

— Вероятно, ее забрал, как всегда, этот прощелыга, — сказал он. — Посмотрим, нет ли ее наверху...

И вот он взбирается на чердак. Мгновение спустя он вспоминает, что у него нет трубы и пожара, и снова поднимается на чердак.

Х о з я и н

А Жюстина?

Ж а к

Она поспешно собрала свое платье и скользнула под кровать, где растянулась на животе ни жива ни мертва.

Х о з я и н

А твой друг Чортов сын?

Ж а к

Сдав ось, приладив ее и получив деньги, он прибежал ко мне и поведал про ужасное положение, в котором находился. Немного позабавившись над ним, я сказал:

— Слушай, Чортов сын, погуляй по деревне или где тебе угодно, а я выручу тебя из беды. Прошу только об одном: не торопи меня... Вы улыбаетесь, сударь; что это значит?

Х о з я и н

Ничего.

Ж а к

Мой друг Чортов сын уходит. Я одеваюсь, так как еще не вставал. Отправляюсь к его отцу. Не успел тот меня заметить, как воскликнул с радостью и удивлением:

— Это ты, крестник! Откуда тебя несет и зачем пришел в такую рань?..

Крестный действительно питал ко мне дружбу, а потому я откровенно сказал ему:

— Дело не в том, откуда я иду, а как вернусь домой.

— Ах, крестник, ты становишься распутником; боюсь. что сын мой и ты — два сапога пара. Ты не ночевал дома.

— Отец полагает, что я не вправе так себя вести.

— Он вправе считать, что ты не вправе так себя вести. Но сперва позавтракаем, бутылка нас умудрит.

Х о з я и н

Жак, у этого человека были здравые взгляды.

Ж а к

Я отвечал ему, что не хочу ни пить, ни есть и что умираю от усталости и желания выспаться. Старик Чорт, который в молодости не спасовал бы в таких делах ни перед кем, добавил, ухмыляясь:

— Эй, крестник, вероятно, она хорошенькая, и ты не клал охулки на руку! Вот что: сын мой вышел; ступай на чердак и ложись на его постель... Но еще словечко перед тем, как сын вернется. Он — твой друг; когда вы будете наедине, скажи ему, что я им недоволен, очень недоволен. Его развратила мне одна девчонка, Жюстина; ты ее, наверно, знаешь (кто из деревенских парней ее не знает!); ты окажешь мне настоящее одолжение, если отворишь его от этой твари. Прежде это был, как говорится, отличный малый; но после злосчастного знакомства с ней... Да ты не слушаешь; у тебя глаза слипаются. Ступай отдохни...

Иду наверх, раздеваюсь, поднимаю одеяло, простыни, щупаю повсюду: никакой Жюстины! Тем временем Чорт, мой крестный, говорит:

— Ах, дети, проклятые дети! И этот тоже огорчает своего отца.

Не найдя Жюстины на кровати, я заподозрил, что она находится под ней. В конуре царила крошечная тьма. Наклоняюсь, вожу пальцами, паталкиваюсь на ее руку, схватываю ее и притягиваю к себе; Жюстина, дрожа, выползает из-под лежанки. Я целую ее, успокаиваю, подаю ей знак, чтоб она легла на кровать. Она склады-

нялся за работу. Ударив два-три раза топором, он почувствовал, что пос его требует понюшки; он ищет табакерку в кармане, щипет у изголовья постели и не находит.

— Вероятно, ее забрал, как всегда, этот прощелыга, — сказал он. — Посмотрим, нет ли ее наверху...

И вот он взбирается на чердак. Мгновение спустя он вспоминает, что у него нет трубки и пожа, и снова поднимается на чердак.

Х о з я н н

А Жюстина?

Ж а к

Она поспешно собрала свое платье и скользнула под кровать, где растянулась на животе ни жива ни мертва.

Х о з я н н

А твой друг Чортов сын?

Ж а к

Сдав ось, приладив ее и получив деньги, он прибежал ко мне и поведал про ужасное положение, в котором находился. Немного позабавившись над ним, я сказал:

— Слушай, Чортов сын, погуляй по деревне или где тебе угодно, а я выручу тебя из беды. Прошу только об одном: не торопи меня... Вы улыбаетесь, сударь; что это значит?

Х о з я н н

Ничего.

Ж а к

Мой друг Чортов сын уходит. Я одеваюсь, так как еще не вставал. Отправляюсь к его отцу. Не успел тот меня заметить, как воскликнул с радостью и удивлением:

— Это ты, крестник! Откуда тебя несет и зачем пришел в такую рань?..

Крестный действительно питал ко мне дружбу, а потому я откровенно сказал ему:

— Дело не в том, откуда я иду, а как вернусь домой.

— Ах, крестник, ты становишься распутником; боюсь, что сын мой и ты — два сапога пара. Ты не ночевал дома.

— Отец полагает, что я не вправе так себя вести.

— Он вправе считать, что ты не вправе так себя вести. Но сперва позавтракаем, бутылка нас умудрит.

Х о з я и н

Жак, у этого человека были здоровые взгляды.

Ж а к

Я отвечал ему, что не хочу ни пить, ни есть и что умираю от усталости и желания выспаться. Старик Чорт, который в молодости не спасовал бы в таких делах ни перед кем, добавил, ухмыляясь:

— Эй, крестник, вероятно, она хорошенькая, и ты не клал охулки на руку! Вот что: сын мой вышел; ступай на чердак и ложись на его постель... Но еще словечко перед тем, как сын вернется. Он — твой друг; когда вы будете наедине, скажи ему, что я им недоволен, очень недоволен. Его развратила мне одна девчонка, Жюстина; ты ее, наверно, знаешь (кто из деревенских парней ее не знает!); ты окажешь мне настоящее одолжение, если отворишь его от этой твари. Прежде это был, как говорится, отличный малый; но после злосчастного знакомства с ней... Да ты не слушаешь; у тебя глаза слипаются. Ступай отдохни...

Иду наверх, раздеваюсь, поднимаю одеяло, простыни, щупаю повсюду: никакой Жюстины! Тем временем Чорт, мой крестный, говорит:

— Ах, дети, проклятые дети! И этот тоже огорчает своего отца.

Не найдя Жюстины на кровати, я заподозрил, что она находится под ней. В конуре царила крошечная тьма. Наклоняюсь, вожу пальцами, паталкиваю на ее руку, схватываю ее и притягиваю к себе; Жюстина, дрожа, выползает из-под лежанки. Я целую ее, успокаиваю, подаю ей знак, чтоб она легла на кровать. Она склады-

ваек руки, падает к моим ногам, обнимает мои колени. Если б было светло, я не устоял бы перед этой немощной; но когда потемки не внушают страха, они внушают предприимчивость. К тому же ее прежние отказы берегли мое сердце. Вместо ответа я пихнул ее к лестнице, ведущей в лавку. У нее от страха вырывается крик. Чорт, услышав его, сказал:

— Он бредит...

Жюстина стала терять сознание; ее колени подкосились; в отчаянии она шептала глухим голосом:

— Он придет... он идет... вот он поднимается... Я погибла!

— Нет, нет, — отвечал я тихо, — оправьтесь, молчите, ложитесь...

Она продолжает отказываться; я стою на своем; она уступает, и вот мы друг подле дружки.

Х о з я и н

Предатель! мерзавец! Знаешь ли ты, какое преступление собираешься совершить? Ты насилуешь девушку, если не физически, то по крайней мере при помощи страха. Если бы тебя привлекли к суду, ты узнал бы всю строгость закона, карающего похитителей.

Ж а к

Не знаю, изнасиловал ли я ее, но знаю, что ни я ей зла не причинил, ни она мне. Сперва, отвращая рот от моих поцелуев, она приблизила его к моему уху и прошептала...

— Нет, нет, Жак! нет...

Тогда я притворился, будто хочу сойти с кровати и направиться к лестнице. Она удерживает меня и снова говорит на ухо:

— Никогда бы не поверила, что вы такой злой; вижу, что мне нечего ждать от вас пощады; но по крайней мере обещайте, поклянитесь...

— В чем?

— В том, что Чортов сын ничего не узнает.

Хозяин

Ты обещал, ты поклялся, и все прошло хорошо.

Жак

И еще раз очень хорошо.

Хозяин

И очень хорошо еще раз!

Жак

Вы говорите так, словно при этом присутствовали. Между тем мой друг Чортов сын, потеряв терпение, тревожась и устав бродить вокруг дома, возвращается, не дождавшись меня, к отцу, который говорит ему с досадой:

— Ты потратил много времени на ерунду...

Сын отвечает ему с еще большей досадой:

— Пришлось остругать эту проклятую ось с обоих концов: она оказалась слишком толстой.

— Я тебя предупреждал; но ты все хочешь делать по-своему.

— Остругать легче, чем прибавить.

— Возьми этот колесный косяк и доделай его у дверей.

— Почему у дверей?

— Потому что шум инструмента может разбудить твоего друга Жака.

— Жака!

— Да, Жака; он там на чердаке; отдыхает. Эх, как мне жаль отцов: одних за одно, других за другое. Ну, что ж? Шевелись! Если ты будешь стоять там, как болван, склонив голову, раскрыв рот и опустив руки, дело не пошлется...

Чортов сын, мой приятель, в бешенстве кидается к лестнице; Чорт, мой крестный, сдерживает его и говорит:

— Куда ты? Дай выпастись бедному малому; он изнемогает от усталости. Случись тебе быть на его месте, ты бы не захотел, чтоб тревожили твой покой.

Х о з я и н

А Жюстина и это слышала?

Ж а к

Как вы меня.

Х о з я и н

А ты что делал?

Ж а к

Смеялся.

Х о з я и н

А Жюстина?

Ж а к

Она содрала чепец; рвала на себе волосы, воздевала глаза к небу (по крайней мере, я так полагаю) и ломала себе руки.

Х о з я и н

Жак, вы варвар; у вас каменное сердце.

Ж а к

Нет, сударь, нет, я обладаю чувствительностью; но я приберегаю ее для более важного случая. Расточители этой ценности так швыряются ею, когда нужно экономить, что у них ничего не остается, когда надо быть щедрым... Тем временем я одеваюсь и схожу вниз. Чорт-отец говорит:

— Тебе необходимо было выспаться; у тебя совсем другой вид: когда ты пришел, ты походил на мертвеца, а теперь ты розовый и свежий, как младенец, пососавший грудь. Сон — отличная вещь... Чорт! спустись в погреб и притащи бутылку, чтобы мы могли приступить к завтраку. Ну, как, крестник, теперь ты охотно позавтракаешь?

— Очень охотно.

И вот бутылка принесена и поставлена на рабочий стол; мы стоим вокруг. Чорт-отец наполняет стаканы для себя и для меня; Чортов сын, отстраняя свой, говорит свирепым голосом:

— У меня нет жажды в такую рань.

— Ты не хочешь пить?

— Нет.

— Ага, я понимаю, в чем дело; знаешь, крестник, тут пахнет Жюстиной; верно, он заходил к ней и не застал или поймал ее с другим; это отвращение к бутылке естественно, помни мое слово.

Я

Весьма возможно, что вы правы.

Чортов сын

Жак, довольно шуток, уместных или неуместных: я их не терплю.

Чорт-отец

Если он не хочет пить, то это не должно мешать нам. Твое здоровье, крестник!

Я

Ваше, крестный! Чортов сын, друг мой, выпей с нами. Ты слишком огорчаешься из-за пустяков.

Чортов сын

Я уже вам сказал, что не стану пить.

Я

Если твой отец угадал, то что ж тут такого? Вы встретитесь, объяснитесь, и ты признаешь, что был неправ.

Чорт-отец

Эх, брось его! Разве не справедливо, чтоб эта тварь наказала его за огорчение, которое он мне причиняет? Ну, еще глоток — и вернемся к твоему делу. Повидимому, мне придется отвести тебя к отцу; что мне, по-твоему, ему сказать?

Я

Все, что вам будет угодно, все, что вы сотни раз слышали от него, когда он приводил к вам вашего сына.

Чорт-отец

Пойдем...

Он выходит, я следую за ним, мы приближаемся к нашим дверям; я впускаю его одного. Снедаемый любопытством послушать беседу крестного с моим отцом, я прячусь в закоулок за перегородку, чтобы не упустить ни слова.

Чорт-отец

Ну, кум, придется простить его на этот раз.

— В чем простить-то?

— Ты притворяешься, будто не знаешь.

— Я не притворяюсь, а не знаю.

— Ты сердишься, и ты прав.

— Я вовсе не сержусь.

— Вижу, что сердишься.

— Пусть так, если тебе угодно; но Расскажи прежде всего, какую глупость он натворил.

— Три-четыре раза в счет не идут. Встречается кучка молодых парней и девушек; пьют, танцуют, смеются, часы бегут; смотришь, а дома дверь уже на запоре...

Крестный, понизив голос, добавил:

— Они нас не слышат; но, по чести, разве мы были разумнее в их возрасте? Знаешь ли, кто дурные отцы? Это те, кто забывают про грешки своей молодости. Скажи, разве мы с тобой не таскались по ночам?

— А ты, кум, скажи, разве мы не вступали в связи. не нравившиеся нашим родителям?

— Да я больше кричу, чем страдаю. Поступай так же.

— Но Жак ночевал дома, по крайней мере эту ночь; я в этом уверен.

— Ну что ж, если не эту, то другую. Но так или иначе, а ты не сердишься на своего малого?

— Нет.

— И после моего ухода не накажешь его?

— Ни в коем случае.

— Даешь слово?

— Даю.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Все улажено, иду домой...

Когда крестный был уже на пороге, отец, ласково ударив его по плечу, сказал:

— Чорт, друг мой, тут кроется какая-то закорючка; наши парни — прехитрые бестии, и боюсь, что здесь сегодня пахнет какой-то штукой; но со временем все выйдет наружу. Прощай, кум.

Х о з я и н

Чем же кончилось приключение твоего друга, Чортова сына, с Жюстиной?

Ж а к

Как должно было. Он рассердился, а она — еще больше; она заплакала, он умилился; она поклялась, что я лучший из друзей; я поклялся, что она честнейшая девушка в деревне. Он нам поверил, попросил прощения, полюбил нас и стал уважать больше прежнего. Таковы начало, середина и конец потери мною невинности. Теперь, сударь, скажите мне, пожалуйста, какую мораль вы выводите из этой непристойной истории?

Х о з я и н

Надо лучше знать женщин.

Ж а к

А вы нуждались в таком поучении?

Х о з я и н

Надо лучше знать друзей.

Ж а к

Неужели вы думаете, что среди них найдется хотя бы один, который откажется от вашей жены или дочери, если она захочет завлечь его в свои сети?

Хозяин

Надо лучше знать родителей и детей.

Жак

Ах, сударь, и те и другие во все времена попеременно обманывали и будут обманывать друг друга.

Хозяин

Ты высказал вечные истины, но их не мешает повторять почаще. Каков бы ни был следующий рассказ, который ты мне обещал, будь уверен, что только дурак не пойдет в нем ничего поучительного. А теперь продолжай.

Читатель, меня грызет совесть: я приписал Жаку или его хозяину несколько рассуждений, по праву принадлежащих вам; если это так, то возьмите их обратно: наши путешественники не обидятся. Мне показалось, что вам не понравилось имя «Чорт». Хотел бы я знать, почему? Это подлинное имя моего тележника; выпиши о крещении, выпиши о смерти, брачные договоры подписаны «Чорт». Чортовы потомки, занимающие теперь лавку, зовутся Черти. Когда их маленькие дети проходят по улице, люди говорят: «Вот Чортовы дети». Произнося имя «Буль», вы вспоминаете величайшего мебельного мастера, который когда-либо существовал. В округе, где жил Чорт, никто не скажет «чорт», чтобы не вспомнить при этом знаменитейшего из известных тележников. Чорт, имя коего мы читаем во всех требниках начала столетия, приходился ему родственником. Если некогда кто-либо из Чортовых потомков прославится каким-нибудь великим деянием, собственное имя «Чорт» будет звучать для вас не менее внушительно, чем Цезарь или Конде³⁶. Дело в том, что есть чорт и Чорт, как есть Гийом и Гийом. Когда я говорю просто «Гийом», то вы не примете его ни за завоевателя Великобритании³⁷, ни за суконщика из «Адвоката Патлена»³⁸; просто Гийом не будет ни героическим, ни мещанским именем; то же и

«чорт». Просто «чорт» не означает ни великого тележника, ни кого-либо из его заурядных предков или потомков. Говоря по чести, может ли вообще собственное имя быть хорошего или дурного тона? Улицы кишат псами с кличкой «Помпей». Отбросьте же свою ложную щепетильность, а не то я поступлю с вами, как лорд Четхем³⁹ с членами парламента; он сказал им: «Сахар, сахар, сахар; что тут смехотворного?..» А я скажу вам: «Чорт, Чорт, Чорт; почему человеку не называться Чортом?» Один офицер говорил своему генералу, великому Конде, что есть гордые чортовы дети вроде Чорта-тележника; славные чортовы дети вроде нас с вами; пошлые чортовы дети вроде очень многих других.

Ж а к

Дело было на свадьбе; брат Жан выдавал замуж дочь одного соседа. Я был шафером. Меня посадили за стол между двумя насмешниками нашего прихода; я имел вид превеликого дурака, хотя и был им в меньшей степени, нежели они думали. Они задали мне несколько вопросов по поводу брачной ночи; я отвечал довольно глуповато; они покатались со смеху, а жены этих шутников крикнули им с другого конца:

— Что случилось? Почему вы так веселитесь?

— Это слишком смешно, — ответил один из них жене, — я расскажу тебе сегодня вечером.

Другая, не менее любопытная, задала мужу тот же вопрос, и он отвечал ей таким же образом.

Трапеза продолжается, а вместе с ней вопросы и мои несуразности, взрывы смеха и удивление жен. После трапезы — танцы; после танцев — раздевание супругов, похищение подвязки⁴⁰; я — в своей постели, насмешники — в своих; и вот они рассказывают женам про непонятное, невероятное обстоятельство, а именно, что двадцатидвухлетний парень, рослый и сильный, довольно пригожий, расторопный и вовсе не глупый, оказался невинен, — да, невинен, как младенец, только что покинувший

чрево матери; и жены изумляются не меньше мужей. А на другой день Сюзанна подала мне знак и сказала:

— Жак, ты не занят?

— Нет, соседка; чем могу вам служить?

— Я хотела бы... хотела бы...— и при этом «хотела бы» она жмет мне руку и смотрит на меня каким-то особенным взглядом.— Я хотела бы, чтобы ты взял наш садовый нож и пошел в общинную рощу помочь мне нарезать две-три связки поросли, так как это слишком тяжело для меня одной.

— Весьма охотно, госпожа Сюзанна...

Беру нож, и мы отправляемся. По дороге Сюзанна кладет мне голову на плечо, тербит меня за подбородок, дергает за уши, щиплет за бока. Приходим. Место на склоне. Сюзанна растягивается на одеяле во всю длину, поближе к верху, раздвигает ноги и закладывает руки за голову. Я находился ниже ее и работал ножом в порослях; Сюзанна согнула ноги, прижав каблук к ляжкам; приподнятые колени оттягивали юбку, а я работал ножом в порослях, махал, и махал вслепую, и нередко мимо. Наконец Сюзанна сказала:

— Скоро ли ты кончишь, Жак?

— Когда прикажете, госпожа Сюзанна.

— Разве ты не видишь,— добавила она вполголоса,— что мне хочется, чтобы ты кончил...

И я кончил, перевел дух и снова кончил; а Сюзанна...

Х о з я и н

Лишила тебя невинности, которой не было?

Ж а к

Да; но она не далась в обман, а улыбнулась и промолвила:

— Ловко ты провел моего муженька, жулябия!

— Что вы хотите сказать, госпожа Сюзанна?

— Ничего, ничего; впрочем, ты меня отлично понимаешь. Обмани меня еще несколько раз таким же образом, и я тебе это прощу...

Я стянул вязанки, перекинул их через плечо, и мы вернулись, она к себе, а я к себе.

Х о з я и н

Без привала в пути?

Ж а к

Без привала.

Х о з я и н

Значит, от общинной земли до деревни было недалеко?

Ж а к

Не дальше, чем от деревни до общинной земли.

Х о з я и н

Большого Сюзанна не стоила?

Ж а к

Может быть, стоила для другого или в другой день; всякому моменту своя цена.

Спустя несколько времени госпоже Маргарите (так звали жену второго насмешника) понадобилось молоть зерно, а сходить на мельницу ей было недосуг; она попросила моего отца, чтоб он послал кого-нибудь из своих сыновей. Так как я был самый старший, то она не сомневалась, что выбор отца падет на меня; так оно и случилось. Госпожа Маргарита уходит от нас; я следую за ней; грузу мешок на осла и веду его на мельницу. Зерно смолото, и вот мы оба, я и осел, довольно грустные плетемся обратно, ибо я думал, что потрудился даром. Но я ошибся. Между деревней и мельницей был небольшой лесок; там я застал госпожу Маргариту, сидящей на краю дороги. Дело шло к сумеркам.

— Жак, наконец-то! — сказала она. — Знаешь ли ты, что я прождала тебя смертельных два часа...

Читатель, вы ужасно придирчивы. Я готов согласиться, что слова «смертельных два часа» напоминают городских дам, а что тетка Маргарита сказала бы: «добрых два часа».

Ж а к

Дело в том, что воды было мало, мельница работала медленно, мельник налижался, и я, несмотря на все свои старания, не мог вернуться раньше.

М а р г а р и т а

Садись, поболтаем немного.

Ж а к

Охотно, госпожа Маргарита.

И вот я усаживаюсь рядом с ней, чтобы поболтать, а между тем мы оба молчим. Наконец я говорю ей:

— Вы собирались со мной разговаривать, госпожа Маргарита, и не проронили ни слова.

М а р г а р и т а

Я раздумываю над тем, что мой муж сказал о тебе.

Ж а к

Не верьте ни одному слову: он насмешник.

М а р г а р и т а

Он уверяет, что ты ни разу не влюблялся.

Ж а к

В этом он прав.

М а р г а р и т а

Как! Ни разу в жизни?

Ж а к

Ни разу.

М а р г а р и т а

В твои годы ты не знаешь, что такое женщина?

Ж а к

Простите, госпожа Маргарита.

Маргарита

А что такое женщина?

Жак

Женщина?

Маргарита

Да, женщина.

Жак

Постойте... Это мужчина в юбке, в чепце и с толстыми грудями...

Хозяин

Ах, мерзавец!

Жак

Первая не обманулась, по мне хотелось обмануть вторую. На мой ответ госпожа Маргарита залилась безудержным хохотом; я с удивлением спросил ее, чему она смеется. Госпожа Маргарита ответила, что смеется над моей простотой.

— Как, в твоём возрасте ты знаешь не больше этого?

— Нет, госпожа Маргарита.

Тут она умолкла, и я тоже.

— Госпожа Маргарита,— повторил я,— мы уселись, чтоб поболтать, а вот вы молчите и мы не болтаем. Что с вами, госпожа Маргарита? Вы задумались?

Маргарита

Да, задумалась... задумалась... задумалась...

При этих «задумалась» грудь её вздымалась, голос слабел, тело дрожало, глаза закрылись, рот раскрылся; она испустила глубокий вздох и лишилась чувств; я притворился, будто опасаясь за её жизнь, и воскликнул в ужасе:

— Госпожа Маргарита! госпожа Маргарита! Да скажите же что-нибудь! Госпожа Маргарита, вам дурно?

Маргарита

Нет, мой мальчик; дай мне минутку передохнуть... Не знаю, что это со мной случилось... Сразу как-то валетело...

Х о з я и н

Она врала?

Ж а к

Врала.

М а р г а р и т а

Я задумалась.

Ж а к

Вы всегда так задумываетесь, когда лежите ночью подле мужа?

М а р г а р и т а

Иногда.

Ж а к

А ему не страшно?

М а р г а р и т а

Он привык...

Маргарита понемногу пришла в себя от обморока и сказала:

— Я думала над тем, что с неделю тому назад, на свадьбе, мой муж и муж Сюзанны смеялись над тобой; меня охватила жалость, и, не знаю отчего, мне стало как-то не по себе.

Ж а к

Вы очень добры.

М а р г а р и т а

Я не люблю, когда насмеваются. Я задумалась над тем, что они при первом же случае снова подымут тебя насмех, и это меня опять огорчит.

Ж а к

От вас зависит, чтоб этого не повторялось.

М а р г а р и т а

Каким образом?

Ж а к

Научив меня...

Маргарита

Чему?

Жак

Тому, чего я не знаю и что так насмешило вашего мужа и мужа Сюзанны; тогда они перестанут смеяться.

Маргарита

Ах, нет, нет! Я знаю, что ты хороший мальчик и никому не расскажешь; но я ни за что не посмею.

Жак

Почему?

Маргарита

Нет, не посмею...!

Жак

Ах, госпожа Маргарита, научите меня, ради бога; я буду вам ужасно благодарен, научите меня...

Умоляя ее таким образом, я сжимал ей руки, и она сжимала мои; я целовал ее в глаза, а она меня в губы. Тем временем стало совсем темно. Тогда я сказал ей:

— Я вижу, госпожа Маргарита, что вы недостаточно хорошо ко мне относитесь и не хотите меня научить; это меня очень огорчает. Давайте встанем и вернемся домой...

Госпожа Маргарита не ответила; она взяла мою руку, направила — не знаю, куда, но во всяком случае я воскликнул: «Да тут ничего нет! ничего нет!»

Хозяин

Ах, мерзавец, архимерзавец!

Жак

Во всяком случае она была почти раздета, а я еще в большей степени. Во всяком случае я не отнимал руки от того места, где ничего не было, а она положила свою руку ко мне на то место, где кое-что было. Во всяком случае я оказался под ней, а, следовательно,

она на мне. Во всяком случае я ей несколько не помогал, так что ей пришлось взять все на себя. Во всяком случае она так старательно отдалась обучению, что одно мгновение мне казалось, будто она умирает. Во всяком случае, будучи взволнован не меньше ее и не зная, что говорю, я воскликнул: «Ах, госпожа Сюзанна, это так приятно!»

Х о з я н и

Ты хочешь сказать: «госпожа Маргарита».

Ж а к

Нет, нет. Во всяком случае я спутал имена и, вместо того чтобы сказать: «госпожа Маргарита», сказал: «госпожа Сюзон». Во всяком случае я признался госпоже Маргарите, что то, чему, по ее мнению, научила она меня в этот день, преподала мне, правда несколько иначе, госпожа Сюзон три-четыре дня тому назад. Во всяком случае она сказала: «Так это Сюзон, а не я?» Во всяком случае я ответил: «Ни та, ни другая». Во всяком случае, пока она потешалась над собой, над Сюзон, над обоими мужьями и осыпала меня нежными ругательствами, я очутился на ней, а, следовательно, она подо мной, и пока она признавалась мне, что это доставило ей много удовольствия, но не столько, сколько первый способ, она снова очутилась надо мной, а я, следовательно, под ней. Во всяком случае после нескольких минут отдыха и молчания ни она не была наверху, ни я внизу, ни она внизу, ни я наверху, а оба мы лежали рядышком, причем она наклонила голову вперед и прижалась обеими ляжками к моим ляжкам. Во всяком случае, будь я менее учен, госпожа Маргарита научила бы меня всему, чему можно научить... Во всяком случае нам стоило больших трудов добраться до деревни. Во всяком случае горло мое разболелось еще сильнее и мало шансов, чтобы я мог снова говорить раньше чем через две недели.

Х о з я и н

А ты после виделся с этими женщинами?

Ж а к

Много раз, с вашего разрешения.

Х о з я и н

С обеими?

Ж а к

С обеими.

Х о з я и н

И они не поссорились?

Ж а к

Напротив, помогая друг другу, они еще больше сдружились.

Х о з я и н

Наши жены поступили бы так же, но каждая со своим милым. Ты смеешься...

Ж а к

Не могу удержаться от смеха, всякий раз как вспомню маленького человечка, кричащего, ругающегося, шевелящего головой, ногами, руками, всем телом и готового броситься с высоты стога, рискуя разбиться насмерть.

Х о з я и н

А кто этот человечек? Муж Сюзон?

Ж а к

Нет.

Х о з я и н

Муж Маргариты?

Ж а к

Нет... Вы несправимы; так будет до конца вашей жизни.

Х о з я и н

Кто же он?

Жак не ответил на этот вопрос, а хозяин добавил:
— Скажи же мне только, кто этот человечек.

Ж а к

Однажды ребенок, сидя на полу у прилавка белошвейки, кричал благим матом. Торговка, наскучив его криком, спросила:

— Дружок, чего ты кричишь?

— Они хотят, чтоб я сказал «а».

— А почему же тебе не сказать «а»?

— Потому что не успею я сказать «а», как они захотят, чтоб я сказал «б»... Дело в том, что не успею я сказать вам имя человечка, как мне придется досказать остальное.

Х о з я и н

Возможно.

Ж а к

Нет, обязательно.

Х о з я и н

Но, друг Жак, назови мне имя человечка. Тебе самому смертельно хочется, не правда ли? Исполни мое желание.

Ж а к

Это был своего рода карлик, горбатый, искривленный, заика, косой, ревнивец, распутник, влюбленный в Сюзон и, быть может, любимый ею. Занимал он должность сельского vicar.

Жак походил на ребенка белошвейки, с той лишь разницей, что с тех пор, как у него заболело горло, его трудно было заставить сказать «а», но начавши, он уже сам дошел до конца алфавита.

Ж а к

Я был наедине с Сюзон в ее риге.

Х о з я и н

Конечно, не зря?

Ж а к

Разумеется. Приходит викарий; сердится, ругается, властно спрашивает у Сюзон, что она делает наедине в отдаленнейшей части риги с самым развратным мальчишкой во всей деревне.

Х о з я и н

Ты, как я вижу, уже пользовался хорошей репутацией.

Ж а к

И по заслугам. Он, действительно, разгневался и к этим словам прибавил еще много других похуже. Я тоже вышел из себя. От оскорбления к оскорблению дошли мы до рукоприкладства. Я хватаю вилы, просовываю ему между ногами, зубец сюда, зубец туда, и швыряю его на стог, ни дать ни взять, как сноп сена...

Х о з я и н

А стог был высокий?

Ж а к

По меньшей мере футов десять, и коротышке было трудно слезть оттуда, не сломав себе шеи.

Х о з я и н

А затем?

Ж а к

Затем я отстраняю косынку Сюзон, беру ее за грудь, ласкаю; она сопротивляется. В риге находилось ослиное седло, которым мы уже пользовались; я толкаю ее на седло.

Х о з я и н

Задираешь ей юбки?

Ж а к

Задираю юбки.

Х о з я и н

А викарий все это видел?

Ж а к

Как я вас.

Х о з я и н

И он молчал?

Ж а к

Отнюдь нет. Не помня себя от бешенства, он заорал: «Уби... уби... убивают! Пожар... пожар... пожар!.. во... во... воры!..» И вот прибегает муж, который, по нашим расчетам, был далеко.

Х о з я и н

Жаль; я не люблю священников.

Ж а к

И вы были бы в восторге, если б я у него на глазах...

Х о з я и н

Сознаюсь, что да.

Ж а к

Сюзон успела подняться; я привожу себя в порядок, убегаю, и все, что впоследствии, знаю уже со слов Сюзон. Увидав викария на стог сена, муж расхохотался.

— Смейся... смейся... ду... ду...рак ты этакий!..

Муж следует его приглашению, заливаясь еще пуще прежнего и спрашивает, кто его туда посадил.

Викарий: «Спу... спу... спусти... меня... на... на землю...»

Муж продолжает хохотать и осведомляется, как ему за это взяться.

Викарий: «Как... как!.. Так же... как... я сюда... взо... взо...брался... на... на... вилах...»

— Тысячу пиявок, вы правы. Вот что значит ученость!..

Муж берет вины, подставляет их викарию; тот садится на них тем же манером, каким я его поддел; муж

обносит его два-три раза по риге на своем орудии и затягивает какое-то подобие фобурдона⁴¹, а викарий кричит:

— Спу... спу... спусти... меня... ка... ка...налья!.. спу... спу... спустишь ли ты... меня... на... наконец?..

А муж говорит:

— А почему бы, господин викарий, не поносить мне вас так по всем деревенским улицам? Вот была бы невиданная процессия.

Однако муж спустил его на землю, и викарий отделался страхом. Не знаю, что именно он затем ему сказал, так как Сюзон удрала, и я слышал только:

— Не... не...годяй... ты... ты... бьешь... свя... свя... священника... Я... от... от... отлучу... тебя... ты... бу... будешь... про... про... проклят...

Говорил это горбун, а муж преследовал его и колотил вилами. Прибегаю вместе с толпой; завидев меня, муж направляет вилы в мою сторону.

— Подойди-ка, подойди! — кричит он.

Х о з я и н

А Сюзон?

Ж а к

Она отвертелась.

Х о з я и н

Удачно?

Ж а к

Разумеется; женщины всегда удачно отвертываются, когда их не ловят с поличным... Чему вы смеетесь?

Х о з я и н

Тому же, чему буду, как ты, смеяться всякий раз, как вспомню маленького викария, восседающего на вилах мужа.

Ж а к

Спустя некоторое время после этого приключения, которое дошло до моего отца и которому он тоже много смеялся, я поступил в солдаты, как уже вам рассказывал...

Одни говорят, что Жак промолчал или прокашлял несколько минут, другие — что он снова хохотал, после чего хозяин обратился к нему:

— А история твоих любовных приключений?

Жак покачал головой и не ответил.

«Как здравомыслящий, нравственный человек, считающий себя философом, может забавляться пересказом таких непристойных сказок?» — Во-первых, читатель, это вовсе не сказки, а исторические факты, и, повествуя о дурачествах Жака, я чувствую себя не более, а может статься, и менее повинным, нежели Светоний, когда он сообщает нам о разврате Тиберия. Между тем вы читаете Светония и не делаете ему никаких упреков. Почему вы не хмурите брови при чтении Катулла, Марциала, Горация, Ювенала, Петрония, Лафонтена и многих других? Почему не говорите вы стоику Сенеке: «Какое нам дело до бражничания вашего раба с его вогнутыми зеркалами?» Отчего вы снисходительны только к мертвецам? Призадумавшись над этим пристрастием, вы убедитесь, что оно порождено каким-нибудь порочным принципом. Если вы невинны, то не станете меня читать; если испорчены, то прочтете без дурных для себя последствий. Возможно, что мои доводы вас не убедят; тогда откройте предисловие Жана-Батиста Руссо, и вы найдете мою апологию. Кто из вас осмелится осуждать Вольтера за то, что он написал «Девственницу»? Никто. Значит, у вас двое весов для взвешивания людских поступков. «Но Вольтеровская «Девственница», — скажете вы, — шедевр». — Тем лучше: ее больше будут читать. — «А ваш «Жак» — только невыносимый винегрет из фактов, как настоящих, так и вымышленных, описанных без изысканности и порядка». — Тем лучше: моего «Жака» будут меньше читать. С какой бы стороны вы ни повернули дело, вы неправы. Если мое сочинение удачно, оно доставит вам удовольствие; если плохо, оно не причинит зла. Нет книги безвиннее скверной книги. Я забавляюсь описанием под вымышленными именами ваших дурачеств; ваши дурачества меня смешат; а мое описание вас сердит. Положа

руку на сердце, читатель, я думаю, что худший злока из нас двоих — это не я. Меня бы вполне удовлетворило, если б я так же легко мог обезопасить себя от вашей клеветы, как вы от скуки и опасности моего сочинения. Оставьте меня в покое, скверные лицемеры! Соккупляйтесь, как разнузданные ослы, но позвольте мне говорить о соккуплении; я разрешаю вам действие, разрешите же вы мне слова. Вы смело говорите: убить, украсть, обмануть, а это слово вы только осмеливаетесь цедить сквозь зубы. Чем меньше так называемых непристойностей вы высказываете на словах, тем больше их остается у вас в мыслях. А чем вам досадил половой акт, столь естественный, столь необходимый и столь праведный, что вы исключаете его наименование из вашей речи и воображаете, будто оно оскверняет ваш рот, ваши глаза и уши? Гораздо полезнее, чтобы выражения, наименее употребляемые, реже печатаемые и наиболее замалчиваемые, стали наиболее известными и наиболее распространенными; да так оно и есть; ведь слово *futuo* не менее популярно, чем слово «хлеб»; нет возраста, который бы его не знал, нет идиомы, где бы его не было, у него тысяча синонимов на всех языках; оно внедряется в каждый из них, не будучи называемо, без голоса, без образа, и пол, который практически пользуется им больше всего, обычно больше всего его замалчивает. Слышу, как вы восклицаете: «Фу, циник! фу, бесстыдник! фу, софист!..» Ну что ж! оскорбляйте достойного автора, чьи произведения вы постоянно держите в руках; я выступаю здесь только в роли его толмача. Благопристойность его стиля почти является гарантией чистоты его нравов; это — Монтень⁴². *Lasciva est nobis pagina, vita proba**.

Остаток дня Жак и его хозяин провели, не разжимая зубов. Жак кашлял, а хозяин говорил: «Какой ужасный кашель!», смотрел на часы, не замечая этого, открывал табакерку, сам того не ведая, и брал понюшку, ничего

* Пусть непристойны стихи, жизнь безупречна моя.

(*Маркиз*, кн. I, эп. IV, ст. 9).

не чувствуя; в этом убеждает меня то, что он совершал эти движения три-четыре раза кряду и в том же порядке. Минуту спустя Жак снова кашлял, а хозяин говорил: «Вот чортов кашель! Впрочем, ты нализался у трактирщицы по самую макушку. Да вчера вечером с секретарем ты тоже себя не пощадил; подымаясь по лестнице, ты качался и не знал, что говоришь; а теперь ты сделал десять привалов, и быюсь об заклад, что в твоей кубышке не осталось ни капли вина...» Затем он ворчал сквозь зубы, смотрел на часы и угощал ноздри.

Я забыл вам сказать, читатель, что Жак никогда не отправлялся в путь без кубышки, наполненной наилучшим вином; она висела на его седельной луке. Всякий раз как хозяин прерывал его каким-нибудь пространным вопросом, он отвязывал кубышку, пил, не прикладывая ко рту, и клал ее на место лишь после того, как хозяин умолкал. Забыл я также вам сказать, что во всех случаях, требующих размышления, он прежде всего запрашивал кубышку. Надлежало ли разрешить нравственный вопрос, обсудить факт, предпочесть одну дорогу другой, начать, продолжать или бросить дело, взвесить все «за» и «против» политического акта, коммерческой или финансовой спекуляции, разумности или неразумности закона, исхода войны, выбора харчевни, в харчевне выбора комнаты, в комнате выбора постели,— первое его слово гласило: «Спросим кубышку», а последнее: «Это мнение кубышки и мое». Когда судьба представлялась ему неясной, он запрашивал кубышку; она была для него своего рода переносной Пифией, умолкавшей, как только пустела. В Дельфах Пифия, задрав одежду и сидя голым задом на треножнике, получала свое вдохновение снизу вверх; Жак, восседая на лошади, запрокинув голову к небу, откупорив кубышку и наклонив ее горлышко ко рту, получал свое вдохновение сверху вниз. Когда Пифия и Жак изрекали свои предсказания, они оба были пьяны. Жак говорил, что святой дух спустился к апостолам в кубышке и называл Пятидесятницу праздником кубышки. Он оставил небольшое сочинение о всякого рода угады-

заниях, сочинение глубокое, в котором отдает предположение прорицаниям Бакбюк, или при посредстве кубышки⁴³. Несмотря на все свое уважение к медонскому юре⁴⁴, он не соглашался с ним, когда тот, вопрошая божественную Бакбюк, прислушивался к бульканью в брюшке бутылки. «Люблю Рабле,— говорил он,— но правду люблю еще больше». Он называет его еретическим энгастримитом⁴⁵ и приводит сотни доводов, один лучше другого, в пользу того, что подлинные прорицания Бакбюк, или бутылки, раздавались исключительно из горлышка. В числе выдающихся последователей Бакбюк, истинных адептов кубышки в течение последних веков, он называет Рабле, Лафара, Шапеля, Шолье, Лафонтена, Мольера, Панара, Гале, Ваде⁴⁶. Платон и Жан-Жак Руссо, перевозившие доброе вино, не притрагиваясь к нему, были, по его мнению, ложными братьями кубышки. Кубышке некогда было посвящено несколько знаменитых святилищ: «Еловая шишка»⁴⁷, «Тампль» и «Загородный кабачок», историю которых он написал отдельно. Он блестяще живописует энтузиазм, горячность, огонь, охвативший, да еще и в наши дни охватывающий бакбюкцев или перигорцев, когда к концу трапезы они опираются локтями о стол и им грезится божественная Бакбюк, или священная бутылка, которая появляется среди них, шипит, вышвыривает свой головной убор и покрывает своих поклонников пророческой пеной. Книга его украшена двумя портретами, под которыми написано: «Анакреон и Рабле, первосвященники бутылки, один у древних, другой у новейших народов».

«Неужели Жак пользовался термином «энгастримит»?» — Почему бы нет, читатель? Капитан Жака был бакбюкцем и мог знать это выражение, а Жак, подхватывавший все слова капитана,— его запомнить; но на самом деле «энгастримит» принадлежит мне, а в основном тексте мы читаем: «чревоутоверитель».

«Все это прекрасно,— скажете вы,— но где же любовные приключения Жака?» — О любовных приключениях Жака знает один только Жак; а его мучает боль

в горле, заставляющая его хозяина хвататься за часы и за табакерку и огорчающая его не меньше вас. — «Что же будет с нами?» — Право, не знаю. В этом случае следовало бы запросить Бакбюк, или священную бутылку; но культ ее упал, храмы опустели. Как при рождении нашего божественного спасителя исчезли оракулы язычества, так при смерти Гале умолкли оракулы Бакбюк: не стало великих поэм, не стало образцов бесподобного красноречия, не стало произведений, отмеченных печатью опьянения и гения; все теперь рассудочно, размеренно, академично и плоско. О божественная Бакбюк! о священная бутылка! о божество Жака! Вернись к нам!.. У меня является желание, читатель, занять вас рассказом о рождении божественной Бакбюк, о чудесах, его сопровождавших и затем воспоследовавших, о дивном ее царствовании и бедствиях, сопряженных с ее удалением; и если болезнь горла нашего друга Жака затянется, а его хозяин будет упорствовать в своем молчании, вам придется удовольствоваться этим эпизодом, который я постараюсь растянуть, пока Жак не выздоровеет и не вернется к своим любовным приключениям...

Здесь в беседе Жака с его хозяином имеется, поистине, досадный пробел. Какой-нибудь потомок Нодо, председателя суда де-Броса, Фрейнсгеймия или брата Бротье⁴⁸ заполнит его когда-нибудь, а потомки Жака и его хозяина, владельцы этого манускрипта, будут хохотать над ним до упаду.

Надо думать, что Жак, которого воспаление горла принудило к молчанию, прекратил рассказ о своих любовных приключениях, и хозяин приступил к рассказу о своих. Это только предположение, которое я привожу здесь без всякой ответственности. После нескольких строчек пунктиром, указывающих на пропуск, говорится: «Ничего нет грустнее в этом мире, как быть дураком...» Жак ли произносит эти слова или его хозяин? Это могло бы послужить темой для длинного и щекотливого рассуждения. Если Жак достаточно нагл, чтоб обратиться с подобными словами к своему хозяину, то тот со своей стороны до-

статочно откровенен, чтоб обратиться с ними к самому себе. Но как бы то ни было, очевидно, совершенно очевидно, что далее говорит уже хозяин.

Х о з я и н

Это происходило накануне ее именин, а денег у меня не было. Моего закадычного друга, кавалера де-Сент-Уэна, ничто не могло смутить.

— У тебя нет денег? — сказал он.

— Нет.

— Ну что ж, так надо их сделать.

— А ты знаешь, как их делают?

— Без сомнения.

Сент-Уэн одевается, мы выходим, и он ведет меня по нескольким окольным улицам в небольшой темный дом, где мы поднимаемся по узкой, грязной лестничке на третий этаж и входим в довольно просторное помещение с весьма странной меблировкой. Среди прочих вещей стояли рядышком три комода, все различной формы; позади среднего помещалось зеркало с карнизом, слишком высоким для потолка, так что оно на добрые полфута заходило за комод; на этих комодах лежали всевозможные товары, в том числе два триктрака; вдоль стен были расставлены стулья, причем ни одного одинакового; у ног кровати роскошный шезлонг; перед одним из окон вольерка без птицы, но совсем новая; перед другим — люстра, подвешенная на палке от метлы, оба конца которой покоились на спинках двух дрянных соломенных кресел; затем направо и налево картины, одни на стенах, другие сваленные в кучу.

Ж а к

Это пахивает делягой за целую милю.

Х о з я и н

Ты угадал. И вот мой кавалер и господин Лебрен (так звали нашего торговца и посредника по ростовщическим делам) бросаются друг другу в объятия.

— Ах, это вы, господин кавалер!

— Да, я, дорогой Лебрен.

— Куда вы пропали? Целая вечность, как я вас не видал. Грустные времена, не правда ли?

— Очень грустные, дорогой Лебрен. Но дело не в том; выслушайте меня, мне надо сказать вам два слова...

Я присаживаюсь. Кавалер и Лебрен удаляются в угол и беседуют. Могу передать тебе из их разговора только несколько слов, подхваченных мною на лету...

— Кредитоспособен?

— Безусловно.

— Совершеннолетний?

— Более чем совершеннолетний.

— Это сын того?

— Да, сын.

— Знаете ли вы, что два наши последних дела...

— Говорите тише.

— Отец?

— Богат.

— Стар?

— И дряхл.

Лебрен громко:

— Нет, господин кавалер, я не желаю больше ни во что вмешиваться: это всегда дурно кончается. Вы говорите, это ваш друг. Прекрасно! У него вид честного человека, но...

— Дорогой Лебрен!

— У меня нет денег.

— Но у вас есть знакомства.

— Всё это негодяи, прожженные жулики. Господин кавалер, неужели вам не надоело проходить через их руки?

— Нужда не знает закона.

— Нужда, которая вас донимает, смехотворная нужда: это буйотка⁴⁹, партия в лото, какая-нибудь девчонка.

— Любезный друг...

— Ну, хорошо, хорошо: я бессилен, как ребенок; а кроме того, вы в состоянии заставить любого человека нарушить клятву. Позвоните! Я узнаю, дома ли Фуржо... Нет, не звоните. Фуржо ответит вас к Мервалю.

— А почему не вы?

— Я? Нет! Я поклялся, что этот ужасный Мерваль никогда не будет обслуживать ни меня, ни моих друзей. Вам придется поручиться за вашего приятеля, который, быть может... который, без сомнения, порядочный человек; мне придется поручиться за вас перед Фуржо, а Фуржо — за меня перед Мервалем.

Тем временем вошла служанка и спросила:

— Сходить к господину Фуржо?

Лебрен служанке:

— Нет, ни к кому... Господин кавалер, я не могу, я, право, не могу.

Кавалер обнимает, ласкает его:

— Дорогой Лебрен! дорогой друг!..

Я подхожу, присоединяю свои просьбы к просьбам кавалера.

— Господин Лебрен! дорогой господин Лебрен!..

Лебрен дает себя уговорить.

Служанка, улыбаясь при виде этой комедии, уходит и во мгновение ока возвращается с хромым человеком в черной одежде и с палкой в руке; занка, лицо сухое и морщинистое, взгляд живой. Кавалер поворачивается к нему и говорит:

— Ну-с, господин Матьё де-Фуржо, мы не можем терять ни минуты, ведите нас поскорее.

Фуржо, не обращая на него внимания, развязывал маленький замшевый кошель.

Кавалер сказал Фуржо:

— Смеетесь вы, что ли? Дело касается нас...

Подхожу, вынимаю экую, сую его кавалеру, который передает его служанке, взяв ее за подбородок. Между тем Лебрен говорил Фуржо:

— Я вам запрещаю; не водите этих господ!

Ф у р ж о

Почему, господин Лебрен?

Ле б р е н

Потому что он жулик, плут.

Ф у р ж о

Мне известно, что господин де-Мерваль... по всякому греху прощение; а кроме того, я не знаю никого, кто в данную минуту был бы при деньгах...

Ле б р е н

Поступайте, как хотите, Фуржо. Господа, я умываю руки.

Ф у р ж о (*Лебрену*)

Господин Лебрен, разве вы не пойдете с пап?

Ле б р е н

Я? Упаси меня господь! Это мерзавец, которого я не желаю больше видеть во всю свою жизнь.

Ф у р ж о

Но без вас мы не сделаем этого дела.

К а в а л е р

Конечно. Пойдемте, дорогой Лебрен, вы окажете мне услугу, вы обяжете приличного человека, попавшего в тиски; не отказывайте мне, идите!

Ле б р е н

Чтоб я пошел к Мервалю! Я! Я!...

К а в а л е р

Да, вы; вы пойдете со мной...

Поддавшись на уговоры, Лебрен позволил себя увести, и вот мы, Лебрен, кавалер, Матьё де-Фуржо, направляемся

к своей цели, а кавалер, дружески похлопывая Лебрена по ладони, говорит мне:

— Лучший человек на свете, обязательнейший человек, несравнимый приятель...

Леб р е н

Мне кажется, господин кавалер, что вы можете заставить меня даже подделать деньги.

Вот мы у Мерваля.

Ж а к

Матъё де-Фуржо...

Х о з я и н

Что ты хочешь сказать?

Ж а к

Матъё де-Фуржо... Я хочу сказать, что кавалер де-Сент-Уэн знает этих людей вдоль и поперек; это плут, спевшийся с канальями.

Х о з я и н

Вероятно, ты прав... Трудно себе представить человека более мягкого, более обходительного, более достойного, более вежливого, более доброго, более сострадательного, более бескорыстного, нежели господин де-Мерваль. Когда мое совершеннолетие и моя платежеспособность были установлены, господин де-Мерваль принял особенно сердечный и грустный вид и сказал нам с душевным сокрушением, что он в отчаянии, что в это самое утро он был вынужден выручить друга, находившегося в самых крайних обстоятельствах, и что у него нет ни гроша. Затем, обращаясь ко мне, он добавил:

— Государь мой, не сожалеете о том, что не пришли раньше; мне было бы неприятно вам отказать, но я бы это сделал: долг дружбы прежде всего...

И вот мы все — в величайшем удивлении; кавалер, даже Лебрен и Фуржо у ног Мерваля, и Мерваль говорит им:

— Господа, вы меня знаете: я люблю давать в долг ближнему и стараюсь не испортить услуги, заставляя себя просить; но, даю слово благородного человека, в доме не найдется и четырех лундоров...

Я походил среди этих людей на осужденного, выслушавшего приговор.

— Кавалер,— сказал я,— пойдемте, раз эти господа не могут ничего сделать...

А кавалер отвел меня в сторону:

— Забыл ты, что ли? Ведь сегодня канун ее именин. Помни: я предупредил ее, и она ожидает от тебя какого-нибудь знака внимания. Ты ее знаешь: не то чтоб она была корыстна, но она, как все женщины, не любит быть обманутой в своих ожиданиях. Вероятно, она уже похвасталась перед отцом, матерью, тетками, подругами; и после этого ей будет обидно, если она не сможет ничего им показать...

И вот он снова возвращается к Мервалю и пристает к нему еще настойчивее. Тот заставляет долго тормозить себя и наконец говорит:

— У меня глупейшая душа: не могу видеть ближнего в нужде. Я размышляю; мне приходит в голову мысль.

Кавалер

Какая мысль?

Мерваль

Почему бы вам не взять товары?

Кавалер

А у вас есть?

Мерваль

Нет; но я знаю женщину, которая вам их отпустит: славная женщина, честная женщина.

Лебрен

Да, но которая продаст нам хлам на вес золота, а выручим мы гроши.

Мерваль

Ничуть не бывало; это будут очень красивые ткани. золотые и серебряные вещицы; всевозможные шелка. жемчуга, несколько драгоценных камней; вам придется потерять безделицу на этих предметах. Она премилая особа, которая удовольствуется малым, лишь бы были гарантии; а товары эти делового происхождения и достались ей очень дешево. Впрочем, взгляните сами: за поглаждение с вас ничего не возьмут...

Я заявил Мервалю и кавалеру, что не занимаюсь торговашеством, но что, если б даже мне это предложение не претило, у меня все равно в данном случае не было бы времени им воспользоваться. Тут предупредительные господа Лебрен и Матьё де-Фуржо воскликнули в один голос:

— За этим не будет остановки: мы продадим их за вас; придется только полдня повозиться...

И заседание было отложено на двенадцать часов у господина Мерваля, который, ласково похлопав меня по плечу, сказал слащавым и проникновенным голосом:

— Рад вам услужить, государь мой; но поверьте мне, заключайте пореже такие займы: они всегда кончаются разорением. Было бы просто чудом, если бы вам повстречались еще раз в этой стране такие честные дельцы, как господа Лебрен и Матьё де-Фуржо...

Лебрен и Фуржо де-Матьё, или Матьё де-Фуржо, поблагодарили его поклоном и сказали, что он очень добр, что они до сих пор старались по совести вести свои маленькие дела и что их не за что хвалить.

Мерваль

Ошибаетесь, господа, ибо кто в наше время поступает по совести? Спросите у господина кавалера де-Сент-Уэна; он должен кое-что знать об этом.

И вот мы выходим от Мерваля, который с площадки лестницы спрашивает, может ли он на нас рассчитывать и послать за торговкой. Мы отвечаем утвердительно и

в ожидании часа встречи отправляемся все четверо обедать в соседний трактир.

Заказал обед Матьё де-Фуржо, и заказал хороший обед. Во время десерта к нашему столу подошли две девочки со своими бандурами. Лебрен пригласил их присесть. Их заставили выпить, болтать, сыграть. Пока трое моих сотрапезников забавлялись тем, что тискали одну из девиц, другая, сидевшая рядом со мной, шепнула мне тихо:

— Сударь, вы находитесь в скверной компании: среди этих людей нет ни одного, который не был бы на примете у полиции.

Мы покинули харчевню в условленный час и отправились к Мервалю. Я забыл тебе сказать, что этот обед стоил как кошелек кавалера, так и мой; по дороге Лебрен сообщил Сент-Уэну, а тот передал мне, что Матьё де-Фуржо требует десять лундоров за посредничество и что меньше этого ему предложить нельзя; если мы его удовлетворим, то получим товары дешевле и легко сможем вернуть эту сумму при продаже.

Приходим к Мервалю, где нас уже опередила торговка со своими товарами. Мадемуазель Бридуа (так ее звали) рассыпалась в учтивостях и реверансах и выложила перед нами ткани, полотна, кружева, перстни, алмазы, золотые тавлички. Мы отобрали от всего. Лебрен, Матьё де-Фуржо и кавалер произвели расценку, а Мерваль вел запись. Общая сумма составила девятнадцать тысяч семьсот семьдесят ливров, на какие я собрался выдать расписку, когда мадемуазель Бридуа сказала мне, делая реверанс (а она ни к кому не обращалась без реверанса):

— Сударь, вы намерены заплатить в срок?

— Безусловно, — отвечал я.

— В таком случае, — возразила она, — вам безразлично, выдать ли мне расписку или вексель.

Слово «вексель» заставило меня поблудить. Кавалер заметил это и сказал мадемуазель Бридуа:

— Векселя, сударыня? Но векселя поступят на рынок, и неизвестно, в какие руки они попадут.

— Вы шутите, господин кавалер; разве мы не знаем, каким уважением следует относиться к лицам вашего рода?..

И опять реверанс.

— Такие бумаги держат в своем портфеле; их выкают только после наступления срока. Вот, взгляните!..

И опять реверанс... Она извлекает портфель из кармана; читает имена целой кучи лиц всякого звания и положения. Кавалер подошел ко мне и сказал:

— Векселя! Это чертовски серьезное дело! Подумай о том, что ты делаешь. Впрочем, эта особа смахивает на порядочную женщину, а кроме того, до наступления срока либо ты, либо я будем при деньгах.

Ж а к

И вы подписали векселя?

Х о з я и н

Подписал.

Ж а к

Когда дети уезжают в столицу, то у отцов в обычае читать им маленькое наставление: «Не вращайтесь в дурном обществе, угождайте начальству точным исполнением долга, блюдите свою религию, избегайте девиц дурного поведения и мошенников, а в особенности никогда не подписывайте векселей»...

Х о з я и н

Что ты хочешь, я поступил, как другие: первое, что я забыл, было наставление моего отца. И вот я запасся товарами на продажу; но мне нужны были деньги. Там было несколько пар кружевных манжет, очень красивых; кавалер забрал их себе по своей цене и сказал:

— Вот уже часть твоих покупок, на которой ты ничего не потеряешь.

Матьё де-Фуржо облюбовал часы и две золотых тавлинки, стоимость которых обязался тотчас же внести; остальное Лебрен взял к себе на хранение. Я сунул в карман роскошный гарнитур с манжетами; это был один из цветочков букета, который я намеревался подарить. Матьё де-Фуржо мгновенно вернулся с шестьюдесятью лундорами: десять он удержал в свою пользу, а остальные пятьдесят отдал мне. Он заявил, что не продал ни часов, ни тавлинок, а заложил их.

Ж а к

Заложил?

Х о з я и н

Да.

Ж а к

Знаю, у кого.

Х о з я и н

У кого?

Ж а к

У девицы с реверансами, у Бридуа.

Х о з я и н

Верно. К манжетам и гарнитурку я присоединил красивый перстень и коробочку для мушек, выложенную золотом. В кошельке у меня лежали пятьдесят лундоров, и мы с кавалером были в великолепном настроении.

Ж а к

Все это прекрасно. Меня интригует только бескорыстие этого господина Лебрена; неужели он вовсе не участвовал в добыче?

Х о з я и н

Полно смеяться, Жак; вы не знаете господина Лебрена. Я предложил поблагодарить его за услуги; он рассердился, ответил, что я, повидимому, принимаю его за какого-нибудь Матьё де-Фуржо, что он никогда не попрошайничает.

— Вот он каков, этот дорогой Лебрен! — воскликнул кавалер. — Всегда верен себе; но нам было бы стыдно, если б он оказался честнее нас...

И кавалер тут же отобрал из товаров две дюжины платков, отрез муслина, которые стал навязывать Лебрену в подарок для жены и дочери. Лебрен принялся разглядывать платки, которые показались ему такими красивыми, муслин, который он нашел таким тонким, а наше предложение — таким радушным, что, принимая во внимание возможность в скором времени отблагодарить нас за это продажей находящихся у него вещей, он дал себя уговорить. И вот мы вышли и мчимся во всю прыть извозничьей лошади к дому той, которую я любил и которой предназначались гарнитур, манжеты и перстень. Подарок превосходно принят. Со мною ласковы. Тут же примеряют гарнитур и манжеты; перстень просто создан для пальчика. Ужинаем, и ужинаем весело, как ты можешь себе представить.

Ж а к

И вы остались ночевать?

Х о з я и н

Нет.

Ж а к

Значит, кавалер остался?

Х о з я и н

Вероятно.

Ж а к

При том темпе, которым вас вели, пятидесяти лундоров хватило не надолго.

Х о з я и н

Да. Спустя неделю мы отправились к Лебрену узнать, сколько выручено от продажи остальных вещей.

Ж а к

Ничего или очень мало. Лебрен был грустен, ругал Мерваля и девицу с реверансами, называл их жуликами, негодяями, мошенниками, клялся не иметь с ними никакого дела и вручил вам от семисот до восьмисот франков.

Х о з я и н

Около того: восемьсот семьдесят ливров.

Ж а к

Итак, если я сколько-нибудь умею считать, восемьсот семьдесят ливров Лебрена, пятьдесят луидоров Мерваля или Фуржо, накинем еще пятьдесят луидоров за гарнитур, манжеты, перстень, и вот все, что вам досталось из ваших девятнадцати тысяч семисот семидесяти пяти ливров в товарах. Мерваль был прав: не всякий день приходится иметь дело с такими достойными людьми.

Х о з я и н

Ты забыл про манжеты, взятые кавалером по своей цене.

Ж а к

Но кавалер, вероятно, никогда больше о них не упоминал.

Х о з я и н

Да, это так. Ну, а об обеих тавличках и часах, заложенных Матьё, ты ничего не скажешь?

Ж а к

Тут я уже не знаю, что сказать.

Х о з я и н

Между тем наступил срок платежа по векселям.

Ж а к

И ни вам, ни кавалеру не прислали денег.

Х о з я и н

Мне пришлось скрываться. Уведомили родных; один из моих дядей приехал в Париж. Он подал заявление в полицию относительно всех этих мошенников. Заявление переслали полицейскому чиновнику; чиновник был завзятым покровителем Мерваля. Он ответил, что, поскольку делу дан законный ход, полиция уже ни при чем. Займодавец, принявший в заклад тавлинки, привлек к суду Матьё. Меня втянули в дело. Судебные издержки оказались столь огромными, что, по продаже часов и тавлинок, нехватало для полного расчета еще пятисот или шестисот франков.

Вы этому не поверите, читатель. А если я скажу вам, что некий лимонадчик, живший со мной по соседству и недавно скончавшийся, оставил двух бедных сироток в младенческом возрасте. Комиссар является к покойному; накладывают печати. Затем снимают печати, составляют инвентарь, продают имущество; продажа приносит от восьмисот до девятисот франков. Из этих девятисот франков, за вычетом издержек, остается по два су на каждого сироту; им вкладывают в руки по два су и ведут их в приют.

Х о з я и н

Ужасно.

Ж а к

А между тем все остается, как было.

Х о з я и н

Тем временем отец мой скончался. Я погасил векселя и вышел из своего убежища, где, должен признать к чести кавалера и моей подруги, они составляли мне компанию с достаточным постоянством.

Ж а к

И вот вы попрежнему под влиянием кавалера и вашей красотки; и ваша красотка водит вас за нос еще больше прежнего.

Х о з я и н

Почему ты так думаешь?

Ж а к

Почему? Потому что, когда вы стали сами себе хозяином и владельцем приличного состояния, надо еще было околпачить вас окончательно, то есть сделать мужем.

Х о з я и н

Думаю, что таково было их намерение; но оно не увенчалось успехом.

Ж а к

Либо вы счастливцы, либо они оказались большими растяпами.

Х о з я и н

Но мне кажется, что голос у тебя менее хриплый и что ты говоришь свободнее.

Ж а к

Вам только так кажется; дело обстоит иначе.

Х о з я и н

Не мог ли бы ты продолжать историю своих любовных приключений?

Ж а к

Нет.

Х о з я и н

И ты склоняешься к тому, чтоб я продолжал историю своих?

Ж а к

Я склоняюсь к тому, чтобы сделать перерыв и приложиться к кубышке.

Х о з я и н

Как! С твоим воспаленным горлом ты опять приказал наполнить кубышку?

Ж а к

Да; но ячменным отваром, чорт бы его побрал! А потому мне не приходит в голову ни одна мысль; хожу, как дурак, и так не перестану ходить, пока в кубышке будет один только отвар.

Х о з я и н

Что ты делаешь!

Ж а к

Выливаю отвар; я боюсь, как бы он не принес нам несчастья.

Х о з я и н

Ты спятил!

Ж а к

Спятил или не спятил, а в кубышке не останется даже слезинки.

Пока Жак выливает содержимое кубышки на землю, хозяин смотрит на часы, открывает табакерку и собирается продолжать историю своих любовных приключений. А я, читатель, склонен заткнуть ему рот, показав издали старика военного с согбенной спиной, скачущего верхом во всю прыть, или молодую крестьянку в маленькой соломенной шляпке, в красных юбках, идущую пешком или восседающую на осле. А почему бы старику военному не оказаться капитаном Жака или приятелем капитана? — «Но ведь он умер». — Вы думаете?.. Почему бы молодой крестьянке не оказаться госпожой Сюзон, или госпожой Маргаритой, или хозяйкой «Большого оленя», или Жанной, или ее дочерью Денизой? Сочинитель романов не преминул бы так поступить; но я не люблю романов, за исключением романов Ричардсона. Я пишу историю; моя история либо заинтересует, либо не заинтересует; во всяком случае меня это несколько не заботит. Мое намерение — быть правдивым; я его исполнил. А потому я не стану возвращать брата Жака из Лиссабона; жирный приор, едущий нам навстречу в кабриолете с мо-

Хозяин

А так как он хил, его ничему не учат; его не стесняют, ни в чем ему не препятствуют — третье основание, чтобы стать негодяем.

Жак

Однажды ночью этот маленький сумасброд принялся испускать нечеловеческие крики. И вот весь дом перепуган; прибегают к нему. Он хочет, чтобы к нему пришел отец.

— Твой отец спит.

— Все равно, я хочу, чтоб он встал, хочу, хочу, хочу...

— Он нездоров.

— Все равно, пусть встанет, хочу, хочу...

Будят Деглама; он накидывает халат на плечи, идет.

— Вот и я, милочка; что тебе?

— Я хочу, чтоб они все пришли.

— Кто?

— Все, кто в замке.

Их приводят: господ, слуг, прнезжих, сотрапезников, Жалну, Денизу, меня с моим больным коленом, словом — всех, кроме одной расслабленной привратницы, которой дали убежище в хибарке, отстоявшей на четверть мили от замка. Он требует, чтобы сходили за ней.

— Да ведь теперь полночь, дитя мое.

— Хочу, хочу.

— Ты знаешь, что она живет очень далеко.

— Хочу, хочу.

— Она стара и не может ходить.

— Хочу, хочу.

Приходится послать за бедной привратницей; ее приносят, так как придти ей было бы не легче, чем прибежать випрыжку. Когда все собралось, он хочет, чтоб его подняли с кровати и одели. Его поднимают и одевают. Он хочет, чтоб мы перешли в парадный салон и чтоб его посадили посередине в большое отцовское кресло. Это исполняют. Он хочет, чтобы мы взяли за руки.

Он хочет, чтобы мы танцевали кругом, и мы принимаемся танцевать кругом. Но самое лучшее — это конец...

Х о з я и н

Я надеюсь, что ты избавишь меня от конца.

Ж а к

Нет, нет, сударь, вы дослушаете до конца... Он думает, что может безнаказанно рисовать портрет матери длиной с добрые четыре локтя...

Х о з я и н

Жак, я тебя избаловал.

Ж а к

Тем хуже для вас.

Х о з я и н

Вы не можете простить мне длинного и скучного портрета вдовы; но, кажется, вы мне сторицей отплатили за эту неприятность своей длинной и скучной историей о капризах ребенка.

Ж а к

Если вы так думаете, то возвращайтесь к истории отца; но довольно портретов, сударь; я смертельно ненавижу портреты.

Х о з я и н

А почему вы ненавидите портреты?

Ж а к

Они всегда так непохожи, что, если по случаю встречаешь оригинал, его никак не узнаешь. Расскажите мне факты, передайте дословно речи, и я сразу увижу, с каким человеком имею дело. Одно слово, один жест иной раз сообщали мне больше, чем болтовня целого города.

Х о з я и н

Однажды Деглан...

Ж а к

Когда вы не бываете дома, я иногда захожу в вашу библиотеку, беру книгу, и обычно это — историческая книга.

Х о з я и н

Однажды Деглан...

Ж а к

Проглядываю описание портретов.

Х о з я и н

Однажды Деглан...

Ж а к

Простите, сударь, машина была заведена и должна была довертеться до конца.

Х о з я и н

Довертелась?

Ж а к

Довертелась.

Х о з я и н

Однажды Деглан пригласил к обеду прекрасную вдову и нескольких соседей-дворян. Царство Деглана приходило к концу, а среди приглашенных был человек, к которому уже влекло эту непостоянную особу. Уселись за стол; Деглан и его соперник поместились рядом против прекрасной вдовы. Деглан изощрял свой ум, чтоб оживить разговор; он обращался к вдове с галантейшими речами; но она была рассеянна, вовсе его не слушала и не отрывала глаз от соперника. Деглан держал в руках свежее яйцо; его охватило конвульсивное движение, вызванное ревностью; он сжимает кулаки, и вот яйцо вылетает из скорлупы и растекается по лицу соседа. Тот взмахнул рукой. Деглан хватается его за кисть, останавливает и шепчет ему: «Сударь, я считаю ее полученной...» Воцаряется глубокое молчание; прекрасной вдове становится дурно. Обед был печальный и короткий. По выходе из-за стола она позвала Деглана и его соперника в отдельное

помещение; всё, что женщина, соблюдая скромность, могла сделать, чтоб их помирить, она сделала; она молила, плакала, падала в обморок без всякого притворства; она сжимала руки Деглану, она обращала взоры, увлажненные слезами, на соперника. Одному она говорила: «И вы меня любите...», другому — «И вы меня любили...», а обоим — «И вы хотите меня погубить, хотите сделать меня притчей, предметом ненависти и презрения всей округи. Кто бы из вас обоих ни отнял жизнь у другого, я отказываюсь впредь встречаться с ним; он не может быть ни моим другом ни любовником; я проникнусь к нему ненавистью, которая прекратится только с моею жизнью...» Затем, теряя силы, она говорила: «Бессердечные люди, обнажите шпаги и проткните мне грудь; если, умирая, я увижу вас обнимающимися, я умру без сожаления!..» Деглан и его соперник стояли неподвижно или оказывали ей помощь, а иногда глаза их наполнялись слезами. Наконец пришло время расстаться. Прекрасную вдову доставили домой ни живой ни мертвой.

Ж а к

Ну что! К чему было рисовать портрет этой женщины? Разве я теперь не знал бы всего того, что вы о ней сказали?

Х о з я и н

На другой день Деглан навестил свою очаровательную изменницу; он застал у нее соперника. Но каково было удивление соперника и красавицы, когда они увидели на правой щеке Деглана черный пластырь.

— Что это такое? — спросила вдова.

Д е г л а н

Ничего.

С о п е р н и к

Небольшой флюс?

Д е г л а н

Пройдет.

Побеседовав несколько минут, Деглан выходит и, выходя, подает сопернику знак, который был отлично понят. Тот спустился вниз; они пошли, один по одной, другой по другой стороне улицы, встретились за садом прекрасной вдовы, скрестили шпаги, и соперник Деглана пал на землю, раненный хотя и тяжело, но не смертельно. Пока его уносят домой, Деглан возвращается к вдове, усаживается, и они беседуют еще некоторое время о вчерашнем происшествии. Она спрашивает, что означает эта огромная и смехотворная мушка на его щеке. Он встает, разглядывает себя в зеркало.

— Действительно, — говорит он, — она несколько велика...

Он берет у дамы ножницы, снимает свой круглый пластырь, обстригает его на одну или две линии, прилепливает к прежнему месту и спрашивает у вдовы:

— Как вы теперь находите меня?

— На одну или две линии менее смехотворным, чем раньше.

— Это уже кое-что.

Соперник Деглана выздоровел. Новая дуэль, в которой победа осталась за Дегланом; и так пять или шесть раз кряду; и после каждого поединка Деглан уменьшал свой пластырь на полоску и приклеивал его к щеке.

Ж а к

Чем кончилось это приключение? Мне кажется, что, когда меня принесли в замок, он не послал своего черного кружка.

Х о з я и н

Нет, не послал. Приключение кончилось с жизнью прекрасной вдовы. Длительное огорчение, которое она испытала, окончательно расстроило ее слабое и пошатнувшееся здоровье.

Ж а к

А Деглан?

Х о з я и н

Однажды, когда мы прогуливались вместе, ему подают записку; он вскрывает ее и говорит:

— Да, это был славный человек, но смерть его меня не огорчает...

Тотчас же он срывает со щеки остаток своего черного кружка, превратившегося благодаря частым обрезаниям в обыкновенную мушку. Вот история Деглана. Ну, как? Жак удовлетворен, и я могу рассчитывать на то, что он выслушает историю моих любовных приключений или вернется к своей?

Ж а к

Ни то, ни другое.

Х о з я и н

Почему?

Ж а к

Потому что жарко, потому что я устал, потому что это место очаровательно, потому что нам будет приятно под тенью деревьев и потому что, наслаждаясь прохладой на берегу ручья, мы сможем отдохнуть.

Х о з я и н

Согласен; но твоя простуда?

Ж а к

Она завелась от жары, а медики говорят, что противоположности излечиваются противоположностями.

Х о з я и н

Это верно как в духовном, так и в физическом смысле. Я заметил одно странное явление: нет такого правила морали, из которого не вывели бы медицинского афоризма, и обратно: редко попадается такой медицинский афоризм, из которого не вывели бы правила морали.

Ж а к

Так должно быть.

Они спешиваются и растягиваются на траве. Жак говорит своему хозяину:

— Вы спите или бодрствуете? Если вы бодрствуете, я сплю; если вы спите, я бодрствую.

Хозяин ответил:

— Спи, спи!

— Значит, я могу рассчитывать на то, что вы бодрствуете? Ибо на сей раз мы рискуем лишиться обеих лошадей.

Хозяин вынул часы и табакерку; Жак уснул, но то и дело вскакивал спросонья и хлопал руками в воздухе. Хозяин спросил:

— Какой дьявол вселился в тебя?

Ж а к

Меня допимают мухи и комары. Хотел бы я узнать от кого-нибудь, на что нужны эти бесполезные твари?

Х о з я и н

А если ты этого не знаешь, то неужели они ни на что уже не нужны? Природа не создает ничего бесполезного и лишнего.

Ж а к

Конечно; раз какой-нибудь предмет существует, то он должен существовать.

Х о з я и н

Когда у тебя излишек крови или дурной крови, то как ты поступаешь? Ты зовешь лекаря, который выпускает тебе два или три тазика. Так вот комары, на которых ты жалуешься,— это туча маленьких крылатых лекарей, прилетевших, чтоб колоть тебя своими маленькими ланцетами и вытягивать кровь каплю за каплей.

Ж а к

Да, но без разбора, не справляясь с тем, слишком много ли ее у меня или слишком мало. Приведите сюда

чахоточного и увидите, что ваши маленькие крылатые лекари будут жалить и его. Они думают о себе, и всё в природе думает о себе и только о себе. Если это вредит другому — наплевать, лишь бы себе не в обиду...

Затем он хлопал руками в воздухе и приговаривал:
— К чорту маленьких крылатых лекарей!

Х о з я и н

Жак, знаешь ли ты басню о Гаро ⁵⁵?

Ж а к

Знаю.

Х о з я и н

Что ты о ней думаешь?

Ж а к

Дрянная басня.

Х о з я и н

Сказать — легко.

Ж а к

И доказать — легко. Если бы вместо жолудей на дубе росли тыквы, разве этот дурак Гаро заснул бы под дубом? А если б он не заснул под дубом, то не всё ли равно было бы его посу, падают ли оттуда тыквы или жолуди? Читайте эту басню своим детям.

Х о з я и н

Один философ, твой тезка ⁵⁶, запрещает читать ес.

Ж а к

У всякого свои взгляды, и Жан-Жак не Жак.

Х о з я и н

Тем хуже для Жака.

Ж а к

Кто знает это, пока мы не дошли до последнего слова последней строчки той страницы, которая написана в великом свитке!

Х о з я и н

О чем ты думаешь?

Ж а к

Думаю о том, что пока вы говорили, а я отвечал, вы говорили независимо от своей воли, а я отвечал независимо от своей.

Х о з я и н

А еще о чем?

Ж а к

Еще? Что мы с вами две живые и мыслящие машины.

Х о з я и н

А на что же теперь направлена твоя воля?

Ж а к

Да все осталось попрежнему. Только в обеих машинах действует еще одна пружина.

Х о з я и н

И эта пружина...

Ж а к

Чорт меня возьми, если я думаю, что она может действовать без причины. Мой капитан говорил: «Дайте причину, из нее протечет действие; от слабой причины — слабое действие; от мгновенной причины — мгновенное действие; от перемежающейся причины — перемежающееся действие; от прерывающейся причины — замедленное действие; от прекращенной причины — никакого действия».

Х о з я и н

Но я чувствую, — по крайней мере мне так кажется, — будто внутри себя я свободен, точно так же, как я чувствую, что думаю.

Ж а к

Мой капитан говорил: «Да, вы чувствуете это теперь, когда ничего не хотите; но захотите-ка свалиться с лошади?»

Х о з я и н

Так что же, и свалюсь!

Ж а к

Радостно, без отвращения, без усилия, как тогда, когда вам заблагорассудится слезть у ворот постоянного двора?

Х о з я и н

Не совсем; но не все ли мне равно, лишь бы я свалился и доказал, что я свободен.

Ж а к

Мой капитан говорил: «Как! неужели вы не видите, что без моего возражения вам никогда не пришла бы в голову фантазия сломать себе шею? Выходит, что я беру вас за ногу и выбрасываю из седла. Если ваше падение что-либо доказывает, то не то, что вы свободны, а лишь то, что вы спятили». Мой капитан говорил еще, что пользование свободой, осуществляемое без основания, является типичным свойством маниака.

Х о з я и н

Это для меня слишком мудрено; но в противность тебе и твоему капитану, я верю, что хочу, когда хочу.

Ж а к

Но если вы и сейчас и всегда были хозяином своей воли, то почему бы вам не захотеть и не влюбиться в мартышку; почему не прекращали вы любить Агату, когда вам этого хотелось? Три четверти нашей жизни, сударь, мы проводим в том, что хотим и не делаем.

Х о з я и н

Да, это так.

Ж а к

И делаем, когда не хотим.

Х о з я и н

Докажи-ка это.

Ж а к

Если вам угодно.

Х о з я и н

Угодно.

Ж а к

Будет сделано, а теперь поговорим о другом...

После этих шуток и нескольких других речей в том же духе, собеседники умолкли. Жак приподнял поля своей огромной шляпы, она же — дождевой зонтик в дурную погоду, солнечный зонтик в хорошую, головной убор во всякую погоду, темный склеп, в котором один из лучших умов, когда-либо существовавших, запрашивал судьбу в важных случаях. Когда поля 'ее были подняты, лицо находилось приблизительно в середине всей фигуры; когда они были спущены, Жак не видел перед собой и на расстоянии десяти шагов, отчего создалась 'у него привычка держать нос по ветру, так что о его шляпе можно было по справедливости сказать:

*Os illi sublime dedit. cœlumque tueri
Jussit, et erectos ad sidera tollerevultus.**

(Овидий. «Метаморфозы», кн. I,
ст. 85, 86.)

Итак, Жак, приподняв поля своей 'огромной шляпы и блуждая взглядом по далям, заметил землепашца, который тщетно колотил одну из двух лошадей, впряженных в плуг. Лошадь эта, молодая и сильная, легла в борозду, и сколько землепашец ни дергал ее за повод, сколько ни просил, ни ласкал, ни угрожал, ни ругался, ни бил, — животное лежало неподвижно и упорно отказывалось подниматься.

Жак, призадумавшись несколько времени над этой

* Высокое дал он лицо человеку и в небо прямо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.

(Перевод С. В. Шервинского.)

сценой, сказал своему хозяину, который также обратил на нее внимание:

— Знаете ли, сударь, что там происходит?

Х о з я и н

А что же, по-твоему, там происходит кроме того, что я вижу?

Ж а к

Не угадываете?

Х о з я и н

Нет. А ты угадал?

Ж а к

Угадал, что это глупое, заносчивое, ленивое животное — городской житель, который, гордясь прежним своим званием верховой лошади, презирает плуг; словом, это ваша лошадь, символ Жака, которого вы видите перед собой, и других таких же подлых негодяев, бросивших деревню, чтоб носить ливрею в городе, и предпочитающих выпрашивать кусок хлеба на улицах или умирать с голоду, вместо того чтобы вернуться к земледелию, самому полезному и почетному из ремесел.

Хозяин расхохотался, а Жак, обращаясь к землепашцу, до которого не долетали его слова, сказал:

— Бедный малый, бей, бей, сколько влезет: у нее уже сложился характер, и ты оборвешь еще не один ремешок у своего кнута, прежде чем внушишь этой гнусной твари хоть сколько-нибудь настоящего достоинства и малейшую охоту к труду...

Хозяин продолжал смеяться. Жак, наполовину от нетерпения, наполовину из жалости, встает, направляется к землепашцу и, не пройдя и двухсот шагов, оборачивается к своему хозяину и кричит:

— Сударь, сюда, сюда! Это ваша лошадь, ваша лошадь!

Действительно, это была она. Не успело животное узнать Жака и его хозяина, как оно поднялось по своей воле, встряхнуло гривой, задрожало, стало на дыбы и с

нежностью приблизило морду к морде своего сотоварища. Тем временем Жак с возмущением цедил сквозь зубы:

— Мерзавка, подлянка, лентяйка, закатить бы тебе двадцать пинков сапогом!..

Хозяин, напротив, целовал лошадь, одной рукой гладил ей бок, другой похлопывал по крестцу и, чуть не плача от радости, восклицал:

— Моя лошадь! моя бедная лошадь! Наконец-то я тебя нашел!

Землепашец недоумевал.

— Вижу, господа,— сказал он,— что эта лошадь принадлежала вам; тем не менее я владею ею вполне законно: я купил ее на последней ярмарке. Если бы вы, однако, пожелали взять ее назад за две трети той цены, которую она мне стоила, то оказали бы мне большое одолжение, ибо я не знаю, что с ней делать. Когда выводишь ее из конюшни, это сам дьявол; когда хочешь запрячь, то еще того хуже; когда она попадает на поле, она ложится и скорее позволит себя убить, нежели потерпит, чтобы на нее надели хомут или навьючили на спину мешок. Не смилуетесь ли вы, господа, надо мной и не избавите ли меня от этого проклятого животного? Красавец конь, но годится только, чтоб приплясывать под всадником; а мне это ни к чему...

Ему предложили в обмен любую из двух других, которая ему подойдет; он согласился, и оба наши путешественника вернулись шагом к тому месту, где отдыхали, и оттуда с удовлетворением увидели, что лошадь, уступленная ими землепашцу, безропотно примирилась со своим новым положением.

Жак

Что скажете, сударь?

Хозяин

Что скажу? Скажу, что тебя вдохновляет либо бог, либо дьявол, а который — не знаю. Жак, друг мой, боюсь, что в тебя вселился дьявол.

Жак

Почему — дьявол?

Хозяин

Потому, что ты творишь чудеса, а твоя доктрина крайне подозрительна.

Жак

А что общего между доктриной, которую исповедуешь, и чудесами, которые творишь?

Хозяин

Вижу, что вы не читали дон Ла-Таста ⁵⁷.

Жак

А что говорит этот дон Ла-Таст, которого я не читал?

Хозяин

Он говорит, что и бог и дьявол одинаково творят чудеса.

Жак

А как он отличает божьи чудеса от дьявольских?

Хозяин

На основании доктрины. Если доктрина хороша, то чудеса — от бога, а если плоха, то — от дьявола.

Здесь Жак засмущался, а затем добавил:

— А кто просветит меня, бедного невежду, относительно того, хороша ли или плоха доктрина создателя чудес? Эх, сударь, сядем на наших животных! Какое нам дело, с помощью ли бога или Вельзевула нашлась ваша лошадь? Разве ход у нее будет хуже?

Хозяин

Нет. Однако, Жак, если вы одержимы...

Жак

А какое средство против этого?

Х о з я и н

Средство! В ожидании заклинания бесов... пить одну только свяченную воду.

Ж а к

Я, сударь, — воду! Жак — свяченную воду! Да я предпочту, чтобы тысяча легионов дьяволов навсегда засели в моем теле, чем выпить хоть бы каплю свяченной или несвяченной. Разве вы не заметили, что я гидрофоб?..

«Ах, «гидрофоб»! Жак сказал — «гидрофоб»?..» — Нет, нет, читатель; сознаюсь, что это слово исходит не от него. Но при такой строгой критике вы не сможете прочесть ни одной сцены из любой комедии или трагедии, ни одного диалога, чтобы не обнаружить авторского слова в устах его персонажей. Жак сказал: «Сударь, разве вы еще не заметили, что при виде воды я впадаю в бешенство?..» Ну-с, парафразировав его слова, я был менее правдив, но более краток.

Они снова сели на лошадей, и Жак сказал хозяину:

— В своих любовных приключениях вы дошли до того места, когда, дважды изведав счастье, собирались изведать его в третий раз.

Х о з я и н

Как вдруг дверь, ведущая в коридор, отворилась. И вот комната полна народу, который расхаживает и галдит; вижу свет, слышу голоса мужчин и женщин, говорящих за раз. Кто-то резко отдергивает полог, и передо мной отец, мать, тетки, кузены, кузины и полицейский комиссар, который говорит им внушительным тоном:

— Господа, пожалуйста, без шума: преступление налицо; мы имеем дело с галантным человеком; есть только одно средство исправить зло; он не преминет им воспользоваться и не позволит, чтоб его принудили к этому на основании закона...

При каждом слове отец и мать осыпали меня упреками; тетки и кузины не скупились на самые отборные эпитеты

в отношении Агаты, которая спрятала голову под одеялами. Я находился в оцепенении и не знал, что отвечать. Обращаясь ко мне, комиссар сказал иронически:

— Сударь, вам здесь очень удобно; однако же соблаговолите встать и одеться...

Я повиновался и облачился в свое платье, которым заменили платье кавалера. Пододвинули стол; комиссар принялся составлять акт. Между тем другие всеми силами удерживали мать, чтоб она не убила дочь, а отец успокаивал ее:

— Не волнуйся, жена, не волнуйся; если ты убьешь дочь, то дела этим не исправишь. Все устроится к лучшему...

Прочие лица разместились на стульях в различных позах, выражавших скорбь, негодование и гнев. Отец, в промежутках отчитывавший жену, говорил:

— Вот что значит не следить за поведением дочери!..

А мать отвечала:

— Ведь у него такой добрый, такой честный вид; кто бы о нем подумал?..

Остальные хранили молчание. По составлении протокола мне прочли его; а так как он заключал в себе одну только правду, то я подписал его и спустился вместе с комиссаром, который весьма учтиво предложил мне сесть в карету, дожидавшуюся у ворот, откуда меня повезли прямо в Фор-л'Эвек в сопровождении многочисленной стражи.

Ж а к

В Фор-л'Эвек! в тюрьму!

Х о з я и н

В тюрьму; и начался возмутительный процесс. Речь шла ни более ни менее, как о том, чтоб я женился на мадемуазель Агате; родители и слышать не хотели ни о каком соглашении. Поутру в мое узилище явился кавалер. Он был осведомлен обо всем. Агата предавалась отчаянию; родители выходили из себя; его осыпали самыми

жестокими упреками за вероломство приятеля, которого он им представил; он был главной причиною их несчастья и бесчестия дочери; на этих бедных людей жалко было смотреть. Он попросил разрешения переговорить с Агатой наедине; это досталось ему не без труда. Агата чуть не выцарапала ему глаз; она обозвала его самыми ужасными именами. Он ожидал этого; дал ей успокоиться, после чего попытался ее урезонить. «Но эта девица,—добавил кавалер,—сказала мне нечто, поставившее меня втупик, и я не нашелся, что ей ответить».

— Отец и мать застали меня с вашим другом; рассказать им, что, ночуя с ним, я думала, что ночую с вами?..

Он возразил:

— Но, говоря по совести, считаете ли вы, что мой друг должен на вас жениться?

— Нет, предатель, нет, негодяй! — воскликнула она.— Вас, вас следовало приговорить к этому.

— От вас зависит выручить меня из беды,—сказал я кавалеру.

— Каким образом?

— Каким образом? Объявив, как было дело.

— Я пригрозил Агате; но, конечно, я этого не исполню. Неизвестно, принесет ли нам пользу это средство, но зато доподлинно известно, что оно покроет нас позором. А виноваты вы.

— Я?

— Да, вы. Если бы вы согласились на обман, который я вам предложил, Агату застали бы с двумя мужчинами, и все кончилось бы посмешищем. Но поскольку этого нет, надо загладить вашу оплошность.

— Не можете ли вы, кавалер, объяснить мне одно обстоятельство? Мое платье оказалось на месте, а ваше в гардеробной; честное слово, сколько я ни думаю, не могу разрешить этой тайны. Я подозреваю Агату; мне пришло в голову, что она догадалась об обмане и была заодно со своими родителями.

— Быть может, видели, как вы поднимались по лест-

нице; несомненно только одно, что не успели вы раздеться, как мне прислали мое платье и потребовали ваше.

— Это со временем объяснится...

В то время как мы с кавалером огорчались, утешали друг друга, обвиняли, ругали и мирились, вошел комиссар; кавалер побледнел и поспешил удалиться. Комиссар был порядочный человек, что иногда случается; перечитав дома протокол, он вспомнил, что некогда учился с молодым человеком, носившим мою фамилию; ему пришлось на ум, не прихожусь ли я родственником или даже сыном его однокашнику; и так оно и оказалось. Перво-наперво он спросил меня, кто был человек, удравший при его приходе.

— Он вовсе не удрал, а ушел,— сказал я.— Это мой закадычный друг, кавалер де-Сент-Уэн.

— Ваш закадычный друг! Забавные у вас друзья. Знаете ли вы, сударь, что это он явился меня предупредить? Его сопровождали отец девицы и другой родственник.

— Он?

— Он самый.

— Вы в этом уверены?

— Вполне уверен; но как вы его назвали?

— Кавалер де-Сент-Уэн.

— Ах, кавалер де-Сент-Уэн! Ну, теперь все ясно. А знаете ли вы, кто ваш друг, ваш закадычный друг, кавалер де-Сент-Уэн? Мошенник, человек, известный множеством преступных проделок. Полиция предоставляет свободу таким людям только ради некоторых услуг, которые они ей оказывают. Они жулики и разоблачители жуликов. Вероятно, считают, что, предотвращая и обнаруживая злодеяния, они приносят больше пользы, чем вреда своими поступками...

Я рассказал комиссару свое печальное приключение так, как оно произошло на самом деле. Он взглянул на него не слишком благосклонно, ибо то, что служило к моему оправданию, не могло быть ни приведено, ни показано на суде. Тем не менее он взялся вызвать отца и мать, как следует допросить дочь, растолковать дело

судье и не упустить ничего, что могло оказать мне пользу; все же он предупредил меня, что если этих людей хорошо подучили, то власти окажутся бессильными.

— Как, господин комиссар, я буду вынужден жениться?

— Жениться — это было бы слишком жестоко; до этого не дойдет, но придется согласиться на вознаграждение за ущерб, и в таких случаях сумма бывает значительной...

Послушай, Жак, мне кажется, что ты хочешь мне что-то сказать.

Ж а к

Да; я хотел сказать, что вы, действительно, оказались несчастливее меня, хотя я заплатил и не ночевал с девицей. Впрочем, я бы без труда разгадал подоплеку вашего приключения, если б Агата оказалась беременной.

Х о з я и н

Не отказывайся еще от твоей догадки: действительно, спустя некоторое время после моего задержания комиссар сообщил мне, что она подала ему заявление о беременности.

Ж а к

И вот вы отец ребенка...

Х о з я и н

Которому не повредил.

Ж а к

Но к рождению которого вы непричастны.

Х о з я и н

Ни покровительство судьи, ни все хлопоты комиссара не спасли меня, и делу был дан законный ход; но так как и дочь и ее родители пользовались дурной славой, то я избег брачной мышеловки. Меня приговорили к значительному штрафу, к возмещению расходов на роды,

а также приятию на себя издержек по содержанию и воспитанию ребенка, созданного трудами и стараниями моего друга, кавалера де-Сент-Уэна, вылитым миниатюрным портретом которого он был. Мальчик, которым счастливо разрешилась мадемуазель Агата, оказался крепышом; его отдали хорошей кормилице, которой я плачу по сей день.

Ж а к

А сколько лет вашему сударику-сыну?

Х о з я и н

Ему скоро будет десять. Я все время держал его в деревне, где школьный учитель обучал его читать, писать и считать. Это недалеко от того места, куда мы направляемся, и я воспользуюсь случаем, чтобы заплатить этим людям следуемую сумму, взять его от них и приспособить к ремеслу.

Жак и его хозяин еще раз ночевали в пути. Они находились слишком близко от цели путешествия, чтобы Жак вернулся к истории своих любовных приключений; к тому же его болезнь далеко еще не прошла. На другой день они прибыли... «Куда?»—Честное слово, не знаю.—«А за каким делом они туда ехали?»—За каким вам угодно. Разве хозяин Жака посвящал в свои дела всякого встречного и поперечного? Как бы то ни было, на них потребовалось не более двух недель.—«Завершились ли они благополучно или неблагополучно?»—Этого я пока еще не знаю. Болезнь Жака прошла благодаря двум одинаково антипатичным ему средствам: диете и отдыху.

Однажды утром хозяин сказал своему слуге:

— Жак, взнуздай и оседлай коней; наполни также свою кубышку; мы поедем туда, куда ты знаешь.

Это было так же быстро исполнено, как сказано. И вот они направляются к месту, где в течение десяти лет вскармливали за счет хозяина Жака ребенка кавалера де-Сент-Уэна. На некотором расстоянии от покинутого ими жилища хозяин обратился к Жаку со следующими словами:

— Жак, что ты скажешь о моих любовных приключениях?

Ж а к

Что свыше предначертано много странного. Вот ребенок, рожденный при бог весть каких обстоятельствах. Кто знает, какую роль сыграет в мире этот внебрачный сынок? Кто знает, рожден ли он для счастья или для гибели какой-нибудь империи?

Х о з я и н

Отвечаю тебе за то, что ничего подобного не случится. Я сделаю из него хорошего токаря или хорошего часовщика. Он женится; у него родятся потомки, которые веки вечные будут обтачивать в этом мире ножи для стульев.

Ж а к

Да; если так предначертано свыше. Но почему бы не выйти из лавки токаря какому-нибудь Кромвелю? Тот, кто приказал обезглавить своего короля, вышел из лавки пивовара, и разве не говорят теперь...

Х о з я и н

Оставим это. Ты выздоровел, тебе известны мои любовные приключения, и ты по совести не вправе отказаться от рассказа о своих.

Ж а к

Все этому противится. Во-первых, остающийся нам путь слишком короток; во-вторых, я забыл место, на котором остановился; в-третьих, у меня какое-то предчувствие... что этой истории не суждено кончиться, что мой рассказ принесет нам несчастье и что не успею я к нему приступить, как он будет прерван каким-нибудь счастливым или несчастным происшествием.

Х о з я и н

Если оно будет счастливым, тем лучше.

Жак

Согласен; но у меня предчувствие... что оно будет несчастным.

Хозяин

Несчастливым! Пусть так; но разве оно все равно не случится, будешь ли ты говорить или молчать?

Жак

Кто знает!

Хозяин

Ты родился слишком поздно — на два или три века.

Жак

Нет, сударь, я родился во-время, как все люди.

Хозяин

Ты был бы великим авгуром.

Жак

Я не вполне знаю, что такое авгур, да и знать не хочу.

Хозяин

Это одна из важнейших глав твоего трактата о про-рицаниях.

Жак

Она уже так давно написана, что я не помню ни слова. Но вот, сударь, кто знает больше, чем все авгуры, гуси-прорицатели и священные куры республики: это кубышка. Посоветуемся с кубышкой.

Жак взял кубышку и долго с нею советовался. Хозяин вынул часы и табакерку, посмотрел время, взял понюшку, а Жак сказал:

— Судьба как будто представляется мне сейчас менее мрачной. Скажите, на чем я остановился?

Хозяин

Ты находишься в замке Деглана, твое колено немного загло, и мать поручила Денизе ухаживать за тобой.

Ж а к

Дениза послушалась. Рана на колене почти зажила; я даже смог проплясать хороводную в ту ночь, когда закапризничал ребенок; тем не менее я временами терпел невыносимые муки. Тамошнему лекарю, который был несколько учение своего собрата, пришло на ум, что эти боли, возвращавшиеся с таким упорством, могли происходить от присутствия постороннего тела в мясе после извлечения пули. По этой причине он как-то рано утром появился в мою комнату, приказал пододвинуть стол к постели, и когда откинули полог, я увидел на этом столе кучу острых инструментов; Дениза сидела у моего изголовья и заливалась горячими слезами; мать ее стояла довольно печальная, скрестив руки; лекарь, скинувший камзол и засучивший рукава, держал в правой руке ланцет.

Х о з я и н

Ты меня пугаешь.

Ж а к

Я тоже испугался.

— Приятель, — сказал мне лекарь, — надоело ли вам страдать?

— Очень надоело.

— Хотите перестать страдать и вместе с тем сохранить ногу?

— Конечно.

— Так снимите ногу с постели и предоставьте мне работать.

Яставляю ногу. Лекарь берет ручку ланцета в зубы, охватывает мою ногу левой рукой, держит ее крепко, снова вооружается ланцетом, сует мне его острие в отверстие раны и делает широкий и глубокий разрез. Я не моргнул, но Жанна отвернула голову, а Дениза, испустив резкий крик, почувствовала себя душно...

Тут Жак прервал свой рассказ и сделал новое нападение на кубышку. Нападения эти были тем чаще,

чем короче были расстояния или, говоря языком математиков, обратно пропорциональны расстояниям. Он был так точен в своих измерениях, что полная при отъезде кубышка аккуратно оказывалась пустой к приезду. Господа чиновники из ведомства путей сообщения сделали бы из нее отличный шагомер. При этом каждое нападение на кубышку имело свои основания. Последнее нападение должно было привести Денизу в чувство и дать самому Жаку оправиться от боли в колене, причиненной операцией лекаря. Дениза оправилась, и Жак, подбодрившись, продолжал:

Ж а к

Этот огромный разрез вскрыл рану до основания, и лекарь извлек оттуда щипцами малюсенький кусок сукна от моих штанов, который там застрял и присутствие которого причиняло мне боль и мешало ране окончательно зарубцеваться. После этой операции здоровье мое благодаря стараниям Денизы стало поправляться: ни болей, ни лихорадки; аппетит, сон, силы. Дениза перевязывала меня с бесконечной пунктуальностью и деликатностью. Стоило посмотреть, как осторожно снимала она повязку, как боялась причинить мне малейшую боль, как смачивала рану. Я сидел на постели, она становилась на одно колено, клала мою ногу на свою ляжку, которую я изредка пожимал; рука моя лежала на ее плече, и я глядел на нее с умилением, которое, как мне кажется, она разделяла. По окончании перевязки я брал Денизу за обе руки, благодарил, не знал, что сказать, не знал, как выразить свою благодарность; она стояла, потупив взоры, и молча слушала меня. Ни один коробейник не приходил в замок, без того чтобы я чего-нибудь у него не купил: то косынку, то несколько локтей ситца или муслина, золотой крест, бумажные чулки, перстень, гранатовое ожерелье. Когда вещь оказывалась приобретенной, то мое затруднение состояло в том, чтоб ее предложить, а Денизино — в том, чтоб ее принять. Сперва я ее показывал, а если она нравилась Денизе, то говорил: «Де-

низа, я купил ее для вас...» Если она соглашалась, то моя рука дрожала, когда я передавал вещицу, а Денизина — когда она ее принимала. Однажды, не зная, что ей еще подарить, я купил подвязки; они были шелковые, с девизом, расцвеченные белым, красным и голубым. Утром, до ее прихода, я положил их на спинку кресла, стоявшего подле моей постели. Дениза, заметив их, тотчас же воскликнула:

— Какие прелестные подвязки!

— Это для моей подружки, — отвечал я.

— У вас, значит, есть подружка, господин Жак?

— Конечно; разве я вам этого еще не говорил?

— Нет. Она, должно быть, очень мила?

— Да, очень мила.

— И вы очень ее любите?

— От всего сердца.

— А она вас тоже?

— Право, не знаю. Эти подвязки я купил для нее, и она обещала мне одну милость, от которой я сойду с ума, если ее удостоюсь.

— Какую же милость?

— Из этих двух подвязок я самолично надену на нее одну...

Дениза покраснела, неверно истолковала мои слова, подумала, что подвязки предназначаются для другой, стала грустной; делала одно неловкое движение за другим, искала принадлежности, необходимые для перевязки, смотрела на них и не находила; она опрокинула вино, только что ею подогретое; подошла к моей постели для наложения повязки; взяла мою ногу дрожащей рукой, развязала бинты шиворот-навыворот, а когда надо было припарить рану, она забыла все, что было нужно; сходила за этим, перевязала меня, и я видел при перевязке, что она плачет...

— Дениза, вы, кажется, плачете. Что с вами?

— Ничего.

— Кто-нибудь вас огорчил?

— Да.

лоденькой и хорошенькой женщиной, не будет аббатом Гюдсоном. — «Но ведь аббат Гюдсон умер». — Вы думаете? Разве вы присутствовали при его похоронах? — «Нет». — А потому он жив или умер, как вам будет угодно. От меня зависит остановить кабриолет, выпустить оттуда приора и его спутницу и в связи с этим наизнать ряд событий, вследствие чего вы не узнаете ни любовных приключений Жака, ни любовных приключений его хозяина; но я пренебрегаю всеми этими способами, я только прихожу к убеждению, что с помощью некоторого воображения и нескольких стилистических приемов легко смастерить роман. Будем придерживаться правды и, пока Жак не оправится от воспаления горла, предоставим говорить его хозяину.

Х о з я и н

Однажды утром кавалер явился ко мне грустный; накануне он, моя (или его, а быть может, и наша) возлюбленная, отец, мать, тетки, кузины и я провели день за городом. Он спросил меня, не совершил ли я какой-либо неосторожности, которая заставила бы родителей заподозрить мою страсть. Затем он сказал, что, встревоженные моими ухаживаниями, отец и мать расспросили дочь; что если я питаю честные намерения, то мне ничего не стоит в них признаться, и семья почтет за честь принять меня на таких условиях, но что если я в течение двух недель не объяснюсь открыто, то меня попросят прекратить посещения, которые обращают на себя внимание, служат предметом толков и наносят вред их дочери, отваживая от нее выгодных женихов, достойных сделать предложение без риска получить отказ.

Ж а к

Ну, как, сударь, есть у Жака нюх?

Х о з я и н

Кавалер добавил:

— Две недели — срок короткий. Вы любите, вас любят; как вы поступите через две недели?

Я без обиняков ответил кавалеру, что ретируюсь.

— Ретируетесь! Значит, вы не любите?

— Люблю, и сильно люблю; но у меня есть родные. имя, звание, притязания, и я никогда не решусь похоронить все эти преимущества в лавке какой-нибудь мешаночки.

— Могу я им это объявить?

— Если угодно. Однако, кавалер, внезапная чрезмерная щепетильность этих людей меня удивляет. Они позволили дочери принять от меня подарки; двадцать раз оставляли меня наедине с нею; она посещает балы, ассамблеи, спектакли, гулябница в городе и за городом; первым, кто предложит ей свой экипаж; они спокойнопят, пока у нее музицируют или разговаривают; ты свободно посещаешь их дом, когда тебе заблагорассудится. Между нами говоря, кавалер, когда тебя пускают в какой-нибудь дом, то туда можно пустить и другого. Их дочь пользуется дурной славой. Не верю тому, что о ней говорят, но не стану также это опровергать; однако ты признаешь, что ее родители могли несколько раньше подумать о чести своего ребенка. Хочешь, чтоб я сказал тебе правду? Меня почитали у них за простофилю. которого собирались притащить за нос к ногам приходского священника. Они ошиблись; я нахожу мадемуазель Агату очаровательной; она вскружила мне голову: это явствует из тех невероятных расходов, в которые я пустился ради нее. Я не отказываюсь продолжать. но только при условии, что она будет в будущем несколько менее строга. Я не намерен вечно расточать время, состояние и вздохи у ее ног, когда могу использовать их целесообразнее в другом месте. Ты передашь эти последние слова мадемуазель Агате, а все предыдущие — ее родителям... Либо наше знакомство должно прекратиться, либо я буду принят на новых основаниях, и мадемуазель Агата найдет для меня лучшее применение, нежели прежде. Припомните, кавалер: когда вы ввели меня к ней, вы обещали мне легкую победу, которой я не дождался. Кавалер, вы меня падули.

лоденькой и хорошенькой женщиной, не будет аббатом Гюдсоном. — «Но ведь аббат Гюдсон умер». — Вы думаете? Разве вы присутствовали при его похоронах? — «Нет». — А потому он жив или умер, как вам будет угодно. От меня зависит остановить кабриолет, выпустить оттуда приора и его спутницу и в связи с этим наизыть ряд событий, вследствие чего вы не узнаете ни любовных приключений Жака, ни любовных приключений его хозяина; но я пренебрегаю всеми этими способами, я только прихожу к убеждению, что с помощью некоторого воображения и нескольких стилистических приемов легко смастерить роман. Будем придерживаться правды и, пока Жак не оправится от воспаления горла, предоставим говорить его хозяину.

Х о з я и н

Однажды утром кавалер явился ко мне грустный; накануне он, моя (или его, а быть может, и наша) возлюбленная, отец, мать, тетки, кузины и я провели день за городом. Он спросил меня, не совершил ли я какой-либо неосторожности, которая заставила бы родителей заподозрить мою страсть. Затем он сказал, что, встревоженные моими ухаживаниями, отец и мать расспросили дочь; что если я питаю честные намерения, то мне ничего не стоит в них признаться, и семья почтет за честь принять меня на таких условиях, но что если я в течение двух недель не объяснюсь открыто, то меня попросят прекратить посещения, которые обращают на себя внимание, служат предметом толков и наносят вред их дочери, отваживая от нее выгодных женихов, достойных сделать предложение без риска получить отказ.

Ж а к

Ну, как, сударь, есть у Жака нюх?

Х о з я и н

Кавалер добавил:

— Две недели — срок короткий. Вы любите, вас любят; как вы поступите через две недели?

И без обиняков ответил кавалеру, что ретируюсь.

— Ретируетесь! Значит, вы не любите?

— Люблю, и сильно люблю; но у меня есть родные. имя, звание, притязания, и я никогда не решусь похоронить все эти преимущества в лавке какой-нибудь мешаночки.

— Могу я им это объявить?

— Если угодно. Однако, кавалер, внезапная чрезмерная щепетильность этих людей меня удивляет. Они позволили дочери принять от меня подарки; двадцать раз оставляли меня наедине с нею; она посещает балы, ассамблеи, спектакли, гулябница в городе и за городом; первым, кто предложит ей свой экинаж; они спокойнопят, пока у нее музицируют или разговаривают; ты свободно посещаешь их дом, когда тебе заблагорассудится. Между нами говоря, кавалер, когда тебя пускают в какой-нибудь дом, то туда можно пустить и другого. Их дочь пользуется дурной славой. Не верю тому, что о ней говорят, но не стану также это опровергать; однако ты признаешь, что ее родители могли несколько раньше подумать о чести своего ребенка. Хочешь, чтоб я сказал тебе правду? Меня почитали у них за простофилю. которого собирались притащить за нос к ногам приходского священника. Они ошиблись; я нахожу мадемуазель Агату очаровательной; она вскружила мне голову: это явствует из тех невероятных расходов, в которые я пустился ради нее. Я не отказываюсь продолжать. но только при условии, что она будет в будущем несколько менее строга. Я не намерен вечно расточать время, состоящие и вздохи у ее ног, когда могу использовать их целесообразнее в другом месте. Ты передашь эти последние слова мадемуазель Агате, а все предыдущие — ее родителям... Либо наше знакомство должно прекратиться, либо я буду принят на новых основаниях, и мадемуазель Агата найдет для меня лучшее место, нежели прежде. Припомните, кавалер: когда вы ввели меня к пей, вы обещали мне легкую победу, которой я не дождался. Кавалер, вы меня надули.

Кавалер

Честное слово, я сам был введен в заблуждение. Кто бы подумал, что при такой легкомысленной внешности, при таком непринужденном и веселом тоне эта молодая девушка окажется маленьким драконом добродетели!

Жак

Чорт возьми, сударь, это здорово! Вы, значит, раз в жизни проявили смелость?

Хозяин

Бывают такие дни. На сердце у меня лежали приключение с ростовщиками, мое бегство от девицы Бридуа в обитель св. Иоанна Латеранского, но больше всего строгости мадемуазель Агаты. Мне немножко надоело быть в дураках.

Жак

Как же вы поступили после этой смелой речи, обращенной к вашему милому другу, кавалеру де-Сент-Уэлу?

Хозяин

Я сдержал слово и прекратил свои посещения.

Жак

Bravo! Bravo! mio caro maestro! *

Хозяин

Прошло недели две, и я не получал никаких вестей, кроме как от кавалера, который старательно докладывал мне о впечатлении, произведенном на семью моим отсутствием, и убеждал меня не сдаваться. Он говорил:

— Там начинают удивляться, переглядываются, переговариваются; спрашивают, какая может быть причина вашего недовольства. Девица играет в достоинство; сквозь ее притворно равнодушный тон видно, что она уязвлена;

* Браво, bravo, мой дорогой маэстро!

она заявляет: «Этого господина больше не видать; значит, он не хочет, чтоб его видели; тем лучше, это его дело...» Затем она делает пируэт, начинает напевать, отходит к окну, возвращается, но уже с красными глазами; все замечают, что она плакала.

— Плакала!

— Затем она садится; берет свою работу; хочет приступить к ней, но приступить не может. Кругом беседуют; она молчит; пытаются ее развеселить, она сердится; предлагают ей игру, прогулку, спектакль, она соглашается; а когда все готовы, ей нравится что-либо другое, но мгновение спустя надоедает... Ага, ты смутился! Больше я тебе ничего не скажу.

— Значит, кавалер, вы полагаете, что если б я вернулся...

— Полагаю, что ты бы сделал глупость. Надо твердо стоять на своем, надо быть решительным. Если вернешься незваный, ты погиб. Пусть эти люди наберутся ума-разума.

— А если меня не позовут?

— Тебя позовут.

— А если будут тянуть слишком долго?

— Тебя скоро позовут. Чорт подери, такого человека, как ты, нелегко заменить! Если ты вернешься по своей воле, на тебя будут дуться, заставят дорого заплатить за твою выходку, тебя впрягут в такое ярмо. в какое пожелают; придется подчиниться, придется преклонить колени. Хочешь ты быть господином или рабом, и вдобавок сильно угнетенным рабом? Выбирай. Но правде говоря, ты поступил несколько необдуманно; трудно принять тебя за безмерно влюбленного человека; но что сделано — сделано, и если из этого можно извлечь пользу, то не следует упускать случая.

— Она плакала!

— Ну что ж, плакала. Пусть лучше она плачет, чем ты.

— Но если меня не позовут?

Тебя позовут, будь спокоен. Когда я прихожу.

то не вспоминаю о тебе, точно тебя нет на свете; наконец меня спрашивают, видел ли я тебя; я равнодушно отвечаю то «да», то «нет»; затем разговор переходит на другие темы, но все же обязательно возвращается к твоему бегству. Заговаривает либо отец, либо мать, либо тетка, либо Агата: «После всего внимания, которое мы ему оказали! сочувствия, которое мы проявили к его тяжбе! любезного обхождения моей племянницей! учтивостей, которыми я его осыпал! Сколько раз заверял он нас в своей привязанности! Верьте после этого людям!.. открывайте двери своего дома перед теми, кто хочет у вас бывать!.. полагайтесь на друзей!»

— А Агата?

— В доме — полное недоумение, могу тебя заверить.

— А Агата?

— Агата отводит меня в сторону и говорит: «Понимаете ли вы что-нибудь в поведении своего друга? Вы столько раз уверяли, что он меня любит; вы, конечно, сами верили: да и почему бы вам не верить? Я тоже верила, я...» Тут она останавливается, голос ее слабеет, глаза наполняются слезами... Но что я вижу! Ты и сам прослезился! Больше я ничего не скажу, дело решенное. Я понимаю, чего ты хочешь, но этого не будет. Раз ты совершил глупость, убежав от них без всякого смысла, то я не позволю тебе удвоить ее, бросившись им на шею. Надо извлечь выгоду из этого происшествия, чтобы подвинуть твое дело с Агатой; пусть она убедится, что держит тебя не настолько крепко, чтоб не могла потерять, пусть она примет меры, чтоб тебя сохранить. Ограничиться поцелуем руки после того, что ты сделал! Но по совести, кавалер, ведь мы друзья: ты можешь, не погрешая против чести, довериться мне: ты ничего у нее не добился?

— Ничего.

— Врешь; притворяешься щепетильным.

— Я, быть может, так бы и поступил, если б у меня были основания; но клянусь, я не имел счастья солгать.

— Это необъяснимо: ведь ты вовсе не такой не-

ловкий... Как! неужели у нее не было ни одной минуты слабости?

— Нет.

— Может быть, она была, но ты не заметил и пропустил случай? Боюсь, как бы ты не вел себя несколько глуповато; это свойственно таким честным, деликатным и чувствительным людям, как ты.

— Ну, а вы, кавалер,—спросил я,—что вы там делаете?

— Ничего.

— У вас нет никаких притязаний?

— Простите меня, пожалуйста. Они длились даже очень долго; но ты пришел, увидел, победил. Я заметил, что на тебя усиленно смотрят, а на меня больше совсем не смотрят, и намотал это себе на ус. Мы остались добрыми друзьями: мне поверяют свои крохотные мысли, иногда следуют моим советам; и за неимением лучшего я согласился на второстепенную роль, на которую ты меня свел.

Ж а к

Я хочу отметить два обстоятельства, сударь. Первое: мне никогда не удавалось рассказать свою историю, чтобы тот или иной чорт меня не перебил, а ваша течет без перерыва. Вот она жизнь: один бежит между шипами, не уколовшись; другой старательно следит, куда ставит ноги, и все же натывается на шипы посреди лучшей дороги и возвращается домой ободранный до потери сознания.

Х о з я и н

Разве ты забыл свой припев: великий свиток и предначертания свыше?

Ж а к

Второе: я настаиваю на том, что ваш кавалер де-Сент-Уэн — отъявленный мазурик и что, поделивши ваши деньги с ростовщиками Лебреном, Мервалем, Матьё де-Фуржо, или Фуржо де-Матьё, Бридуа, он старается на-

вязать вам свою любовницу, но, разумеется, самым честным образом, перед лицом нотариуса и священника, чтобы затем поделить с вами и жену... Ой! горло!..

Х о з я и н

Знаешь ли, что ты делаешь? Вещь очень обычную и крайне наглую.

Ж а к

Я на это способен.

Х о з я и н

Ты жалуешься на то, что тебя прерывают, и сам прерываешь других.

Ж а к

Это — следствие дурного примера, который вы мне подали. Мать хочет амуриться и требует, чтобы дочь ее была благоразумна; отец хочет быть расточительным и требует от сына бережливости; хозяин хочет...

Х о з я и н

Прервать своего лакея, прерывать его, сколько вздумается, и требует, чтобы лакей его не прерывал.

Не опасаетесь ли вы, читатель, что здесь повторится сцена в харчевне, когда один кричал: «Ты сойдешь вниз!», а другой: «Я не сойду!»? Отчего бы мне не прожужжать вам уши: «Я буду перебивать!..». — «Не будешь перебивать!»? Несомненно, если я немного подражаю Жака или его хозяина, то начнется ссора; а если она начнется, то бог весть, чем кончится. Правда, однако, заключается в том, что Жак скромно отвечал хозяину:

— Я вас не перебиваю, я только пользуюсь вашим разрешением и беседую с вами.

Х о з я и н

Пусть так; но это еще не все.

Ж а к

Какую же еще непристойность мог я совершить?

Х о з я и н

Ты опережаешь рассказчика и лишаешь его предвкушаемого им удовольствия удивить тебя; ты упорствуешь в своей неуместной прозорливости, угадываешь то, что ему хотелось тебе сказать, а потому ему остается только умолкнуть, и я умолкаю.

Ж а к

Ах, сударь!

Х о з я и н

Проклятье умным людям!

Ж а к

Согласен; но у вас нехватит жестокости...

Х о з я и н

Признай, по крайней мере, что ты этого заслуживаешь.

Ж а к

Признаю; но после этого вы посмотрите на часы, возьмете понюшку, гнев ваш уляжется, и вы продолжите свою историю.

Х о з я и н

Этот чудака делает со мной, что хочет...

Спустя несколько дней после моей беседы с кавалером он снова явился ко мне; вид у него был любедоносный.

— Ну, как, приятель?— сказал он.— В другой раз вы будете верить моим предсказаниям? Я же говорил вам, что сила на нашей стороне; вот вам письмо от крошки; да, письмо, письмо от нее...

Письмо это было очень ласковым: упреки, жалобы и прочее; и вот я снова водворился у них.

Вы бросаете мою книгу, читатель. Что случилось? Ах, кажется, я угадал: вам хочется взглянуть на это письмо. Госпожа Риккобони⁵⁰ не преминула бы вам его показать. А письмо, которое госпожа де-ла-Помере диктовала ханжам? Я уверен, что вы жалеете и о нем. Хотя его было бы труднее составить, чем письмо Агаты, и я не приписываю себе особого таланта, но все же полагаю, что справился бы с ним; однако оно не было бы оригинально: с ним произошло бы то же, что с великолепными речами Тита Ливия в его «Истории Рима» и кардинала Бендивольо⁵¹ в его «Фландрских войнах». Их читаешь с удовольствием, но они разрушают иллюзию. Историк, приписывающий своим героям речи, которых они не говорили, способен приписать им поступки, которых они не совершали. Вот почему умоляю вас обойтись без этих двух писем и продолжить чтение.

Х о з я и н

У меня спросили о причине моего бегства; я отвечал, что вздумалось, и все пошло попрежнему.

Ж а к

Иначе говоря, вы продолжали тратиться, а ваши любовные дела не подвигались вперед ни на шаг.

Х о з я и н

Кавалер расспрашивал о моих успехах и, казалось, терял терпение.

Ж а к

Оп, может быть, действительно терял терпение.

Х о з я и н

Почему?

Ж а к

Почему? Потому что...

Х о з я и н

Договаривай же.

Жак

Ни в коем случае; надо предоставить рассказчику.

Хозяин

Мои уроки идут тебе на пользу; это меня радует... Однажды кавалер предложил мне совершить с ним прогулку. Мы отправились на день за город. Выехали рано утром. Пообедали в харчевне; поужинали там; вино оказалось превосходным; мы много выпили, беседуя о правительстве, религии и любовных похождениях. Никогда кавалер не выказывал мне еще такого доверия, такой дружбы; он рассказал все приключения своей жизни с самой невероятной откровенностью, не скрывая от меня ни добра, ни зла. Он упрекал себя только за один поступок из своего прошлого и собирался раскаиваться в нем до гроба.

— Признайтесь в нем своему другу, кавалер: вам станет легче. Ну, что? О чем идет речь? Вероятно, какой-нибудь пустяк, который ваша щепетильность преувеличила?

— Нет, нет! — возгласил кавалер, опуская голову на руки и стыдливо закрывая ими лицо. — Это гнусность, непростительная гнусность. Поверите ли? Я, кавалер де-Септ-Уэн, однажды обманул, да, обманул своего друга!

— А как это случилось?

— Увы! мы посещали тот же дом, как вы и я. Там была девушка вроде мадемуазель Агаты; он был влюблен в нее, а она — в меня; он разорялся на нее, а я пользовался ее милостями. У меня никогда не хватало смелости признаться в этом, но если мы с ним встретимся, я открою ему все. Эта ужасная тайна, которую я ношу в своем сердце, давит меня; я должен, во что бы то ни стало, избавиться от этого бремени.

— Прекрасно сделаете, кавалер.

— Вы советуете?

— Безусловно советую.

— А как, вы думаете, мой приятель отнесется к этому известию?

— Если он вам друг, если он справедлив, он найдет для вас извинение в своем сердце; он будет тронут вашей прямою и раскаянием; он бросится вам на шею и поступит так, как я поступил бы на его месте.

— Вы полагаете?

— Полагаю.

— И вы бы так поступили?

— Без всякого сомнения...

Кавалер незамедлительно встает, подходит ко мне со слезами на глазах и с раскрытыми объятиями и говорит:

— Друг мой, поцелуйте же меня!

— Как, кавалер! — восклицаю я. — Так это вы? Так это я? Так это мерзавка Агата?

— Да, друг мой. Все же возвращаю вам слово; вы можете поступить со мною, как вам будет угодно. Если вы полагаете, как и я, что моя обида не заслуживает прощения, то не прощайте меня; встаньте, уходите, осыпайте меня при встрече презрением и предоставьте мне терзаться и мучиться. Ах, друг мой, если бы вы знали, какую власть приобрела над моим сердцем маленькая негодница! Я родился с честными наклонностями; судите сами, как я страдал из-за недостойной роли, до которой унился. Сколько раз я отворачивал от нее взгляд, чтобы перевести его на вас, мучась предательством ее и своим! Непонятно, как вы этого никогда не замечали...

Между тем я был неподвижен, как каменный Термин⁵²; слов кавалера я почти не слышал.

— Ах, презренный! — воскликнул я. — Как, кавалер? Вы! вы! мой друг!

— Да, я был им и продолжаю быть, так как полагаю секретом не столько своим, сколько ее, который может высвободить вас из пут этой твари. Меня приводит в отчаяние, что вы ничего от нее не добились в возмещение за все свои благодеяния.

Тут Жак принялся хохотать и свистеть.

«Да это же комедия Коле⁵³ «Истина в вине»...» — Читатель, вы не знаете, что говорите; вы тщитесь ра-

зыграть умника, а на самом деле вы глупец. Это вовсе не истина в вине, а как раз наоборот, это ложь в вине. Я сказал вам грубость; очень сожалею и прошу прощения.

Х о з я и н

Гнев мой постепенно остыл. Я обнял кавалера; он снова сел на стул, облокотился о стол и прижал к глазам сжатые кулаки, не осмеливаясь взглянуть на меня.

Ж а к

Он был так огорчен! А вы оказались настолько добры, что бросились его утешать? (И Жак снова свистнул.)

Х о з я и н

Я счел наиболее уместным превратить все в шутку. При каждом веселом замечании смущенный кавалер повторял:

— Нет на свете другого такого человека, как вы; вы единственный в своем роде; я вас не стою. Не думаю, чтоб у меня хватило великодушия и силы простить такую обиду, а вы шутите; это беспримерно. Друг мой, как мне загладить свою вину?.. Ах, нет, этого загладить нельзя! Никогда, никогда не забуду я своего поступка и вашего великодушия; эти две черты глубоко запечатлены вот здесь. Одну я буду вспоминать, чтобы презирать себя, другую — чтоб вами восхищаться, чтоб удвоить свою привязанность к вам.

— Что вы, что вы, кавалер! Вы преувеличиваете и свой и мой поступок. Выпьем за ваше здоровье... Ну, так за мое, кавалер, если вы не хотите за свое.

Кавалер мало-помалу набрался смелости. Он рассказал мне все подробности своего вероломства, осыпая себя самыми резкими эпитетами, и разнес на все корки и дочь, и мать, и отца, и теток, и всю семью, которую представил в виде скопища каналий, недостойных меня, но вполне достойных его; это его собственные слова.

Жак

И вот почему я никогда не советую женщинам путаться с людьми, которые напиваются. Я не меньше презираю вашего кавалера за нескромность в любви, чем за вероломство в дружбе. Какого чорта! он мог... поступить, как порядочный человек, и предупредить вас... Но нет, сударь, я настаиваю на своем: это мазурик, прожженный мазурик. Не знаю, чем все это кончится; боюсь, что он снова обманывает вас, разоблачая свой обман. Вырвитесь, вырвитесь как можно скорее сами из этой харчевни и избавьтесь от общества этого человека...

Тут Жак схватился за кубышку, забыв, что там не было ни отвара, ни вина. Хозяин расхохотался. Жак кашлял с добрую четверть часа. Хозяин вынул часы и табакерку и продолжал свою историю, которую я прерву. Если позволите, хотя бы только для того, чтоб побесить Жака, доказав ему, что он ошибался и что свыше вовсе не предначертано, чтоб его всегда прерывали, а хозяйня никогда.

Хозяин (кавалеру)

После всех ваших рассказов я надеюсь, что вы перестанете с ними встречаться.

— Встречаться с ними!.. Конечно; но как досадно удалиться, не отомстив! Они предавали, обманывали, осмеивали, обирали порядочного человека; они злоупотребили страстью и слабостью другого порядочного человека (ибо я все же осмеливаюсь считать себя таковым) и впутали его в целую цепь мерзостей; они чуть было не подстрекнули двух друзей к взаимной ненависти и кровопролитию, ибо признайте, дорогой мой, что, обнаружив мои недостойные проделки, вы, как человек храбрый, быть может, испытали бы желание мести...

— Нет, дело не дошло бы до этого. Да и почему бы? Из-за чего? Из-за оплошности, от которой никто не в силах уберечься. Разве она мне жепя? Да и то... Разве она мне дочь? Нет, это просто шлюха; и вы думаете, что из-за какой-то шлюхи... Оставим это, друг мой,

и выпьем. Агата молода, резва, бела, толста, пухла. У нее плотное тело, не правда ли? У нее нежнейшая кожа. Насладиться ими — блаженство, и вы были наверно достаточно счастливы в ее объятиях, чтобы не думать о своих друзьях.

— Если чары какой-нибудь особы и наслаждения могут уменьшить вину, то нет под небесами менее преступного человека, чем я.

— Ах, кавалер, я беру назад свое слово, отказываюсь от снисходительности и хочу поставить одно условие, при котором согласен забыть ваше предательство.

— Говорите, друг мой, приказывайте, не скрывайте; должен ли я броситься из окна, повеситься, утопиться, проткнуть грудь пожом...

И кавалер тут же хватается лежавший на столе нож, расстегивает воротник, распахивает сорочку и с блуждающими взорами приставляет правой рукой острие ножа к впадине левой ключицы, словно приготовившись по первому моему приказанию покончить с собой по обычаю древних.

— Дело идет не об этом, кавалер; бросьте ваш дрянной нож.

— Я его не брошу, я этого заслуживаю: подайте только знак.

— Бросьте ваш дрянной нож, говорят вам; я вовсе не требую такой высокой цены за ваше покаяние.

Между тем он все еще направлял острие ножа на впадину левой ключицы; я хватаю его за руку, вырываю нож, отбрасываю его далеко и, поднеся бутылку к его стакану и наполнив его до краев, говорю:

— Сперва выпьем; а затем вы узнаете страшное условие, при котором я согласен вас простить. Итак, Агата очень сочная, очень страстная особа?

— Ах, друг мой, как жаль, что вам тоже не удалось это изведать!

— Постой; пусть нам принесут бутылку шампанского, а затем ты опишешь мне одну из ваших почей... Любезный предатель, твое прощение последует за оконча-

нием этого рассказа. Итак, начинай. Разве ты меня не слышишь?

— Слышу.

— Мое решение кажется тебе слишком жестоким?

— Нет.

— Ты замечтался?

— Замечтался.

— Что я от тебя потребовал?

— Рассказа об одной из моих ночей с Агатой.

— Именно так.

Тем временем кавалер мерил меня взглядом с головы до пят и говорил сам себе: «Такая же фигура; почти тот же возраст; а если б и была какая-нибудь разница, то отсутствие света, воображение, рисующее ей меня, рассеят ее подозрения...»

— О чем ты думаешь, кавалер? Твой стакан полон, и ты не приступаешь к рассказу.

— Я думал, друг мой; я уже обдумал, этим все сказано. Обнимите меня, мы будем отомщены, да, будем. Это подлость с моей стороны; она недостойна меня, но она достойна маленькой мерзавки. Вы требовали от меня рассказа об одной из моих ночей?

— Да; разве это чрезмерное требование?

— Нет; но если я вместо рассказа предоставлю вам такую же ночь?

— Это, пожалуй, будет еще лучше. (Жак засвистал.)

Тотчас же кавалер вынимает из кармана два ключа: один маленький, другой большой.

— Маленький — от наружной двери, — говорит он, — большой — от прихожей Агаты; оба они к вашим услугам. Вот путь, который я ежедневно проделываю уже около шести месяцев: вы пойдете по моим стопам. Ее окна, как вам известно, расположены по фасаду. Я прогуливаюсь вдоль улицы, пока они освещены. Условный сигнал — горшок с васильками, выставленный паружу; тогда я подкрадываюсь к входной двери, отпираю, вхожу, запираю, поднимаюсь наверх возможно бесшумнее, сворачиваю в маленький коридор, что направо; первая дверь

налево по этому коридору ведет, как вы знаете, к ней. Отпираю дверь вот этим большим ключом, прохожу в ее гардеробную, находящуюся направо; там стоит маленький ночник, при свете которого раздеваюсь со всеми удобствами. Дверь комнаты Агаты отворена; вхожу и ложусь рядом с ней на постель. Поняли?

— Отлично понял.

— Так как кругом есть народ, то мы молчим.

— А кроме того, полагаю, у вас найдется дело лучше, чем болтать.

— В случае тревоги я могу соскочить с постели и запереться в гардеробной; по этого еще ни разу не было. Обычно мы расстаемся около четырех часов утра. Если удовольствия или сон заставят нас просрочить, то мы встаем вместе; она сходит вниз, а я остаюсь в гардеробной, одеваюсь, читаю, отдыхаю, дожидаясь часа, чтобы можно было явиться. Затем тоже спускаюсь, здороваюсь, обнимаю всех, как будто я только что пришел.

— Вас ждут этой ночью?

— Меня ждут каждую ночь.

— И вы готовы уступить мне свое место?

— От всего сердца. Я нисколько не досаую на то, что вы предпочли ночь рассказу о ней; но я хотел бы...

— Договаривайте; чтобы вам услужить, я готов почти на все.

— Я хотел бы, чтобы вы остались в ее объятиях до утра; я явлюсь, застаю вас вместе...

— Ах, нет, кавалер, вы слишком злобны!

— Слишком злобен? Не в такой мере, как вы думаете. Сперва я разденусь в гардеробной.

— Вы чертовски изобретательны, кавалер. Но это не осуществимо: если вы передадите мне ключи, то их у вас не будет.

— Ах, друг мой, как ты глуп!

— Не слишком, как мне кажется.

— А почему бы нам не войти обоим вместе? Вы отправитесь к Агате, а я останусь в гардеробной, пока вы не подадите мне знака, о котором мы условимся.

— Честное слово, это так забавно, так сумасбродно, что меня подмывает согласиться. Но, рассуждая здраво, я предпочитаю отложить этот фарс до какой-нибудь из следующих ночей.

— Ага, понимаю: ваше намерение — отомстить за нас несколько раз.

— Если вы согласны?

— Вполне.

Ж а к

Ваш кавалер совершенно сбил меня с толку. Я предполагал...

Х о з я и н

Ты предполагал?

Ж а к

Нет, сударь, можете продолжать.

Х о з я и н

Мы пили за предстоящую ночь, за последующие, за ту, когда Агата очутится между мной и кавалером, и говорили по этому поводу тысячу абсурдов. К кавалеру вернулась приятная веселость, и тема нашей беседы была не из грустных. Он снабдил меня предписаниями относительно почного поведения, из которых далеко не все были одинаково легко исполнимы; но после длинного ряда благоразумно проведенных ночей я, пожалуй, мог поддержать честь кавалера в первую из них, какие бы чудеса он про себя ни рассказывал; и тут посыпались нескончаемые подробности об умелости, сговорчивости, совершенствах Агаты. К опьянению вином кавалер с бесподобным искусством прибавлял опьянение страстью. Время до любовного свидания или до мести тянулось для нас долго; наконец мы встали из-за стола. Кавалер заплатил; это случилось с ним впервые. Мы уехали в наш экипаж; мы были пьяны, а наш кучер и лакеи — еще больше нас.

Читатель, кто может помешать мне скинуть здесь в овраг кучера, лошадей, господ и слуг? Если овраг вас пугает, то кто помешает мне доставить их здоровыми и невредимыми в город, где их экипаж зацепится за другой, в котором я помешу каких-нибудь пьяных молодых людей? Произойдет перебранка, ссора, засверкают шпаги. начнется побойще по всем правилам. Что мешает мне, если вы не любите побойщ, заменить молодых людей мадемуазель Агатой с какой-нибудь из ее теток? Но ничего подобного не случилось. Кавалер и хозяин Жака прибыли в Париж. Последний надел платье кавалера. Полночь; они под окнами Агаты; свет гаснет; горшок с васильками — на своем месте. Они еще раз проходят от одного конца улицы до другого; кавалер напоминает приятелю свои наставления. Они приближаются к дверям; кавалер отпирает, впускает приятеля, оставляет себе ключ от входа, передает ему коридорный ключ, запирает за ним, удаляется...

И после лаконического описания этих подробностей хозяин Жака продолжил свое повествование и сказал:

— Помещение было мне знакомо. Поднимаюсь по лестнице на цыпочках, отпираю коридорную дверь, закрываю ее; вхожу в гардеробную, освещенную ночником; раздеваюсь; дверь в спальню открыта, вхожу и направляюсь к алькову, где бодрствует Агата. Откидываю полог, и в то же мгновение две обнаженных руки охватывают меня и влекут к себе; я не сопротивлюсь, ложусь, меня осыпают ласками, я отвечаю тем же. И вот я счастливейший из смертных. и это длится до тех пор, пока...

Пока хозяин Жака не заметил, что его слуга спит или притворяется спящим.

— Ты спишь, — воскликнул он, — ты спишь. ишьма, в самый интересный момент моей истории!..

А Жак только и караулил этот момент.

— Проснешься ли ты?

— Не думаю.

— Почему?

— Если я проснусь, то может проснуться и боль в горле, и мне кажется, что лучше нам обоим отдохнуть...

И голова Жака падает на грудь.

— Ты свернешь себе шею.

— Безусловно, если так предначертано свыше. Разве вы не в объятиях мадемуазель Агаты?

— Да.

— Не чувствуете ли вы себя там хорошо?

— Очень хорошо.

— Ну и оставайтесь!

— Чтоб я остался! Легко сказать!

— По крайней мере, пока я не узнаю истории о пластыре Деглана.

Хозяин

Ты мстишь мне, злодей.

Жак

Хотя бы и так, сударь. После того, как вы прервали историю о моих любовных приключениях тысячами вопросов, столькими же причудами без малейшего протеста с моей стороны, разве я не вправе просить вас, чтобы вы оборвали свою и сообщили мне историю о пластыре добряка Деглана, которому я столь многим обязан, который увез меня от лекаря в тот момент, когда я без гроша в кармане не знал, куда деваться, и у которого я познакомился с Денизой. А не будь Денизы, я бы не сказал вам ни слова обо всем этом путешествии. Хозяин, дорогой хозяин, расскажите историю про пластырь Деглана; вы можете сокращать ее, как хотите, но дремота, которая меня охватила и с которой я не в силах совладать, безусловно пройдет, и вы сможете рассчитывать на все мое внимание.

Хозяин (*пожимая плечами*)

По соседству с Дегланом жила прелестная вдова, которая обладала некоторыми свойствами, общими с одной куртизанкой прошлого века⁵⁴. Добродетельная по

рассудительности, развратная по темпераменту, жалеющая на другой день о глупости, совершённой накануне, она провела жизнь, переходя от наслаждения к раскаянию и от раскаяния к наслаждению, причем ни привычка к наслаждению не убила в ней раскаяния, ни привычка к раскаянию не убила охоты к наслаждению. Я видел ее в ее последние минуты; она говорила, что, наконец, избавляется от двух злейших врагов. Муж, снисходительно относившийся к единственному недостатку, в котором мог ее упрекнуть, жалел ее, пока она жила, и долго оплакивал после смерти. По его мнению, было бы столь же смехотворно запретить его жене любить, как запретить ей утолять жажду. Он прощал ей ее многочисленные победы ради щепетильной разборчивости, с которой она к ним относилась. Никогда не принимала она ухаживаний дурака или каверзника; свои милости она дарила только в награду за талант или честность. Сказать про человека, что он был ее любовником, значило признать его достойной личностью. Зная свое легкомыслие, она никому не обещала верности. «Я дала в жизни,—говорила она,—только одну ложную клятву, и это — моя брачная клятва». Испарялось ли чувство, которое к ней питали, испарялось ли чувство, которое она питала,— все оставались ее друзьями. Не было на свете более разительного примера расхождения между честностью и добрыми нравами. Нельзя было никак сказать, что она отличается добрыми нравами; но все признавали, что трудно найти более честное создание. Ее духовник редко видел ее у подножия алтаря, но во всякое время он мог располагать ее кошельком для бедных. Она в шутку говорила, что религия и законы — два костыля, которые не следует отнимать у тех, у кого слабые ноги. Женщины опасались ее общества для своих мужей, но желали его для своих детей.

Жак, процедив сквозь зубы: «Погоди, я отплатю тебе за этот скучнейший портрет», добавил:

— Да вы, повидимому, влюбились в эту женщину до безумия?

Хозяин

Это непременно бы случилось, если бы Деглан не опередил меня. Деглан влюбился в нее...

Жак

Сударь, разве история о пластыре Деглана и о его любви так тесно связаны между собой, что их нельзя разделить?

Хозяин

Можно: пластырь — простой инцидент, а остальное — рассказ о том, что произошло, пока они любили друг друга.

Жак

А произошло много событий?

Хозяин

Много.

Жак

В таком случае, если вы будете растягивать их так же, как описание портрета, то мы не вылезем из них до самой Троицы, и тогда — прощай и ваши и мои любовные приключения.

Хозяин

А зачем же ты меня сбивал?.. Видел ли ты у Деглана ребенка?

Жак

Злого, упрямого, дерзкого и хилого? Видел.

Хозяин

Это незаконный сын Деглана и прекрасной вдовы.

Жак

Много горя принесет ему этот ребенок! Он — единственный сын: это первое основание, чтобы стать негодяем; он знает, что будет богат: это второе основание, чтобы стать негодяем.

— А кто этот злодей?

— Вы.

— Я?

— Да.

— Как же это случилось?

Вместо ответа, она перевела взгляд на подвязки.

— Так вот что заставило вас плакать?

— Да.

— Ах, Дениза, перестаньте плакать: я купил их для вас.

— Правду ли вы говорите, господин Жак?

— Истинную правду; и в доказательство — вот они.

В то же время я презентовал ей подвязки, но удержал одну из них; лицо ее сквозь слезы невольно озарилось улыбкой. Я взял ее за руку, подвел к постели, положил ее ногу на край, поднял ей юбки до колена, где она прижимала их руками, поцеловал ее в щиколотку, надел ей подвязку, которую держал, и не успел я это сделать, как вошла Жанна, ее мать.

Х о з я и н

Вот неприятный визит!

Ж а к

Быть может — да, быть может — нет. Вместо того, чтоб обратить внимание на наше смущение, она заметила только подвязку в руках дочери.

— Какая прелестная подвязка! — сказала она. — Но где же другая?

— На моей ноге, — отвечала Дениза. — Он сказал, что купил их для своей подружки, и я решила, что это для меня. Не правда ли, мама, раз я надела одну, то могу оставить себе и другую?

— Ах, господин Жак, Дениза права: одна подвязка без другой не годится, и вы не захотите отнять ее.

— Почему бы нет?

— Дениза этого не хочет, и я тоже.

— В таком случае договоримся: я надену ее на Денизу в вашем присутствии.

— Нет, нет, это невозможно.

— Тогда пусть отдаст мне обе.

— И это тоже невозможно.

Но тут Жак и его хозяин доехали до окраины деревни, где хотели повидать ребенка и кормильцев ребенка кавалера де-Сент-Уэна. Жак умолк; хозяин же его сказал:

— Спешимся и сделаем перерыв.

— Зачем?

— Затем, что, судя по всей видимости, ты приближаешься к концу своей истории.

— Не совсем.

— Когда доходишь до колена, то остается немного пути.

— Сударь, у Денизы ляжки длиннее, чем у других женщин.

— Все-таки спешимся.

Они спешили; Жак сошел первым и бросился помогать хозяину; но не успел тот вложить ногу в стремя, как ремень лопнул, и мой кавалер, опрокинувшись назад, больно шлепнулся бы о землю, если бы не очутился в объятиях своего лакея.

Хозяин

Так вот как ты обо мне заботишься, Жак! Ведь я мог повредить себе бок, сломать руку, разmozжить голову, быть может, разбиться на-смерть.

Жак

Велика беда!

Хозяин

Что ты сказал, грубиян? Постой, постой, я научу тебя разговаривать!..

И хозяин, дважды обернув кисть ремешком кнута, бросился преследовать Жака, а Жак, заливаясь хохотом, — кружиться вокруг лошади; хозяин — клясться, про-

клинать, беситься с пеной у рта и тоже кружиться, осыпая Жака потоком ругательств; эта беготня продолжалась до тех пор, пока оба они, обливаясь потом и изнемогая от усталости, не остановились — один по одну, другой по другую сторону лошади, Жак — задыхаясь и хохоча, хозяин — задыхаясь и кидая на него гневные взгляды. Они несколько отдышались, и Жак сказал своему хозяину:

— Согласен ли мой хозяин признать...

Х о з я и н

Что еще должен я признать, собака, мошенник, негодяй? Что ты гнуснейший из всех лакеев, а я несчастнейший из господ?

Ж а к

Разве не доказано с очевидностью, что мы по большей части действуем независимо от нашей воли? Скажите, положив руку на сердце: хотели ли вы что-либо из того, что говорили или делали за эти полчаса? Разве вы не были моей марионеткой и не продолжали бы быть моим паяцем в течение месяца, если б я это задумал?

Х о з я и н

Как! все это было шуткой с твоей стороны?

Ж а к

Да, шуткой.

Х о з я и н

И ты ожидал, что ремень лопнет?

Ж а к

Я это подготовил.

Х о з я и н

И ты прикрепил эту проволоку к моей голове, чтобы я бесновался по твоему капризу?

Ж а к

Именно.

Х о з я и н

Твой паглый ответ был задуман заранее?

Ж а к

Да, заранее.

Х о з я и н

Ты опасный мерзавец.

Ж а к

Скажите лучше, что благодаря моему капитану, сыгравшему со мной однажды подобную шутку, я стал тонким мыслителем.

Х о з я и н

А если б я все-таки поранил себя?

Ж а к

Свыше, а также в моем предвидении было предназначено, что этого не случится.

Х о з я и н

Присядем, нам необходимо отдохнуть.

Они садятся, и Жак говорит:

— Чорт бы побрал дурака!

Х о з я и н

Ты, разумеется, говоришь о себе?

Ж а к

Да, о себе: я не оставил ни одной капли в кубышке.

Х о з я и н

Не жалею: я бы выпил ее, так как умираю от жажды.

Ж а к

Чорт бы вторично побрал дурака, который не оставил двух капель!

Хозяин умоляет Жака продолжить свою историю, чтоб обмануть усталость и жажду; Жак отказывается, хозяин дуется. Жак позволяет ему дуться; наконец, еще раз упомянув о несчастьи, которое может воспоследовать от этого, он принимается за историю своих любовных приключений и говорит:

— В один праздничный день, когда сеньёр замка отправился на охоту...

Тут он внезапно остановился, а затем сказал:

— Не могу больше; я не в силах продолжать; мне кажется, что рука судьбы снова схватила меня за горло, и я чувствую, как она его сжимает; ради бога, сударь, разрешите мне прекратить.

— Ну, хорошо, прекрати и спроси вон в той первой хижине, где живет муж кормилицы...

Хижина помещалась несколько ниже; они идут к ней, каждый держа свою лошадь на поводу. В ту же минуту дверь отворяется; оттуда выходит человек; хозяин испускает крик и хватается за шпагу; тот поступает так же. Обе лошади пугаются бряцанья оружия; лошадь Жака обрывает повод и убегает; тотчас же кавалер, с которым сражается хозяин Жака, падает замертво на землю. Сбегаются местные крестьяне. Хозяин поспешно вскакивает в седло и удаляется во всю прыть. Жака хватают, связывают ему руки за спину и ведут к тамошнему судье, который отправляет его в тюрьму. Убитый оказался кавалером де-Сент-Уэном, которого судьба привела в этот самый день вместе с Агатой к кормилице их ребенка. Агата рвет на себе волосы над трупом своего любовника. Хозяин Жака уже так далеко, что его потеряли из виду. Жак, направляясь от дома судьи в тюрьму, говорил:

— Так должно было случиться; это было предначертано свыше...

Тут я останавлиюсь, ибо это все, что мне известно об обоих моих героях. — «А любовные приключения Жака?» — Жак сто раз говорил, что ему было предначертано свыше не докончить этой истории, и Жак был прав.

Фронтиспис III тома «Как Фаталист»
парижского изд. 1797 года

Вижу, читатель, что вас это сердит. Ну что ж, продолжайте рассказ с того места, на котором Жак остановился, и фантазируйте, сколько вам будет угодно, или навестите мадемуазель Агату, справьтесь о деревне, где арестовали Жака, повидайтесь с ним и расспросите его: он не заставит просить себя дважды, чтобы вас удовлетворить; это развлечет его. На основании его мемуаров, которые не без основания представляются мне подозрительными, я мог бы, может статься, пополнить то, чего здесь не хватает; но к чему? Интересно лишь то, что считаешь истинным. Между тем было бы излишней смелостью высказать, без зрелой проверки, какое-либо суждение о беседах Жака Фаталиста и его хозяина, самого значительного произведения, появившегося со времен «Пантагрюэля» мэтра Франсуа Рабле и «Жизни и приключений кума Матье»⁵⁸, а потому я перечитаю мемуары Жака со всем напряжением умственных сил и всей беспристрастностью, на которые способен, и через неделю доложу вам окончательное свое мнение, с правом взять свои слова назад, если кто-либо поумнее меня докажет, что я ошибся.

Издатель добавляет:

«Неделя прошла. Я прочитал означенные мемуары; из трех добавленных к ним параграфов, не имеющих в принадлежащей мне рукописи, я признаю подлинными первый и последний, а средний считаю интерполированным. Вот первый из них, предполагающий еще один пропуск в беседе между Жаком и его хозяином:

«В один праздничный день сеньёр замка отправился на охоту, а остальные его сотрапезники слушали обедню в приходской церкви, расположенной за добрую четверть мили. Жак в это время был уже одет, а Дениза сидела подле него. Они хранили молчание; казалось, что они дуются друг на друга, и они, действительно, дулись. Жак приложил все старания, уговаривая Денизу ошастливить его, но Дениза стойко отказывалась. После продолжительного молчания Жак, проливая горючие слезы, сказал ей жестким и желчным тоном:

— Это оттого, что вы меня не любите...

Дениза встает с досадой, берет его за руку, внезапно подводит к постели, садится на нее и говорит:

— Так я вас не люблю, господин Жак? Так вот, господин Жак, делайте с несчастной Денизой все, что вам угодно...

С этими словами она залилась слезами, и рыдания стали ее душить».

Скажите, читатель, что бы вы сделали на месте Жака? — «Ничего». — Прекрасно. Жак так и поступил. Он отвел Денизу к креслу, упал перед ней на колени, отер ей с глаз слезы, целовал руки, утешал ее, ободрял, решил, что она его нежно любит, и положился на ее нежные чувства в ожидании, пока ей благоугодно будет вознаградить его собственные. Такой поступок глубоко тронул Денизу.

Может быть, мне возразят, что, стоя перед Денизой на коленях, он не смог утирать ей глаза... разве только кресло было очень низким. Рукопись ничего об этом не говорит, но нетрудно это предположить.

Приведем второй параграф, списанный из «Жизни Тристрама Шенди», если только беседа Жака Фаталиста и его хозяина не написана раньше этого произведения и мистер Стерн не является плагиатором, чему я не верю ввиду исключительного уважения, питаемого мною к мистеру Стерну, которого я отделяю от большинства литераторов его народа, усвоивших обычай обкрадывать нас и при этом осыпать ругательствами.

В другой раз дело было утром. Дениза пришла перевязать Жака. Весь замок еще спал. Дениза приблизилась, дрожа. Подойдя к дверям Жака, она остановилась, колеблясь, войти или не войти. Наконец она вошла с трепетом; довольно долго стояла у постели Жака, не смея отдернуть полог. Медленно отстранила она его; с трепетом пожелала Жаку доброго утра; с трепетом осведомилась о проведенной ночи и о его здоровье; Жак отвечал, что не сомкнул глаз, что страдал и продолжает страдать

от невыносимого зуда в колене. Она предложила облегчить его мучения; взяла маленький лоскуток фланели; Жак выставил ногу, и Дениза принялась тереть ее фланелью под раной: сперва одним пальцем, затем двумя, тремя, четырьмя, всей рукой. Жак смотрел на ее работу и упивался любовью. После этого она стала гладить фланелью по самой ране, с еще красным рубцом: сперва одним пальцем, затем двумя, тремя, четырьмя, всей рукой. Но недостаточно было устранить зуд под коленом и на колене, надо было смягчить его и выше колена; и она принялась тереть довольно крепко: сперва одним пальцем, затем двумя, тремя, четырьмя, всей рукой. Страсть Жака, не перестававшего смотреть на свою возлюбленную, возросла до такой степени, что, не будучи в состоянии ей противиться, он кинулся к руке Денизы... и поцеловал ее.

Дальнейшее, однако, не оставляет никакого сомнения насчет плагиата. Плагиатор говорит: «Читатель, если вы не удовлетворены тем, что я поведал вам о любовных приключениях Жака, то попробуйте сочинить лучше; я согласен. Как бы вы ни взялись за это дело, я уверен, что вы кончите так же, как я». — «Ошибаешься, гнусный клеветник, я кончу совсем не так, как ты. Дениза была добродетельна». — А кто утверждает противное? Жак кинулся к ее руке и поцеловал... ее руку. — «Это у вас извращенное воображение, и вы выдумываете то, чего вам не говорят». — Так как же? Он не поцеловал ее руки? — «Конечно. Жак был слишком благоразумен, чтоб совратить ту, которую предназначал себе в жены, и породить в себе сомнение, способное отравить остаток его жизни». — Но в предшествующем параграфе сказано, что Жак приложил все усилия, чтобы Дениза решилась его осчастливить. — «Вероятно, тогда он еще не намеревался на ней жениться».

Третий параграф рисует нам Жака, нашего бедного Фаталиста, лежащим на соломе в глубине мрачной темницы с закованными в цепи ногами и руками, вспоминающим все сохранившиеся в его памяти философские принципы капитана и склонного поверить, что, быть может, когда-нибудь

ему еще придется пожалеть о сыром, вояющем, темном обиталище, где его кормили черным хлебом и водой и где ему приходилось защищать ноги и руки от нападенний мышей и крыс. Нам сообщают, что в то время, как он предавался этим размышлениям, взламывают двери тюрьмы и его камеры, он обретает свободу вместе с дюжиной разбойников и попадает в шайку Мандрена⁵⁹. Между тем полицейские стражники, преследовавшие хозяина по пятам, настигли его, схватили и водворили в другую тюрьму. Он вышел оттуда благодаря заступничеству того же комиссара, который услужил ему во время первого приключения, и в течение двух или трех месяцев жил уединенно в замке Деглана, когда судьба вернула ему слугу, почти столь же необходимого для его счастья, как часы и табакерка. Он не брал понюшки, не проверял времени, чтобы всякий раз не вздохнуть: «Что случилось с тобой, мой бедный Жак?..» Однажды ночью мандренцы напали на замок Деглана; Жак узнает жилище своего благодетеля и своей возлюбленной; он вступает за замок и спасает его от разграбления. Далее мы читаем патетические подробности о встрече Жака, его хозяина, Деглана, Денизы и Жанны.

— Это ты, друг мой!

— Это вы, дорогой хозяин!

— Как ты очутился среди этих людей?

— А как случилось, что я встречаю вас здесь?

— Это вы, Дениза?

— Это вы, господин Жак? Сколько я из-за вас плакала!..

Между тем Деглан кричал:

— Принесите стаканы и вина! Скорей, скорей! Он всем нам спас жизнь...

Несколько дней спустя умирает престарелый привратник замка; Жак получает его место и женится на Денизе, с помощью которой старается теперь породить учеников Зенона и Спинозы; Деглан любит его, хозяин и жена обожают: ибо так было предначертано свыше.

Меня пытались убедить, будто хозяин Жака и Деглан влюбились в его жену. Не знаю, как обстояло дело,

но я уверен, что по вечерам он говорил сам себе: «Если свыше предначертано, Жак, что ты будешь рогоносцем, то как ни старайся, а ты им будешь; если же, напротив, предначертано, что ты им не будешь, то сколько б они ни старались, ты им не будешь; а потому спи, друг мой!...» И он засыпал.

СТИХИ

Кодекс Дени

Во всех державах воля властелина
Дает закон и суд вершит;
В моей — обратная картина:
Здесь подданный над королем царит.
Вас разделять, чтоб властвовать, — не стану:
Прием такой пристал бы лишь тирану.
Свободы верный друг — объединяю вас.
Мой вам единственный наказ:
Всем жить по собственному плану.
Но в резиденции моей
Да чтятся Вакховы веленья
И власть Эротовых цепей!
Люби, о друг, и снова пей,
Чтоб страсть не знала утоленья.
Равно мне сердце веселя,
Греми, разгула взрыв мятежный,
Шепчи, признанья голос нежный.
Звон кубка, вздох любви, — тем дышит вся земля.
Моих законов самовластье
Гласит: всем — собственное счастье,
Таков наказ строжайший короля.

Составлен в тысяча семьсот
Семидесятом, в Малом Каруселе,
Где сердце преподнес я без забот
Прекрасной женщине, неведомой доселе.
Подписано: «Дени, без царства и герба,
Король по милости боба».

**Жалоба в рондо
Дени, бобового короля,
по поводу трудностей царствования**

Став королем, сроднишься вдруг с работой:
Казнишь измену, строишь арсенал,
То враг подкрался, то народ восстал,
Твори закон, команду ротой;
Нет отдыха; знай, целый век работай,
Став королем
Взаправдашним, затем, что стал с охотой
Я королем веселых гольшей;
В тот день я славно царствовал, ей-ей.
Обильно ел, сдружась с икотой,
Смеялся, пил, удрав от дел;
Зане, божественной заботой,
Все может человек, что только захотел, —
Став королем.

Имел придворных я надежных,
Я совершал во сне ряд подвигов неложных;
Героем пробудясь, зло повергал во прах;
Законы я писал, я их писал в стихах,
В стихах плохих — кто мне откажет в этом?
Маркиз¹ известный,

Имея вкус прелестный,
Хоть я любил его, меня не счел поэтом.
Платя за искренность ему,
Король упрятал бы его в тюрьму;

Частенько смельчаков дарят подобной льготой,
Став королем.

Я добр; и не рискует он ни йотой.

И то сказать: на что пенял бы я?

Писанья королей всегда в родстве с зевотой.

Власть — зло великое, друзья.

Стихи — пустяк... Не пишет разве сотый,

Став королем.

Элевтероманы, или Одержимые свободой

С т р о ф а

Пуškai берет бразды правленья
Кто, опьянев от самомненья,
Подобно Титу, коронуясь, мнит,
Что нравственного разрушенья
Ему корона не сулит.
Я чужд подобных обольщений;
Борьба с соблазнами поэта не влечет.
Увы, не знаю исключений:
Кому доступно все, к добру не склонен тот.
Своих страстей и вожделений
Прозрев ничтожество, — боюсь таких затей:
Ведь полновласть дар, ведь сонмы искушений
И мужа добрых побуждений,
Испортив, превратят в бездушный бич людей.

А н т и с т р о ф а

Ах, лучше стать седой Эллады
Смиреннейшим учеником
И отказаться от услады
Янтарным тестом и бобом!

Le Premier.

Répondez, Souverains, qui l'a dicté ce décret ?

Qui l'a signé ? Qui l'a souscrit ?

Dans quel bois, dans quel arbre en a-t-on dressé l'acte ?

Par quelles mains l'a-t-il écrit ?

Le Second.

A-t-on gravé sur la pierre, ou l'écorce ?

Le Troisième.

Qui le maintient ? la justice ou la force ?

De droit, de fait il est prosrit.

Le Premier.

J'en atteste les temps, j'en appelle à tout âge :

J'en fais au public avantage

L'homme n'a franchement sacrifié ses droits.

Le Second.

S'il osait de son cœur n'écouter que la voix,

Chauscant tout-à-coup de langage,

Il nous dirait comme l'hôte des bois :

La Nature n'a fait ni serviteur ni maître.

Le Troisième.

Je ne veux ni donner ni recevoir de lois ;

Et se moins aurais-je les entrailles du Père,

Qu'il faut d'un cordon pour étrangler les Rois.

Пифагорейский плащ разумного облек:
Я уступаю мой кусок
Тому, кто наделен высокими дарами —
Душой бестрепетной и крепкими кишками.
Тревогой не смутят его державный лоб
Ни рези живота, ни королевский боб.

Э п о д

Гнетет немая боль. И ненависть глухая
Вскипает яростно: грабителей орда,
На подлой трусости престолы утверждая,
Без колебанья и стыда
Весь мир насилует от края и до края.
И мне попасть в число бездушных наглецов,
Мне, чьих напевов мрачный зов,
Будь суждено ему в страну теплей прорваться,
Пред тенью Брутовой хотел бы раздаваться?
И ты, о Сцевола, кому сравненья нет,
Золы руки твоей хотел бы я касаться...
Вепцы долой! За сотни лет,
Увы, один лишь Марк Аврелий
Венца и скипетра ничем не осквернил,
Зато не раз стыдом они горели
Когда Калигула царил.

С т р о ф а

Не время ль, наконец, сорвать покровы,
Не время ль истину жестокою сказать
И человека показать
Лик возмущенный и суровый
Тупым вождам людей: вельможам, королю?
Пора настала. Я посмею!
Я насмеюсь, тиран, над яростью твоею,
Тебе я в душу страх безжалостно вселю;
Ты спрячешься в своем дворце старинном,
А ночью, загнан, нетомлен,
Когда вкушают сон, короткий крепкий сон,
Твои рабы, — под пышным балдахином

Ты задрожешь: у ложа встанет страх,
Колебля факелы в кровавых кулаках.

Антистрофа

Измена! Кровь! Мятеж! Почудилось движение
И голоса. И кто-то подбежал,
И грудь твою на краткое мгновенье
Пронзает холодом отточенный кинжал.

Эпод

Очнись, король, очнись! Ты дремлешь на вулкане.
Прислушайся, что делается в стае:
Твой подданный любой лишь поневоле нем,
И не спасут тебя ни зоркая охрана,
Ни пышность выходов, ни обольщенья сана, —
Порыва к мятежу не заглушить ничем.

Строфа

Издrevле волен дух и рабства не приемлет.
Непримиримый враг насилья и цепей,
Он ропщет на ярмо, он зову предков внемлет,
Свободы хочет он и страстно рвется к ней.
Природы девственной и вольности старинной
Он втайне требует всему наперекор;
Пусть скрыт в шагах прыжок звериный,
Улыбкой спрятан мрачный взор,
И вежливы повадки городские, —
Не верит мудрый в хитрости такие
И знает: в клетку заключен,
Былую мощь утратив ныне,
Тигр не забудет о пустыне,
И вечно месть лелеет в сердце он.

Антистрофа

Так, покорив раба, его не умилили.
Еще хранят поблекшие черты
Остаток гордой красоты,

И смутно помнит он о первобытной силе.
Тиран, бледнел недаром ты,
Когда усталый взор в лицо твое вперялся
И темной яростью внезапно загорался.

Эпод

И наступает день: тирану угрожает
Объятьем ярости народ,
И, трепетен, угрюм, насильник понимает,
Что мнимый договор престола не спасет.

Строфа

Ответствуй, властелин, с какой преступной целью
Ты слух о нем хранил и ширил до сих пор?
Какому лесу, логову, ущелью
Досталась честь скрепить тот гнусный договор?
Состряпан в древности захватчиком лукавым,
Чем он силен сейчас? Насильем или правом?
Ответствуй, властелин, ответствуй, жалкий вор!

Антистрофа

Пытаю прошлое. Гляжу во мглу столетий.
Бывало ли когда на свете,
Чтоб человек, любовью воспылав,
От собственных отрекся прав?
Тиран, спроси его! Ты в искреннем ответе
Его почувешь первобытный нрав.
«Господ и слуг природа не творила.
Я править не хочу, но пусть не нудит сила».
И вот кишки попов он рвет рукой своей,
Чтоб их стянуть петель на шее всех царей.

Эпод

Бледнеете, рабы? Волнует весть живая?
Что заставляет вас, бесславно грязь глотая,
Пяту чудовища державного сносить?
Ужель мы рождены, чтоб то ярмо влечить?
Зато теперь, сейчас, ликуйте, музы!

Поэт на время сбросил узы
И гордый лик врага — тиранам показал.
Орды безжалостной и жадной
Потомки жадные! Певца не запугать!
Он рад, что песней беспощадной
Заставил троны трепетать.

С т р о ф а

Трусливых извергов тупое поколение!
Вас провожает горькое презрение,
Вы пробудили ненависть во всех.
От вас я отдохну. Звени, веселый смех!
Пусть доброе вино течет струей багровой,
Пусть виноградный лист и, может быть, лавровый
Мои украсят седины.
Душа смеется и рождает
Неповторяемые сны.
Пусть лиры звон их возвещает.
Коснулся вещих струн второй Анакреон
И, попирая скипетр и закон,
Иное царство призывает.

А н т и с т р о ф а

О, Красоты страна золотая!
Ее рука царит, не угнетая;
К стопам ее весь мир припал.
Свирепый нрав на время забывшая,
В глуши лесов о ней дикарь вздыхал,
А я, когда случалось с ней встречаться,
От лика светлого не мог я оторваться.
Будь я моложе, — верно б трепетал.

Э п о д

Увы, теперь, когда, морозом вея,
Подходит старость, не поют уста,
На дифирамбы становлюсь скупее, —
Таланты, Доблести, Добро и Красота,
Вам вкупе чаша возлита.

С т р о ф а

О *Доброта*, ты нежно утешала,
Когда жестокий наступал удар.

А н т и с т р о ф а

О *Красота*, небесный дар,
Ты радовала взор и душу наполняла
Желаннейшей из нежных чар.

Э п о д

И ты, *Талант*, твой облик мне знаком.
Когда покровы тайн пронзает глаз орлиный,
Когда колдуешь ты над полотном и глиной,
Когда рокошет струнный гром, —
Я знаю: то Талант чудесно устрашает,
И сердце мучает, и бранный слух ласкает.

С т р о ф а

Теперь о *Доблести*. Не ведает она
Отчаянья и колебаний.
Она всегда себе верна:
Бестрепетна в горниле испытаний,
В благополучии — скромна.

А н т и с т р о ф а

Кто, став под Доблести эгиду,
Народ испорченный ведет,
Уподобляясь Аристиду,
При жизни славы не найдет.
Но беспощадная природа
Лишь малый срок живущему дает.
Настанет день, и вождь народа
Глаза усталые сомкнет.
Тогда-то, в час его ухода,
Неудержимый плач Афины потрясет.

Э п о д

Тогда безмолвный гроб дождется поклоненья,
И отдаленные помянут поколенья
Того, кто был велик и возвышал народ.

С т р о ф а

Пусть Аристиды нет — в ревнивой чистоте
О нем потомство память сохраняет.
Пусть цветут холмы в зеленой красоте,
Но никогда тропа не зарастает,
Что вьется к мраморной плите.

А н т и с т р о ф а

Отличья, тигулы, престиж,
В гербы влюбленное дворянство,
Роскошных выездов напыщенное чванство —
Пусть опьяняют двор и суетный Париж.
Пусть ищет глухой развлечения.
Таланты, Доблести, Добро и Красота
Для тех, чья жизнь не так пуста,
Они одни достойны восхищенья.
Лишь им мы отведем почетные места,
Все остальное — суета.

Э п о д

В нас кровь течет одна. Пускай не разделяет
Нас в этот день соперничества гнет.
Нэжон¹, будь другом мне; пусть братом называет
Меня Седен². А первым будет тот,
Кто всех нежней любимую ласкает
И лучше всех ее здоровье пьет!

П о ч т а
из Кенигсберга в Мемель

Устройтесь-ка удобно здесь:
Направо — лоно влажное тритонов;
Налево — крутизна песчаных склонов;
Меж ними — путь, в обрывах весь, —
Едва протиснешься с громоздким экипажем.
Ползли мы узкою тропой,
И ночь была, и грозным стражем
Стучался в дверцы к нам прибой.

Христианином став с испуга,
Мой спутник в странствии ночном
Скорбел о девах с севера и с юга,
За коих мстит небесный гром,
Скорбел о дочках соблазненных,
И о мамашах оскорбленных,
И о супружеских рогах;
Оплакивал, молясь, свою особу,
И, порешив, на пуший страх,
Что неба праведную злобу
Изведает средь мрачных скал,
Готовил плоть свою ко гробу
И дух свой богу поручал.

Средь всех, кого взмангла даль земная,
Найдется ли такой глупец,
Кто б не гадал, свой путь свершая,
Где странствия его причша и конец?
Со всем любимым разлученный,
Терпя тревог суровый произвол,
Я задаю себе вопрос смущенный:
Откуда я? Куда? Зачем сюда пришел?

Вверяя голос свой унылый
Роптанью волн, о брег дробимых с силой,

Я сердце, полное тоской,
Лицо, омытое слезой,
Таю во мраке, восклицая:
«Друзья мои! жена! ты, дочка дорогая!
Дитя жестокое!.. Быть может, в этот час,
Ты стала матерью, и внук, что мне неведом,
Придет казнить врагов, прощенных нынче дедом.

О боже праведный, от нас
Несчастье отврати! Чтоб мудрость осенила
Новорожденного; чтоб тихо рос; чтоб в нем
Мужала доброта, как в теле крепнет сила;

Чтоб мать с веселым торжеством
На юноше не раз свой взор остановила;

Чтоб стал он гордостью отца;

Чтоб слава сына озарила

Родителей счастливые сердца, —
Плод их забот и гавань их кормила».

Меж тем как оба в унисон
Вдыхали мы, рассвет угрюмый —
Так на заре, согбен суровой думой,
К молитве колоколом пробужден,
Идет седой трапист со взором иступленным

И прячет лоб под капюшоном —
Отец Рассвет взошел на небосклон.

Озарена его дорога
Свечой в пергаменте или в фонаре из рога;
И волны, чей незримый вой
Меня страшил и в темноте ночной,
Вдруг развернулись перед взором
Вдвойне пугающим простором.
На горы горы взгромоздив,
Вздыхался сдавленный прилив, —
Как будто в тучи шел дозором.

Дивился я и трепетал;
Я трепетал — и размышлял:

«Так вот она, купель седая,
Куда, от века ниспадая,
Все реки мира канут навсегда!..»
Что ваши волны плещут без урона,
О тихий Мозель, пламенная Рона,—
Постигнуть я могу; вместилищ тех вода
Питает глубину несякнущего лона...

Ты, бездна жадная, ответь:
В каких горах, на дне каких затонов
Таится пасть твоих сифонов,
Вбирающих всю влагу—днесь и впредь?..
Природа молвила: «Будь вечно укрощенной,
Бунтующего моря ширина!»
Природа молвила волне взметенной:
«Здесь разобьешься ты, волна!..»

Причудница!.. Ответь мне: как сумела
Ты яростной волне, без чувства, без предела,
Покорность повелеть и на песке морском
Ей пальцем начертать, где кров ее и дом?
Но может быть... Фантазией упрямой
Куда б занесся я—как знать?
Я б мог до завтра промечтать.
До завтра?—нет, до Пасхи самой,—
Когда б не странный факт (что чудом я зову):
Испуганным глазам представший наяву.

Все это, друг, не ложь, не измышление,
Лишь правду расскажу я вам;
Я душу дьяволу отдам
И на земле, и в вечное владенье,
Коль что-нибудь прибавлю, умолчу.
Лишь об одном просить хочу
Ваш вкус изящный и внимание:
Да будет мне порой разрешено
Вкрапить в свое повествованье
Поэзии безвредное зерно.

Начнем. Аврору с алыми перстами...

(Как говорят, старик Титон
Кусал те пальчики, в прекрасную влюблен,—
Распущенность его судите сами!)

Итак, Аврору весело влекла

Коляска с алыми боками

И с черным кузовом; прекрасная несла

В одной руке пахучую амфору,

В другой—корзинку, утешенье взору.

Амфора стройная лила

Вокруг сверкающие смолы,

Земля их алчная пила.

К золотой корзинке, словно пчелы,

Лучистый рой зефиров излетал,

Звенел крылом и разливал

Могучий пурпур, что на гривах

Ее коней изнемогал

И в красноватых переливах

На крупах блестящих играл.

Тот пурпур множил блеск и трепетанья

В квадратной мере расстоянья

От поезда ее. И вдруг из глубин вод

Раздался звук—как зов тревоги.

К нему привычен скотовод:

Так стадо длинное идет,

Меся копытом грязь дорог;

Так эскадронов яростный налет

Отважно топчет топь болот:

С усиьем выдираются копыта

Из плещущего ила, звучный чмок

Земли, что вспенена и взрыта,

Вещает силу войск и бег несчетных ног.

В угодобленьях я не слишком краток;

Не чересчур ли ими увлечен?

Но точность—мой природный недостаток,

Хоть я—и не святейший Террасон¹.

Увидел я стихии влажной

Кипенье в призрачной дали,—

Там словно дом многоэтажный
Иль пирамиду возвели;
Клянусь в том Пиндом и поэтом²,
Воспевшим некогда Пергам
(Да и в ючках я был при этом)—
Там смерч пронесся по волнам,
Вершиной тучи задевая.

Стена раскрылась—и предстала в ней
Особа повелителя морей,
Довольно грязная и полностью нагая.

Восстав с постели илистой своей,
Где тину он глотал в объятьях Амфитриты
(Одет был слизью бог морей),—
Здесь по утрам, плещась один, без свиты,
Смывает слизь и воздух пьет Нерей.

Оп! Узнаю божественность очей,
Сиянье лба и мощность гривы,
Боков и рук его извивы,
Шерстинки груди и бровей,
Оттянутый живот, морщинистое тело
И ноги в тине до колен.
В нем все струилось и блестело,—

О, пред игрой божественных измен
Воображенье смертное пемело!
Все воды, что влекут Рейн, Одер и Дунай,
Прорвавшись из своей безмерной колыбели
В могучих устьев каменные щели,
В пригоршнях бога уместятся,— знай!

Он мочит бороду, он губкой трется;
Плывет, нырнет, опять всплеснется;
Оцепенев, предастся вдруг волне,—
Скользя на животе, простершись на спине,
Над взморьем возвышаясь башней.
Вот бога туалет всегдашний.
Чтоб стал отчет еще полней,
Прибавим сотню челюстей

Китовых—гребень исполина;
Тем гребнем бог—изящная картина!—
Эбен густых кудрей кокетливо взбивал;
Да мачту крепости пловучей—
Ее вчера взял штурмом шквал;
Забавник к жерди той могучей
Малюсенький трезубец привязал,
И мачту, перемигиваясь с тучей,
В губах, как зубочистку, зажимал.

Вот, рот прополоскав и грязь с себя отмыв,
Покончив с волосами,
С зубами и ногтями,
Весь туалет свой завершив,
Взывает он, и сотен пушек ревом
Гудит его призыв по безднам бирюзовым.
Так катится, свергаясь с неба, гром,
Испугом поразив все сущее кругом.
Случалось вам слышать, как ветер, в буйстве диком,
Леса переполнял стенами и криком?
О, если так,—зов бога вам знаком.
Встает он, тучу разорвав челом.
Он повелел—и вмиг разъятой бездной
Захлестнуты пловец и парус бесполезный.

Он повелел—и волны жмутся к скалам,
И гладь пред ним легла незыблемым зеркалом,
И видит он в стекле, прозрачном и немом,
Морской бассейн—и свод, отображенный в нем;
Он видит: в глубине лазурной и просторной
Сбирается Олимп на бал его придворный.
Такое зрелище волшебным мы зовем.

Но для Нептуна и поэта
Совсем не вновь пышность эта.

Поэт был созерцаньем сыт,
Когда внезапно взорам бога
Предстал необъяснимый вид:
Наш экипаж, ползущий вдоль отрога.

Умом глубоким и живым
Он вдруг постиг: то вновь над ним
Пришли глумиться правнуки Япета.
«Два колеса в воде, и два на колесах!
Что означает наглость эта?
Иль непонятная карета —
Их дерзкой техники последний шаг?
О, в Стикс ее!..» Вздвиг волны поскорей,
Он стал плевать в нас, крича и свирепея,
И тут омыла злость Нерея
Копыта наших лошадей.

Доселе вспомнить о невзгоде
Страшусь я, — и готов, ей-ей,
Овечкой лучшей стать в приходе,
Дабы спасти своих коней
От конюха в подобном роде.
И, покидая храм святой,
В отрепьях, нищий и босой,
Готов быть выпорот при всем честном народе,
Вкусить готов ослиный свист бичей,
Коль поручу ему заботу об уходе
За бедной лошастью своей.

Заботясь щедро о моем доходе,
Коварный Плутос мне хоть злато сей,
Хоть сыпь рубины, не в пример природе,
В таком обилии, как в пору лучших дней
В Гонесе³ — там мучное в моде, —
В Кретеиле⁴ — сыр там больше чтим —
Ссыпается зерно по житницам златым, —
Да, предпочту, клянусь, забыв о мирном доме,
Спать под стеной и сдохнуть на соломе,
Лишь дела б не иметь мне с конюхом таким!

Послание

Залогом дружбы, верно чтимой,
 Мои стихи да будут вам.
 Но, жаром нежности томимый,
 Из них — не сгуйте — отдам
 Два-три — пусть плохоньких — любимой.

**Переправа через Двину по льду
 в марте 1774 года**

О ты, чей возглас мусиккийский
 Сумел пронзить волну морей,
 Чьим воплем в глубине балтийской
 Был пробужден и сам Нерей!
 О Муза, коль бессмертной славой
 Ты увенчала ту волну,—
 Венчай же одой величавой
 И переправу чрез Двину.

Но пышный тон тебе обиден.
 Прошу я, попросту сказать,
 Мне вновь стихи продиктовать,
 В которых случай был бы виден,
 Но с силой, с ясностью такой,
 Чтоб все друзья за жизнь мою дрожали,
 Но помнили, теснясь ко мне толпой,
 Что это—весть былой печали
 И зов опасности былой.

То было в дни, как мрачный край Тельца
 Покинул Феб, скача на кручу свода;
 А прощев—в пору ледохода.
 Взглянули мы—и дрогнули сердца:
 Река восстала; гнева полны,—
 Мой взор не видеть их не мог,—

Рвались, рвались на волю волны,
Дробя хрустальный свой острог.
Где бог спиной его толкает,
Хрусталь то пухнет, то сникает,
Сникает, пухнет,—что сильнее:

Спина ли божества, иль толща льда над ней?
Над потолком прозрачным и блестящим,
Качаясь вместе с шм, мы тяжесть тащим—
То вниз, то вверх, то вверх, то вниз—
Мосточком узким и дрожащим,
Что сам над пропастью повис.

Коль в мире есть храбрец присяжный,
Кто б мог без трепета взойти
На шаткий тот помост, что зыблется в пути
Над бездной зёркальной и влажной,—
Я б уступил ему равно
Венцы Роланда¹ и Рено².
И все ж, посмей он не смутиться,
Когда вдруг треснет лед и мостик накренился,
Грозя низвергнуться в провал,
Скажу я: тот — бобыль, кто счастья не знавал,
Бедняк, готовый удавиться.
Я, слава богу, не таков!

Солгу ли вам? Струхнув немало,
Я тщетно жаждал берегов.
Туда меня желанье мчало,—
Меж тем, вооружась крюками и багром,
Повозку нашу окружила
Толпа, готовая хоть подо льдом
Нас выудить, когда б, разверзшись непутем,
Нас бездна жадно поглотила
И мы скатились в рыбий дом.
Вот весь рассказ. Я слышу возражение:
«Тем хуже; та страна—о ней занятно чтение—
Нам представлялась цепью бед,
Интриг и войн, что красками богаты;

Чума и голод, гибелью чреваты,
Бичи, которым счета нет.
И в море гладок путь, коль буря не воспета;
Гомер, Вергилий—нет поэта,
Кто б вышел цел из этого рагу!
О, скука странствия на берегу,
В неповрежденном экипаже,
Без синяка на лбу, без вывиха—и даже
Без покушений, без борьбы,
Без пистолета и стрельбы!»

Отлично. Стало быть, чтоб покрывалом
Риторики судьбу свою облечь
И патетическим финалом
Рассказ от скуки оберечь,
Скатиться должен был со льда я,
Речные глубины измеряя?

Вот под водой меня теряет взгляд,
Вот я вишу, крюком подъят;
Тот крюк, как требует обычай,
Спешит сломиться под своей добычей.
Я вновь в воде, вновь выловлен; лежат
На берегу бесчувственные члены.
Вокруг меня спешат, бегут, снуют,
И вот носилки подают.

«Несчастливая жена!.. Какие перемены!..»
Я слышу вздох: «Ребенок!..» И потом
Вы разливаетесь ручьем,
Как плачут все в конце последней сцены
Моей комедии большой.

«Браво!»—Вы тронуты?—«Еще бы, всей душой».
— Вам вправду нравится?—«А вам, скажите сами.
Неужто нет?»—Ах, правды не тая,
Отвечу: да; и милями, годами
От Риги отделен,—меж тем как плоть моя
Почнет на софе, где нежусь я меж вами,
Пред вашим камельком,—почти рассержен я,
Что не был выловлен, друзья!

**Мой портрет и мой гороскоп,
посланный госпоже де - М***
в первый день 1778 года**

Природы баловень-дитя—
Таким я был рожден в минуту опьянения,
Таким остался, не грустя.
Печальной мудрости высокие веленья
Я шесть десятков лет порочил день за днем.
И нынче, шутовским пооружась жезлом,
Ее соперницы шумливой
Все тщусь, хоть и согбен, догнать беспечный рой,
И звонким бубенцом вокруг головы плешивой
Неугомонный Мом готов звенеть порой.

При вас была б моим уделом
Достойнейшая часть, печальнейшая статья:
Безделье насмех подымать,
Когда пришлось заняться делом.
Но надо быть, как вы, умелым
Для этой роли,—вами стать.
В мои года уж было б странно
Одну судьбу сменять другой;
Увы, Люсиль, вам невозбранно

Еще пятнадцать лет смеяться надо мной.

Они—последний мой достаток.
Былой тоской томим, горя былым огнем,
Готовню буду я, почав восьмой десяток,
Повиноваться вам во всем.

Когда ж над погребальным ложем
Паллада мудрая, оплавав мой конец,
Начертит: *Здесь лежит мудрец*—
На устрашение прохожим;
Молю вас, удержите смех,
Перед судом ее суровым
Меня не опорочьте словом:

Безумец здесь лежит... Я тайну скрыл от всех.

Песенка
во вкусе романса

Цепь твою нести я буду
До конца печальных дней;
Неизменно будешь всюду
Ты жестокою моей.
Цепь твою нести я буду
До конца печальных дней.

Слабым вздохом, умирая,
Лишь тебя я буду звать;
Буду, руки простирая,
Лишь тебя, мой друг, искать;
Слабым вздохом, умирая,
Лишь тебя я буду звать.

Если б ведал, что пожму я
Руку милой в смертный час,
И мою пожмешь, горюя,—
Ах, я умер бы тотчас,—
Если б ведал, что пожму я
Руку милой в смертный час.

Но коль жребий неизбежный
Разлучит меня с тобой,—
Ах, страшусь я, друг мой нежный!—
Ты заплачешь надо мной,
Если жребий неизбежный
Разлучит меня с тобой.

О, не плачь, моя София!
Видишь—я вдвойне скорблю.
Ведь одной твоей слезы я
Целою жизнью не куплю.
О, не плачь, моя София,
Видишь—я вдвойне скорблю.

Но коль ты скорбишь ответно,
Поцелуй меня, любя,
Чтоб всю душу беззаветно
Перелить я мог в тебя.
Ах, коль ты скорбишь ответно,
Поцелуй меня, любя!

Ранен я стрелою губящей;
О, напрасные мечты!
Буду мертв, когда молящий
Мой призыв услышишь ты.
Ранен я стрелой губящей;
О, напрасные мечты!

Прах слезами орошая,
Скажешь ты: «Его мне жаль».
Ты вздохнешь: «Любить могла я...
Что ж дала? Одну печаль!»
Прах слезами орошая,
Скажешь ты: «Его мне жаль».

Я была к нему жестока,
Но любил он жребий свой.
Он готов был, без упрека,
Жить и умереть со мной.
Я была к нему жестока,
Но любил он жребий свой.

Был он верен, волей рока,
До конца печальных дней.
Но была ли я жестока,
Песня, высказать не смей!
Был он верен, волей рока,
До конца печальных дней.

И в награду за признание,
Что твердил он все года,

Знал ли он одно страданье?
Не открою никогда—
И в награду за признание,
Что твердил он все года.

Знаю я: из-за Софии
Друг мой слезы лил рекой.
Но не губы ли Софии
Осушали их порой?
Знаю я: из-за Софии
Друг мой слезы лил рекой».

ПРИМЕЧАНИЯ

Мой отец и я

Точное время написания этого диалога совершенно неизвестно. По некоторым косвенным данным традиция относит его к началу шестидесятых годов. Впервые диалог был опубликован лишь в издании сочинений Дидро 1818 г. Издатель Белен опубликовал этот диалог вместе с двумя другими: «Маркиза Клей и Сент-Альбан» и «Сен-Мар и Дервиль». Поскольку относительно последнего достоверно известно, что он был написан в 1760 или 1761 г., постольку обычно к этому же времени относят и диалог «Мой отец и я».

Диалог принадлежит к числу произведений того рода, который так любил Дидро, — к маленьким живым диалогам, пронизанным одной какой-либо моральной идеей. В данном диалоге Дидро развивает идею общественного долга. Обращает на себя внимание мысль Дидро (высказанная им в шестидесятых годах XVIII века!) о необходимости введения гласного и всеобщего подоходного налога с определением прожиточного минимума для неимущих.

Он и я

«Он и я» представляет собой написанный около 1762 г. диалог между самим Дидро и молодым писателем, фамилия которого точно не установлена. Обычно указывают некоего Ривера. Дочь Дидро, госпожа Вандель, в своих мемуарах, так же как и сам Дидро, в одном из писем к Фальконе, говорит о молодом писателе, который обратился к Дидро за помощью.

Молодой человек представил Дидро рукопись-пасквиль, направленный против Дидро и энциклопедистов. Автор попросил

у Дидро некоторую сумму при условии, что он не будет печатать своего пасквиля. Дидро, наоборот, посоветовал автору-вымогателю не только напечатать пасквиль, но и посвятить его старому герцогу Орлеанскому, свирепому врагу энциклопедистов. Предложение это было встречено автором с готовностью, и он лишь сожалел о том, что не умеет писать посвящения. Тогда Дидро быстро набросал посвящение и предложил его молодому автору. Рукопись была действительно представлена герцогу Орлеанскому, и ее автор получил соответствующую сумму. Впоследствии, по словам Вандель, он еще несколько раз обращался за материальной помощью к Дидро, и последний ему в ней не отказывал.

¹ Брошюра *«Зеландцы»*, о которой идет речь в тексте, не была обнаружена ни в парижской Национальной библиотеке, ни в библиотеке Британского музея. Неизвестен также и ее автор. Правда, Дидро приписывает ее своему собеседнику, но кто был последний — определить не удалось. О существовании брошюры *«Зеландцы»* говорит и Мельхиор Гримм в своей *«Литературной корреспонденции»* (1762); он читал ее и рассказывает о ней коротко, приписывая ее авторство некоей госпоже Г.

Разговор отца с детьми

Точно установить дату написания *«Разговора отца с детьми»* в настоящее время не представляется возможным. Гримм поместил его в своей мартовской *«Корреспонденции»* за 1771 г. Напечатано было впервые в 1773 г.

¹ *Ораторианцы* — монахи ордена, основанного в Риме в XVI столетии; распространили свою деятельность во Франции в начале XVII века.

² *Каруш и Ниве* — известные французские разбойники, о преступлениях которых долгое время ходили легенды.

³ *«Средство преуспеть»* — сатирическое и изобилующее непристойностями произведение, приписываемое французскому писателю Франсуа де-Вервиль (1558 — ок. 1620).

⁴ *Лаба*, Жан-Батист (1663—1738) — миссионер, автор книги *«Путешествие по Испании и Италии»* (1730).

Сожаления о моем старом халате, или совет тем, у кого больше вкуса, чем денег

Время создания этого шедевра-миниатюры точно не установлено и определяется предположительно по первой публикации в 1772 г. отдельной брошюрой в одном из швейцарских издательств.

В этом издании в «Предупреждении читателя» говорилось о внешнем поводе, вызвавшем у Дидро «Сожаления о старом халате»: в благодарность за какую-то любезность, оказанную писателем госпоже Жоффрен, последняя подарила ему новый халат и некоторые предметы обстановки его кабинета.

¹ *Верне* (1714—1789) — французский художник, автор замечательных пейзажей, один из любимейших художников Дидро.

² *Сен-Мишельский мост*. — Здесь продавали с молотка конфискованные за неуплату долгов мебель и домашние вещи.

³ *Савонри* — старинная ковровая мануфактура в Париже.

⁴ *Лаиса* — известная в древней Греции гетера. Дидро использует стих: «Владей Лаисой, но так, чтобы она тобой не владела».

Это не сказка

Произведение написано в 1772 г. или в начале 1773 г., так как появилось уже в апрельской «Корреспонденции» Гримма за 1773 г., правда, без истории Танье и без конца истории Лашо.

Эпизоды, о которых рассказывает в этом произведении Дидро, являются подлинными событиями. Мадемуазель де-Лашо вращалась в кругу энциклопедистов, была хорошо знакома с Дидро, Даламбером и Кондильяком и разделяла материалистические воззрения первого. По предложению Дидро, мадемуазель Лашо перевела на французский язык некоторые из произведений английского философа Юма, снабдив их комментариями. Ученик и друг Дидро Нэжон говорит о том, что мадемуазель Лашо, прочитав «Опыт о происхождении человеческих познаний» Кондильяка, дала ему мудрый совет «начинать с начала», т. е. отбросить, вслед за Гоббсом, абсурдную гипотезу наличия двух субстанций в человеке и принять таким образом точку зрения материализма.

¹ *Морена*, Жан-Фредерик-Фелипо, граф (1701—1781) — министр при Людовиках XV и XVI, содействовал развитию французского флота и усовершенствовал кораблестроение; один из инициаторов экспедиций на экватор и в арктические страны.

² *Дерувиль*, Антуан де-Рикуар, граф (1713—1782) — автор «Трактата о легионах» (1757), намечался при Людовике XV в министры, но скандальный в глазах светского общества брак расстроил это дело.

³ *Монтюкла*, Жан-Этьен (1725—1799) — известный автор «Истории математики» (1758).

⁴ *Птит-Мезон* — дом для умалишенных.

⁵ *Первые метафизические опыты Юма*. — Дидро дает неточное название. Мадемуазель Лашо перевела «Политические рассуждения» Юма, т. е. вторую часть его «Опытов» (1752).

⁶ Мадемуазель де-Лашо умерла в 1755 г.

⁷ *Дополнение* в целях разъяснения нескольких мест «Письма о глухонемых» было опубликовано Дидро в середине или во второй половине 1751 г. Это «Дополнение» было написано в форме «Письма к мадемуазель *****», т. е., как свидетельствует сам Дидро, к мадемуазель де-Лашо.

Племянник Рамо

Немногие произведения мировой литературы вызвали такие горячие споры, как «Племянник Рамо» Дидро. Как и большинство рукописей Дидро, «Племянник Рамо» впервые был опубликован спустя много десятилетий после смерти автора. Создание «Племянника» относится к одному из самых бурных периодов французской предреволюционной истории — к шестидесятым годам XVIII столетия. По ряду намеков на исторические лица, события и литературные явления можно точно определить, что первая версия «Племянника Рамо» относится к 1762 г. Затем последовала двукратная переработка текста в 1772—1773 и 1779 гг.

При жизни Дидро «Племянник Рамо» распространялся в многочисленных рукописных экземплярах. О нем знали, его читали, им увлекались, многие из его сентенций еще тогда вошли в обиход.

Литературная история «Племянника Рамо» богата превращениями и приключениями. Подлинный текст «Племянника Рамо» был опубликован впервые с одной из копий оригинала в 1823 г. первым издателем полного собрания сочинений Дидро Бриэром. Но еще до этого времени «Племянник» сделался объектом литературных мистификаций и шарлатанства со стороны двух литературных мошенников.

Как и некоторые другие рукописи Дидро, «Племянник Рамо» впервые был опубликован на немецком языке в переводе Гёте.

Гёте рассказывает, что к концу 1804 г. Шиллер сообщил ему, что у него есть рукопись — диалог Дидро, озаглавленный «Племянник Рамо». Страстный поклонник французских просветителей и в особенности Дидро, Гёте, заинтересовавшись этой рукописью, приобрел ее, немедленно перевел и издал в 1805 г., снабдив многочисленными примечаниями. Шиллер еще при своей жизни ознакомился с примечаниями Гёте, но самого немецкого издания «Племянника Рамо» он уже не видел, так как умер в мае 1805 г.

Гёте перевел «Племянника» с одной из многочисленных копий, распространявшихся не только во Франции, но и в Германии. Дальнейшая судьба этой копии неизвестна.

В 1821 г. в Париже вышел в свет «Племянник Рамо», диалог, посмертное и неизданное сочинение Дидро». Совершенно естественно, что опубликование «неизвестной рукописи» Дидро произвело сенсацию во французском литературном мире. В действительности же дело заключалось в следующем: некий виконт де-Сор вместе со своим приятелем Сент-Женне, оба — литературные шарлатаны, предприняли обратный перевод с Гётевского издания и, наделав огромное количество ошибок, издали «Племянника Рамо» как «посмертное и неизданное» произведение Дидро. На протяжении двух лет — до момента опубликования Бриэром подлинного текста Дидро — литературная мистификация де-Сора не была раскрыта, и только изобличенный Бриэром на страницах одной из парижских газет в литературном мошенничестве, он был вынужден признаться, что изданный им «Племянник Рамо» Дидро на самом деле представляет обратный перевод на французский язык с немецкого Гётевского издания 1805 г. В то же время де-Сор бросил обвинение по адресу Бриэра в том, что тот, не обладая подлинником, сам якобы перевел «Племянника» с немецкого издания Гёте. В своем ответе де-Сору Бриэр указал, что он, как издатель собрания сочинений Дидро, получил от госпожи Вандель, дочери Дидро, весь архив ее отца — рукописи, копии, книги, в том числе и копии «Племянника Рамо». Де-Сор, однако, продолжал неистовствовать и стал доказывать «правильность» своего тезиса, указывая в тексте Бриэра на целый ряд якобы стилистических погрешностей и бессмыслиц, которых Дидро-де не мог допустить. В новом ответе Бриэр правильно обвинял де-Сора в литературном и языковом невежестве и доказывал, что приводимые им примеры характеризуют как раз обратное — стилистическую яркость и богатство у Дидро языковых форм.

Газетная полемика между Бриэром и де-Сором продолжалась пять месяцев — с июня до конца октября 1823 г. 27 июня 1823 г. Бриэр отправляет Гёте экземпляр только что вышедшего в свет опубликованного им «Племянника Рамо», сопровождая его письмом, в котором подробно излагает литературную мистификацию де-Сора. Предоставляя Гёте возможность познакомиться с французским подлинником и сравнить его с переводом на немецкий язык, Бриэр просил Гёте вмешаться в эту историю и сказать свое авторитетное слово. Для Гёте, тщательно познакомившегося с французским подлинником и сравнившего его со своим переводом, не было никакого сомнения в том, что текст Бриэра и есть подлинный французский текст Дидро. Об этом он и писал Бриэру из Веймара 25 октября 1823 г., предоставляя Бриэру право использовать свое письмо в деле восстановления исторической и литературной правды.

Опубликование письма Гёте в трех французских печатных изданиях — «Пандора», «Корсар», «Французская библиография»

(29/X, 3/XI и 8/XI) — окончательно положило конец полемике, и де-Сор умолк навсегда...

Текст «Племянника Рамо», опубликованный Бриэром, считался окончательным до нового издания полного собрания сочинений Дидро в двадцати томах, предпринятого и выполненного Ассеза в 1875—1877 гг. в Париже. Ассеза рассказывает о том, что он обнаружил новую копию «Племянника Рамо» без даты, относящуюся, вероятно, к концу XVIII столетия. Новая копия носила название не «Диалога», как две другие копии, а «Сатиры», т. е. она озаглавлена так, как и называет ее последователь и друг Дидро Нэжон. Подробно анализируя и сравнивая текст Бриэра, перевод Гёте и текст новой копии, Ассеза обнаружил существенную разницу между текстом Бриэра и новым текстом. Так, все собственные имена, выпущенные в издании Бриэра, здесь стоят на своем месте, так же, как они остаются и в переводе Гёте. Кроме того, целый ряд острых сентенций и выражений, пропущенных и в издании Бриэра, оказываются на месте как в Гётевском издании, так и в новом тексте. Таким образом, копия, которой пользовался Гёте, и новая копия Ассеза идентичны и более близки к утерянному подлиннику Дидро, чем копия Бриэра.

Ассеза высказал не лишнюю основания гипотезу о том, что копия, врученная Бриэру дочерью Дидро, госпожой Вандель, была заранее ею «ретуширована» в смысле удаления из рукописи ее отца всех резких и «неудобных» для печати мест.

¹ *Пале-Рояль* — дворец в центре Парижа с парком общественного пользования.

² *Рей* — содержатель кафе «Регентство» в период, описываемый Дидро. Это кафе, помещавшееся на площади Пале-Рояль и закрытое в конце XVIII столетия, было любимым местом собрания шахматистов.

³ *Легаль, Филидор, Майо, Фубер* — известные шахматисты. Наиболее выдающийся из них — Франсуа Даникан-Филидор (1726—1795), автор «Анализа шахматной игры», прославившийся также в качестве композитора и являющийся одним из создателей комической оперы.

⁴ Еще два года спустя после выхода французского издания «Племянника Рамо» героя этого рассказа считали плодом фантазии Дидро, пока не заметили, что о нем упоминается в «Картинах Парижа» Мерсье. Он был сыном дижонского органиста Клода Рамо и племянником его брата, композитора Жана-Филиппа Рамо (см. примеч. 5). Звали его Жаном-Франсуа. Он родился в Дижоне 30 января 1716 г. и там же учился в иезуитской школе. Вероятно, в возрасте 22 лет он покинул дом отца, так как последний отказался его содержать. Раз шесть поступал он на военную службу и бросал ее.

В 1746 г. он учился живописи у художника Вилле, который оставил нам его портрет. Затем Жан-Франсуа обучился игре на клавесине, скрипке и флейте и стал давать уроки. Он принял tonsuru, но вскоре отказался от духовного звания и в 1757 г. женился на дочери портного. К этому времени относится его сборник пьес для клавесина, изданных на средства его покровителя Бертена и заслуживших довольно лестный отзыв Фрерона (см. примеч. 23), но дела его от этого не поправились. В 1761 г. он потерял жену и сына и, снова превратившись в аббата Рамо, повел ту жизнь мелкого паразита, которую описал Дидро. Желая расположить к себе покровителей и побудить их к тому, чтоб они добыли ему пенсию или квартиру в Лувре, он издал в 1766 г. довольно бездарную поэму «Раменда», в которой хвалит свои заслуги. Поэма не дала желанного результата. Несколько месяцев спустя его приятель Казот выпустил анонимно «Новую Раменду», в которой Рамо просил восстановить для него хотя бы должность придворного шута. Переиздавая ее впоследствии в собрании своих сочинений, Казот предпослал ей предисловие, в котором очень метко характеризует злосчастного версификатора. Вскоре после этого, вероятно, по просьбе родных Рамо, министр Сен-Флорантен упрятал его в приют, как беспокойного сумасшедшего. Прожив там около четырех лет, он скончался, как полагают, в 1771 г.

⁵ *Знаменитый музыкант* — Жан-Филипп Рамо, французский композитор (1683—1764). Этот Рамо и есть дядюшка героя Дидро. В основном Рамо продолжал линию музыкального классицизма Люлли, однако, в его творчестве наметилась сильная реалистическая струя. Рамо является первым крупным теоретиком музыки, создавшим ряд музыкальных трактатов, не утративших научной ценности и до сих пор.

⁶ *Люлли, Джованни-Баттиста* (1633—1687) — итальянский композитор, родился во Флоренции, в раннем возрасте переселился в Париж и стал придворным композитором при Людовике XIV. В его творчество вливаются два потока — итальянский и французский. Его оперы и балеты безраздельно господствовали на французской сцене второй половины XVII и первой половины XVIII века, находя соперника только в лице Жана-Филиппа Рамо. Люлли является наиболее законченным представителем музыкального классицизма.

⁷ *Итальянские виртуозы* — итальянская оперная труппа буффонистов, которая совершила демократический переворот во французской оперной жизни в середине XVIII столетия.

⁸ *Шанблик-де-Мариво*, Пьер (1688—1763) — французский писатель, известный своими семейно-нравоучительными романами.

⁹ *Кребильон сын*, Клод (1707 — 1777) — французский писатель, известный своими непристойными романами.

¹⁰ По всей вероятности, Клод Тиар, граф *де-Бисси* (1721—1810), французский генерал, литератор и академик.

¹¹ *Мадемуазель Клерон* — Клер-Жозеф Лери (1723—1803), французская трагическая актриса, находилась в дружеских отношениях с энциклопедистами и в особенности с Дидро. В игре Клерон Дидро видел одно из типичных подтверждений своей теории о «нечувствительном» актере, развигой им в его «Парадоксе об актере». Подробнее о Клерон см. в комментариях к «Парадоксу об актере», в т. V настоящего издания.

¹² *Бриассон* — книготорговец, принимал участие в издании «Энциклопедии».

¹³ *Барбье* — один из крупных в то время торговцев шелковыми тканями.

¹⁴ «*Андромаха*», «*Британник*», «*Ифигения*», «*Федра*», «*Антигона*» — трагедии Расина.

¹⁵ *Дюкло*, Шарль (1704—1772) — французский писатель-моралист. *Аббат Трюбле*, Никола-Шарль-Жозеф (1697—1770) — французский литератор и академик. Трюбле был высмеян Вольтером в сатире «Бедный чорт». *Аббат Оливье*, Пьер-Жозеф (1682—1768) — французский филолог.

¹⁶ *Грез*, Жан-Батист (1725—1805) — французский художник-реалист, один из основоположников жанровой живописи. Грез был одним из любимейших художников Дидро, который уважал его за моральные тенденции его жанровых картин.

¹⁷ *Меропия* — героиня одноименной трагедии Вольтера (1743).

¹⁸ «*Магомет*» — одна из лучших трагедий Вольтера (1741).

¹⁹ *Мопу*, Рене-Никола (1714—1792) — реакционный канцлер Франции. В 1771 г. Мопу удалил из Парижа сто тридцать членов парламента и составил так называемый «парламент Мопу», не пользовавшийся никакой популярностью. Вольтер, находившийся еще под впечатлением своей борьбы с парламентскими зубрами, приветствовал Мопу в письмах и стихах, величая его чуть ли не благодетелем рода человеческого, и тем вызвал самое резкое недовольство и недоумение у своих друзей и единомышленников. Упрек, брошенный здесь Вольтеру, свидетельствует о том, что Дидро поправлял рукопись «Плутарха» после 1771 г.

²⁰ «*Галантная Индия*» — опера-балет Рамо (1735). «*Глубокие бездны...*» — этими словами начинается одна из лучших арий «Галантной Индии».

²¹ *Палиссо* — бездарный и продажный писака, автор комедии-пастыша на энциклопедистов «Философы».

²² *Пуэнсине*. — Согласно комментариям Гёте, речь идет о французском литераторе Александре Пуэнсине (1734—1769), авторе комедий и комических опер. Возможно, что Дидро имел в виду его двоюродного брата Луи Пуэнсине (1733—1804), переводчика и автора трагедии «Бризида», ставшего впоследствии

ствии ревностным сторонником революции. Во всяком случае оба они, так же как и племянник Рамо, бывали у казначея ведомства особых поступлений Бертена, о котором идет речь дальше.

²³ *Фрероны, отец и сын.* — Эли-Катрин Фрерон (1718—1776) — французский публицист и литератор, редактор реакционного журнала «Литературный год», был яростным противником энциклопедистов, врагом Вольтера и защитником католицизма. Сын его Луи-Мари Фрерон (1754—1802), унаследовавший привилегию на «Литературный год» и пользовавшийся ею в течение четырнадцати лет, примкнул впоследствии к революции. К моменту написания «Племянника Рамо» Фрерону сыну было около семи лет, так что упоминание о нем является более поздней вставкой.

²⁴ *Лапорт, Жозеф* (1713—1779) — французский литератор, редактор журнала «Литературный обозреватель». Лапорт постоянно колебался между реакционной партией литераторов, возглавлявшейся Фрероном, и революционной в лице энциклопедистов.

²⁵ *«Три столетия французской литературы»* — произведение аббата Антуана Сабатье-де-Кастр (1742—1817), вышедшее в свет в 1772 г. Упоминание об этой книге свидетельствует о том, что «Племянник Рамо», написанный в 60-х годах, пересматривался и дополнялся автором в последующие годы. Произведение Сабатье представляет собой посредственную компиляцию фактов; в нем даны очень лестные характеристики многочисленной своры врагов энциклопедистов.

²⁶ *Кучер господина де-Субиза.* — При дворце Субизов находились монументальные конюшни, часто служившие убежищем для разных бездомных бродяг, которых туда пускали по знакомству служители.

²⁷ *Роббе-де-Бовезе, Пьер-Оноре* (1714—1792) — французский поэт. Палиссо называет его в своей «Дунсиаде» — «приятель Роббе». Эта кличка осталась за ним, и под ней он фигурирует и в «Племяннике Рамо». Высказывание Дидро относится, по видимому, к началу его карьеры, так как в 1768 г. он получил от короля пенсию и поместье в Сен-Жерменском дворце.

²⁸ *Вейяр* — сын директора минеральных вод в Пасси. Он был соседом по загородной вилле казначея ведомства особых поступлений Бертена. Этот последний с 1751 или 1752 г. содержал молоденькую актрису Юс (1734—1805), с которой, если верить Дидро, прижил кучу детей. 3 сентября 1761 г. он застал ее вместе с Вейяром на своей вилле, после чего выпнул актрису. Этот эпизод встречается в разных мемуарах эпохи, но нигде не рассказан с такими подробностями, как в письмах Дидро к Софи Воллан (см. т. VIII настоящего издания).

²⁹ Здесь Дидро ошибочно указывает профессию отца племянника Рамо: Клод Рамо из Дижона был не аптекарем, а органистом.

³⁰ Луи Карожи, именуемый *Кармонтелем* (1717—1806) — французский гравер. Известны два его портрета композитора Рамо, а также портреты Дидро и Гольбаха.

³¹ Графиня *Ламарк*, покровительница Палиссо, много способствовала постановке его комедии «Философы». — Что касается *Бержье*, то, по мнению Ассеза, здесь имеется в виду театральный цензор аббат Бержье.

³² В ленинградской копии: «Среди какой мерзости вы родились и в какую впали!»

³³ *Самюэль Бернар* (1651—1739) — известный откупщик, ссужавший деньгами Людовиков XIV и XV, после смерти оставил состояние в 33 миллиона ливров.

³⁴ *Красные и синие сироты* — дети-сироты, воспитывавшиеся в двух благотворительных заведениях — в так называемых приюте красных и приюте синих сирот. Эти сироты за известное вознаграждение принимали участие в торжественных и богатых похоронах.

³⁵ *Докателли*, Пьетро (1693—1764) — итальянский композитор и скрипач, писал главным образом для скрипки; многие из его произведений и до сегодняшнего дня не утратили своей художественной ценности.

³⁶ *Феррари* и *Шиабран* — итальянские скрипачи, выступавшие в 50-х годах XVIII столетия с большим успехом в Париже.

³⁷ *Альберти*. — Известно большое количество музыкантов под именем Альберти. Здесь Дидро, вероятно, имел в виду Джузеппе-Маттео Альберти (род. 1685 г. в Болонье), автора нескольких сборников сонат для скрипки.

³⁸ *Галуппи* (1706—1785), по прозвищу Буранелло, — итальянский оперный композитор. Был приглашен в 1765 г. Екатериной II в Россию, где пользовался большим успехом.

³⁹ *Мадемуазель Лемьер* — оперная певица, была известна легкостью нравов.

⁴⁰ *Арну*, Софи (1744—1802) — оперная певица, выдающаяся исполнительница главных ролей в операх «Кастор и Поллукс Рамо и «Ифигения в Авлиде» Глюка. Графчик, о котором упоминает Дидро, — Луи-Леон-Фелисите де-Бранка граф Лоранс (1733—1824), вельможа, занимавшийся литературой. В 1762 г. между ним и его возлюбленной Софи Арну произошла размолвка, и артистка сошлась с Бертоном, незадолго перед тем покинувшим мадемуазель Юс. Размолвка эта неоднократно упоминается в донесениях полиции в течение нескольких последующих лет.

⁴¹ Речь идет об особом способе изображения рисунка на

фарфоре, изобретенном Аркле *де-Монтами* (ум. 1765), другом Дидро. Граф Луи Лораге субсидировал его опыты, и Вольтер, посвящая Лораге свою «Шотландку», приписывал ему и самое изобретение.

⁴² *Превиль*, Пьер-Луи (1721—1799) — французский актер, дебютировавший в 1753 году в комедии «Галантный Меркурий, или Комедия без названия» Бурсо и игравший в ней шесть ролей.

⁴³ Мари-Франсуаза Маршон, по сцене *Дюмениль* (1711—1803), — знаменитая французская трагическая актриса, прославилась как исполнительница главных ролей в трагедиях Расина. Стиль ее игры диаметрально противоположен игре Клерон. Насколько Клерон была холодной и рассудительной, настолько Дюмениль умела страстно перевоплощаться в свои трагические образы, достигая порой огромной силы пафоса. Дидро, говоря здесь, что «Дюмениль ни сказать, ни ступить больше не умеет», намекает на ее склонность к алкоголю.

⁴⁴ *Слухи о смерти Вольтера* распространялись в 1753 г. и 1760 г. Вольтера это только забавляло, и он даже считал, что может извлечь из них некоторую пользу. То же произошло и весной 1762 г., как раз в тот период, когда Вольтер готовился к защите семьи Каласов (см. примеч. 51).

⁴⁵ *Фавильс* — очевидно, речь идет о каком-нибудь танцовщике; в парижской Опере подвизались в XVIII веке четыре танцовщика, носивших фамилию Жавилье: отец и три сына. Отец выступал с 1703 по 1728 г., а сыновья — с 1735 по 1748 г. Один из них — член Королевской академии танца, пользовался в 1762 г. широкой известностью в качестве преподавателя.

⁴⁶ *Барон Багге* — голландец, проживавший в Париже и именовавший себя камергером прусского двора, был известен в Париже своей любовью к музыке, играл сам и часто организовывал концерты, на которые приглашал многочисленных гостей. Злые языки говорили, что он платил ученикам, бравшим у него уроки.

⁴⁷ *Основной бас* — по терминологии Рамо, воображаемый басовый голос, образуемый основными тонами аккордов данной пьесы.

⁴⁸ *Дешан* (род. 1729) — танцовщица, выступавшая в «Комической опере» и в «Итальянской комедии». Дидро, повидимому, намекает здесь на то, что она от герцога Орлеанского перешла к генеральному откупщику Бриссару, а затем и к старшему стряпчему Сегье. Записки инспекторов полиции постыдят ее скандальными приключениями.

⁴⁹ *Мари-Мадлен Морель*, по сцене *Гимар* (1743—1816), — известная французская балерина, в 1760 г. сошлась с упомянутым выше Бертенем. Имя ее неоднократно встречается в по-

лицейских записках в связи с ее многочисленными любовниками.

⁵⁰ *Сброд Вильморьсна* — приживальщики и паразиты, вертевшиеся вокруг генерального откупщика Вильморьсна.

⁵¹ Имеется в виду знаменитое дело *Каласа*, поднятое и выигранное Вольтером. Каласа-отца, кальвиниста, иезуиты ложно обвинили в убийстве своего сына, якобы с целью помешать последнему отречься от кальвинизма и перейти в католичество. Каласа-отец был осужден на смерть и колесован в 1762 г. Тогда Вольтер поднял кампанию против религиозного фанатизма и после трехлетней упорной борьбы добился юридического оправдания казненного. Дело Каласа подняло все демократические слои тогдашней Франции на борьбу против абсолютизма и католической церкви.

⁵² Дидро рассказывает об этой истории в письме к мадемуазель Воллан от 13 октября 1760 г. Героем ее является некий шотландец, по прозвищу Уп, много путешествовавший и живший некоторое время у барона Гольбаха.

⁵³ *Ламорльер*, Жак-Рошет (1719—1785) — французский литератор, автор довольно удачного романа «Ангела». Наглый скандалист, он был уволен из полка черных мушкетеров, после чего подвизался в Париже, окружив себя сворой проходимцев, которые освистывали пьесы и терроризировали «Французский театр», так что авторы принуждены были входить в соглашение с Ламорльером, пока в 1762 г. его не заточили в приют св. Лазаря.

⁵⁴ Пьетро Баччи, по прозванию *Аретино* (1492—1556), известный итальянский писатель, автор духовных сочинений, панегириков, сатир и знаменитых диалогов «*Raggionamenti*». В 1525 г. он был вынужден бежать из Рима из-за 16 сонетов к соблазнительным рисункам Джулио Роллона. Непристойные позы, изображенные в этих сонетах, и есть те «позы Аретино», о которых говорит Дидро.

⁵⁵ *Госпожа Бувийон*, «самая толстая, хотя и самая приземистая женщина во всей Франции», — гротескный персонаж из «Комического романа» Скаррона (1610—1660).

⁵⁶ *Дарно-Вахюлар*, Франсуа-Томас-Мари (1718—1805) — французский драматург и литератор; протежируемый Вольтером, он был вызван к прусскому двору; по возвращении в Париж в 1755 г. вел жизнь паразита.

⁵⁷ *Стентор* — легендарный герой, славившийся своим мощным голосом и принявший участие в осаде Трои; его голос был настолько силен, что пятьдесят одновременно говорящих людей не могли его заглушить («Илиада», V, ст. 785).

⁵⁸ *Буре* (1710—1777) — главный откупщик при Людовике XV, известен своим колоссальным богатством, причудами

и расточительностью; умер, истратив 42 миллиона ливров и оставив долгов на 5 миллионов.

⁵⁹ *Хранитель королевской печати* — Жан-Батист-Маню Дарпувиль (1701—1794), главный контролер финансов, а затем статс-секретарь, был в 1750 г. хранителем печати. Он покровительствовал Буре. Переданный здесь анекдот с собакой приведен также в «*Esprit anglais*», т. I, стр. 250.

⁶⁰ Здесь идет речь об одном визите короля Людовика XV в загородную виллу своего главного откупщика Буре в Круа-Фонтен. Королю подали роскошно переплетенную книгу с заголовком «Подлинное счастье». Он открыл книгу и на первой странице ее прочитал: «Король приехал к Буре». Такие же записи делали в ней после каждого посещения короля и члена королевского дома. Что касается *фикелов*, то Дидро имеет в виду поездку короля на охоту из Версаля в Круа-Фонтен, во время которой по дороге через каждые двадцать шагов были расставлены люди с факелами.

⁶¹ Анри де-ла-Тур-д'Овернь, виконт *де-Тюрен* (1611—1675) — французский маршал, прославившийся своими победами.

Себастьян Лепретр-де-Вобан (1633—1707) — французский военный инженер и маршал.

Клодина-Александрина Герен, *маркиза де-Тенсен* (1685—1749) — автор нескольких исторических романов. Благодаря своей связи с регентом, а затем с его министром, кардиналом Дюбуа, нажила огромное состояние. Дружба с Фонтенелем привлекла в ее салон самых выдающихся литераторов. Своей энергией и исключительным талантом к интригам много способствовала карьере своего брата Пьера Тенсен (1679—1758), кардинала и государственного деятеля при Людовике XV.

⁶² Вся эта тирада носит иронический характер. Рамо, или вернее Дидро, имеет здесь в виду возобновление постановки трагедии Корнеля «Граф Эссекский». Во время этого представления *мадемуазель Юс* не пожелала уступить роли герцогини Иртонской актрисе *Клерон*, которой поэтому пришлось играть наперсницу. Хотя эта последняя роль и незначительна, партер горячо аплодировал Клерон и освистал Юс. Что касается упомянутой здесь актрисы Анны-Марии Бото, по сцене *Данжсевиль* (1714—1776), то Дидро ошибся. Во-первых, она была комической актрисой, игравшей главным образом субреток, а во-вторых, к тому времени сошла со сцены. Он, вероятно, имел в виду *Дюмениль* (см. примеч. 43), которая выступила в этом спектакле в роли королевы Елизаветы.

⁶³ Бертен, содержатель актрисы Юс, был казначеем королевского ведомства особых поступлений.

⁶⁴ «*Зара*» (1751) — трагедия Палиссо; *Бре* (1717—1792) — посредственный французский литератор и драматург, автор комедии «*Мнимое благородство*» (1758).

⁶⁵ Тиру-де-Мезанж — откупщик почтового ведомства.

⁶⁶ «Теология по-бабьи, или Женщина-доктор» (1731) — некогда не ставившаяся на театре комедия иезуита Гильома-Гизадинта Бужана, известного больше как историк. Это не столько пьеса, сколько диалог-памфлет, направленный против яansenистов. Палиссо использовал это произведение для своих выпадов против энциклопедистов в комедии «Философы».

⁶⁷ Тулье-д'Оливе, Пьер-Жозеф, аббат (1682—1768) — французский грамматик; был ненавистен левым литераторам за склонность к пуризму и традиционности.

Леблан. — По мнению Гёте, Дидро имеет в виду посредственного французского писателя аббата Леблана (1707—1781).

Баттё, Шарль, аббат (1713—1780) — французский литератор, известный трудами по риторике и поэтике.

⁶⁸ Пирон, Алексис (1689—1773) — французский поэт и драматург, автор монологов, с успехом исполнявшихся на ярмарочных театрах. Из его пьес прославилась только «Метромания». Из-за острых эпиграмм, направленных против режима, Пирон не пользовался благосклонностью господствующего класса.

⁶⁹ На сюжет, известный ему до тонкости. — Поэма Роббо (см. примеч. 27) посвящена сифилису. Пирон сказал про него, что «автор весь пропитан своим сюжетом».

⁷⁰ Теофраст (372—287 до н. э.) — древнегреческий философ и писатель, известен больше всего своим трактатом «Характеры», где представлены очень остроумные оценки и глубокие наблюдения над человеческими типами и характерами.

Жан Лабрюйер (1645—1696) — французский писатель, переводчик «Характеров» Теофраста и сам автор книги «Характеры».

⁷¹ Никола Корби и Пьер Моэт купили в 1757 г. привилегию на постановки в «Комической опере» и пользовались ею до 1762 г.

⁷² Жадный аббашишка — Жозеф де-Лапорт (1713—1779), французский литератор, редактор «Литературного обозревателя», автор компиляций. «Esprit anglais» (т. III, стр. 43) дает ему такую же характеристику, как и Дидро, называя его скрягой и ростовщиком.

⁷³ Дора, Клод-Жозеф (1734—1780) — французский поэт, ловкий версификатор, автор нескольких посредственных пьес. Его творчество поверхностно и пропитано светской frivolностью.

⁷⁴ Лебрен — редактор журнала «Литературная слава».

⁷⁵ Давид — один из издателей «Энциклопедии», который в то же время в сотрудничестве с Палиссо распространял в Париже иностранные газеты.

⁷⁶ Намек на одну из мистификаций Палиссо, жертвой ко-

торой стал Пуэнсине. Пуэнсине якобы предложили место воспитателя принца прусского при условии отречения от католицизма.

⁷⁷ Дидро имеет в виду комедию Палиссо «Опасный человек», которую он предложил анонимно в 1770 г. для постановки под названием «Сатирик» и в которой описывал собственные проделки. Затем он сам отправился к аббату Вуазенону и просил его содействовать запрещению пьесы, якобы порочащей бедного Палиссо. Пьесу запретили, но Палиссо, рассчитывая на успех скандала, напечатал ее за границей. Она была поставлена в 1782 г., но провалилась.

⁷⁸ *Дуни*, Эгидио-Ромуальдо (1709—1775) — итальянский композитор школы буффонистов.

⁷⁹ *Скряга* и упоминаемая несколькими строками ниже *девочка* — два персонажа из комической оперы Дуни «Остров сумасшедших» (1761). «Я бедняга», «О земля, прими мое сокровище!» — арии из той же оперы.

⁸⁰ «*Сердце мое удаляется*» — ария из комической оперы Филлора «Кузнец» (1761).

⁸¹ *Кампра*, Андре (1660—1744) — французский композитор-классицист. Автор оперы «Танкред» и ряда легких придворных комических опер.

Детуш, Андре-Кардиналь (1672—1749) — французский композитор-классицист, автор оперы «Иссе», исполнявшейся с большим успехом в XVIII веке.

Муре, Жан-Жозеф (1682—1738) — французский композитор, автор многочисленных музыкальных и танцевальных дивертисментов и нескольких опер-балетов.

⁸² «*Stabat mater*» — католический гимн в память страданий богородицы, оратория Перголезе (1710—1736).

⁸³ «*Служанка-госпожа*» — основное произведение Перголезе, исполнением которого в Париже в 1752 г. и началась знаменитая война буффонистов. «*Тракалло*» — опера того же Перголезе.

⁸⁴ «*Иссе*» — опера Детуша, «*Галантная Европа*» и «*Танкред*» — оперы Кампра. «*Галантная Индия*», «*Кастор и Поллукс*», «*Лирические таланты*» — оперы и оперы-балеты Рамо. «*Армида*» — опера Люлли.

⁸⁵ *Ребель* и *Франкёр* — дирижеры оперы с 1733 по 1744 г., а затем также и руководители оперы по 1767 г.

⁸⁶ До пожара 6 апреля 1763 г. здание Оперы — Королевской академии музыки — помещалось в тупике Пале-Рояля.

⁸⁷ «*Художник, влюбленный в свою модель*» — опера Дуни.

⁸⁸ «*Рагонда*» — опера-дивертисмент Муре. «*Платя*, или *Ревнивая Юнона*» — комический балет Рамо.

⁸⁹ Дидро имеет в виду двух ученых-естествоиспытателей: Апри-Луи Дюамеля-Дюмонсо (1700—1782), автора руководства

«Искусство угольщика», и Жана-Гильома *Дюамеля* (1730—1816), автора «Подземной геометрии, руководства для углекопов».

⁹⁰ *Жалобщица*, или *Тяжба* — комедия Фавара с ариями Дуни (1762).

⁹¹ Первые три арии, исполняемые здесь Рамо, — из «Острова сумасшедших» Дуни; последние три — из «Служанки-госпожи Перголезе».

⁹² *Джомелли*, Николо (1714—1774) — известный итальянский оперный композитор, получивший кличку «Итальянского Глюка».

⁹³ *Я дождусь зари...* — знаменитый монолог из 2-й сцены IV акта оперы «Медора» Люлли. В борьбе буффонистов на эту сцену из оперы Люлли часто указывали как на образец музыкальной выразительности.

⁹⁴ *Блудные факелы* и *Бог Тартара* — арии из оперы «Кастор и Поллукс» Рамо.

⁹⁵ *Саксонец* — так называли в латинских странах немецкого композитора Иоганна-Адольфа Гассе (1699—1783).

Терраделья, вероятно родом из Каталонии, итальянец Томазо и *Траэтта* (1727—1791) — композиторы, принадлежавшие к неаполитанской музыкальной школе.

⁹⁶ Пьетро-Бонавентуре Грапасси, по прозвищу *Метастазио* (1698—1782), — итальянский поэт и драматург; писал либретто для многих современных ему композиторов.

⁹⁷ *Кино*, Филипп (1635—1688) — французский поэт и драматург. Опытный версификатор и либреттист, Кино написал около 15 либретто для опер Люлли.

Ламонт, Антуан-Удар де- (1672—1731) — французский критик, поэт и либреттист.

⁹⁸ *Лео*, Леонардо (1694—1745) и *Винчи*, Леонардо (1690—1732) — итальянские оперные композиторы.

⁹⁹ «*Потерянный и найденный ребенок*» или точнее «Сын арлекина» — пьеса Гольдони, успешно шедшая в Париже в 1761 г. и вызвавшая приезд автора во Францию.

¹⁰⁰ *Ринальдо да-Капуа* (1715—1771) — итальянский композитор, автор ряда комических опер. Его «Прекрасная женщина» и «Цыганка» пользовались большим успехом в репертуаре буффонистов во время их пребывания в Париже. — *Гассе* — см. примеч. 95.

¹⁰¹ *Тартини*, Джузеппе (1692—1770) — итальянский скрипач, композитор и теоретик музыки.

¹⁰² Дидро рассказывает этот же анекдот в своем «Путешествии в Голландию». Дело происходит в Гааге. Куртизанку, дочь кельнского врача и любовницу барона Зуль, зовут Сленгаузен. Героем происхождения является не еврей, как в рассказе Рамо, а «некий гражданин Вандервельде». Вместе с тем

это обстоятельство свидетельствует, что Дидро потом снова редактировал «Племянника Рамо» в 1773 г.

¹⁰³ *Новер, Жан* (1727—1810) — французский хореограф, стремился реформировать балет, насыщая его большим драматизмом и правдой; в 1760 г. опубликовал трактат «Письма о танце и балете», посвященный своей хореографической реформе.

¹⁰⁴ Аббат Габриэль Гона издавал между 1753 и 1765 гг. периодический журнал «Анализ и опровержение различных современных произведений, направленных против религии». Его наградили аббатством, приписавшим три тысячи ливров, но это показалось ему мало, и он выхлопотал более выгодную приорию у тогдашнего заведующего раздачей бенефиций Луи-Сикста Жаранта-де-Лабрюера, епископа Орлеанского. Эти домогательства и имеет в виду Дидро.

¹⁰⁵ *Досвернь* (1713—1797) — французский композитор, с необычайным искусством подражал разным стилям, на что здесь, вероятно, и намекает Дидро.

¹⁰⁶ *Кане, Этьен*, аббат (1694—1782) — французский литератор, был большим любителем музыки. Он часто посещал Оперу, и друзья его в шутку называли эти посещения «вечерними аббата».

Жак Фаталист и его хозяин

«Жак Фаталист», наряду с «Племянником Рамо», является одним из тех произведений Дидро, которые впервые были опубликованы в немецком переводе и лишь затем увидели свет во французском оригинале.

Дидро написал этот роман в 1773 г., во время своего пребывания в Голландии и России. По возвращении в Париж в 1774 г. он, по свидетельству его дочери госпожи Вандель, привез с собой две рукописи: «Жак Фаталист» и отредактированный роман «Монахиня».

Подобно тому, как «Племянник Рамо» впервые стал известен читателям благодаря изданию Гёте, так и «Жак Фаталист» обязан этим другому великому немецкому писателю — Шиллеру. В 1785 г. Шиллер перевел и издал отдельной брошюрой лучший из эпизодов романа — историю госпожи Помере, под заголовком: «Месть женщины». Несколько лет спустя, в 1792 г., «Жак Фаталист» вышел в немецком переводе Миллуса. В своем предисловии переводчик сообщал о том, что в Германии распространено около двадцати рукописей этого шедевра Дидро.

В 1794 г. был организован Французский институт, который

приступил к собиранию многочисленных неопубликованных и разбросанных по всей Европе рукописей французских писателей. С этой целью институт обратился к брату Фридриха II, принцу Генриху Прусскому, интересовавшемуся французским Просвещением и обладавшему некоторыми ценными рукописями просветителей. Последний и предложил Французскому институту рукопись «Жака Фаталиста», представлявшую собой одну из копий этого романа, распространенных в Германии.

«Жак Фаталист» впервые вышел во французском издании в 1796 г. С тех пор он издавался много раз и был переведен на основные европейские языки.

Слава «Жака Фаталиста» настолько утвердилась во Франции, что он сделался объектом литературных и драматических подражаний и мистификаций. Так, в 1803 г. в Париже анонимным автором было выпущено произведение «Второе путешествие Жака Фаталиста и его хозяина». Автор и до сих пор остался неизвестен. В парижском театре «Варьете» в 1850 г. был поставлен водевиль «Жак Фаталист», в котором были выведены также и некоторые герои «Племянника Рамо».

«Жак Фаталист» — одно из тех произведений Дидро, которые сделались объектом сильнейшей критики. Ввиду некоторого композиционного и сюжетного сходства «Жака Фаталиста» с шедевром Стерна «Тристрам Шенди» Дидро обвинили в плагиате. Стерн был одним из тех английских авторов, которые воспринимались на французской культуре и которые своими произведениями оказали обратное влияние на то же французское Просвещение. Именно в «Жаке Фаталисте» влияние Стерна сказалось сильнее всего.

Дидро действительно использует в «Жаке Фаталисте» некоторые композиционные приемы Стерна. В обоих романах отсутствует единая сюжетная линия. Действие в романе Дидро бесчисленное количество раз прерывается целым рядом самостоятельных и независимых от романа сцен и эпизодов точно так же, как и в произведении Стерна. В обоих произведениях налицо нарочитая алогичность и структурная аморфность. Сюжет «Жака» (если вообще можно говорить о наличии в нем сюжета) сходен с сюжетом «Тристрама Шенди». У Дидро история любви и ранения Жака является как бы основной сюжетной осью произведения; у Стерна эту функцию выполняет история ранения и любви капрала Трима. Больше того, Дидро сознательно и нарочито позаимствовал даже некоторые из оборотов речи, остроты и вообще выражения из «Тристрама Шенди». Сам Дидро в конце романа иронически говорит, что он «сплаги-тировал» у Стерна.

Приведем основные выражения, которые Дидро позаимствовал у Стерна.

Дидро

Жак. Капитан добавлял, что у всякой пули — свой жребий. (Стр. 200.)

Жак. Не будь этого выстрела — не довелось бы мне в жизни ни влюбиться, ни хромать.

Хозяин. Ты, значит, был влюблен? (Стр. 201.)

Жак. На следующий день меня кинули вместе с дюжиной других в повозку и повезли в один из наших госпиталей. Ах, сударь мой, нет более мучительного ранения, чем в колено.

Хозяин. Послушай, Жак, ты надо мной смеешься?

Жак. Нисколько, сударь, не смеюсь. Там бог весть сколько косточек, сухожилий и прочих вещей, которые не знаю уж как называются... (Стр. 203.)

Жак. Я истекал кровью, и мне пришел бы конец, если б наша повозка, последняя в веренище, не остановилась у хижины. Там, по моей просьбе, меня сняли и положили на землю. Молодая женщина, стоявшая в дверях хижины, вошла внутрь и почти тотчас же вернулась со стаканом и бутылкой вина. И

Стерн

Капрал Трим. Король Вильгельм... часто говорил своим солдатам, что у всякой пули — свой жребий.

(«Тристрам Шенди», кн. VIII, 263.)

Капрал Трим. Без этого выстрела — я не был бы никогда влюблен.

— Ты все же был влюблен, Трим, — сказал мой дядя Тоби смеясь.

(«Тристрам Шенди», кн. VIII, 263.)

Капрал Трим. Это было как раз на следующий день; в полдень, — продолжал капрал, — я был обменен и положен в повозку вместе с тринадцатью или четырнадцатью другими, чтобы быть перевезенным в наш госпиталь. Нет такой другой части во всем теле, сударь, где ранение причинило бы столь мучительную боль, как колено.

— За исключением паха, — говорит мой дядя Тоби...

— Колено, по мой взгляд, — отвечал капрал, — должно, конечно, причинить наибольшую боль: там столько сухожилий и всякой всячины, названия чего мне неизвестно.

(«Тристрам Шенди», кн. VIII, 263.)

Капрал Трим. Я рассказал о своих страданиях молодой женщине в крестьянской избе, у которой остановилась наша повозка, бывшая последней в цепи других. Мне предложили туда войти, и молодая женщина вынула из своего кармана подкрепляющее лекарство, подсластила его сахаром и, видя, что

поспешно отпил два-три глотка. Повозки, предшествовавшие нашей, тронулись вперед. Меня хотела швырнуть обратно к товарищам, но я крепко уцепился за одежду той женщины и за окружающие предметы и заявил, что не вернусь в повозку и что если умирать, так уж лучше умирать здесь, чем двумя милями дальше. С этими словами я упал в обморок. (Стр. 205.)

Очнувшись, я очутился раздетым и лежащим на постели в углу хижины, а меня окружали мужик-хозяин, его жена, оказавшая мне помощь, и несколько маленьких детей. Жена смочила край фартука уксусом и терла мне им нос и виски. (Стр. 205.)

оно меня оживило, дала мне его глотнуть во второй и третий раз.

— Я поведал ей, сударь, о своих мучениях, которые были так невыносимы, и сказал, что предпочел бы растянуться на кровати, стоявшей в углу комнаты, и умереть, чем отираться дальше. Она пыталась сопровождать меня, но я лишился чувств на ее руках...

(«Тристрам Шенди», кн. VIII, 264.)

Очнувшись, я увидел себя в тихой и покойной хижине, где были молодая женщина, мужик-хозяин и его жена. Я лежал в углу комнаты на кровати, раненая нога лежала на стуле; молодая женщина сидела подле меня, одной рукой она прикладывала мне к иосу платок, смоченный уксусом, а другой растирала мои виски.

(«Тристрам Шенди», там же.)

Приведенные здесь параллели и послужили причиной для обвинения Дидро в плагиате у Стерна. Противники Дидро стремились таким образом дискредитировать и после смерти ненавистного им главу энциклопедистов. Все это Дидро предвидел заранее и в самом романе, на последних страницах, насмеялся над своими будущими критиками.

¹ *Берг-оп-Зом* — голландская крепость. В 1747 г. взята французами под командованием маршала Ловандала.

Порт-Маон — крепость и столица острова Минорки. В 1756 г. отбита у англичан французскими армиями под командованием Ришелье.

² Французская поговорка, употребляющаяся в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что человек обладает большим количеством лишних вещей. Она использована здесь особенно удачно, так как св. Рок обычно изображается с тремя шляпами.

³ *Дюфур*, Пьер (1735—1813) — хирург, автор трактата об огнестрельных ранах.

Луи, Антуан (1731—1802) — врач, автор хирургического словаря, заведывал хирургическим отделом «Энциклопедии»; изобрел модель гильотины, которую одно время называли по его имени «луизотой».

⁴ Дидро здесь ошибочно приписывает эту реплику Гарпагону из «Скупого» Мольера, в то время как ее произносит Жеронт в «Плутовстве Скапена» (акт II, сц. 9).

⁵ *Жабаки* — здесь в смысле ювелирных безделушек и всякого рода новинок. Это слово приобрело нарицательное значение по названию известного в то время в Париже галантерейного магазина Жабак.

⁶ *Жюльен Леруа* (1686—1759) — известный в XVIII столетии часовых дел мастер.

⁷ *Серые сестры* — монахини-сиделки, обслуживавшие в больницах и богадельнях калек, больных, странников и паломников.

⁸ *«История Кливленда, побочного сына Кромвеля»* — произведение аббата Прево (1732).

⁹ *Пондишери* — город во французской Ост-Индии.

¹⁰ Братство *босоногих кармелитов* возникло после реформы кармелитского ордена, предпринятой в 1564 г. Эти монахи ходили в сандалиях на босу ногу.

¹¹ *Кармелитская вода* — возбуждающее целебное средство, приготовленное из мялисы.

¹² Речь идет о неизвестном испанском писателе, который опубликовал в 1614 г. у Алонсо-Фернандеса Авельянеда продолжение «Дон-Кихота».

¹³ *Форти-Герра*, Николо (1674—1735) — итальянский поэт, автор талантливой героико-комической поэмы «Ричардетто», для которой он заимствовал свои персонажи у других писателей, в том числе и у Ариосто.

¹⁴ *«Лекарь поневоле»* — комедия Мольера (см. д. I, явл. 1).

¹⁵ *Премонваль*, Пьер, де-Ге-де- (1716—1764) — французский математик, впоследствии член Берлинской академии, автор трактатов «О пользе математики» и «О природе чисел».

¹⁶ *Пижон*, Мария-Анна-Виктория (1724—1767) — жена Премонваля, лектриса при жене Генриха Прусского (см. вступление к комментариям).

¹⁷ *Брат Козьма* — кличка известного хирурга Жана Базейла (1703—1781), монаха ордена фельянов, изобретателя инструмента для раздробления камня в мочевом пузыре.

¹⁸ *Полное экю* равнялось шести франкам, в отличие от малого экю, равного франку.

¹⁹ ...на задворки. — Дидро имеет в виду выступление Вольтера в его «Философском словаре» против употребления вульгарного слова *cul-de-sac* вместо *impasse*.

²⁰ *Бисетр* — старинный замок в окрестностях Парижа, в котором помещались тюрьма, дом для умалишенных и приют.

²¹ *Граф де-Сен-Флорантен*, герцог де-ла-Врийер (1705—1777) — министр, ведавший департаментом духовных дел, враг энциклопедистов; заслужил печальную известность, раздавая королевские приказы об аресте.

²² *Тампл* — старинный монастырь близ Парижа; в XVIII столетии был использован как тюрьма. *Аббатство* — тюрьма поблизости от монастыря Сен-Жермен-де-Прэ. Тампл и Аббатство не подлежали общей юрисдикции, их территория служила убежищем для неплатежеспособных должников.

²³ *«Ворчливый благодетель»* — комедия Гольдони.

²⁴ *Троншен*, Теодор (1709—1781) — известный врач, ученик Бургава.

²⁵ *Граф де-Герши*, Клод-Луи де-Ренье (ум. 1768) — французский офицер; отличился в боях во Фландрии и в Богемии.

²⁶ *Пас-дис* — игра, при которой пользуются тремя игральными костями; выигрывает тот, кто выкладывает больше десяти очков.

²⁷ *Юз*, Пьер-Даниэль (1630—1721) — французский прелат и литератор.

Николь, Пьер (1625—1695) — французский писатель-моралист, сторонник янсенизма.

Боссюэ, Жак (1627—1704), французский богослов и литератор, сторонник автономии французской церкви, автор «Траурных речей», являющихся классическим образцом религиозного красноречия.

²⁸ *Лебоссю* (1631—1680) — французский писатель, автор «Трактата об эпической поэме».

Вида, Марко-Джироламо (1480—1566) — итальянский епископ, автор ряда стихотворных произведений, написанных на латинском языке, в том числе поэмы о «Поэтическом искусстве».

Как Вида, так и Лебоссю в значительной степени исходили из поэтики Аристотеля и Горация. Буало отзывался очень положительно об этом трактате Лебоссю, в то время как Вольтер говорил о нем, что никто не станет читать поэтическое произведение, написанное по правилам Лебоссю.

²⁹ *Тиссо*, Симон-Андре (1727—1797) — швейцарский врач. Дидро имеет в виду его произведение «Советы народу о его здоровье» (1761).

³⁰ *Премонстранты* — члены монашеского ордена, основанного в 1120 г.; они ходили в белой шерстяной одежде и носили беляя.

³¹ *Епископ Мирепуаский* Жан-Франсуа Бойе (1675—1755) был яростным врагом янсенизма.

³² *Булла Unigenitus* папы Климента XI (1713) была направлена против яansenистов; названа так по начальному слову.

³³ Предыдущая реплика хозяина представляет собою пересказ стихов 124—126 из песни X «Чистилища» Данте.

³⁴ Дидро ошибочно указывает на Евангелие от Луки. Упоминаемое им *genuit* («родил») повторяется сорок раз в главе I Евангелия от Матфея («Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова» и т. д.).

³⁵ Речь идет о *Феррагуте* — герое «Ричардетто» Форти-Герра: Феррагута кастрируют, и на смертном одре к нему является Люцифер, показывая ему утерянный им предмет (песня X).

³⁶ Принц Луи II *Конде* (1621—1686), прозванный «великий Конде» за его военные походы.

³⁷ Речь идет о Вильгельме Завоевателе (1027—1087), вторгшемся в Англию в 1066 г. и установившем там свое владычество.

³⁸ «*Адвокат Патлен*» — комедия в трех актах французского писателя Давида-Огюстена Брюэса (1640—1723). Комедия эта представляет собою удачную имитацию одноименного старинного французского фарса.

³⁹ Граф *Четхем* (1708—1778) — отец Вильяма Питта, министра английского короля Георга III.

⁴⁰ *Похищение подвязки* — старинный брачный обычай, сохранившийся еще в некоторых французских провинциях: шафера похищают подвязку новобрачной.

⁴¹ *Фобурдон* — форма церковного многоголосого пения.

⁴² Рассуждения Дидро являются подражаниями Монтеню («Опыты», кн. III, гл. 5).

⁴³ *Бакбюк* — по-еврейски означает «бутылка». Этим именем Рабле назвал жрицу при храме Божественной Бутыли («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. V).

⁴⁴ *Медонский юре* — Франсуа Рабле (1483—1553), числившийся одно время приходским священником в Медоне близ Парижа.

⁴⁵ *Энгастримит* — чревоугодник.

⁴⁶ Перечисленные здесь французские поэты: *Лафар* (1624—1712), *Шапель* (1626—1686), *Шолье* (1639—1720), *Панар* (1674—1765), *Гале* (1700—1757), *Ваде* (1720—1757) — были в большей или меньшей степени последователями эпикуреизма и слыли за либертинов-вольнодумцев.

⁴⁷ «*Еловая шишка*» — кабачок, где пировал поэт Франсуа Вийон.

⁴⁸ *Нодо* — французский офицер, опубликовавший в 1692 г. якобы найденный им в Белграде полный текст «Сатирикона» Петрония, на самом деле испещренный вставками его собственной стряпни.

Брос, Шарль де- (1709—1777) — президент дижонской су-

добной палаты, французский историк и археолог, стоявший близко к энциклопедистам. Опубликовал «Историю VII века Римской республики», удачно использовав для этого фрагменты Саллюстия.

Фрейсгеймий, Иоганн (1608—1660) — крупный немецкий философ и лингвист, известный своими приложениями к сочинениям римского историка Квинта Курция.

Бротье, Габриэль (1723—1789) — иезуит, переводчик и комментатор Тацита.

⁴⁹ *Буйотка* — игра в карты.

⁵⁰ *Риккобони*, Мария-Жанна (1713—1792) — актриса «Итальянской комедии» и писательница. Дидро намекает здесь на то, что она отомстила любовнику за измену, опубликовав его письма к ней в своем романе «Письма мисс Фанни Бетлер».

⁵¹ *Бентивольо*, Гвидо (1570—1644) — кардинал, автор исторических произведений и мемуаров.

⁵² *Термин* — по римской мифологии, бог — покровитель границ.

⁵³ *Коле*, Шарль (1709—1783) — французский поэт и драматург, автор многочисленных остроумных песен и комедий, пользовавшихся большой популярностью в XVIII столетии.

⁵⁴ Речь идет об известной куртизанке XVII века Нипон де-Ланкло (1620—1705).

⁵⁵ *Гаро* — герой басни Лафонтена «Жолудь и тыква»; это имя стало синонимом легковесного критика.

⁵⁶ *Твой тезка* — Жан-Жак Руссо (см. «Эмиль», кн. II).

⁵⁷ *Дон Ла-Таст*, Луи (ум. в 1754 г.) — бенедиктинец, епископ, защищал в трудах версию о том, что дьяволы иногда могут совершать благодеяния и исцелять больных, чтобы вводить в соблазн людей.

⁵⁸ *Жизнь и приключения кума Матье* — роман аббата Анри-Жозефа Дюлоран (1719—1797), одно из популярнейших антирелигиозных и сатирических произведений XVIII века; приписывался Вольтеру и Дидро.

⁵⁹ *Мандрен*, Луи (1724—1755) — известный бандит и контрабандист, вокруг имени которого составились целые легенды.

Стихи

Кодекс Дени

Согласно указанию М. Гримма в его «Корреспонденции» от 15 января 1770 г., «Кодекс Дени» был создан Дидро экспромтом во время одной из товарищеских пирушек. Дидро оказался «бобовым королем» и решил тотчас же осуществить в стихах свое шуточное право законодательства.

Дата появления «Кодекса Дени» приведена в самом стихотворении: это — 1770 г., когда Дидро уже было пятьдесят семь лет.

Жалоба в рондо

Дени, бобового короля, по поводу трудностей царствования

Стихотворение написано в 1771 г., впервые напечатано в 1819 г. в издании сочинений Дидро, предпринятом Беленом, под названием «Бобовый король на следующий день его царствования».

¹ *Маркиз* — имеется в виду маркиз Круамар, о котором см. в примечаниях к «Монахине», в III томе настоящего издания.

Элевтероманы, или Одержимые свободой

Стихотворение написано в 1772 г. В прозаическом «Аргументе», который является как бы предисловием к «Элевтероманам», Дидро сообщает, что в течение трех лет ему выпал случай быть в одном и том же обществе друзей «бобовым королем». В первый раз, в 1770 г., он опубликовал свои законы под названием «Кодекс Дени» (см. выше), во второй раз, в 1771 г., он обрушился на несправедливость судьбы, которая принесла ему бобовую корону дважды, хотя он считает себя наименее достойным ее. В третий раз, именно в 1772 г., он отрекся от короны и причины этого изложил в «Элевтероманах», которые он называет «дифирамбом».

В этом дифирамбе чрезвычайно сильно мятежное свободолюбие Дидро. Именно здесь заключаются ставшие знаменитыми строки:

Et ses mains ourdiraient les entrailles du prêtre,
Au défaut d'un cordon pour étrangler les rois*,

которые в русской версии с большим основанием приписываются А. С. Пушкину:

Кийкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Впервые стихи были напечатаны в «Философской декаде» 30 фруктидора IV года республики (1795 г.).

¹ *Нэжон*, Жап-Андре (1738—1810) — французский материалист младшего поколения, ближайший сотрудник Гольбаха, друг и ученик Дидро.

* И его руки разодрали бы кийки пона за неимением веревки, чтобы удушить королей.

² *Седен*, Мишель-Жан (1719—1797) — французский поэт и драматург, автор пьес, положивших начало жанру так называемой «серьезной комедии».

Почта из Кенигсберга в Мемель

Стихотворение датируется почти наверняка концом 1773 г.; очевидно, оно было написано Дидро вскоре после прибытия его в Россию, так как навеяно некоторыми фактами и отразило в себе настроения писателя во время переезда из Кенигсберга в Мемель по пути в Петербург. До 1875 г. стихотворение оставалось неопубликованным. Впервые его напечатал Ассеза в IX томе изданных под его редакцией сочинений Дидро.

¹ *Террасон*, Жан, аббат (1670—1750) — французский писатель; в споре сторонников современной литературы с защитниками античной литературы принял сторону первых.

² Легендарный автор «Илиады» Гомер.

³ *Гонес* — небольшое селение в департаменте Сены-и-Уазы во Франции.

⁴ *Кретьиль* — селение на левом берегу р. Марны.

Переправа через Двину по льду в марте 1774 года

Стихотворение написано в 1774 г. в связи с приключением, происшедшим с Дидро во время переправы через Двину, на обратном пути из Петербурга во Францию. Лед на реке уже готов был тронуться, вода выбивалась из трещин льда, и карета несколько раз почти проваливалась в воду. Дело происходило в марте, и в соответствии с этим мы восстанавливаем указание на этот месяц в заглавии стихотворения, отмечая ошибочную правку Ассеза, заменившего «март» — «маем» на том лишь основании, что в его распоряжении была копия стихотворения с этой фактически неправильной датой.

Впервые стихотворение было напечатано в издании Белена в 1819 г.

¹ *Роланд* — легендарный герой известной героической эпопеи «Песнь о Роланде».

² *Рено* — герой в поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Песенка во вкусе романа

Когда было написано это стихотворение, неизвестно. Исходя из его лейтмотива, можно предположить, что Дидро писал его уже на склоне лет. Обращено оно к Софи Воллаж. Впервые было опубликовано Беленом в собрании сочинений Дидро в 1819 г.

Перечень иллюстраций

1. Д. Дидро. <i>Мраморный бюст Гудона 1773 года</i> . . .	6—7
2. Страница ленинградской копии « <i>Ceci n'est point un conte</i> » (Госуд. публичная биб-ка им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)	80—81
3. Первая страница ленинградской копии «Племянник Рамо» (Госуд. публичная биб-ка им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)	104—105
4. Фронтиспис первого французского изд. «Племянник Рамо» 1821 года	112—113
5. Титульный лист перевода Гёте «Племянник Рамо» изд. 1805 года	144—145
6. Первая страница ленинградской копии «Жак Фаталист» (Госуд. публичная биб-ка им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)	224—225
7. Фронтиспис I тома «Жак Фаталист» парижского изд. 1797 года	240—241
8. Титульный лист немецкого изд. «Жак Фаталист» 1792 года с гравюрой Ходовецкого	272—273
9. Фронтиспис II тома «Жак Фаталист» парижского изд. 1797 года	320—321
10. «Жак Фаталист». С гравюры и рисунка Ходовецкого (фронтиспис немецкого изд. 1792 года) . . .	352—353
11. Фронтиспис III тома «Жак Фаталист» парижского изд. 1797 года	516—517
12. Страница ленинградской копии «Элевтероманов» Д. Дидро (Госуд. публичная биб-ка им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)	524—525

Содержание

Диалоги, повести, стихи

Мой отец и я. <i>Перев. Г. И. Ярко</i>	5
Он и я. <i>Перев. Г. И. Ярко</i>	15
Разговор отца с детьми. <i>Перев. Г. И. Ярко</i>	20
Сожаления о моем старом халате. <i>Перев. Г. И. Ярко</i>	53
Это не сказка. <i>Перев. Г. И. Ярко</i>	60
Племянник Рамо. <i>Перев. Н. Соболевского</i>	85
Жак Фаталист и его хозяин. <i>Перев. Г. И. Ярко</i> . .	200
Стихи. <i>Перев. А. С. Кочеткова</i>	
Кодекс Дени	522
Жалоба в рондо Дени, бобового короля	523
Элевтероманы, или Одержимые свободой	524
Почта из Кенигсберга в Мемель	531
Послание	538
Переправа через Двину по льду в марте 1774 года	—
Мой портрет и мой гороскоп	541
Песенка во вкусе романса	542
Примечания. Составили Д. Н. Гачев и Н. :	
.	545
Перечень иллюстраций	571

Редактор Л. Д. Тарасов.
Художественная редакция Е. Л. Орлякова.
Лит.-технич. наблюдение В. В. Чепишина.
Технический редактор Л. А. Фрязинова.

Одано в набор 13/XII 1936. Подп. в печать 20/VI 1937. Уголн.
Главгита В-9093. Тираж 5.300. Заказ тип. 1074. У. а. л. 26,87.
Печ. лист. 35³/₄ + 12 вкл. Бум. 82×110¹/₃₂.

Фабрика книги «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 9.00. Переплет Р. 2.00.

Опечатки

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
230	13 св.	кошелок	кошелек
497	15 »	tollerevultus	tollere vultus
566	20 св.	Юэ	Юэ
571	2 »	6—7	4—5
571	5 »	80—81	64—65

СОВЕТСКАЯ
УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЛЯ ВУЗОВ

[SHEBA.SPB.RU/VUZ](http://sheba.spb.ru/vuz)